Жадриен Белл

A.D. 999

Век Дракона

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Anno Domini 999…

Год девятьсот девяносто девятый от Рождества Христова.

Мир, затаившись, ждет — Апокалипсиса.

Мир замков и королей, рыцарей и астрологов, колдунов и чернокнижников ждет КОНЦА СВЕТА.

НАШ мир — или мир, ПОХОЖИЙ на наш? Прочитайте — и узнаете сами!

- Жадриен Белл
  - ПРОЛОГ
  - ЧАСТЬ I
    - ГЛАВА 1
    - ГЛАВА 2
    - ГЛАВА 3
    - ГЛАВА 4
    - ГЛАВА 5
    - ГЛАВА 6
    - ГЛАВА 7
  - ЧАСТЬ II
    - ГЛАВА 8
    - ГЛАВА 9
    - ГЛАВА 10
    - ГЛАВА 11
    - ГЛАВА 12
    - ГЛАВА 13
    - ГЛАВА 14
    - ГЛАВА 15
    - ГЛАВА 16
    - ГЛАВА 17
    - ГЛАВА 18
    - ГЛАВА 19
  - ЧАСТЬ III
    - ГЛАВА 20
    - ГЛАВА 21
    - ГЛАВА 22
    - ГЛАВА 23
    - ГЛАВА 24
    - ГЛАВА 25
  - ЭПИЛОГ
- notes
  - 1

- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8

Жадриен Белл
A.D. 999

ПРОЛОГ

Замок Корф

Дорсет

18 марта 978 года

Этельред наблюдал, как снежинки, лениво кружа, опускаются на землю; каждая пушистая крупинка добавляла свою особую искорку к белому одеялу, уже покрывшему внутренний двор. Снег выпал внезапно несколько часов назад и теперь белым саваном лежал на нежных зеленых ростках и побегах, которые проклюнулись совсем недавно.

Мальчик прижал личико к отверстию в окне и схватился руками за холодный каменный подоконники; мороз румянил щеки и превращал дыхание в туман. Ребенок знал, что скоро ему станет холодно и придется вновь обратить внимание на комнату, куда мама, королева Эльфтрит, привела его нынешним утром. Она дала сыну наказ оставаться здесь и размышлять обо всех прегрешениях, которые ее десятилетний отпрыск умудрился совершить за один-единственный день.

Этельред находился в верхней части наблюдательной часовни замка. Первый этаж предназначался для семейных служб — именно там краснощекий деревенский священник, отец Одо, проводил ежеутренние молитвы. Второй этаж — для слуг, а посему обстановка здесь была непритязательной: грубо сколоченные скамьи и совсем мало украшений. С аскетизмом обстановки резко контрастировало огромное, во всех деталях выполненное изображение окровавленного Христа, висящего на распятии — такого же размера, как и то, что располагалось в семейной часовне. Большие восковые свечи, в два фута высотой и толщиной с руку взрослого мужчины, обеспечивали освещение и обогрев комнаты.

Губы у Этельреда замерзли, и он задрожал. Мальчик неохотно оторвался от окна, закрыл ставни, отгораживая себя от снежного вечера, и торопливо вернулся в самый дальний от мерцающего света свечей угол. Там он присел на пол и съежился, все еще дрожа от холода, цепко вцепившегося в одежду и кожу, глядя на крошечные язычки пламени и чувствуя, как быстро

бьется сердце в его маленькой груди.

Этельред ненавидел свечи.

Обучавший его монах никак не мог взять в толк, почему Этельред, ребенок с живым умом и достойным поведением, разительно меняется, если занятия затягиваются до вечерних часов. Однажды брат Вулфред попробовал объяснить мальчику назначение отметок на свечах: мол, предок принца, король Альфред Великий, разработал их так, чтобы они сгорали на определенную длину за определенное время.

Этельред же тупо смотрел на него в страхе, не желая, да и будучи не в состоянии открыть наставнику причину своего ужаса. Даже в столь нежном возрасте Этельред сознавал, что брат Вулфред не поймет его. Для монаха-бенедиктинца свечи представлялись возможностью привнести собственный свет Бога в обиталище человека и разумным способом отметить прохождение времени. Этельред никогда не мог заставить себя произнести, что они означали для него.

Но когда-нибудь, утешал себя мальчик, он станет взрослым. При этой мысли нежные губы мальчика как бы затвердевали, а голубые глаза уже более не фокусировались на свечах, видя вместо них сцены из идиллического будущего. Да, он станет взрослым мужчиной, и в его замке никогда-никогда не будет никаких свечей, как не будет и матери, которая хватает длинные толстые штуковины, орудуя ими, будто дубинами, и зажигает их…

Мальчик вздрогнул и рывком поднялся на ноги. Воздух. Нужен воздух, свечи сжигают воздух и…

Он распахнул ставни и хватанул ртом ледяного воздуху. Вот, теперь лучше. По-зимнему холодный вечер, облагороженный снегом, имел чистый, непорочный запах.

Биение его сердца несколько замедлилось, и Этельред, стараясь не думать о ненавистных свечах, обратил свои мысли на приближающийся приятный вечер. Еще днем оруженосец короля Эдуарда, прискакавший впереди свиты своего сеньора, сообщил приятнейшую новость: «Его величество желает лично засвидетельствовать почтение своему единокровному брату, принцу Этельреду». Столь благая весть вызвала в замке Корф лихорадочную деятельность.

Эльфтрит, казалось, гораздо больше обрадовала сия новость, чем того ожидал Этельред, и это несколько удивило мальчика. Он хорошо знал, что между двумя женщинами, делившими, каждая в свой черед, супружеское ложе с покойным королем Эдгаром, отношения были очень напряженными, хотя мать Эдуарда умерла при родах задолго до того, как родился Этельред.

Ненависть Эльфтрит не умерла вместе с ее соперницей. Когда Витан, королевский совет, провозгласил совереном Эдуарда, а не Этельреда, Эльфтрит пришла в бешенство. Этельред, в ту пору семилетний ребенок, помнил многие ночи, когда он лежал, свернувшись калачиком, под одеялами и слышал, как мать в бессильной ярости клянет Эдуарда и «эту суку, которая породила его». В те дни Эльфтрит нередко изливала свой гнев на сына, пуская в ход то розги, то руки с острыми ногтями или, что хуже всего, ужасные свечи.

Между Эдуардом и Эльфтрит частенько случались шумные перепалки, поскольку и Эдуард отличался вспыльчивым и необузданным нравом. Однако сам Этельред никогда не становился мишенью для нападок со стороны царственного родственника. Темноволосый, стройный молодой король смягчался при виде младшего брата и при встречах часто дарил ему игрушки или угощал чем-то вкусненьким.

Уже почти стемнело, но снег по-прежнему мерцал, будто сумев ухватить и удержать дневной свет. Этельред увидел, что по узкой дороге, пролегающей меж гор и соединяющей замок с городом, движутся маленькие фигурки.

Глаза мальчика радостно загорелись, и он моментально забыл о зловеще пылающих позади него свечах. Носки башмаков заскребли по стене, когда он попытался взобраться повыше. Несмотря на холод, Этельред высунул голову и плечи в окно, чтобы лучше разглядеть происходящее во дворе.

А там, внизу, слуги вынесли несколько факелов и начали разжигать их. Как по волшебству, огни подпрыгивали от факела к факелу, и здоровое красное тепло рассеяло обреченное белое сияние снега.

Губы Этельреда растянулись в широкой улыбке, когда он услышал голос короля Эдуарда, взывающего об оказании ему приема. Большие ворота со скрипом отворились, и молодой король верхом на прекрасном коне, сияющем почти такой же белизной, что и снег, гордо въехал во двор. Всего два оруженосца сопровождали его, и это показалось Этельреду странным. Обычно свита короля Эдуарда состояла из нескольких десятков человек. Эльфтрит частенько жаловалась насчет того, какие большие расходы она несет, принимая своего пасынка в качестве гостя.

— Эдуард! — громко крикнул Этельред, но ветер унес его зов прочь.

Мальчик, ухватившись одной рукой за подоконник, неистово замахал другой. Эдуард и теперь не заметил его.

Люди Эльфтрит встали по стойке «смирно» у ворот, однако и не думали закрыть их от вторгающейся ночи. Сама королева уже

шествовала по двору, чтобы встретить своего пасынка и сеньора; в руках она держала приветственный кубок, от которого исходил пар. Скромный шарф покрывал густые, темные распущенные волосы, а изгибы ее тела скрывались под складками широкой мантии. Она присела в глубоком реверансе.

— Добрый вечер, ваше величество! Мы рады приветствовать вас в Корфе. Прошу вас, испейте нашего гостеприимства.

Эдуард приподнял бровь, и на его разрумянившемся лице промелькнула усмешка, которую так любил Этельред…

— Как вы любезны, дорогая мачеха. Ну что же, горячий напиток сейчас действительно не помешает.

Эдуард протянул руку в перчатке, чтобы взять кубок с горячим вином, и клубы пара окутали его лицо. Поднимая кубок, король наконец-то увидел своего единокровного брата, неистово жестикулирующего из окна второго этажа, и радостно улыбнулся.

— Этельред! — крикнул он потеплевшим голосом. — Осторожно, братишка, оттуда долго падать!

Салютуя мальчику кубком, Эдуард не заметил легкого кивка королевы одному из слуг, который приблизился к коню короля.

Этельред взвизгнул от удовольствия, купаясь в волнах благодарности к своему величественному брату, который публично приветствовал его и выказал заботу о нем.

Эдуард поднес кубок к губам. Королева отступила на пару шагов назад, тогда как слуга шагнул вперед и протянул руку, чтобы взять поводья королевского белого коня. Хотя в этом не было ничего необычного, Этельред нахмурился. Ему был незнаком этот человек, а ведь он хорошо знал всех слуг в Корфе.

При движении капюшон упал с лица незнакомца, являя Этельреду такой светлый лик, коего ему никогда прежде не доводилось видеть. Светлоликий протянул к королю руку, будто намереваясь помочь тому слезть с лошади… и в ней оказался кинжал. Лезвие зловеще сверкнуло в факельном свете. Страх овладел Этельредом, и мальчик попытался подать королю какой-то знак, предупредить криком, сделать хоть что-нибудь, но он словно окаменел.

Нож изменника нашел свои ножны. С ловкостью фокусника слуга взметнул кинжал вверх. Лезвие глубоко погрузилось в живот короля. Тело Эдуарда пронзила судорога, кубок выпал из его руки, расплескав дымящееся содержимое по снегу. Рот короля открылся, глаза широко распахнулись, и Эдуард вперил взгляд этих глаз в свою мачеху, которая улыбалась, словно кошка, только что поймавшая мышь.

Второй быстрый, искусный удар пронзил жизненно важные органы. Беззвучно, медленно король всея Англии поник в седле.

Черты его еще минуту назад пышущего здоровьем, румяного лица вмиг стали недвижимы и холодны как снег; мертвы, как зеленые ростки ранней весны, погибшие под неожиданным снегопадом.

Убийца резко и сильно ударил лошадь по крестцу. Животное содрогнулось, мотнуло головой и галопом понеслось, взбивая копытами окровавленный снег, обратно по дороге в сторону города. Тело Эдуарда вывалилось из седла, одна нога осталась в стремени. Прошло лишь несколько секунд, и темнота поглотила ужасное зрелище — король, мертвый и холодеющий, которого тащит вслед за собой, будто мешок с зерном, охваченный паникой конь.

Теперь слуги закрыли ворота, и каждому из них Эльфтрит собственноручно вручила по несколько монет. Никто не выглядел испуганным, даже двое оруженосцев, прибывших вместе с Эдуардом. Слуга же, свершивший злодеяние, опустился на колени и снегом спокойно очистил от крови лезвие.

И тут к Этельреду вернулось дыхание. Глубоко вдохнув ледяного воздуху, мальчик истошно закричал. Тело его задрожало, но не от холода. Взоры всех присутствующих во дворе обратились к нему, и он увидел знакомый холодный гнев, заливший прекрасные черты лица матери. И впервые в жизни Этельред проигнорировал ее ярость.

— Эдуард! — возопил он, надрывая легкие, будто его страстные причитания могли вернуть короля.

Конечно же, промелькнула в мозгу ребенка отчаянная надежда, это всего лишь сон. Он просто задремал, и ему приснился кошмар, вызванный страхом перед свечами, горящими так близко. Сейчас, вот прямо сейчас, Эдуард проскачет на своем белом коне во двор, а завтра утром они отправятся на охоту, потому что выпал снег и…

— Этельред?

Испуганный Этельред разжал руки и рухнул на деревянный пол. Он с трудом поднялся на ноги, ощущая спиной холод каменной стены, и с ужасом воззрился на человека, стоящего в дверном проеме. Каким образом он добрался сюда так быстро?

В дверях стоял убийца Эдуарда. Лик его, обрамленный короткими вьющимися золотистыми волосами, был таким же совершенным, каким показался Этельреду, когда он впервые увидел его. Голубые, как летнее небо, глаза. Чисто выбритое лицо. Голос ласковый, сладостно-приятный и полный заботы.

На безупречной формы лбу пролегла морщина, и незнакомец произнес слова, которых Этельред никак не ожидал услышать.

— Мне жаль, Этельред. — Человек шагнул вперед, опустился на колени и по-отцовски нежно обнял охваченного ужасом

мальчика. — Мне так жаль.

Оказавшись лицом к лицу с хладнокровным убийцей брата, Этельред попытался вызвать в себе ненависть к нему, но не смог найти ее, чувствуя, насколько умиротворяюще прикосновение незнакомца. Ребенок задрожал, и заботливые руки теснее сомкнули объятия вокруг него. Наконец дрожь прекратилась. Этельред положил голову на плечо светлоликого, бессознательно потерся мокрыми от слез щеками о мягкие желтые кудри.

— Это нужно было сделать, — продолжал незнакомец. — Это ваша судьба, ваше величество. Вы рождены, чтобы быть королем. Вы, а не ваш брат. Так предначертано свыше. Вы, конечно, помните мрачное предзнаменование — комету, которая вторглась в ночные небеса, когда короновали Эдуарда? Прежде всего виноват недальновидный Витан, совершивший трагическую ошибку, выбрав его вместо вас. Он мог бы остаться в живых, ваш любимый брат, и преданно служил бы вам, помогая во всем. Вот как должны были развиваться события.

Этельред кивнул. Да. Да, теперь он и сам понимал это. Мальчик убрал голову с плеча чужака и вытер лицо рукой, когда тот поднялся на ноги.

— Кто ты? — заинтересованно спросил Этельред.

— Я — друг. Ваш и вашей матери, — ответил златокудрый проникновенным голосом. — Лучший из друзей. Я недавно прибыл из Рима. Вы можете называть меня Анджело. Я пришел, дабы помочь вам получить то, что ваше по праву, и вести вас через тернии, которые придется преодолеть, ваше величество. Я буду вашим советником, если пожелаете принять мои услуги.

Этельред не мог отвести глаз от незнакомца. Он не незнакомец, он — Анджело, поправил себя мальчик. Воспоминание о трупе Эдуарда, уносимом в ночь белым конем, которое, как думал Этельред всего несколько минут назад, будет преследовать его вечно, уже начинало блекнуть. Благодаря лучезарному присутствию Анджело оно рассеивалось, будто тень под лучами солнца.

— Конечно, — выдохнул мальчик. — Несомненно, ты послан самим Богом, чтобы помочь мне.

— Так оно и есть, — согласился Анджело. — Но давайте сохраним это в тайне, хорошо? Для всех остальных я просто ваш советник. Ваше имя — Этельред, и, насколько я понимаю ваш родной язык, оно означает «хорошо воспринимающий советы». Обещаю приложить все усилия, чтобы вы жили в соответствии с вашим именем. Идемте. — Он протянул руку. — Давайте поклонимся вашей матушке и отпразднуем начало вашего царствования.

* * *

978 год. Король Эдуард был убит вечером 18 марта близ замка Корф; его похоронили в Бархэме без королевских почестей. Этельреда провозгласили королем в воскресенье, две недели спустя после Пасхи, в Кингстоне.

В тот же год многократно наблюдали огненное, кроваво-красное облако, чаще всего появлявшееся в полночь. Ближе к утру оно формировалось в лучи света различных цветов и при первых проблесках рассвета исчезало.

Из «Англо-саксонских хроник»

ЧАСТЬ I
ВЫЗОВ СВИДЕТЕЛЕЙ

И дам двум свидетелям моим.

Откровение 11:3

ГЛАВА 1

Волк обернулся при звуке приближающихся непрошеных гостей — уши торчком, хвост высоко поднят. Любопытство наполнило его, но не опасение. Кто или что может причинить ему вред? Могущественные существа, которые окружают его сейчас, — кто они для него? Он способен сокрушить любого из них одним-единственным щелчком могучих челюстей. Они об этом знают и обычно держатся в отдалении — все, кроме Воителя. Лишь он достаточно храбр, чтобы подносить Волку пищу. Зачем же сейчас они идут сюда? Какую игру затевают? И какова его роль в ней?

Огромные глаза зверя сузились, когда он увидел, что они принесли с собой мощную цепь. Звенья ее лязгали и звенели, и тащили цепь двое из пришедших; вдвоем, несмотря на то что каждый из них — могущественное божество.

— Игра! — крикнул один. — Как те игры, в которые мы играем с Прекраснейшей; ей невозможно причинить вред. Посмотрим, сможет ли Волк порвать эту цепь!

— Мне не нравится мысль о цепи на моей шее, — прорычал Волк.

— Ерунда, пустяковая вещица — не ровня твоей силе, — отвечали они. — Давай же, поиграй с нами. Мы уверены, что ты порвешь цепь Лидинг, словно нитку!

Волк снова взглянул на цепь. В конце концов, она не такая уж и толстая — звенья едва ли шириной с мужскую ладонь.

— Хорошо, — согласился он, трусцой подбежав к ним. — Свяжите меня цепью Лидинг и посмотрим, как долго она выдержит, прежде чем я разорву ее на кусочки!

Обрадованные, но с оттенком чего-то схожего с облегчением, они ринулись к Волку и обвязали Лидинг вокруг его толстенной серой шеи. Другой конец цепи они обернули вокруг ствола одного из странных железных деревьев, растущих в этом лесу. Волк сделал глубокий вдох и одним быстрым рывком порвал Лидинг.

— Ха! — вскричал Волк, ужасно довольный собой. — Совсем недолго!

Они выглядели ошеломленными.

— Неужели вы думали, что столь слабая цепь удержит меня? Приходите завтра и принесите что-нибудь более прочное!

Так они и сделали на следующий день, и на сей раз цепь была толщиной с голову взрослого мужчины, с тяжелыми и внушительными звеньями.

— Эта цепь называется Дроми, — сказали они.

Волк соблаговолил позволить им дважды обернуть вокруг его шеи огромной длины кусок цепи и снова закрепить второй ее конец на железном дереве. Он изогнул шею, но Цепь держала крепко. Тревога начала овладевать Волком. Он зарылся лапами в почву и стал тянуть и тащить изо всех своих сил…

…и, как предыдущая, цепь разорвалась с громким треском. Волк запрыгал вокруг, восхищенный своей силой и доблестью.

— Не выкована еще та цепь, что способна удержать меня! — ликовал он.

— Возможно, так оно и есть, — спокойно согласился Воитель. — Но я полагаю, мой добрый друг, ты продолжишь играть с нами?

— Я буду играть, — заносчиво ответил Волк, — пока вы сами не устанете от этой игры. Потому что вам нипочем ее не выиграть.

Он стал ждать их, уже и сам предвкушая наслаждение от игры, и глаза его горели янтарным огнем в ожидании очередной победы. Но в последующие два дня соперники не появились. Они пришли снова только на третий день, лучезарно улыбаясь, и уверенность Волка начала ослабевать. Потому что на сей раз они принесли не мощную цепь вроде Лидинг или Дроми, а шелковую ленту, трепыхающуюся на ветру. Волк заподозрил подвох, и в глубине его широкой груди зародилось злобное рычание.

— Ты оскорбляешь меня, Воитель! — взлаял он осуждающе. — Либо эта лента порвется при малейшем натяжении, либо она гораздо прочнее, чем выглядит. И если так, я не позволю тебе завязать ее на моей шее!

— Что? — издевательски засмеялся Воитель. — Могучий Волк испугался маленькой ленточки Глейпнир? Ну же, давай поиграем!

Волк сузил глаза и вскинул голову, хитро глядя на Воителя.

— Если она настолько невинна, не откажитесь дать мне гарантию этого. Итак, пусть кто-нибудь сунет свою руку мне в пасть, дабы я удостоверился, что это не уловка.

Он подумал, что перехитрил их всех. Все как один подались назад и опустили глаза. Никто не желал рисковать рукой ради тоненькой ленточки. И только Волк вознамерился было броситься на них в гневе, заговорил Воитель…

— Можешь взять мою руку в качестве залога, — спокойно произнес он, протягивая Волку правую длань.

Волк испугался. Несомненно, Воитель не стал бы рисковать своей правой рукой, будь это уловкой. Зверь услужливо раскрыл громадную пасть. Воитель вложил сжатую в кулак кисть между

челюстями, и Волк ощутил своим красным языком вкус пота и плоти. Один из спутников Воителя завязал Глейпнир на волчьей шее, а другой конец ленты обвернул вокруг огромного валуна.

Держа руку Воителя в своей пасти, Волк потянул ленту. Ничего не произошло. Он потянул снова. Опять ничего. Тогда Волк дернул ленту, чтобы порвать ее; сильно напрягся, пытаясь оторвать ее от валуна. Страх поднялся в звере, и, крепко сжав руку Воителя острыми зубами, Волк прыгнул и неистово дернул ленту. Безрезультатно.

Глаза его встретились с глазами Воителя, и в их глубине Волк увидел триумф. Рыча, он сомкнул челюсти. Острые зубы прокусили кожу, перерезали сухожилие, сокрушили кость, и Волк могучим поворотом головы оторвал кисть руки Воителя и заглотил ее целиком. Невысокая, конечно, цена за утрату свободы, но зверь отомстил так, как мог.

В толпе раздались ликующие восклицания, однако лицо Воителя побледнело, когда он отшатнулся назад, вперив взгляд в желтые глаза Волка и не обращая внимания на хлещущую из обрубка руки кровь. Одна из женщин метнулась к Воителю, чтобы перевязать искалеченную конечность, но Воителя это мало интересовало. Он продолжал пристально смотреть на Волка.

— Сын Обманщика, ты сам попался на обман. Утрата руки — малая цена за то, что творимое тобой зло не сможет изливаться на ничего не подозревающий мир. Глейпнир — не простая лента. Она выкована темными эльфами посредством сильной магии и изготовлена из шести удивительных элементов: звука кошки при движении, бороды женщины, корня горы, сухожилия медведя, дыхания рыбы и плевка птицы. Она будет держать тебя здесь до конца света!

Так и случилось: как ни выл или рычал Волк, как ни дергал или грыз он слабую на вид ленту Глейпнир, та крепко держала, его на привязи.

Вплоть до наступления конца света.

Аббатство святого Эйдана

Чесбери

30 апреля 999 года

Перо Элвина тихо скрипело по листу тонкого пергамента. Под испачканными чернилами пальцами оживала фигурка волка,

в безмолвном рычании изготовившегося к прыжку над изгибом заглавной буквы. Элвин трудился сосредоточенно, едва дыша и не видя ничего, кроме своей работы.

Наконец он вздохнул. Все, дело сделано. Молодой монах критически осмотрел свое творение. Кто-нибудь из его товарищей мог бы приподнять бровь, удивляясь выбору зверя, но Элвин имел на сей счет свои соображения. В конце концов, разве святой Эйлби не достиг святости, будучи добрым по отношению к приемной матери, кроткой волчице? Всякая тварь земная создана Богом, а посему священна каждая по-своему.

Элвин сильно, до треска в затекших суставах, потянулся и вдруг осознал, что солнечный свет, заливающий скрипторий[1], слишком уж ярок. Юноша недоуменно огляделся вокруг. Что, уже далеко за полдень? Но ведь он только что вернулся с утренней службы… или по крайней мере у него было такое ощущение. Как обычно, время пролетело незаметно. Лучше поторопиться, сказал себе Элвин, не то опоздаю к вечерне. Он соскользнул со скамьи и начал собирать вещи — задача, как всегда, нелегкая, с единственной-то здоровой рукой.

— Спешка ни к чему, — весело произнес мягкий и низкий голос позади него. — Вечерня еще не скоро.

Элвин от испуга даже подпрыгнул, едва не уронив драгоценный лист пергамента.

— Епископ Вульфстан! — обрадованно вскричал он, обернувшись.

Потом мгновенно упал на колени, пристроил пергамент в сгибе левой руки, а правой взял кисть епископа и почтительно прижался губами к кольцу Вульфстана. Рука епископа мягко похлопала молодого человека по плечу, предлагая подняться.

— Что привело вас из Лондона? — поинтересовался Элвин.

Улыбка Вульфстана угасла.

— Моя мать сильно хворает. Я хотел бы лично провести с ней последний обряд… Но не будем о печальном. Дай-ка мне посмотреть на тебя, — сказал епископ, снова улыбнувшись. — Те же ясные глаза, те же непокорные кудри, то же серьезное выражение лица. Ты похудел, мой мальчик. Прикинься на денек-другой больным, тогда получишь для поправки здоровья немного знаменитого говяжьего бульона «от святого Эйдана».

— Епископ! — возмущенно вскинулся Элвин, но, увидев веселые искорки в глазах Вульфстана, понял, что тот шутит.

— Ты всегда был самым серьезным из моих учеников. Я помню, как ты пришел к нам пятнадцать лет назад. Такое мрачновато-сосредоточенное лицо, выглядывающее из копны темных волос. Может, орден святого Бенедикта и не одобряет

неуемный смех, но все же это дар Божий, как, скажем, солнце или цветы. Отложи свою работу, мальчик мой, и… слушай, Элвин, весьма недурно.

Епископ разглядывал рисунок монаха.

— Волк, да? У всех нас, кто служит Богу, случаются озарения, и здесь вдохновение явно посетило тебя. А проповеди ты сам писать не пробовал?

Элвин залился румянцем.

— Нет, ваша светлость. У меня нет такого таланта, как у вас.

Проповеди Вульфстана в аббатстве святого Эйдана отличались мощью и лиризмом, и Элвин подозревал, что бывший аббат и на новом посту продолжает писательскую деятельность.

— Не уверен, — ответил Вульфстан. — Но, как я уже сказал, давай пока что это отложим. Выйдем-ка в сад.

Элвин покорно последовал за бывшим аббатом, спрятав свою бесполезную левую руку в складках рясы. Он сжал ее кисть здоровой правой рукой, рассеянно потирая большим пальцем. Левая рука не была мертвой — на ней росли ногти, которые нужно было остригать, она чувствовала тепло, как любая живая плоть. Впрочем, уже в который раз с горечью подумал юноша, она все равно что мертвая, толку-то от нее никакого. Хорошо, что он живет в аббатстве и мало кто видит его уродство; хорошо, что у монашеской рясы такие широкие рукава.

Давно наступившая весна не принесла с собой зеленеющего цветения прошлых лет. Иссушенная солнцем земля потрескалась и, изогнутая подобно черепице, ломалась в тех местах, куда ступали ноги Элвина и Вульфстана в кожаной обувке; жухлые редкие травинки рассыпались в прах. Горячий ветер, касающийся чисто выбритых щек Элвина, нес в себе угрозу грядущего парящего лета.

— Вижу, и здесь то же самое, — мрачно проговорил Вульфстан, нагнувшись и осторожно прикасаясь сильными пальцами к хрупким листкам зверобоя.

Элвин кивнул, не спуская глаз с бывшего аббата. Выглядит постаревшим, решил юноша. Видимо, нелегко пришлось аббату за полтора года, с тех пор как он уехал, чтобы получить сан епископа Лондонского. Элвин помнил Вульфстана высоким, стройным мужчиной. Сейчас, значительно сбросив вес, он казался еще выше. Монашеская ряса, такое же темно-коричневое одеяние с вшитым капюшоном, какое носили все бенедиктинцы, висело на нем, как если бы было на несколько размеров больше, чем полагалось. Волосы вокруг тонзуры стали совсем седыми. Взгляд голубых глаз, однако, оставался таким же пронзительным, как и прежде, и, хотя черты лица заострились, губы не забыли, как

улыбаться.

Чувствуя на себе взгляд молодого монаха, Вульфстан скривил рот в знакомой усмешке, и в его глазах замерцали озорные огоньки.

— Полагаешь, сан епископа — слишком тяжелая ноша для меня? — подмигнул он Элвину.

Тот, смутившись, энергично покачал головой, и щеки его стали пунцовыми.

— Нет, ваша светлость, я…

— Не добавляй еще одну ложь к твоим сегодняшним прегрешениям, — с напускной строгостью перебил Элвина епископ. — Вполне вероятно, что за каждую написанную в скриптории строчку тебе прощается один грех, но лучше, по возможности, их вообще не совершать. Впрочем, ты прав. Трудное у меня было время…

Вульфстан вдруг умолк, а голубые глаза словно заледенели, когда он оглядел сад. Его взгляд остановился на маленьком домике под соломенной крышей, где обычно ухаживали за больными.

— Брат Эдвиг здесь?

— Нет, отправился в деревню. Там много больных.

Элвин не смог сдержать дрожи. За последнее время среди жителей Чесбери разразилась эпидемия болезни, известной как огонь святого Антония. Таинственное заболевание распространялось едва ли не со скоростью огня, вполне соответствуя своему названию. Всего за одну ночь вполне здоровый человек мог превратиться в несчастное вопящее существо, с ужасом созерцающее, как пальцы его рук и ног чернеют и отгнивают прямо на глазах. Что еще хуже, физический недуг зачастую сопровождался сумасшествием. Элвин отчаянно надеялся, что на жизнь матери Вульфстана предъявляет права просто груз прожитых лет, а не страшная болезнь.

— Думаю, это то, о чем я слышал. — Вульфстан сотворил крестное знамение для охваченных эпидемией жителей Чесбери, и Элвин сделал то же самое. — Хорошо, что брат Эдвиг не услышит нашего разговора. То, что я скажу, предназначено только для твоих ушей.

Элвин недоуменно воззрился на епископа.

— Ваша светлость? Я не понимаю… Если что-то не в порядке, может, вам следует поговорить с аббатом Беда?

— Нет уж, — возразил Вульфстан. — Беда вполне удовлетворен рутинными, повседневными делами: во всем следовать уставу, читать свои молитвы и улаживать мелкие конфликты. Неплохой человек — ничего не имею против него, но

он не сообразит, что делать с информацией, которую я намерен изложить.

Элвин невесело улыбнулся.

— А я соображу?

— Весьма вероятно, — ответил Вульфстан наисерьезнейшим тоном, от которого у монаха по спине прошелся холодок. — Лучше, чтобы ты был информирован… так, на всякий случай.

— Тогда, — медленно произнес юноша, — я слушаю.

Вульфстан присел на большой камень и, повернув голову, задумчиво вгляделся в горизонт. Элвину его профиль с крючковатым большим носом напомнил ястреба. Епископ молчал довольно долго, а Элвин ждал. Чему-чему, а терпению монахов учили основательно.

— Тревожные нынче времена, — заговорил наконец Вульфстан. — Даже здесь, в мирном аббатстве, вдали от больших городов, истинная безопасность — всего лишь иллюзия. Что это за болезнь, о которой ты говорил?

— Огонь святого Антония, ваша светлость.

— Да-да. Страшная чума… А как долго на эти земли не проливалось с небес благословенного дождя?

Элвин пожал плечами:

— Я мало что знаю, кроме работы в скриптории. Я непригоден для труда в саду или в полях.

Юноша прикусил губу, услышав в своем голосе горечь. Среди монахов считалось честью быть избранными для работы в скриптории… но что толку в такой чести, когда это единственное, на что ты способен.

Вульфстан искоса взглянул на Элвина и не стал углубляться в болезненную для юноши тему.

— Тогда ответь мне: как много дней за последнее время ты не мог работать над манускриптами?

Элвин задумался.

— Я… я не помню, — признался он, и тут до него дошел смысл заданного епископом вопроса.

Во избежание пожара в скриптории не разрешалось пользоваться никаким освещением, кроме солнечного света. В дождливые же дни ставни обязательно закрывались, дабы противостоять влажности.

Элвин действительно не мог припомнить ни одного пасмурного дня на протяжении нескольких месяцев.

Вульфстан кивнул, видя отразившееся на открытом лице юноши понимание.

— Засуха. Последние два года в разных местах. Когда гибнут посевы, начинается голод. Вам еще повезло, что Чесбери стоит на

оживленном торговом пути, иначе вы затянули бы пояса гораздо туже. В некоторых областях тучи саранчи пожрали то, что осталось от растительности. — Вульфстан воздел глаза к небу, прищурившись от яркого солнечного света. — Ночные небеса полны знамениями. Многие видели волосатую звезду, проносящуюся по небосводу. Из отдаленных районов королевства поступают сообщения о случаях людоедства. Ну и, само собой, дают о себе знать скандинавы.

— Я не слыхал, что викинги возобновили нападения.

— Мягко сказано — «возобновили».

Вульфстан тяжело вздохнул, потирая пальцами глаза, уже начинающие слезиться от солнечного сияния.

— Бедный юный Этельред не просидел на троне и трех лет, когда они начали наступать. С тех пор они и не прекращали. Саутгемптон, Чешир, Фолкстон, Ипсвич, и еще одному Богу известно, сколько менее укрепленных городов и деревень подверглись атакам, о которых не знает даже Витан. Только в этом году они ударили в Уэльсе, Девоне и Корнуолле. Церковь в аббатстве Тавистока разрушена до основания. Книги, святые реликвии… все прекрасные вещи дома Господня разграблены и увезены на проклятую варварскую родину на борту драконовых кораблей[2].

— Но почему его величество… ничего не предпринимает? Во времена короля Альфреда…

— Этельред — не Альфред, — резко перебил юношу Вульфстан. — Он всегда ждет до самой последней минуты, чтобы отдать приказ об отражении атаки, и часто это происходит чуть-чуть поздновато. Или, как в прошлом месяце, перед самым началом сражения вдруг приходит приказ об отступлении наших войск. Иногда нет даже и видимости сопротивления. Этельред просто платит скандинавам, чтобы те убрались восвояси. А значит, они вернутся снова и снова.

Возбужденный своими же словами, Вульфстан встал и начал ходить взад-вперед, сцепив руки за спиной.

— Мы уже обнаружили одного предателя в наших рядах, однако наверняка есть и другие. Этельред «Воспринимающий Мудрые Советы», вероятно, наихудший из всех царствующих монархов в смысле следования хорошим советам.

— Но…

Смущенное возражение Элвина прервал пронзительный вой. Вульфстан отпрыгнул на пару шагов назад, молотя воздух руками, когда небольшая белая кошка метнулась из своего укрытия и вскочила Элвину на руки.

— Господи Иисусе, что… — Вульфстан оправился от испуга и

хохотнул. — Пользуешься инструментом дьявола, дабы сбить с толку епископа!

Элвин виновато улыбнулся, довольный тем, что Вульфстан отнесся к ситуации с юмором. Юноша не услышал в тоне епископа той ненависти, которую выказывали по отношению к его маленькой подружке многие монахи.

— Прошу прощения, ваша светлость. Это территория Ровены — она оберегает растения от вредителей. Боюсь, вы наступили на нее, когда она задремала на солнышке.

Кошка по-прежнему выглядела встревоженной — уши прижаты к голове, странного цвета глаза — один голубой, другой зеленый — широко раскрыты, когти выпущены; если бы не толстый шерстяной материал рясы, она сильно оцарапала бы кожу Элвина.

Вульфстан подошел к нему и неуклюже погладил кошку.

— Ровена? Да, она достаточно бела для такого имени.

— И обычно хорошо себя ведет, — добавил Элвин, в последний раз погладив белую шерстку, прежде чем опустить кошку на землю.

Ровена, успокоенная лаской, выгнула спину, мурлыкая, приблизилась к Вульфстану, понюхала его ногу и потерлась мордочкой о лодыжку епископа.

— Правда Твоя, как горы Божий, и судьбы Твои — бездна великая, — процитировал Вульфстан. Он вновь обратил свое внимание на молодого монаха. — Мы говорили о королях, а не о кошках.

Элвин кивнул, и на его лице снова появилось серьезное выражение.

— Вы сказали, что Этельред получает дурные советы. Как такое может быть? Вы ведь сами в числе его советников.

— Да, но в составе Витана очень мало тех, кто отваживается говорить королю о том, чего тот слышать не желает: я, архиепископ Альфеге да олдермен Ордгар. Этельред окружил себя фаворитами, худший из который — римский прохвост Анджело. Внешность и в самом деле прямо-таки ангельская, но что-то в нем мне очень не нравится… Ну да ладно. С этим еще предстоит разобраться. А сейчас вот о чем — число тех, кто смеет говорить королю неприглядную правду, неумолимо сокращается, как будто…

Вульфстан осекся, помолчал немного, затем продолжил, тяжелым голосом вбивая каждое слово в уши Элвина:

— Архиепископ Эльфстан Винчестерский умер в 981-м. В том же году скончался аббат Вомир. Господь взял к себе епископа Этельвольда в 984-м. Благословенный Дунстан, верой и правдой

служивший королю Эдгару и королю Эдуарду, почил в 988-м, а епископ Этельгар, получивший сан после Дунстана, прожил лишь год и три месяца. Епископ Освальд умер в 992-м, мы также потеряли в том году нашего верного друга, олдермена Этельвайна. В 995-м архиепископ Сигерик отдал Богу душу после появления волосатой звезды.

Вульфстан пристально смотрел на Элвина, а тот и моргнуть не смел. Страшное подозрение начало зарождаться в глубинах его существа, леденящий холод, который не могло растворить даже горячее солнце.

— Вы… вы ведь не полагаете, что они были убиты? — прошептал юноша.

— Нет, не убиты… по крайней мере, — медленно произнес Вульфстан, — не людьми.

Элвин глупо уставился на епископа, не находя слов.

— Мне нужно идти, — наконец проговорил он торопливо. — Чернила… высохнут, а если перья не убрать…

— Твои перья и пергамент подождут.

Элвин облизнул пересохшие губы.

— Нет, извините меня, епископ, правда… мне нужно идти, аббат будет очень недоволен, к тому же близится время вечерни…

Обратный путь до скриптория юноша преодолел почти бегом. Сердце его билось учащенно, но не от быстрой ходьбы, а от пугающих слов епископа Вульфстана. Пусть короли, Витан и архиепископы занимаются тем… тем, что происходит во внешнем мире, говорил себе молодой монах. Он рожден калекой и очень мало знает о том, что творится снаружи, за крепкими каменными стенами.

Пусть так будет и впредь.

Рабочие «инструменты» лежали там, где он их оставил. Элвин сделал несколько глубоких вдохов-выдохов, пытаясь успокоиться, вновь достигнуть умиротворения, которое вплоть до этого момента являлось составной частью его повседневной жизни. Но рука дрогнула, когда Элвин начал собирать перья, и он уронил несколько из них. Большинство братьев работали с пером в правой руке, а в левой держали ножик для затачивания перьев. Элвину перед началом работы приходилось просить других подготовить для него несколько перьев. Он ненавидел это, но, зная, что его работы хороши, утешал себя тем, что конечный результат стоит некоторого унижения перед собратьями.

Элвин наклонился и начал собирать разбросанные перья. Обычно он прекрасно отдавал себе отчет — всегда с болью душевной, — где находится в любой данный момент

безжизненная рука. Сейчас, однако, взбудораженный словами епископа, сказанными и невысказанными, Элвин почти забыл о своем физическом недостатке, движения его были торопливыми и небрежными. Подбирая одно из перьев правой рукой, он левым плечом слегка толкнул стол.

Юноша потянулся за несколькими оставшимися капризными перьями, и левая рука немного приподнялась при этом движении. Прежде чем Элвин осознал, что случилось, драгоценный пергамент спланировал на каменный пол. Он судорожно хватанул ртом воздух и резко протянул правую руку к пергаменту, отчего левая рука приподнялась еще выше.

А потом Элвин, остолбенев, увидел, как мертвый кусок мяса, считавшийся человеческой конечностью, наткнулся на вставленную в стол роговую чернильницу, выбил ее из гнезда и послал кувыркаться, вниз, где она приземлилась на отрывок из Священного Писания, который Элвин украшал цветными рисунками на протяжении последних нескольких недель.

На манускрипте образовалось черное озерцо. Оно разрасталось, медленно, но с ужасающей неизбежностью. Элвин громко вскрикнул, видя, как его прекрасный волк, на динамичной фигуре которого еще даже не высохли чернила, поглощается черным потоком. Затем настала очередь самих слов, слов из книги Откровения, главы 11, стиха 7. Когда чернила начали уничтожать их, Элвина охватила дрожь.

…зверь, выходящий из бездны, сразится с ними, и победит их, и убьет их.

Элвин опустился на пол, заворожено глядя на свое отражение в чернильной луже.

— Нет, — вздохнул юноша. — Нет, — повторил он, инстинктивно осеняя себя крестным знамением.

Снаружи зазвонил колокол, зовущий к вечерне. На протяжении нескольких минут Элвин не двигался, будто загипнотизированный черным озерцом. Оно уже покрыло почти весь пергамент и теперь посылало любопытные щупальца вдоль рубцов на каменном полу.

Наконец Элвин заставил себя выйти из ступора. Его рука. Его бесполезная, увечная рука сделала это.

Волна ненависти, черной, как чернила, захлестнула молодого монаха. «Я неугоден Богу», — мрачно решил он. Что толку в переписчике, чья собственная неловкость уничтожает прекрасные работы, которые он пытается сотворить? Элвин слыхал рассказы о язычниках на севере, которые топили детей, рожденных калеками. Он почти желал сейчас, чтобы его родители в свое время поступили так же и с ним. Смерть была бы милосерднее,

нежели то, что ему приходилось переносить.

Колокольный перезвон не утихал, но на сей раз его благостная музыка не проливалась на душу Элвина нежным волшебством. Он быстро собрал инструменты, перепачкав черными чернилами рясу, и заторопился в церковь, думая лишь о необходимости искупления греха собственной неуклюжести. Да, искупления, сказал себе юноша. И кое-что еще. «Нельзя предоставлять Вульфстану возможности посвятить меня в те ужасные новости, которые он намеревался изложить мне, прежде чем я оставил его в саду».

Братья разглядывали перепачканную рясу Элвина, но комментариев делать не стали, решив, что время для этого еще впереди. Элвин увидел глаза Вульфстана, полные сочувственного понимания. Во время службы юноша пел от всего сердца, чувственно произнося священные слова, будто они могли поставить все на свое место. Увы, этим вечером псалмы не приносили ему умиротворения.

Перепуганный, Элвин задался вопросом, обретет ли он когда-нибудь снова душевный покой.

* * *

После вечерни Элвин ухитрился переговорить с аббатом Беда наедине. Рассказав о своей оплошности, он взял на себя всю ответственность за погубленный манускрипт и испачканную рясу, затем попросил у аббата о всенощном бдении в церкви во искупление своего греха. Беда, как всегда, смущенный физическим уродством Элвина, тут же согласился с предложением молодого монаха.

Каким-то образом Элвину удалось избежать встречи с Вульфстаном до ужина. За столом он сел подальше от епископа и слушал вполуха, как один из послушников читает срывающимся голосом затрапезную молитву. Во время ужина никто не разговаривал, братья даже не просили друг друга передать то или иное блюдо. Жесты и знаки заменяли бенедиктинцам слова. Пища была более обильной, нежели обычно, из-за присутствия за столом епископа Вульфстана. Монахам даже подали фрукты, которые предполагалось засушить на зиму, мелкие, правда, и безвкусные вследствие засухи; вкусили монахи и жареной свежей рыбы, выловленной в пруду аббатства. После ужина братия снова собралась вместе для повечерия, после чего монахи отправились в свой дортуар[3].

Элвин шел к церкви из трапезной, неся в правой руке

небольшой фонарь и неуклюже зажав под мышкой еще один предмет. Церковь неясно вырисовывалась в сумерках, и юноша несколько воспрянул духом.

Чья-то рука опустилась на его плечо. Элвин подпрыгнул, едва не закричав.

— Я не уеду, пока не скажу тебе того, с чем прибыл сюда, — заявил Вульфстан.

— А я не желаю слушать этого, — прошептал Элвин, с надеждой глядя на церковь, сулившую ему убежище.

— Ты должен, — неумолимо сказал епископ. — Мало ли что случится со мной, кто-то еще должен знать обо всем. Я уже упоминал о свалившихся на нас напастях, теперь я объясню тебе, что они означают. С глубоким страхом осознаю я, что мир наш торопливо движется к своему концу. Извечный враг среди нас, Элвин, и инструмент его, Антихрист, лишь ждет зова. Не вижу никаких других причин для внезапного потока катастроф — чума, пожары, кометы, голод и захватчики с севера.

— Почему вы говорите это мне? Почему не кричите об этом с самой высокой крыши? — попытался спорить Элвин, по-прежнему направляясь к церкви.

— Потому что враг умен. — Теперь Вульфстан шел в ногу с молодым монахом. — Он знает, что человеку легче, удобнее верить в отдаленный Судный День. Он не станет использовать свои инструменты, пока не почувствует, что способен одержать победу. Я могу убедить нескольких истинных верующих в страшной серьезности ситуации, но никто не поверит мне до той степени, чтобы предпринять ответный удар в настоящее время. Враг изыщет способы поразить нас, не вызывая среди людей особого беспокойства — как было с Дунстаном, Сигериком и остальными. Нет, в данный момент высказать тихое слово внимающему уху — лучшее, что я могу сделать.

Элвин чувствовал, что вот-вот разрыдается. Идет Антихрист. Близится конец света… Внезапная ярость забурлила в нем.

— Почему вы говорите об этом мне! — возопил он.

Юноша резко остановился и едва не уронил фонарь, поспешно опуская его на землю. Вульфстан часто заморгал глазами, напуганный вспышкой гнева молодого монаха. Элвин сердито поднял свою бесполезную конечность к лицу епископа.

— Взгляните! Я даже не целый человек. Знаете, что я натворил сегодня в скриптории? Эта… эта дохлая штуковина опрокинула полную чернильницу и погубила целую страницу манускрипта. Месяцы работы — коту под хвост. Я хуже, чем бесполезен. Я не способен исполнять Божью волю. Я калека, и мое единственное предназначение — терпеливо выписывать слово за

словом… я не могу занять место в армии Господа, не могу обрабатывать поля и обеспечивать снедью голодных… я абсолютно никчемен, епископ, а вы взваливаете на меня столь ужасный груз! Что, во имя Святой Троицы, могу я сделать? Написать красивыми буквами «Изыди, Сатана!»? Вы — искуситель его калибра, дающий мне сведения, которые я не способен надлежащим образом использовать, призывающий меня готовиться к битве, в которой я не в силах сражаться!

Глаза Вульфстана сузились, епископ сам начинал сердиться. Но Элвин не дал ему возможности ответить. Они уже достигли часовни, и юноша, отвернувшись от епископа, быстро взбежал по каменным ступенькам к двери. Вульфстан не последовал за ним.

Беззвучно ступая босыми ступнями по каменному полу, Элвин приблизился к алтарю. Он закрыл глаза, затем снова открыл их, ища успокоения. Прямо перед ним висела слабо освещенная фигура Христа. Тело Сына Божьего мерцало в темноте, словно озарённое собственным сиянием. Терновый венец казался более колючим, более зловещим, нежели при свете дня, а раны на Его руках и боках пропали во тьме.

Элвин долго и неотрывно смотрел на божественный образ. Слезы навернулись на глаза, и он позволил им катиться по щекам, не делая попытки вытереть мокрое лицо. Юноша начал медленно раздеваться, немного дрожа от холода, исходящего от толстых каменных стен. Осторожно поставив фонарь на пол, Элвин взял в правую руку другой принесенный им предмет — плеть.

Опустившись на колени, он взмолился:

— Всеблагой Отец наш небесный, Иисусе милосердный, молю Тебя, прости бедного грешника сего.

Сделав глубокий вдох, Элвин изо всех сил хлестанул себя плетью по обнаженной спине. Дыхание перехватило, из глаз будто посыпались искры. Боль оказалась неожиданно жгучей. Молодой монах стиснул зубы и снова огрел бичом незащищенную плоть. Он ощутил, как при следующем ударе набухшая кожа лопнула, по бокам потекли струйки крови. Боль смешивалась со странным удовольствием. Очищением. Искуплением греха. Посредством страдания можно обрести душевный покой. Некоторые из братьев пытались убедить Элвина, что его увечная рука не является Божьей карой, что Господь не сердится на него, но Элвин имел свою точку зрения на этот счет.

Он продолжал бичевать себя до тех пор, пока не устала рука, а потом отшвырнул окровавленную плеть. Юноша закрыл лицо здоровой рукой.

— Боже правый, — заплакал Элвин, — прости меня, Господи.

Я ничего не умею.

Он лег на пол — исполосованная плетью спина горела, обнаженные гениталии замерзали от холодного давления камня, — осторожно поместил в нужное положение безвольную левую руку, затем откинул в сторону правую руку, имитируя нависающую над ним фигуру на распятий. Волна стыда затопила его, стыда за свое уродливое тело — трогательный сосуд для божественного дара, души.

Пожалуйста, дорогой Иисус, Ты, который лечил прокаженных, который изгонял демонов, который исцелял больных, — дай мне способность служить Тебе должным образом. Исцели меня. Сделай меня полноценным человеком.

Сотвори со мной чудо.

ГЛАВА 2

Прожив в Далриаде[4] очень долго, Колум Килле, однако, так и не привык к удручающе серым оттенкам ландшафта этой страны. Дождь был постоянным спутником здешней природы, равно как и ветер и низко нависающие небеса. Цвета повсюду бледные и унылые — вереска, упорно цепляющегося за крошечные заплатки земли среди скал; редкой травы, растущей лишь для того, чтобы ее пожирали лохматые рыжие скотинки, которые паслись чуть ли не на каждом дюйме немногочисленных каменистых равнин. Время от времени Колум, известный теперь среди своих друзей и последователей как Колумба, испытывал острую тоску по зеленым покатым холмам родной Ирландии. Но Господь Бог и ирландская политика привели его сюда, и здесь ему надлежало жить.

Иона, когда-то называемый островом Друидов, обладал неким притягательным величием. От друидов до «Светоча Веры» он казался Колумбе воистину божественным местом. Однако Колумба — не мог долго оставаться там, поскольку следовало как можно шире распространять Слово Божие среди языческого населения. После долгих скитаний по шотландским нагорьям Колумба и прибыл сюда, к этому озеру близ Инвернесса.

Боже милосердный, подумал Колумба, как все же холодно сегодня. Небо, конечно, затянуто тучами. Само озеро, правда, тихо и спокойно.

Сердце священника учащенно забилось.

— Помилуй меня, Господи, слугу Твоего, — шепотом взмолился он, затем большими шагами направился к краю воды.

Ему пришлось пробираться между кучами подношений на берегу: в основном брошек, браслетов и других дешевых украшений. Он знал, что более солидная дань тому, кого язычники считали озерным «божеством», лежит на дне. Позади него, держа в высоко поднятых руках факелы, молчаливо ждали пришедшие вместе с ним туземцы.

— Приди! — вскричал Колумба. — Зверь глубин, который охотится на самое совершенное творение Божие, приди! Я, Колумба, приказываю тебе от имени Господа Всемогущего!

Ничего не произошло. Сияющее зеркало оставалось недвижимым, только его отражающая поверхность слегка зарябилась от налетевшего порыва ветра.

— Тварь озерная! — снова попытался Колумба, воздевая руки в командном жесте. — Приди, когда я призываю тебя, иначе испытаешь на себе гнев Божий!

Никакого ответа. Несмотря на холод, на лбу монаха выступила испарина. Позади себя он услышал недовольный ропот. Такого не может быть. Тварь должна прийти, вызываемая именем Господа… если только она не выдумка варварских умов…

И тут озерная вода начала вспениваться. Ропот недовольства позади Колумбы сменился тревожными возгласами. Монах, однако, вдруг успокоился. Она пришла. Слава Богу, она пришла, повинуясь приказу, и если она исполнила Божью волю, то повинуется и ему, Колумбе, слуге Господнему.

Громадная волна обрушилась на берега озера, намочив рясу Колумбы до самых колен. Монах хватанул ртом воздух, едва не задохнувшись от внезапной ледяной ванны, затем снова открыл рот, теперь уже от изумления, мелко крестясь при первом взгляде на создание, вызвавшее волну.

Господи Иисусе, как оно огромно!

Шея толщиной, наверное, в десяток человеческих туловищ, а на ней отвратительная голова, поднявшаяся над поверхностью. Вот она поднимается выше… еще выше… Чудовище открыло пасть в сердитом рыке, и Колумба, не отдавая себе отчета, завопил в страшной муке и зажал руками уши. Большие, острые зубы теснились в адской пасти. А над ней сверкали желтые, длинного разреза глаза, глаза разгневанного змия. Тела видно не было, только кольцо за кольцом…

На протяжении многих лет простой люд, плача, рассказывал Колумбе, как лохнесское чудовище хватает и пожирает неосторожных жителей здешних мест. Колумба в глубине души всегда считал это досужими домыслами местных старух, которые плетут свои фантазии от безделья, но теперь у него самого подкашивались колени перед несомненной, ужасной действительностью.

Снова взревел монстр, и Колумба ощутил на лице горячее дыхание, воняющее гнилым мясом. Странно, но это приободрило монаха. Он опять вспомнил, кто он есть, зачем прибыл сюда и, превыше всего, кому служит всем сердцем. Силой наполнилось его трепещущее тело, и Колумба встал во весь рост, гордо и властно.

— Гадкое создание из глубин бездны! — прокричал священник. — Склонись перед властью Господней! Изыди с глаз моих навеки и не покушайся на тех, кто отваживается приближаться к этим водам!

Чудовище прищурилось. Склонив свою массивную голову к Колумбе, оно посмотрело ему прямо в глаза. У монаха перехватило дыхание, но он не посмел отвести взгляда от огромной морды монстра. Я — щит и меч Господний, — сказал

себе Колумба. — Он защитит меня!

И тут тварь издала глубокий рокочущий звук. Сузив глаза и склонив голову набок, она задумчиво разглядывала священника некоторое время. Затем, странным образом бесшумно для подобной громадины, ужасное создание медленно погрузилось в глубину темных вод. Озеро сомкнулось над ним, зарябив на несколько мгновений, и водная гладь вновь стала ровной, как если бы адский зверь никогда не будоражил ее таинственное спокойствие.

Колумба разом обмяк. Он оступился, будто вся сила внезапно покинула его. Теперь он ощущал холодную воду, насквозь промочившую шерсть и плоть и проникшую, казалось, до самых костей.

Крики восхищения разорвали наступившую тишину, и сильные руки обхватили монаха, унося его прочь от ледяных глубин и обитающего в них Левиафана.

— Твой бог действительно самый могущественный из всех! — возликовал один из язычников, ткнувшись чумазой рожей в лицо Колумбе. — Зверь сбежал от тебя! Вы видели это? Как перепуганный ягненок от львиного рыка!

Колумба вымученно улыбнулся.

— Хвала Господу, — хрипло молвил он, позволяя туземцам вернуть его на сушу, завернуть в теплые плащи и довести до их города.

«А себе я позволю, — устало решил он, — насладиться кубком горячего вина сегодня вечером». Возможно, теплота напитка разгонит холод, который, складывается впечатление, навеки поселился в костях; может быть, пары алкоголя изгонят образ зверя, навсегда отпечатавшийся в памяти.

Колумба, однако, боялся, что это не поможет. Он боялся, что никакое количество спиртного не сотрет воспоминания об ужасной рептилии, уставившейся на него с понимающим выражением на чешуйчатой морде. Прищур глаз чудовища казался, улыбкой; произведенный им рокочущий шум — демоническим смехом.

Колумба ничего не сказал о своих страхах. Но, ковыляя в сторону городских огней, где его ждали слава героя, хорошая пища и доброе вино, монах осознал, что он не прогнал зверя.

Тот ушел по своей собственной воле.

И — да поможет нам Бог! — вернется таким же образом.

Деревня Гленнсид

Деревня Гленнсид

30 апреля 999 года

Кеннаг ник Битаг закрыла глаза от сияющей теплоты костра и глубоко вдохнула дымный аромат. Даже с закрытыми глазами она чувствовала бьющее по сомкнутым векам оранжевое сияние, требующее признания. Костер нетерпеливо потрескивал. Кеннаг почувствовала, как ее губы изгибаются в непрошеной улыбке. Она подняла руки и начала танцевать.

Белтейн[5] был ее любимым праздником. Деревенскому священнику не удалось подобрать Белтейну приемлемую христианскую альтернативу, как он сделал со святками и Остарой, объединив ознаменование рождения и смерти своего бога с более древними обрядами.

Некоторые сельчане; недолго думая, с радостью добавили к своему пантеону этого Христа. Ведь многие божества прекрасно сосуществуют. Конечно же, найдется место и еще для одного воплощения бога — молочно-бледного и выглядящего довольно хрупким. Терновый венец, венок из священных листьев — между ними очень маленькая разница. Так, во всяком случае, считали некоторые жители деревни. Но Кеннаг не разделяла этого мнения. Она вместе с остальными посещала службы в маленькой деревянной церквушке, смотрела на Христа, висящего на своем распятии, давала нужные ответы на призывы священника. Глупо было бы поступать иначе, и Кеннаг понимала это. Христианская Церковь проявляла большую настойчивость в отношении своих обрядов. Однако Кеннаг никогда не воспринимала тщедушного Христа в качестве бога, как и его неуловимого «всемогущего» отца. А девственница-мать? Смех, да и только!

Кеннаг не могла объяснить своего неприятия христианских канонов. Ей виделось что-то зловещее в этом слабом теле и скорбном выражении лица, нечто такое, от чего у нее по спине пробегал холодок, будто от дурного предчувствия. Так что она сторонилась Христа, предпочитая придерживаться старых традиций, больше трогающих сердце и разум.

Сегодня вечером, вместе с остальными жителями Гленнсида, она танцевала вокруг огромного костра, в разожжении которого участвовали все пришедшие на праздник. Бой барабанов, ровный и гулкий, совпадал с ее пульсом. Кеннаг внутренне затрепетала, поскольку ее согревало кое-что большее, нежели только жар, исходящий от горящего дерева.

Еще днем она спрятала атрибуты траура по мужу, погибшему

много лун тому назад во время кораблекрушения. Она любила Ниалла и скорбела по нему. Однако даже не заимев от него ребенка на протяжении их кратковременного союза, Кеннаг не видела причины горевать слишком долго. Ниалл и сам захотел бы, чтобы в канун Белтейна ее обнимала пара любящих рук, а судя по голодному блеску в глазах Брана, сына кузнеца, грядущую ночь ей предстояло провести не в одиночку.

Кеннаг сдалась на милость древней песни, поющей в венах, и распустила волосы, длинные и такие же огненно-рыжие, как языки пламени костра. Волосы рассыпались по плечам, и она провела тонкими сильными пальцами по всей их длине. Кеннаг нечасто позволяла себе высвобождать эту густую рыжую волну. Ее туника также была украшена узором, напоминающим костер, и дерзкие оранжевые, красные и желтые полосы одеяния заставляли Кеннаг чувствовать себя частичкой пламени праздника Белтейн.

Ощутив присутствие кого-то, танцующего подле нее в теплом свете, она распахнула глаза.

Бран, улыбаясь, смотрел на нее сверху вниз. Святая Бригида, как же он красив! Отблески костра выгодно подчеркивают высокие скулы, сильный подбородок, темные глаза. Густые темные волосы ниспадают на широкие плечи. Кеннаг судорожно сглотнула комок в горле и, протянув руку, коснулась этого богоподобного лица. Бран побрился для нее сегодня вечером, и кожа под чуткими кончиками пальцев Кеннаг ощущалась такой же гладкой, как и у нее самой. Ох, как все же приятно прикасаться к мужчине после столь долгого воздержания…

Его руки скользнули вверх по плечам Кеннаг и взяли ладонями, словно в чашу, ее лицо.

— Ты затмеваешь огонь Белтейна, прекраснейшая, — тихо произнес Бран чуть дрожащим голосом.

Кеннаг ободряюще улыбнулась ему. Какой он юный, какой симпатичный…

— Будь осторожен, — ответила она слегка охрипшим голосом. — Могу обжечь тебя.

— А ведь я кузнец, — парировал он, широко улыбаясь. — Я понимаю огонь. Я знаю, как с ним работать… придавать ему нужную форму…

Бран, наклонившись, коснулся губами ее уст, сначала не совсем уверенно, но секунду спустя прикосновение перешло в страстный поцелуй. Кеннаг словно растаяла в нем, прижимаясь к широкой груди, которой она так часто восхищалась, исподтишка наблюдая за Браном во время работы, когда он снимал тунику. Обнимавшие ее сейчас руки обладали силой железа, которое он ковал, и на какое-то мгновение Кеннаг даже удивилась тому, с

какой готовностью он взял на себя роль ведущего в этом эротическом танце, несмотря на свой юный возраст. Да, ты знаешь толк в огне, подумала она, испытывая головокружение. Целительница и кузнец; та, что исправляет физические недостатки людей, и тот, который придает нужную форму предметам… Ну что же, очень даже неплохая пара…

К тому моменту, когда Бран прервал поцелуй, тело Кеннаг буквально сотрясалось от бешеного биения сердца, дыхание ее стало учащенным и прерывистым, а между бедер она ощутила влагу, более чем готовая принять его в себя. Кеннаг уже чувствовала через одежды его собственный ответ на ее страстное желание. Они посмотрели друг другу в глаза; потом Бран с ухмылкой, сделавшей его похожим на озорного мальчишку, шагнул в сторону и, взяв Кеннаг за руку, увлек ее за собой. Кеннаг, счастливо рассмеявшись, последовала за ним.

Они побежали через поля, оставив позади себя сияющее пламя костров. Холодный ночной воздух окутал их словно мокрым одеялом, но жар желания отдаться Брану отгонял холод и сырость от Кеннаг. Сильные пальцы его рук крепко сжали ее кисть. И тут вдруг ее босая ступня поскользнулась на влажной траве, и Кеннаг упала, истерически засмеявшись.

— Кеннаг? Ты не ушиблась? — спросил полным заботы голосом Бран, опускаясь подле нее на колени. — Так глупо с моей стороны… Ты могла пораниться…

Его очевидное огорчение еще больше разожгло в Кеннаг пламя любви. Она ничуть не пострадала, и ее стремление поскорее слиться с ним воедино только возросло. Кеннаг безмолвно приподнялась, погрузила руки в копну черных густых кудрей и приникла жаждущими губами к его губам. Поцелуй был долгим и глубоким. Кеннаг почти потеряла голову от томления, и когда Бран оторвался от нее, она издала беззвучный крик разочарования.

Но Бран отстранился от нее всего лишь на несколько мгновений, дабы освободиться от ограничивающих его пылающее тело туники и штанов. Кеннаг села на траву и, подражая Брану, тоже принялась раздеваться, чтобы сбросить с себя ненужный кокон одеяния, мешающий всецело отдаться молодому кузнецу.

«Сегодня я понесу от Брана», — промелькнула в голове Кеннаг сладостная мысль. На протяжении последних нескольких месяцев, ожидая наступления Белтейна, Кеннаг пристально наблюдала за своими лунными циклами. Нынешним утром, спрятав подальше вдовьи атрибуты, она выпила настойку, приготовленную из особых трав, которая, как ей было известно, должна благодатно повлиять на ее плодовитость. Какая славная

семья у них получится! Свадьбу сыграем наверняка еще до следующего полнолуния, решила Кеннаг, ничуть не сомневаясь в том, что Бран возьмет ее в жены. Они танцевали вместе у белтейновых костров, на виду у своих семей и друзей. Ни один мужчина не уводит женщину от костров, не будучи готовым жениться на ней. Таков закон веры.

Вдруг Кеннаг замерла. Огонь страсти мгновенно погас, остались только холод и страх.

Бран ощутил ее состояние.

— Любимая, что…

Кеннаг словно онемела. Взгляд ее расширившихся глаз остановился на смутно угадываемом в темноте силуэте. Она смогла лишь поднять руку и указать в ту сторону.

Лунный свет посеребрил их обоих, превратив в бледные живые статуи на темном газоне из теней и травы. Ночное светило заливало яркими лучами спокойный океан, мирно дышавший всего в нескольких метрах от влюбленной пары. Волны, призываемые повелительницей-луной, тихо накатывались на берег в своем непрерывном ритме. Все вокруг так, как и должно быть… если бы не фигура странных очертаний, неясно вырисовывающаяся во тьме. В мозгу Кеннаг пронеслись старинные рассказы о келпи[6], злобных озерных лошадях, морских людях и других странных существах, обитающих под поверхностью всех водоемов мира. Даже Колумба, один из христианских святых, был свидетелем появления чудовища, обитавшего в Лох-Нессе несколько столетий назад. Трудно было разглядеть в лунном свете, что именно маячит там, в воде: просто темная, извилистая фигура, поднявшая шею из океанских глубин. Но она определенно имела голову, как у змеи, и…

Нет. Это не морское чудовище. Это гораздо хуже.

Голос Кеннаг вернулся к ней, обретя новую силу.

— Лохланнахи! — возопила она.

Как если бы ее неистовый вопль призвал их, фигуры размером поменьше змееголовой устремились из воды к берегу. До сего момента они двигались бесшумно, поэтому Бран с Кеннаг и не слышали их приближения, но теперь, когда их присутствие обнаружилось, пришельцы шумно зашлепали по воде, как стадо скота.

Бран и Кеннаг вскочили на ноги, полуодетые; так удачно начавшееся свидание вынужденно заканчивалось. Кеннаг потянулась было за ножом — она всегда носила с собой оружие в эти тревожные времена, — но Бран схватил ее, развернул и рявкнул:

— Беги!

Он еще и в спину ее подтолкнул. Однако Кеннаг, отбежав на несколько шагов, остановилась, не желая оставлять любимого на растерзание Лохланнахам. Они ведь убьют его… или, что еще хуже, захватят в плен и отвезут в Византию, где продадут как раба.

Нет, слишком долго я жила одна. И сейчас не покину Брана.

Стиснув зубы, Кеннаг повернулась и побежала навстречу похожим на медведей мужикам, которые схватили и обезоружили могучего Брана так легко, словно он был ребенком, едва научившимся ходить. Обернувшись, один из них вроде бы даже немного испугался, не будучи, видимо, ветераном этих презренных набегов — здесь, на севере, в отличие от кроткого юга, женщины знали, как сражаться.

Кеннаг издала пронзительный, воющий крик ярости, призывая себе в помощь весь сонм местных богов и богинь, и ринулась в атаку. Она, несомненно, вонзила бы свой кинжал в незащищенную шею опешившего молодого викинга, не подними тот свой щит в инстинктивном жесте защиты. Тем не менее небольшое лезвие укусило глубоко… слишком глубоко. Кеннаг отчаянно попыталась выдернуть нож, застрявший в дереве щита, и за это короткое мгновение противник успел поднять меч и ударить ее в висок тяжелой железной головкой эфеса. Кеннаг камнем рухнула на землю, застонав от боли, и сжала голову ладонями.

Опомнившийся варяг действовал быстро. Прорычав что-то на своем странном языке, светловолосый скандинав почти сразу же оказался внизу, рядом с ней. Он схватил ее за запястья, прижал их к сырой земле, и Кеннаг закричала от внезапно усилившейся боли в голове. Все поплыло у нее перед глазами. Здоровенное колено приподнялось и легко раздвинуло ноги женщины. Она извивалась под навалившимся на нее телом, тяжелая рука, воняющая застоялым потом и кожей, зажала ей рот. Кеннаг закрыла глаза, но так было еще хуже; она снова открыла их и зафиксировала взгляд на луне и звездах, мерцающих высоко в небе, пытаясь затеряться в их холодной обители.

Казалось, целую вечность вошедший в Кеннаг косматый верзила, шумно сопящий и пускающий слюни, терзал ее лоно. По странной иронии судьбы, она почти не ощущала физической боли. Поцелуи Брана плавно подготовили почву не для нежных любовных утех, но для безжалостного насилия. Впрочем, никакая физическая боль не смогла бы сравниться с душевным страданием, подобного которому Кеннаг никогда прежде не испытывала.

Звезды не упали на землю. Луна не спрятала своего лика.

Кеннаг смутно слышала крики родных и друзей, на которых обрушилась орда светловолосых бородатых монстров в человечьем облике. Белтейнский костер обрел сотоварища — скандинавы развели свой собственный, поджигая соломенные крыши круглых каменных строений, которые возгорались как самые лучшие лучины для растопки. Дым пожаров клубами поднимался в небо, затуманивая зрение Кеннаг, отрешенно созерцающей луну и звезды. С последним толчком и содроганием насильник обмяк на ней на несколько мгновений. Железная кольчуга прижалась к ее обнаженным грудям, когда он переводил дыхание, пощипывая зубами мягкую плоть и ловя ртом волосы.

Захват его рук на запястьях немного ослаб, пока насильник приходил в себя после совокупления, и Кеннаг не преминула воспользоваться представившейся возможностью. Ее рука, чуть-чуть повернувшись, осторожно нащупала меч викинга. Слишком тяжелый, чтобы поднять его одной рукой… впрочем, в столь стесненном положении Кеннаг все равно не смогла бы использовать оружие должным образом, но сейчас это не имело значения. Стиснув зубы от боли, она ухватила меч за лезвие.

Верзила уловил ее движение и попытался сесть прямо. Но Кеннаг хватило несколько секунд его невнимания, чтобы высвободить другую руку и сильно ударить ему в челюсть головкой того же самого эфеса, который ранее сбил ее с ног.

Блондин хрюкнул и опрокинулся навзничь, суча ногами. Кеннаг быстро выбралась из-под него и, прежде чем он успел подняться на ноги, ударила его снова, на этот раз самим клинком. В своей ярости и смятении она немного промахнулась, удар пришелся по шлему, и лезвие соскользнуло. Кеннаг опять занесла меч, и на этот раз оружие достигло намеченной цели. Северянин завизжал как поросенок и ухватился рукой за шею. Между его пальцами потекла кровь.

Кеннаг не стала предпринимать еще одной попытки. Отбросив меч в сторону, она побежала. Поблизости захватчиков видно не было. Все они, конечно, сейчас там, где можно хорошо поживиться — в Гленнсиде: грабят церковь, насилуют женщин и собирают кучку прекрасных рабов вроде Брана, чтобы увезти их с собой. Подогреваемая смутным намерением хоть чем-то помочь соплеменникам, Кеннаг устремилась к родной деревне, не обращая внимания на то, что ее прекрасная туника изорвана, измазана землей, потом и кровью, а сама она частично обнажена.

Пожары освещали ночное небо зловещим заревом. Задыхаясь, Кеннаг заставила себя бежать не останавливаясь. И тут она споткнулась о кочку. Ее лодыжка болезненно изогнулась, и Кеннаг тяжело упала на землю. Едкий дым жарил глаза и ноздри,

обжигал рот. Она попробовала подняться на ноги, но вследствие сильного вывиха лодыжки едва могла опираться на нее, не говоря уж о том, чтобы бежать.

С этой внезапной уязвимостью пришел еще один, новый страх. Превозмогая боль, Кеннаг с большим трудом встала и быстро — насколько это было возможно — захромала к центру деревни.

Там царил хаос. Крыши почти всех строений пылали. Ночь разрывали крики ужаса и вопли триумфа. Стоя на краю поля и глядя на Гленнсид — вернее, на то, что от него осталось, — Кеннаг ясно видела картину разрушений.

Трупы валялись повсюду. Кеннаг заметила, как один из викингов протыкает мечом очередную жертву… кого именно? Кто из ее родных, ее друзей умирает сейчас? Святой Мидхир, остался ли там в живых хоть кто-нибудь?

Вдруг Кеннаг осознала, какую глупость совершила, вернувшись сюда. Никому она не поможет. Она безоружна, лодыжка вывихнута… и теперь уже не остается ни времени, ни места, чтобы спрятаться. Стоит здесь, на виду, и вскоре тот мерзавец, что изнасиловал ее, или кто-то ему подобный, заметит ее и…

Кеннаг затравленно огляделась вокруг. Лес слишком далеко, чтобы добраться до него по залитому лунным светом пустому полю. Почти все дома полыхают. Она убежала с берега океана, воды которого могли бы скрыть ее и теперь…

Ее взгляд упал на смутные очертания колодца, и надежда затеплилась у нее внутри. Если они не обрезали веревку…

Морщась от боли при каждом шаге, Кеннаг заковыляла в сторону колодца — довольно глубокой, выкопанной в земле ямы со стенками из тщательно уложенных камней. Ничего особенного, но источник вполне удовлетворял потребности сельчан в воде. Приблизившись к колодцу, Кеннаг на секунду облегченно сомкнула веки. Деревянная крышка, которую всегда клали на место, сейчас лежала, отброшенная, в стороне. Это означало, что лохланнахи уже побывали здесь и сделали еще одно из гнусных дел — осквернили источник. Может, сбросили вниз гниющий кусок мяса. Почти наверняка справили в колодец нужду — Кеннаг обо всем этом слыхала. Но они не обрезали толстую веревку, один конец которой был привязан к дужке ведра, а другой основательно закреплен на каменном столбике, вкопанном в землю подле колодца.

Кеннаг позволила себе быстрый взгляд вокруг. Близ центра деревни она увидела тени, мелькающие в жутких отблесках пожаров. Сглотнув комок в горле, Кеннаг прошептала молитву,

обращенную к божеству колодца:

— Лохланнахи осквернили твои воды. Должно быть, ты очень рассержен. Но я умоляю тебя, дай мне защиту от них и, пожалуйста, прости мое вторжение.

Неуклюже шагнув к колодцу, Кеннаг схватила веревку и приготовилась спускаться вниз.

Спуск оказался медленным и болезненным. Грубые волокна веревки обжигали окровавленные ладони. Поверхность стенок была скользкой, поначалу от мха на камнях, а затем, глубже, от грязи. Дважды Кеннаг до крови прикусывала губу, сдерживая крик, когда вывихнутая нога, соскальзывая с камня, ударялась о стену. Чем глубже она опускалась, тем холоднее становилось, и ее начало неудержимо знобить. Достигнув наконец поверхности воды, Кеннаг почти окоченела. Женщина не смогла сдержать судорожного вздоха, когда погрузилась в воду по пояс. Она припомнила, какой освежающей была почти ледяная вода в жаркие летние дни и как все радовались тогда приятной прохладе.

Постепенно тело привыкло к холоду, и его укусы ослабли. Будучи сама целительницей, Кеннаг гораздо лучше других понимала, как действует человеческий организм, а посему хорошо осознавала, что не сможет оставаться здесь слишком долго. Скоро она совсем ослабеет и неминуемо уснет, а затем погрузится в воду с головой и утонет. Впрочем, в тот момент она даже и не помышляла о возможности такого исхода. Несомненно, страх и душевные страдания не дадут ей спать… И все же порой тело оказывается сильнее души и разума, и если она пробудет здесь достаточно долго, мрачно подумала Кеннаг, то непременно умрет.

Ужасные звуки, сопровождающие уничтожение деревни, продолжали доноситься до ушей Кеннаг. Поначалу они заставляли ее стискивать зубы в бессильной ярости, когда воображение рисовало, одну за другой, картины творимых наверху зверств. Но по мере того как тянулись бесконечные минуты добровольного заточения, Кеннаг привыкла к ним настолько, что перестала обращать внимание, сосредоточившись на мучительном холоде воды, из-за которого ей становилось все труднее ощущать свои конечности. Впрочем, холод по крайней мере несколько притуплял боль в вывихнутой ноге.

Странная, напевная речь скандинавов достигла ушей Кеннаг. Они идут к колодцу!.. Страх, начинавший было угасать, вспыхнул в ней с новой силой, и Кеннаг инстинктивно погрузилась в ледяную воду еще глубже, до самого подбородка, заставив себя выпустить из рук ведро, за которое она держалась, поскольку,

если лохланнахи захотят набрать воды, а ведро застрянет в колодце, это может показаться им подозрительным. Кеннаг безмолвно взмолилась, чтобы они не перерезали веревку. С поврежденной ногой невозможно взобраться наверх самостоятельно.

Кеннаг испуганно посмотрела вверх, хотя понимала, что викинги не заметят ее на такой глубине, даже воспользуйся они факелами. А она уже видела их — тени, вырисовывающиеся на фоне относительно светлого ночного неба. Их головы на мгновение исчезли, затем снова появились. Лохланнахи, громко хохоча, сбросили что-то в колодец.

Кеннаг изо всех сил вжалась в стенку колодца, страшась того, что летящее на нее сверху попросту свернет ей шею, окажись оно достаточно тяжелым. Сброшенный варварами предмет был большим; задев плечо Кеннаг, он шумно плюхнулся в воду, погрузился в нее на мгновение, затем всплыл. Лохланнахи наверху победно загоготали, похлопали друг друга по плечам и убрались.

Тишина.

Довольно долго Кеннаг, съежившись, выжидала, не смея выяснить, что же сбросили эти изуверы в деревенский источник воды. Наконец она протянула дрожащую руку… пальцы уткнулись во что-то мягкое и податливое, покрытое грубой материей.

Тело. Человеческое тело.

Раскрыв рот в беззвучном крике, Кеннаг, словно ужаленная, отдернула руку. Труп был обвязан то ли веревкой, то ли цепью; Кеннаг, немного оправившись от испуга, снова протянула руку. На сей раз кончики пальцев, хотя и онемевшие от холода, ощутили края какого-то деревянного изделия…

Крест. На покойнике был деревянный крест. Викинги убили священника, предварительно разграбив, конечно же, церковь, а потом сбросили его тело в колодец.

На какое-то мгновение Кеннаг стало жалко священника. Затем ей в голову пришла мысль, что, возможно, именно хранившиеся в церкви ценности в первую очередь и привлекли сюда скандинавов. Внезапный гнев занял место жалости, и Кеннаг, издав низкое горловое рычание, плюнула на труп. Столько смертей фактически из-за одного человека с тонзурой на голове! Кеннаг надеялась, что его Христос не будет милостив к нему в той замечательной загробной жизни, о которой он с упоением рассказывал.

Сверху больше не доносилось никаких звуков. Выждав еще немного, Кеннаг решила, что можно выбираться наружу.

Закоченевшее тело заныло, когда жизнь начала возвращаться в него. Кеннаг испытывала такое чувство, будто ее кололи тысячи иголок. Но она осталась в живых и не попала рабыней на борт драконьего корабля.

Бран, любовь моя…

Медленно, дюйм за дюймом, морщась от боли, Кеннаг начала подъем.

* * *

К наступлению следующего полнолуния Кеннаг узнала, что она беременна.

Беременна не ребенком Брана, зачатым в радостном единении и желанным, как восход солнца. Брана пленили лохланнахи, а она понесла от скота в человечьем облике, который изнасиловал ее и хотел сделать своей рабыней, каковыми стали многие деревенские женщины. Остальные — те, которым посчастливилось избежать плена — также носили в себе плоды ужасной ночи. Одной из таких «счастливиц» была собственная мать Кеннаг, Майред.

Ее использовали и бросили как недостаточно молодую для того, чтобы получить за нее хорошую цену на рынке рабов.

Кеннаг уже разговаривала с матерью, предложив свои навыки целительницы, чтобы избавиться от нежеланного ребенка.

— Нет, — ответила тогда Майред, держа руку на животе. — С тех пор как умер твой отец, я не желала другого мужчины. Я, конечно, сожалею, что забеременела таким вот образом, но… Кеннаг, ребенок ведь ни в чем не виноват. Я сохраню его и принесу тебе братика или сестричку.

Кеннаг изумленно уставилась на мать, все еще очень красивую, хотя волосы ее стали почти совсем седыми, а сильное, стройное тело начинало понемногу полнеть. Ошеломленная, Кеннаг хотела было возразить матери, но горькие слова, готовые сорваться с языка, остались невысказанными. Как можно любить ребенка, зачатого столь чудовищным, насильственным способом? Как можно иметь на лице такое мечтательное, благостное выражение? Как можно видеть пред собой всю оставшуюся жизнь живое напоминание о страшном вражеском нападении?

Для себя Кеннаг решила все сразу, окончательно и бесповоротно. Наделенная природным талантом — и развив этот талант посредством совершенствования навыков — исцелять, а не причинять вред, Кеннаг уверяла себя, что поступает правильно, ради собственного душевного спокойствия. Вернувшись к себе

домой, в маленькую хижину, восстановленную после пожара оставшимися в живых мужчинами Гленнсида, она перебрала свой небольшой запас трав. Нынешним летом предстояло потратить много времени, чтобы его, запас, пополнить.

Кеннаг выбрала чай из листьев высушенной болотной мяты и вскипятила воду. Насыпав чай из мяты в глиняную кружку, залила его кипятком и подождала, пока трава заварится.

Я хотела ребенка от Брана. И ни от кого другого.

Кеннаг снова вспомнила большое тело, навалившееся на нее, вонь пота и кожи и почувствовала тошноту. Даже не процедив напиток от раскрошенных листочков, она опорожнила кружку с горячим варевом. Затем прошла в угол, легла на мягкую кучу из меховых шкур, служившую ей кроватью, и стала ждать, когда зелье начнет действовать.

ГЛАВА 3

Лосось неистово извивался, но Отец Всемогущий крепко держал его, с силой прижимая гигантскую рыбину к земле.

— Измени облик! — проревел он. — Меняйся, не то Воитель и я зажарим тебя прямо сейчас!

Рыба еще раз хлопнула хвостом о землю и замерла. Пред единственным глазом Отца Всемогущего она замерцала, изогнулась и обратилась в бога, который нес миру так много горя.

Железные захваты дланей Отца Всемогущего и Воителя сковали руки Обманщика. Но Лукавый лишь ухмыльнулся из-под взъерошенной копны рыжих волос.

— Итак, что же будет на этот раз? — насмешливо вопросил он.

Отец Всемогущий смотрел на него своим всевидящим оком — вторую, мертвую, глазницу закрывала повязка — и не отвечал.

У Обманщика екнуло сердце, когда он услышал другие голоса.

— Отец?

Молодые голоса, юношеские, принадлежавшие двум его младшим сыновьям, Нари и Нарви. Ужасное подозрение пришло к нему.

— Ты ведь сердит на меня, не на них! — прокричал Обманщик Отцу Всемогущему, трепыхаясь в однoруком захвате Воителя. — Ради любви, которую ты некогда питал ко мне, Брат Кровный, не причиняй им вреда!

— Мой гнев велик и без того, — пророкотал Отец Всемогущий. — Не воспламеняй его еще больше, не говори таких слов!

— Но ведь мы Братья! — Волна страха за судьбу сыновей окатила Обманщика. Он взглянул на них — такие прекрасные, такие юные, такие доверчивые…

— Молчать!

Обманщик вздрогнул от раската громоподобного голоса Отца Всемогущего. Не спуская глаза с Обманщика, Отец Всемогущий взмахнул рукой. Нари незамедлительно упал на четвереньки, громко крича от боли и испуга, когда его тело начало изменять форму.

— Нет… — прошептал Обманщик.

Сам он умел изменять свою внешность, и трое старших его детей тоже, но Нари не обладал такой способностью!

Еще несколько секунд, и Нари превратился в волка. Не в

юношу в виде волка, а в волка настоящего. Он медленно повернул свою большую, серую голову в сторону брата. Волк зарычал, тихо, утробно, потом подобрался и прыгнул. Ошеломленный происходящим, Нарви не сдвинулся с места и упал без звука, когда брат мгновенно разорвал ему горло и стал жадно лакать хлещущую из страшной раны кровь.

— Нет! — взвыл Обманщик в непритворном страдании. Карие глаза наполнились слезами. Он обратил свой взор на Отца Всемогущего; ярость и скорбь боролись друг с другом в его груди. — Почему ты наказываешь их? Они никому не причинили вреда!

— Они — твои дети, Лукавый, — ответил Отец Всемогущий. — Раньше или позже они начали бы убивать.

— Ты ведь повелитель богов! Люди почитают тебя как Великого Отца, Наимудрейшего… а ты просто убийца, убийца невинных детей!

— Только твоих детей, — спокойно произнес Воитель, — и четверо из них все еще живы благодаря милости Отца Всемогущего.

— Милости? — Обманщик вытянул шею и вперил взгляд изумрудно-зеленых глаз в неумолимое лицо Воителя. — Нари теперь — обыкновенный зверь! Моего старшего сына ты поработил, и я рад, что за это он отнял у тебя руку. Другого ты швырнул в океан, а мою маленькую доченьку запер в преисподней. Это милость? — Он плюнул в сторону Воителя, но тот и глазом не моргнул. — Вот она, милость Отца Всемогущего и его Воителя!

— Твои дети чудовищны, — заметил Отец Всемогущий. — Они заслуживают худшего, нежели то, что я дал им. Как и ты сам.

Лукавого проволокли по песку к зияющему входу горной пещеры и потащили вниз, в недра скалы. По велению Отца Всемогущего изуродованный труп ребенка Обманщика поднялся в воздух и последовал за ними; кровавая капель, падающая с него, гулким эхом отдавалась в холодной тьме.

Обманщик снова попытался высвободиться из захвата, но Воитель крепко держал его. Наконец они достигли дна пещеры, каменные стены которой мерцали жутким светом. Воитель грубо швырнул Обманщика на большой плоский валун. Отец Всемогущий произнес слово, и живот Нарви лопнул, будто перезревший плод. Внутренности его вывалились на каменный пол, от них в холоде пещеры пошел пар. Нечто вроде сожаления промелькнуло по бородатому лицу Отца Всемогущего.

— Ты был моим кровным братом, — тихо сказал он. — Не думал я никогда, что доведется мне прийти сюда и сделать это…

Но ты сам решил свою судьбу, убив Прекраснейшего. Этого я не могу тебе простить.

И, к вящему ужасу Обманщика, Отец Всемогущий подобрал с пола скользкие внутренности Нарви и начал обертывать их вокруг плененного бога. Обманщик закрыл глаза, дабы не видеть этого, и слезы потекли из-под его плотно, стиснутых век. Не его, янтарные или золотые, слезы, а простая соленая вода; и они ручьем бежали на неподатливый камень, в то время как Отец Всемогущий обматывал узника кишками любимого сына.

Еще слово, еще жест, и мокрые, теплые, мягкие внутренности стали холодными и твердыми. Изумленный, Обманщик открыл глаза и обнаружил, что связан железными веревками. И тут одна идея пришла ему в голову. Все, что ему нужно сейчас, так это подождать, пока они уйдут, потом изменить свою форму — возможно, во что-то столь же малое, как мышь, да, мышь подойдет, и…

— Пока эти узы сковывают тебя, ты не сможешь изменить свою форму, — угадал его мысли Отец Всемогущий. — Я знаю все твои уловки, Лукавый, и подготовился к ним.

Обманщик промолчал. Он просто смотрел на Отца Всемогущего глазами цвета индиго, полными ненависти.

Шипящий звук заставил его взглянуть вверх. Большая змея висела, обернувшись кольцами вокруг выступающего из стены каменного стержня. Из закрытой пасти на секунду метнулся раздвоенный язык. Длинного разреза золотистые глаза медленно мигнули.

— Змей будет единственным твоим товарищем, — сообщил Воитель. — Он обожает мучить других, как и ты. Думаю, вы прекрасно поладите друг с другом.

В это мгновение змей раскрыл свою пасть. Обманщик заворожено уставился на сияющую молочно-белую каплю яда, висевшую на одном из острых клыков. Казалось, она останется там навеки, и Обманщик изо всех сил напряг мышцы, безуспешно пытаясь разорвать ужасные путы. И тут капля упала! В центр лба Обманщика упала она, туда, где рыжие кудри разделялись, обнажая бледную кожу, и Обманщик закричал в агонии. Крик его эхом отдался в пещере, а земля вздрогнула от неистового, но тщетного рывка; Воитель и Отец Всемогущий обменялись удовлетворенными взглядами.

Затем послышался другой звук, звук босых ступней, шлепающих по камню, и в подземный чертог ворвалась прекрасная молодая женщина. Ее нежные голубые глаза расширились, рука метнулась ко рту.

— Любимый, — прошептала она. — О любимый!

Она подбежала к пленнику и обняла его, насколько это было возможно. Обманщик попробовал коснуться своей жены, но не смог и рукой пошевелить — оковы, некогда бывшие внутренностями невинного юноши, крепко держали его. Женщина сердито повернулась к Отцу Всемогущему.

— Что ты натворил? Отпусти его, Наимудрейший, умоляю тебя! Я позабочусь о том, чтобы впредь он не доставлял беспокойства Асгарду!

— Так же как ты не допустила его в постель великанши? — с бесконечной добротой в голосе упрекнул ее Отец Всемогущий. При этих словах Сигюн склонила золотистую голову и заплакала. — Ступай, дорогая моя. Ступай отсюда на свет и живи там. Покинь тьму и огненного бога здесь, под землей, где им и место.

Сигюн покачала головой:

— Нет. Он никогда не хранил мне верность, но я люблю его. Не могу оставить его здесь, во тьме, чтобы змей плевал на него.

Пошатываясь, она отошла в сторону, не переставая плакать, и, оглянувшись вокруг, подобрала с пола круглый полый камень. Разбив его о стену, Сигюн, с дрожащими алыми губами, безмолвно протянула большой обломок в сторону Отца Всемогущего. Тот понимающе кивнул, соглашаясь с предложением. Сигюн, жена Обманщика, огненного бога, подошла к скованному мужу и подставила импровизированную чашу под очередную падающую из пасти змея каплю яда. Капля безвредно шлепнулась в каменный сосуд. Обманщик благодарно улыбнулся жене.

— Милая Сигюн, — нежно произнес он. — Я недостоин тебя.

— Впервые Великий Лжец говорит правду, — отметил Воитель. — Ладно, оставим их. Послушай-ка, Обманщик, твоя Сигюн, конечно, сможет ловить капли в чашу — пока. Но настанет время, когда ей придется вылить ее, и тогда…

Он улыбнулся над выражением лица Обманщика, когда тот осознал, что произойдет тогда. Затем Воитель и Отец Всемогущий отвернулись от пленника и вознеслись наверх.

И как ни напрягался Обманщик, как ни извивался, какие проклятия он ни изрыгал, кишки сына крепко держали его.

Вплоть до наступления конца света.

Большой зал замка олдермена Ордгара

Калне

14 ноября 999 года

Король Этельред погладил бороду, выкрашенную в голубой цвет в соответствии с текущей модой, и поерзал в кресле, явно утомленный монотонным заседанием Витана. Вульфстан неотрывно наблюдал за ним, стараясь, однако, чтобы никто этого не заметил. Мысли священника были безрадостны.

Что произошло с королем? Ведь он — сын Эдгара. Несомненно, кровь покойного властителя должна была подвигнуть его младшего отпрыска на нечто большее, нежели царственная жизнь привлекательного бездельника. Этельред унаследовал приятную внешность отца и светлые волосы, хотя он и красил их сейчас в этот ужасный синий цвет. Манеры у него хорошие, отмечал Вульфстан; как и Эдгар, молодой король обладал даром располагать к себе людей, стоило ему лишь посмотреть на того или иного человека.

Но он ничуть не унаследовал мудрой головы своего отца или его умения выбирать друзей и советников. При этой мысли Вульфстан перевел взгляд с короля на главного советника Этельреда.

Как всегда, Анджело стоял справа от короля. Сам он, казалось, никогда не садился, словно не имел в том потребности. И никогда не сутулился от усталости, сколь долго ни тянулось бы совещание. Всегда бдительный, с яркими глазами, ничего не упускавший из виду, Анджело выглядел верным соратником короля.

Сегодня, как обычно, король облачился в одежду по последнему писку моды. Верхняя часть приталенной туники, почти скрытая под украшенной вышивкой шерстяной мантией, была ярко-малиновой; нижняя, прикрывающая ноги в чулках, — голубой, гармонирующей по цвету с бородой. Поскольку нынешнее собрание было официальным, на голове Этельреда красовалась корона. Одежда Анджело, почти идентичная по цвету и покрою королевской, была все же не столь богатой.

Вульфстан нахмурился. До него вдруг дошло, что Анджело всегда поступает подобным образом — копирует платье своего повелителя, но в более скромной манере. Почему? Чего он…

Будто ощутив на себе взгляд Вульфстана, Анджело повернул голову и, слегка улыбнувшись, пристально посмотрел на епископа.

Тот, в конце концов, отвел взгляд первым.

Вульфстан зябко поежился, пытаясь объяснить свой озноб как естественное следствие холодной погоды в холодном здании. Почти две недели епископ провел в пути, сначала по

Лондонскому тракту, затем — по Фосскому, чтобы прибыть на это собрание в Калне. По дорогам, уже почти непроходимым, стало очень трудно передвигаться, и снежный буран на прошлой неделе нисколько не облегчил поездку. Протокол весьма строго относился к тому, чтобы столь видная персона, как епископ Лондонский, путешествовала налегке, так что Вульфстану пришлось тащить за собой всю свою свиту, а ведь обратное путешествие в Лондон обещало быть еще более гнусным. Вульфстан отметил, что сюда, в Калне, прибыло около двух третей постоянных членов Витана — остальные вообще не смогли выбраться из своих уделов.

А между тем настоящее совещание было крайне необходимым. Никогда прежде викинги не возобновляли своих атак после Михайлова дня[7]. Они предпочитали нападать ближе к лету — налетая, словно саранча, на тучные посевы, когда весенние ветры становились теплыми — и убирались восвояси с первыми заморозками.

Нынче, однако, океаны будто кипели драконьими кораблями. Вражеские силы высаживались на берегах Британии, уходить не собирались, но и не присоединялись к некоторым из своих соплеменников из тех, что давно уже осели в Уэссексе, Нортумбрии и Йорке — миролюбивые люди, желающие лишь приличной жизни для себя и своих семей. Мирная жизнь, возделывание плодородных полей в мягком — по сравнению с суровой родиной — климате, что еще нужно добропорядочному человеку? Вульфстан и не помышлял ссориться с такими пришельцами.

Но вот другие…

Епископ поерзал на жестком стуле, поймав себя на мысли, что на мгновение уподобился заскучавшему королю. Он вполуха слушал доклад архиепископа Альфеге о нападениях врага за последние две недели. Честно говоря, Вульфстана приятно удивило то, что престарелый и болезненный архиепископ Кентерберийский смог прибыть на совещание. Альфеге остался одним из немногих трезвомыслящих членов Витана. Да, голосок у него тонкий и слабый, но в словах архиепископа есть сила. Вульфстан обратил внимание, что Альфеге заметно дрожит.

Вульфстан нахмурился, раздраженный тем, что добрый человек весьма преклонных годов вынужден испытывать неудобства, в коих нет никакой необходимости. Почему совещание не устроили на королевской вилле в миле к югу от Калне, Вульфстан не мог взять в толк. Но нет, им всем приходится мерзнуть здесь до смерти, тогда как внизу местные слуги с ног сбиваются в попытке подготовить трапезу, достойную

их короля!..

Краем глаза епископ уловил какое-то движение. Анджело, наклонившись, зашептал королю на ухо. Лицо Этельреда оживилось. Несколько секунд спустя король Этельред поднялся с кресла. Альфеге прервал свою литанию о зверствах захватчиков на полуслове, учтиво ожидая, когда его повелитель заговорит.

— Джентльмены, — начал Этельред голосом, как всегда, теплым и притягательным, — мой верный советник Анджело вскоре огласит наш ответ по поводу этой весьма серьезной ситуации. Поскольку я знаю, что все вы — люди преданные, мне не хотелось бы ставить вас в неловкое положение подданных, спорящих с королем. Я уполномочиваю Анджело присутствовать на этом совещании вместо себя и верю, что никто из вас не почувствует себя обязанным скрывать свое мнение, отвечая ему. Я возвращаюсь в королевский замок. Завтра мы снова встретимся с вами, и я буду рад услышать решения, которые примет наш мудрый Витан. Спаси всех вас Бог.

— Спаси Бог ваше величество, — хором ответствовали члены Витана, кланяясь, когда король спускался по деревянным ступенькам.

Несколько секунд спустя снизу донесся всеми узнаваемый смех Этельреда. Вульфстан уловил слова «скука смертная» и «на охоту до наступления темноты».

В зале воцарилась неловкая тишина. Альфеге тяжело опустился на стул, не считая, видимо, целесообразным продолжать свой доклад. Остальные члены Витана зашаркали ногами, переглядываясь друг с другом. В конце концов все взгляды обратились к Анджело.

Симпатичный римлянин улыбнулся и по-хозяйски уселся в удобное кресло, только что оставленное Этельредом. Впервые Витан увидел его сидящим. Анджело жестом небрежного превосходства, который заставил Вульфстана стиснуть зубы, показал присутствующим, что те могут занять свои места.

— Проблема состоит в том, — заговорил Анджело голосом густым, как сливки, — что мы никогда прежде не сталкивались с чем-либо подобным. Такое чувство, будто мы израильтяне, подверженные гонениям, не правда ли? Король очень сильно обеспокоен насилием, которое испытывает его народ со стороны северян.

Седой как лунь Ордгар презрительно фыркнул.

— Короля ничего особенно не беспокоит, разве что вынужденный перерыв в охотничьем сезоне.

— Ордгар, — упрекнул его Альфеге, — попридержи язык!

— Но ведь это так, ваша светлость! — взорвался старик. —

Эдгар, наверное, в гробу своем переворачивается! Даже Эдуарда, упокой Господь его душу, больше волновало состояние страны, несмотря на его юный возраст…

— Король, — тихо перебил Ордгара Анджело, — чрезвычайно взволнован состоянием страны.

Римлянин встал и теперь прохаживался из стороны в сторону, сложив руки на груди. Вульфстан смотрел на эти руки, на тонкой работы кольца и перстни, унизывающие холеные, тщательно ухоженные пальцы. Столь же прекрасные, как и весь Анджело.

— Он уполномочил меня сделать все от нас зависящее, чтобы заставить скандинавов покинуть наши пределы. Он желает удвоить дань, дабы гарантировать их уход.

Вульфстан покачал головой и приготовился к вспышке эмоций среди членов Витана. И правда, спустя секунду после упавшей на зал ошеломленной тишины все заговорили разом.

И ради этого был созван Витан? Преодолеть тяжелейший путь из разных богом забытых мест, рисковать здоровьем и жизнью на гнусных дорогах, при мерзопакостной погоде — лишь для того чтобы поспорить, какое количество денег швырнуть алчным скандинавам? Ни слова об армии, о сопротивлении или о том, как помочь сирым и убогим, больным и страждущим, которым несть числа в этой стране от края и до края.

Вульфстан решил, что с него хватит. Он встал и с силой стукнул епископским посохом в деревянный пол. Громкий звук заставил присутствующих повернуть головы к Вульфстану, и Витан умолк. Вульфстан стоял прямо; несмотря на худобу, от его фигуры веяло достоинством и властностью. Он не начинал говорить, пока не удостоверился, что всецело завладел вниманием аудитории.

— Анджело, ты знаешь, я не любитель ссор, хотя и ношу имя свирепейшего из зверей. Мы — совет, мы — члены Витана, и в столь благородном собрании нет места тем, кто сиял бы ярче остальных. За пределами этих стен у любого из присутствующих на сегодняшнем совещании есть своя роль, которую он играет. Роль, зачастую чрезвычайно важная для служения Богу, королю и отечеству. Но здесь, на собрании, каждый голос должен быть услышан.

Я редко озвучиваю свои мысли. Другие разделяют мои взгляды и высказывают за меня мое мнение. Но эта отвратительная погода обратила нас в склочных старых баб, и никто не прислушивается к доводам своих товарищей.

Вульфстан сделал паузу, дабы слова его дошли до каждого; голубые глаза испытующе сверкали из-под седых бровей, пока он ждал, посмеет ли кто-нибудь перебить его. Вульфстану

показалось, что Анджело намерен вставить парочку успокоительных фраз, но римлянин хранил молчание. Эта странная улыбочка, которая по-прежнему играла на лице королевского наперсника, распалила Вульфстана больше, чем если бы Анджело действительно заговорил.

— Мы все помним, что именно ты впервые убедил короля откупиться от скандинавов. И, несмотря на наше мнение, что это только подвигнет их на возвращение за еще большим кушем, Витан согласился. Но прошли годы, а ворог продолжает терзать нашу страну.

Мы испробовали предложенный тобой способ, Анджело. Он не сработал. Библия говорит нам, что всему своя пора. Сейчас для нас настала пора копить запасы, точить оружие и готовиться к весне. Есть еще время для организации объединенного сопротивления этим богопротивным чудовищам, которые смеют называть себя людьми. И когда они снова нахлынут на нас весной, мы одарим их не золотом, но совершенно другим металлом — сталью наших клинков.

Улыбка ушла с лица Анджело. Теперь его выражение нельзя было прочесть. Римлянин оглядел аудиторию, встречая кивки и хмурые взгляды остальных членов Витана.

— Вы все так считаете? — тихо спросил он. Нестройный хор голосов ответил ему утвердительно.

— Мне очень неудобно не соглашаться со столь мудрыми мужами, — медленно произнес Анджело, — но я сердцем чувствую, что вы не правы. Так же думает и король. Умоляю вас, пересмотрите свое решение.

— Витан сказал свое слово, — веско заявил Ордгар, сложив руки на груди и в упор глядя на Анджело. — Ублюдки больше не получат награды за поругание нашей родины!

— Понимаю, — тяжко вздохнул Анджело.

И тут Вульфстан услышал какой-то глубинный стон. Встревоженный, он огляделся вокруг и увидел, что остальные члены Витана тоже недоуменно поворачивают головы по сторонам. Только Анджело выглядел спокойным и невозмутимым.

Последовавшее за этим показалось Вульфстану стремительным, кошмарным сновидением. Без какого-либо предупреждения, кроме все того же тихого, странного звука, старые сухие доски, служившие полом для второго этажа, проломились. Деревянные щепки от сломавшихся досок метнулись вверх и вниз. Падая, суча руками и ногами и пытаясь ухватиться за что-нибудь, Вульфстан заметил, как Ордгар наткнулся на длинную копьевидную зазубренную деревяшку, и та, проткнув старика насквозь, вышла своим окровавленным

острием из его спины. Вульфстан успел поймать взгляды нескольких своих товарищей; все они падали вниз, у всех — неописуемый ужас на лицах.

Казалось, падение будет вечным. Вульфстан начал было молиться, но не смог пошевелить губами, чтобы произнести святые слова. Вопли эхом отдавались в его ушах, сопровождаемые страшным звуком с треском расщепляющихся балок да тяжелыми глухими стуками от падения тел на большой стол и пол первого этажа.

Вульфстан оказался одним из тех, кому относительно повезло. Он рухнул на стол, приземлившись на огромные блюда с жареной дичью и олениной, затем свалился на пол.

Какое-то мгновение он не мог даже дышать. Затем воздух рванулся ему в легкие, после чего епископа пронзила острая, колющая боль. Похоже, что-то все-таки сломалось внутри, понял Вульфстан. Лежа на спине, он хорошо видел громадную дыру на месте того, что еще минуту назад было потолком. Настырные щепки все еще падали сверху, и Вульфстан инстинктивно поднял руки, чтобы защитить лицо.

А вокруг раздавались стоны и крики. Ни один из упавших не избежал ранения или увечья. Некоторые, несомненно, уже были мертвы, но не это вселило в епископа всеобъемлющий, холодный ужас.

Он увидел, что Анджело лежит, вытянувшись во весь рост, на единственной непровалившейся балке. Целый и невредимый. Крепко схватившись сильными руками за балку, римлянин грациозно, словно акробат, повис на ней и легко спрыгнул на стол. Оглядевшись вокруг, он рассеянно отряхнул одежду от пыли и удовлетворенно кивнул самому себе.

Да, сомнений быть не могло. Анджело каким-то образом подготовил и осуществил все это на тот случай, если голосование пойдет не так, как он хотел. Рискованный, конечно, маневр — что, если бы эта единственная балка оказалась не столь прочной? — но Анджело, очевидно, счел, что результат стоит риска. А теперь, само собой, весь он — сама забота: мечется вокруг, дабы помочь раненым, вознося свои насквозь фальшивые благодарения Богу, пощадившему его и короля… Прекрасное лицо было всего лишь маской, за которой пряталось нечто настолько темное, зловещее, чего Вульфстан до сих пор и представить себе не мог.

Анджело чрезвычайно опасен.

Анджело несет с собой зло.

И Анджело фактически правит Англией.

Или, лама савахфани! — безмолвно возопил Вульфстан. —

Боже, почему ты меня оставил?

Потом тьма навалилась на епископа, и сознание покинуло его.

Королевский замок в Калне

14 ноября 999 года

Анджело вошел в свои апартаменты в замке Этельреда, опустил засов на двери и рухнул на кровать. Он не стал зажигать ни лампу, ни свечи; римлянин прекрасно видел в темноте. Он устало потер пальцами глаза. Трудный сегодня выдался денек, но весьма и весьма успешный. Довольная улыбка вползла на лицо римлянина. Шестеро мертвы, еще восемь человек не переживут ночь, а все остальные серьезно ранены. По крайней мере четырнадцать вакансий появилось в Витане, и эти свободные места надлежит заполнить Этельреду. Нужно только нашептать подходящие кандидатуры в царственное ухо.

Анджело свесил ноги с кровати и расстегнул пояс. Произнес резкое, гортанное слово, и жаровня в центре комнаты ожила. Волны тепла покатились от нее, температура в помещении начала подниматься.

Анджело со вздохом облегчения сбросил тунику и приступил к утомительной работе отстегивания и разматывания сложных ножных обмоток. Может, первобытным англосаксам и требовалось укутываться в ярды материи, дабы оградить себя от морозных укусов, но римлянин уж точно в этом не нуждался. Прочь льняное исподнее — даже король не мог похвастаться более изящным, более удобным бельем, — и Анджело оказался великолепно наг, свободен от сковывающих движения одеяний.

Он встал и потянулся. Затем прошлепал босыми ногами к маленькому столику, заваленному ювелирными изделиями, щетками из кабаньей щетины, искусно вырезанными из кости гребнями, и выбрал из всего этого отполированное медное зеркало. Не в силах устоять пред соблазном, Анджело с любовью воззрился на свое отражение. Великолепно. Как все же приятно видеть себя вот таким, со столь прекрасным лицом, обладающим совершенными чертами. Оно напомнило ему прежние времена, когда…

Нахмурившись, Анджело швырнул зеркало на стол и прошел к жаровне. Час был поздний, и римлянин отдал приказ челяди не беспокоить его до утра. Так что можно начинать.

Какое-то мгновение он молча смотрел на пылающие в

жаровне красные угольки, словно пульсирующие своей собственной жизнью. Оранжевый свет омыл лицо римлянина, лаская его с почти жалостным пылом.

— Имей я сострадание, — обратился Анджело к углям, — мне бы, наверное, даже стало жалко тебя. Впрочем, сейчас не до сантиментов. Давай-ка, рассказывай, что ты узнал. Время уже позднее, а я теперь нуждаюсь в сне, как обычный человек.

Протянув руку, он ткнул указательным пальцем один из горячих углей. Прикосновение не оставило следа на его плоти. Уголь тотчас же заискрился, и вверх взметнулся язык пламени. После секундной бешеной пляски пламя сформировалось в гротескный образ, обладающий бычьей головой со злобными маленькими глазками и острыми зубами. Туловище было человечьим по форме, но ужасно искривленным.

— Мой повелитель, — проскрежетала тварь, подобострастно наклонив кошмарную свою голову.

— Молох, — с ноткой уважения в голосе обратился Анджело к огненному созданию. — Новость, видимо, действительно наиважнейшая, если ты решился терпеть… Итак, выкладывай. Что ты узнал?

Призрачная фигура съежилась от страха, прижав уши к голове, будто в ожидании удара.

— Моему повелителю не понравится услышать сию новость.

— Твоему повелителю понравится еще меньше не услышать эту новость, — отвечал Анджело и, подняв левую руку, сжал кисть в кулак. Порожденное пламенем существо стало извиваться в агонии, тонко и пронзительно заверещав. Анджело знал, что никто в доме, кроме него, не слышит этого вопля. — Твоя новость, Молох, или…

— Новость, новость! — жалобно захныкала тварь. — Нас ждут неприятности с небес, мой повелитель!

— А когда их не было?

— На сей раз все очень плохо… Наверху знают. Наверху знают, что ты здесь и что ты намерен сделать!

Анджело зарычал, и огненное существо завертелось в бешеной пляске, ожидая испытать новую боль. Но, к его очевидному облегчению, Анджело просто сделал глубокий вдох.

— Я предполагал, что такое случится… Что они планируют предпринять?

— Вызвать Свидетелей, — прошипел Молох. — Двое Свидетелей грядут, как и предсказано. Им надлежит остановить тебя, мой повелитель!

— Свидетели смертные или бессмертные?

— С-смертные, мой повелитель, но могущественные.

Анджело расслабился.

— Тогда не бойся, Молох. Со смертными я управлюсь. Тебе известно, кто они такие?

Призрачная фигура покачала головой.

— Нет, мой повелитель. Даже самим Свидетелям пока неведомо, что они являются таковыми.

Анджело коротко хохотнул, затем проговорил голосом тихим и проникновенным:

— Бедный Молох. Неужели ты сомневаешься в успехе моего предприятия настолько, что сей маленький инцидент так напугал тебя?

— Нет! Нет! — заволновалась огненная тварь. — Твой план великолепен, мой повелитель, и ты непременно добьешься успеха. Я только… мне показалось… я думал…

— Просто слушай и докладывай мне обо всем, а думать я буду сам. Ты молодец, Молох. Будь спокоен и ничего не бойся.

Анджело взмахнул рукой, и яростное пламя обратилось в спокойный огонь, который, лениво вспыхнув несколько раз, спрятался в красном угольке.

Анджело остался доволен. Новость вообще-то хорошая. Появление Свидетелей необходимо для успешного осуществления его плана. Нужно, чтобы исполнился каждый пункт пророчества, иначе план провалится. Плохо, правда, что противник ударил первым… Анджело предпочел бы вызвать собственных Свидетелей, дабы обеспечить себе поддержку с их стороны. Это, однако, было не в его власти.

Он лег, обнаженный, в кровать и, сладко потянувшись всем своим стройным, мускулистым телом, расслабился в мягкой постели, утопив светловолосую голову в подушку.

— Ну что же, Свидетели, приходите. Я более чем готов к встрече с вами.

Погружаясь в сон, Анджело подумал, что настало время привлечь к делу еще одного гаранта его неизбежной победы. Настало время призвать себе в помощь особое подкрепление.

ГЛАВА 4

Легкий ветерок зашевелил листву Мирового Древа. В ответ на это Орел, восседающий на самой верхней ветви, известной как Лерад, сместил свой вес. Мигая золотистыми глазами, величественная птица обозревала Древо, отмечая все на нем происходящее. Ничто не ускользало от внимания Орла. Со своего насеста он мог видеть все Девять Миров.

Мировое Древо являлось средоточием жизни, всех миров касались его ветви, даже холодного Нифльхейма. Орел важно мигнул, затем раздраженно распушил перья, когда Лерад слегка прогнулся, отвечая на прибытие одного из наименее любимых обитателей Мирового Древа.

Бельчонок поднял трубой толстый пушистый хвост. Его маленькие черные глазки светились от самомнения.

— Дракон, — объявил он высоким голоском, — попросил меня сказать тебе кое-что.

— А когда он не просил? — вздохнул Орел с притворной грустью.

Бельчонок пропустил иронию мимо ушей.

— Дракон говорит, что ты — просто заносчивая ворона, клюющая падаль. Что ты не приносишь никакой пользы, сидя здесь, на высочайшей из ветвей, будто ты лучше, нежели кто-либо другой. Что твои перья тусклы и уродливы, и если бы он смог, то проглотил бы тебя в один присест. Грррооооаааар!

Бельчонок изо всех сил попытался сымитировать свирепый рык Дракона, но вышел лишь тонкий визг.

Орел сознавал, что ему не следует особенно раздражаться из-за этого вздора главным образом потому, что сие послание пришло от завистливого и несчастного Дракона. И все же он сузил свои огромные золотистые глаза и разгневанно заклекотал.

— Тогда передай ему следующее!

Бельчонок подался вперед, навострив стоячие, с кисточками, ушки.

— Он, Дракон, прозябает в Нифльхейме потому, что не отваживается подняться выше по великому Мировому Древу из боязни, что кто-нибудь примет его за червя — каковым он, по сути и является — и наступит на его уродливый хвост. Он в бессильной ярости грызет корни Древа, поскольку завидует всему, что живет в этих ветвях. И если он когда-либо посмеет покинуть свою мерзкую нору, я буду более чем счастлив выклевать его красные глаза и проглотить их в один присест. А теперь ступай, Бельчонок, и передай мое послание Дракону.

Глаза Бельчонка заискрились от удовольствия.

— Твои слова наверняка рассердят Дракона, — проговорил он взволнованно.

— Этого, — отвечал Орел, — я и добиваюсь.

Бельчонок мотнул хвостом, подпрыгнул вверх, перевернулся в воздухе и торопливо пустился в обратный путь по ветвям вниз. Его внутренне согревала искусность высказанного Орлом оскорбления, и он с большим удовольствием предвкушал гнев Дракона. Как приятно, однако, путешествовать по ветвям Мирового Древа!

Вниз и вниз спускался Бельчонок по громадному стволу могучего дерева. Мимо Асгарда и Ванахейма, мимо Мидгарда и Муспельхейма к ледяному, темному царству Нифльхейма. Он дрожал, несмотря на свою теплую шерстку, и надеялся, что Дракон будет краток.

Бельчонок застал Дракона за любимым занятием — тот бесплодно грыз могучий корень Мирового Древа. Как будто Древо можно завалить! Порой Дракон поражал Бельчонка своей глупостью — столь же непроходимой, как и тупоумие Орла.

Дракон перестал жевать, и кусочки древесного корня посыпались из его пасти, когда он выслушивал излагаемое Бельчонком оскорбление в свой адрес. Бельчонок закончил пересказывать послание, и Дракон взревел в ярости. Его могучий хвост ударил по льду, отчего тот содрогнулся и покрылся трещинами.

— Передай тогда этой жалкой пташке следующее, — начал он, и Бельчонок подался вперед, внимая каждому слову Дракона.

В конце концов, это входило в его обязанности.

* * *

Кап. Кап. Кап.

Звук падающего — капля за каплей — в чашу яда эхом отдавался в пещере. Только этот звук нарушал глубокую тишину. Уже давно у Сигюн иссякли новости, сплетни и занятные истории, посредством которых она развлекала плененного мужа. А Локи произнес не больше нескольких отрывистых слов с тех пор, как Один и Тор оставили его здесь, надежно связанного кишками его младшего сына. Поначалу Локи был переполнен гневом, потом слишком полон печали. Теперь у него и Сигюн не осталось тем для разговора.

Кап. Кап. Кап.

Бултых.

Крепко скованный, Локи напрягся. Он уже давно знал, что означает этот звук. За века, проведенные в заточении, он слышал его неисчислимое количество раз. Чаша Сигюн почти наполнилась. Скоро ей придется отойти, чтобы вылить яд, и тогда не останется никакой преграды между чашей и лбом Локи.

Бултых. Бултых.

— Локи… — начала Сигюн.

— Знаю, — кратко ответил он. — Ступай. Быстро.

Сделав глубокий вдох, Локи плотно закрыл глаза. Послышалось легкое шлепанье по камню босых ступней Сигюн, когда та торопливо пошла прочь, куда-то по коридору, где она выплескивала мерзкую жидкость. Локи напрягся еще больше, ожидая ядовитой капели на свой лоб и начала страданий.

Однако ничего не случилось.

Долго, дольше, чем он когда-либо выдерживал, Локи ждал. А яд так больше и не падал. Тогда Локи осторожно открыл один карий глаз.

Над ним, как и прежде, висел, обвернувшись кольцами вокруг копьевидного каменного стержня, змей. Но пасть его была закрыта, а желтые глаза чудовища испытующе, как показалось Локи, смотрели на него. Наконец змей двинулся вниз. Его слабо светящиеся кольца сокращались и распускались до тех пор, пока, с испугавшей скованного бога внезапностью, змей не упал рядом с ним на валун.

— Ты ведь Локи, правда? — спросил змей.

Локи облизнул пересохшие губы.

— Хочешь сказать, — медленно произнес он, — что все это время, пока ты сидел надо мной, истязая меня своим ядом, ты не знал, кто я такой?

Ромбовидная голова, устроившаяся на верху извилистого тела, чуть склонилась вбок. Из пасти на мгновение выметнулся черный язык, и — Локи глазам своим не поверил — змей улыбнулся.

— Ну, — небрежно сказал он, — змей-то знал, конечно. А мне следовало удостовериться.

— Но… ты ведь и есть змей!

— Нет, я не змей!

Локи тупо уставился на него, затем положил голову на камень и засмеялся. Это причинило ему боль. Очень уж много времени прошло с тех пор, как он сталкивался с чем-то для себя забавным. Впрочем, и нынешняя ситуация не располагала к веселью, просто Локи не смог найти на слова змея иного ответа, кроме смеха.

— Свершилось! — воскликнул он. — Наконец-то я спятил!

Хотя скажи-ка мне, Змей-Который-Не-Змей, почему мне чудишься ты, а не какая-нибудь красотка со сладкой музыкой и добрым вином?

Змей начал скользить по Локи с некоей медленной лаской. Локи задрожал, но не смог определить, от какого чувства. Змеиное тело скользнуло по его телу, язык нежно коснулся лица; Локи заставил себя остаться недвижимым.

— Именно потому, — вновь заговорил змей, — что ты не сошел с ума. И потому, что я не змей.

Он отвел голову назад и заглянул прямо в голубые глаза Локи. На мгновение огненный бог ощутил, как, должно быть, чувствует себя воробей под пронизывающим взглядом змеи.

— С тобой обошлись по-варварски. — Голос рептилии изменился, став мягким от сочувствия. — Быть заточенным под землей, знать только боль… поверь мне, я способен сопереживать. Особенно тому, что ты так привык изменять свою форму! Это, должно быть, ужасно.

— Змей, — насупился Локи, — думаю, ты нравился мне больше, когда капал ядом на мое лицо.

— Ерунда! — рассмеялся змей.

— Если бы не мои оковы, я бы тебя убил.

— Вот этому, друг мой, я охотно верю. Но думай, Локи, думай! Ты всегда был умнее, нежели какой-либо из других богов Асгарда. Я — змей, и в то же время я — не змей. Я внутри змея, ношу его форму подобно плащу, в который я мог бы облачиться с наступлением холодов. Это не совсем перемена формы, но нечто похожее.

Желтые глаза пристально смотрели на Локи.

— Я могу дать плащ тебе. Человеческий плащ.

Грудную клетку Локи внезапно что-то сдавило.

— Кто ты такой?

Змей снова улыбнулся:

— Несть числа именам, под которыми я известен. В данный момент можешь называть меня Анджело.

— Ты в силах освободить меня?

— М-м-м, в каком-то смысле. Я в силах дать тебе тело, в котором ты смог бы пребывать. Прекрасное тело. Хотя и без возможностей изменения формы — смертные на это не способны.

Локи молчал. Ему казалось, он понимает, что предлагает змей. Анджело. И он вдруг едва не заплакал. Локи любил свое собственное тело, но достаточно часто играл его формой и размерами, чтобы не быть слишком уж привязанным к нему — особенно теперь, когда появился шанс освободиться от пытки и затем в конце концов отомстить своим мучителям.

Рагнарёк. Конец света, последние мгновения богов. Локи всегда знал, что именно из-за него разразится грядущий хаос, когда надменные Эзир и Ванир свалятся со своих драгоценных насестов в великом чертоге Асгарда. Один тоже знал это, поэтому и опасался Локи. Когда настанет время конца света, Локи и его дети будут освобождены, дабы заявить свое право на месть.

Только мысль о Рагнарёке, о возможности наконец-то обрушить гнев на тех, кто причинил зло ему и всем, кого он любил, лишь эта мысль не позволяла Локи впасть в полное отчаяние. Мысль о сражении с Эзиром, бок о бок со своими детьми, убивающими, как убивает он, о том, что все, абсолютно все, падет под его разящей дланью, согревала Локи все эти века, проведенные в заточении. Он, конечно, тоже погибнет, однако что такое гибель для Локи? Не перенес ли он уже пытку, пострашнее смерти?

— Рагнарёк, — прошептал Локи голосом, охрипшим от страстного стремления.

— Точно, — прошипел змей, наклоняясь к нему. Он потерся своей гладкой мордой о подбородок Локи, и тот вдруг ощутил быстрое, почти эротичное прикосновение раздвоенного языка к своим губам. — Рагнарёк. Наконец-то пробил твой час.

— А что тебе нужно от меня? — спросил Локи с внезапным подозрением. — Долго я жил, многое я видел, но я не знаю никого, кто дает что-то задаром.

— Умно, — одобрил змей. — Ты прав. Я хочу кое-что взамен величайших даров, которые ты получишь от меня. Ты горишь желанием поквитаться с вашим Отцом Всемогущим, вашим Одином. У меня вырос огромный зуб на подобного ему. Тебя сбросили с места, занимаемого тобой по праву, и заточили здесь, дабы истязать до скончания времен. Меня покарали подобным же образом. Ты хочешь осуществить Рагнарёк, я хочу приблизить… — Он вдруг умолк, не закончив фразы, будто испугавшись, что сказал слишком много, затем продолжил: — Предо мной стоят задачи, которые нужно решить, Локи. И мне требуется помощь. Делай то, что я буду тебе говорить, и тогда, обещаю, ты обретешь свободу и получишь свой Рагнарёк.

— Мои дети… я должен освободить их.

— Безусловно. Я знаю о твоих детях и предусмотрел для них роли в моем сюжете. Итак, — змей снова медленно заскользил по телу Локи, — мы заключили сделку?

Локи задумался. Повинуясь инстинктивному порыву, он едва не выкрикнул громкое «Да!», однако, сам сыгравший достаточно много шуток с другими, огненный бог все же остерегался ловушки. Впрочем, какой капкан может быть хуже того, в который

он попался так давно?

— Давай удостоверимся, что мы понимаем друг друга. Ты освободишь мою… сущность, я полагаю… и поместишь ее в другое тело. Я, в свою очередь, смогу освободить своих детей. Взамен за это ты желаешь, чтобы я выполнил определенные задачи, дабы помочь тебе добиться того, чего ты хочешь. По выполнении этих задач мои дети и я сможем приступить к осуществлению Рагнарёка, как и было предсказано?

— Быстро соображаешь, — одобрительно заметил змей. — Мне это нравится. Стало быть, по рукам?

Локи улыбнулся. Его зеленые глаза заискрились. Он облизнул губы в предвкушении свободы.

— Договорились, — ответил он.

* * *

Сигюн бежала по извилистым темным туннелям. Света здесь не было, но он ей и не требовался. Сигюн так часто преодолевала этот путь, что знала каждый дюйм, каждый поворот подземной дороги.

Ее постепенно наполнял страх. Страх за мужа. Локи не кричал в мучениях, и земля не сотрясалась от его неистовых судорог. Случилось что-то страшное. Возможно, его большое сердце все же остановилось. Боги могли умирать по собственному желанию.

Сигюн завернула за угол и ворвалась в пещеру, задыхаясь от быстрого бега. Глаза женщины расширились при виде встретившего ее зрелища. Чаша выскользнула из внезапно обессилевших пальцев и, упав на каменный пол, разбилась.

На первый взгляд, все оставалось как прежде. Змей висел на своем обычном месте, над телом Локи. Капли яда падали на лоб бога. Изменился сам Локи. Он неподвижно лежал на плоском валуне, а жемчужного цвета капли змеиного яда, падая на бледное тело, струйкой стекали на камень.

Кап. Кап. Кап.

— Локи, — выдохнула Сигюн.

Она метнулась к нему, схватила за плечи, встряхнула. Голова его мотнулась, и яд брызнул на висок, в ухо. Сам Локи даже не шевельнулся. Глаза были раскрыты, глядя в никуда. Грудь вздымалась и опускалась, плоть оставалась теплой. Лишь это отделяло его от окончательной недвижимости смерти.

Слезинка сползла по щеке Сигюн и упала на его лицо, подобно капле змеиного яда.

— Любимый, — прошептала Сигюн, лаская дорогое ее сердцу лицо, погружая пальцы в огненно-рыжую шевелюру. Сигюн наклонилась и запечатлела нежный поцелуй на устах Локи, чего она так давно не делала…

Никакого сладостного ответа с его стороны. Тело оставалось живым, но то, что составляло сущность Локи, ушло, видимо, безвозвратно.

— Будь ты проклят, Один, — зарыдала Сигюн. — Будь проклят за то, что ты сделал с ним!

Она сдерживала свои эмоции ради Локи все эти… что, годы? Века? Тысячелетия? Она не позволяла себе плакать, дабы не расстраивать его. Сейчас, однако, она дала волю слезам и легла рядом с Локи на холодном камне. Изогнувши свое стройное тело, чтобы потеснее прильнуть к мужу, она возложила золотистую свою голову на его грудь и вслушалась в биение его сердца.

— Я буду ждать тебя, любовь моя, — прошептала Сигюн.

Северное море

21 ноября 999 года

Бран не знал, как долго он пробыл рабом у викингов. Трудно следить за ходом времени, когда сутки напролет проводишь на лодках и кораблях в открытом море либо тебя запирают в комнате без окон на… сколько? Неделю? Месяц? Летнее тепло пришло, затем пошло на убыль, и зима начинала покусывать первыми заморозками. А в стране северян укусы эти становились все более и более ощутимыми.

О нем до известной степени заботились, предоставляя пищу и кров, чего нельзя было сказать о многих других пленных. Будучи мужчиной крепким и храбрым, Бран все же испытывал страхи, свойственные любому смертному. Страх, гложущий его сейчас, заключался в следующем: он боялся, что его могут счесть непригодным для тех целей — ему неведомых — ради которых его и пленили, и просто прикончат за ненадобностью. А ведь в нем, избежавшем смерти от рук светловолосых захватчиков, теперь с каждым днем росла и крепла надежда; надежда на то, что ему в конце концов удастся каким-то образом вырваться на свободу и он вернется в милый его сердцу Гленнсид.

Жди меня, Кеннаг, мысленно обращался он к любимой, сидя на палубе баркаса. Я боялся, я ничего не говорил тебе о своей любви, пока огонь Белтейна не придал мне смелости. Сколько времени я потерял впустую, — но я помню те мгновения, когда

держал тебя в своих объятиях… Я вернусь к тебе, обещаю!

Несмотря на пылкость своих мыслей, Бран дрожал. Толстый шерстяной плащ, в который его укутали, не спасал от ледяного ветра, дующего с океана. Бран попробовал думать о жаре Белтейнова костра, о пламени страсти в смеющихся зеленых глазах Кеннаг… но и это не помогло. Все, что он мог видеть, так это серые море и небо, а слышал лишь скрип мачты да хлопанье по ветру квадратного красного паруса.

Нынешнее плавание было каким-то скучным, и Бран мало понимал, что происходит. Викинги делали много остановок, где рабов передавали на другие корабли, новым хозяевам. Впрочем, для Брана все они выглядели одинаково — голубоглазые лохматые блондины с колючими нечесаными бородами. С корабля на берег, с берега на корабль, и наконец — если верить одной из пленниц, немного говорившей по-скандинавски — судно, на котором пребывал Бран, взяло курс на Византию. Теперь, очевидно, корабль и шел в южном направлении, хотя Бран не смел поднять голову, дабы оглядеться. Единственный раз, когда он попытался сделать это во время первого «путешествия» с родины к берегам Скандинавии, его так шандарахнули по голове, что он потерял сознание.

Бран быстро усваивал подобного рода уроки.

Кузнец посмотрел на веревки, связывающие его руки и ноги, и гнев начал подниматься в нем. Во что бы то ни стало нужно попробовать освободиться. Пока он держался за эту надежду, ему…

— Ох!

Резкая боль. Бран согнулся, насколько позволяли ему путы. Великий Мидхир, как же больно…

Остальные рабы отодвинулись от него; страх отразился на их изможденных лицах. Было время, когда эти люди, его соплеменники, обязательно попытались бы оказать ему помощь. Но сейчас каждого волновала лишь собственная судьба.

Боль пришла снова, с удвоенной силой, и Бран ощутил, как кровь отхлынула от лица. Губы похолодели. Боль в животе тоже была холодной, словно Бран проглотил ледяшку, и окоченение начало распространяться по телу из желудка, пока…

Бран повалился на палубу ничком.

* * *

Локи быстро заморгал глазами, пытаясь вникнуть в ситуацию и определить, кто он такой и где находится. Ощутил деревянную

поверхность под своей щекой, краем глаза увидел сильные руки, связанные веревкой… Локи с трудом принял сидячее положение и быстрым взглядом осмотрел свое тело. Мужчина, что хорошо, хотя он достаточно часто принимал и женский облик; бледная кожа, тронутая, правда, загаром; широкие плечи; длинные пропорциональные конечности — да, ему очень понравилось новое тело.

Тяжелая рука стукнула по одному из этих широких плеч. Гнев вспыхнул в нем в ответ на дерзость, и Локи свирепо посмотрел снизу вверх на красную бородатую рожу, обрамленную спутанными волосами.

— Во имя Отца Всемогущего, ты что же делаешь, скотина? — Громкий голос резанул его слух, только усиливая гнев.

— Убери с меня свою лапу, — угрожающе проговорил Локи, отметив, что его голос — низкий, сильный — ему тоже нравится. Да, Анджело сделал хороший выбор.

— Что… да ты, глупый кельт, знаешь, оказывается, наш язык? Тогда какого… — Викинг рыкнул, отвел кулак назад и саданул Локи в челюсть.

Голова Локи дернулась влево, и он ощутил вкус крови. Он медленно повернул к скандинаву лицо и довольно долго просто смотрел на него. Верзила нахмурился, однако в его глазах промелькнула неуверенность.

— Ты умрешь первым, — пообещал ему Локи, улыбаясь.

Он снова взглянул на веревки вокруг своих сильных запястий, закрыл глаза и призвал своего слугу, огонь. Веревки мгновенно воспламенились и пепельными завитками свалились с запястий и лодыжек. Остальные пассажиры баркаса в ужасе закричали и постарались убраться от него как можно дальше.

Но Локи только начинал представление. Он поднялся на ноги, снова восхитившись прекрасным телом, дарованным ему, и ткнул указательным пальцем в сторону мирно колышущегося серого океана.

Волны стали круче. На них появились белые гребешки пены. Локи раскрыл ладонь и приложил ее к своей груди. Другую руку он протянул вверх, к небу. Тотчас же начали формироваться тучи, серые поначалу, но на глазах чернеющие. Затем сверкнула внезапная, ослепительная стрела молнии, за которой незамедлительно последовал оглушительный раскат грома.

— Приди, шторм! — вскричал Локи, вселяя еще больший ужас в присутствующих на корабле. — Приди ко мне, когда я призываю тебя!

Он сжал кулаки и широким охватывающим жестом опустил их к своим бедрам. И шторм пришел.

Даже старый его приятель, бог-громовержец Тор, над которым Локи так любил подшучивать, даже он, вероятно, не вызвал бы бурю лучше этой. Волны высотой в два человеческих роста обрушились на казавшийся теперь хрупким военный корабль. Локи взмахнул рукой, и вода устремилась прямо к солдату, который его ударил. У нее как бы выросли пальцы, которые схватили незадачливого рабовладельца и швырнули за борт. Пенящиеся волны сомкнулись над ним, и на поверхность он так и не всплыл.

— Я всегда держу слово, — ухмыльнулся Локи.

Дождь сплошной пеленой падал вниз. Баркас заваливался то на один борт, то на другой, раскачиваемый яростью ветра и дождя. Особенно свирепый порыв ветра разорвал красный парус, и тот неистово захлопал, добавляя собственную музыку к ураганной песне шторма.

В испуганных криках людей послышались теперь и нотки восхищения. Локи выждал еще несколько секунд, дабы довести зрителей до нужного ему состояния, потом, подняв руки, громко приказал:

— Шторм, утихни!

И, когда Локи плавно опустил руки, волны, ветер и дождь повиновались ему. Море стало спокойным, почти зеркально-гладким. Тучи унеслись прочь, и выглянуло солнце. Все было хорошо.

Уперев руки в бока, Локи оглядел перепуганных, мокрых викингов.

— Созерцайте чудеса, которые я…

Он вдруг умолк. Мне нужно имя, не так ли? Истинное мое имя, знакомое им по легендам, только еще больше напугает их. Нельзя и рассказывать, какую роль я должен играть в грандиозном спектакле Анджело; это также вызовет отрицательную реакцию. Нужно хорошее имя, солидное, за которым можно спрятаться, как за маской. Что там говорил Анджело о зверях и драконах?..

Локи, улыбнувшись, продолжил:

— …которые я, Дракон, сын Одина, могу совершать! Вы пойдете за мной или вам нужны еще доказательства моего божественного происхождения?

Нестройный хор голосов ответил ему:

— Мы пойдем за тобой, Дракон, сын Одина!

— Отлично. Вы будете первыми. Но в служении Божьему Сыну все люди равны. Освободите рабов и приветствуйте их как братьев!

И вот могучие викинги принялись старательно разрезать

путы у мужчин и женщин, которые всего несколько минут назад не представляли для них ничего, кроме движимого имущества. Это выглядело так забавно, что Локи едва не зашелся от смеха. Все-таки хорошую роль выбрал для него Анджело!

Локи умерил веселье, вспомнив о следующей задаче — освобождении своих детей. Баркас викингов, один из лучших кораблей, создаваемых смертными в те времена, все же не мог передвигаться так быстро, как того желал огненный бог. Не мог он достигнуть и того места — места не вполне от мира сего, — где томился в плену старший сын Локи.

Согласно пророчествам Рагнарёка, Локи ожидало особое судно. Но, хотя он и освободился, как и было предсказано, подлинный час Рагнарёка еще не настал. Морозные великаны пока не закончили строительство темного корабля…

В голову Локи пришла интересная мысль, и расчетливая улыбка появилась на его лице.

А как, собственно, выглядит мое лицо? — рассеянно подумал Локи. — Надо бы найти зеркало да посмотреть… Да, настоящее судно еще не готово, но теперь, когда я свободен, почему бы мне самому не ускорить ход предначертанных событий?

Локи задумчиво смотрел на мужчин и женщин, молчаливых, ошеломленных чудом. Один молодой человек особенно привлек его внимание: совсем еще юный, желтоватая бородка едва прикрывает сильный волевой подбородок. Он тяжело сглотнул, когда взгляд Локи остановился на нем, однако не отвел глаз. Юноша понравился Локи.

— Ты… как тебя зовут?

Юнец побледнел, но даже теперь не отвел взгляда.

— Т-Торкелл, Дракон, сын Одина.

— Торкелл, у меня есть задание для тебя. Но прежде позвольте мне задать вопрос всему экипажу этого прекрасного корабля. Я показал вам, на что способен. Я сказал вам, кто я такой. Мне нужен экипаж, которому я мог бы доверять, который будет повиноваться мне и следовать за мной, куда бы я ни повел. Согласны ли вы, по собственной воле, быть моим экипажем и предоставить этот великолепный корабль в мое распоряжение?

— Да! — ответили они почти в один голос, торопливо выражая свое согласие.

— Отлично. Из вас получится замечательный экипаж, я уверен.

Локи нагнулся и, ощупав поверхность палубы, осторожно извлек из нее одну из досок. Такие доски, всегда встраиваемые в суда скандинавов, помогали при вычерпывании воды, когда корабли с низкими бортами частично затоплялись, как сейчас.

Держа доску в руках, он провел большим пальцем по ее краю. Как часть сделки, Анджело презентовал ему семь «темных чудес». Локи уже продемонстрировал одно из них, сначала вызвав, а потом усмирив бурю. Теперь он намеревался совершить следующее.

Локи закрыл глаза, ощущая деревянную доску у себя в руках. В своем воображении он увидел ее маленьким зеленым ростком, затем молодым деревцем. Открыв глаза, Локи увидел, что доска начинает двигаться в его руках. Он быстро швырнул ее за борт, внимательно наблюдая за ней.

Ропот удивления и страха достиг его ушей, но Локи проигнорировал эти звуки.

— Расти, — приказал он панели, — расти!

Доска как бы вывернулась наизнанку и начала удлиняться. И вот она превратилась в молодое деревце с корнями, ветвями и листьями. Оно быстро росло, удлиняясь и утолщаясь, перед изумленными взорами скандинавов и их бывших рабов. Когда оно стало столь же длинным, как и сам корабль, и настолько толстым, что трое человек не смогли бы, взявши друг друга за руки, обхватить его, Локи крикнул:

— Стоп!

Он обернулся к Торкеллу.

— Влезай на дерево. Юноша не двинулся с места.

— Ну же, влезай на дерево!

Торкелл, облизнув губы, пробормотал: «Спаси меня бог» и прыгнул за борт. Быстро подплыв к словно растущему из воды дереву, которое несколько минут назад было доской из корабельной палубы, он вскарабкался на его верхушку и испуганно оглянулся на Локи.

— Не отсылай меня прочь!

— У меня есть задача, которую я должен исполнить, — сказал ему Локи, — но я скоро вернусь. Я полагаюсь на тебя в деле распространения вестей о моем пришествии. Готовь для меня корабли и людей. Если сделаешь, как я говорю, именно ты поведешь их под моим командованием. Древо благополучно доставит тебя к берегу. Скажи всем, кто будет слушать, что Дракон, сын Одина, идет по земле! Дракон здесь, с чудесами, и все, кто пойдет вслед за ним, будут вознаграждены… а все, кто пойдет против него, бесславно падут!

— Я скажу, Дракон, сын Одина. Я все скажу им!

— Ты радуешь меня, юный воин! — воскликнул Локи.

Торкелл был настолько счастлив, что Локи едва не рассмеялся. Будто бросил кость собаке, подумал он, вот-вот хвостом завиляет.

— Я знаю, что вы, отважные викинги, возобновили атаки на берега и святые места Британии. Это радует меня. Я хочу, чтобы этот остров был разорен. Я хочу, чтобы английский король пришел ко мне, прося пощады. Я хочу, чтобы те, кто не пойдет за Драконом, были убиты. Ты слышишь меня, Торкелл?

— Да, Дракон, сын Одина! — Торкеллу пришлось громко прокричать свой ответ, поскольку древо быстро удалялось от корабля.

Локи одобрительно кивнул. Дождавшись, когда древо унесло Торкелла из поля зрения, он обратил свое внимание на оставшихся на борту баркаса людей.

Ему требовались совершенно особые корабль и экипаж. Ну что же, решил Локи, будем пока работать с тем, что имеем. Они ведь согласились следовать за ним. Посмотрим, как они сдержат свое обещание.

— Нагльфар, — громко прошептал Локи, — приди. Ты еще не построен, но я свободен и нуждаюсь в тебе. Начнем с этим кораблем и с этими людьми.

А люди молча смотрели на него, широко раскрыв глаза. Наконец один из них решился подать голос.

— На… гльфар… — произнес он, запинаясь. — Могучий сын Одина, почему ты хочешь назвать корабль именем этого судна? Ведь это зловещий корабль, сделанный из обрезков ногтей мертвецов, а не построенный из доброго дерева и железа. Зачем…

Локи улыбнулся.

Викинг умолк. Губы его двигались, но слова не приходили к нему. Он медленно опустил глаза, чтобы поглядеть на палубу под своими ногами.

Та становилась белой.

— Обрезки ногтей мертвецов, — воодушевленно повторил Локи фразу из народной легенды. — Нагльфар доставит Локи, — тут он слегка поклонился, положив руку на грудь, — к Рагнарёку. А Локи гордится своим верным экипажем… призраков.

Теперь, слишком поздно для них, они прочли свою судьбу в его коварной улыбке. Один потянулся было за мечом, но успел лишь схватиться за грудь, когда Локи жестом остановил его сердце. Другой нырнул за борт и отчаянно попытался плыть в полном вооружений, однако почти сразу же пошел камнем ко дну. Остальные упали на колени и, не успев пробормотать и нескольких слов молитвы, начали умирать. Один за другим валились они на палубу, благородные воины и смиренные рабы, неотличимые в смерти друг от друга.

Локи, весело посвистывая, принялся выбрасывать мертвецов за борт. С его новым телом, здоровым и сильным, он легко с этим

справился.

Когда все трупы затонули под грузом доспехов и одежды, над поверхностью моря поднялся туман. Он начал формироваться в фигуры, которым пока что недоставало цвета. Один за другим члены экипажа и пассажиры принимали позы, в которых находились при жизни, с плавной грацией, если не с настоящей энергией живых существ. Призрачный экипаж идеально отвечал требованиям Локи. Они не станут уставать, жаловаться и будут выполнять каждую его команду. Безмолвно глядели они на Локи; глаза и рты их были ничем, кроме как темными дырами в бестелесных формах.

— Берите курс на Ярнвид, — приказал Локи своему призрачному экипажу. — Мой сын ждет меня.

Они молча повиновались. Некоторые взялись за весла, другие подняли и развернули чистый белый парус. Тот поймал ветер, надулся, и корабль из ногтей, ведомый экипажем из мертвецов, стал набирать скорость.

Локи сладко потянулся и погрузился в приятные мысли о мести и победе.

ГЛАВА 5

На небесах шла война.

Повелитель Ангелов предводительствовал армиями Света. Со спокойным сердцем разил он противника клинком из голубого пламени, памятуя о том, что все бесценные и хрупкие прелести небес поставлены на карту; знал он также и то, что не проиграет эту битву.

Легионы Врага сражались умело и отважно. Это не удивляло Повелителя. В конце концов, разве они не ангелы тоже, хотя бы и падшие? И разве не ведет их в бой наилучший и ярчайший из них, славный Сын Рассвета? И все же падут они, неминуемо падут…

Наконец все закончилось, и приговор был оглашен. Повелитель не стал уклоняться от возложенных на него обязанностей, хотя и приступил к их исполнению с безмерной печалью в сердце.

Все было, есть и будет так, как того желает Господь.

Враг расхохотался, завидев, кто избран для исполнения приговора падшим.

— Ты всегда был у Бога лакеем, — саркастически заметил он.

— А ты всегда был слишком тщеславен, себе же во вред, — спокойно ответствовал Предводитель Ангелов.

— Нет, — возразил Враг. — Не тщеславен я, но проницателен. Я один способен проникнуть в суть происходящего здесь.

— Нас создал Он, — продолжил Повелитель. — Все, чем мы являемся, все, о чем мы думаем, все, что мы знаем — всем этим мы обязаны Ему.

— Он дал нам желания, — ответил Враг, подступая ближе к своему ангельскому брату. — Он дал нам свободу воли и позволил нам думать и рассуждать. Ну так вот, я думал, я рассуждал, и я пришел к следующему выводу: какой смысл в обладании желаниями и волей, если все предопределено? Несомненно, так не должно быть! Безусловно, мы должны иметь возможность бросать вызов. Вызов существующему порядку вещей, дабы изменять его! Мы ведь выдающиеся существа, ты и я! Мы — архангелы, высшие из высших…

— …И все же мы созданы, чтобы служить Ему.

— Вот именно! Разве ты не понимаешь, что это неправильно?

Крупными слезами наполнились глаза Повелителя.

— Ты был лучшим из нас. Он любил тебя, прислушивался к тебе, холил и лелеял тебя. Ты же отплатил Ему бунтом и ненавистью, и ты научил ангелов лгать. — Повелитель Ангелов

взял в ладони, словно в чашу, лицо Утренней Звезды, брата своего. — Как ты ярок! — прошептал он. — Как ты сияешь, даже теперь! Как я любил тебя и по-прежнему люблю. Послушай, еще не поздно. Пойдем же, предстанем пред Его троном, вместе, испросим прощения для тебя. Он милостив и…

Враг резко отстранился от брата.

— Ты что же, не понял, о чем я тебе говорил? Послушай-ка теперь ты меня! — Он крепко ухватил запястья Повелителя своими длинными тонкими пальцами. — Между нами все еще существует любовь. Если ты присоединишься ко мне, многие другие пойдут за нами. Мы сможем противостоять Ему, сделать из Его так называемого дара свободы воли нечто большее, нежели холодная тренировка интеллекта!

Быстрым движением Повелитель Ангелов высвободил свои руки.

— Это ты ничего не понял. Не понял даже того, что и бунт твой был предначертан!

— Нет, — прошептал Враг. — Нет, ты лжешь…

— Только ты и те, кто следует за тобой, только вы лжете. — Повелитель шагнул назад, лицо его посуровело. — Ты был образцом совершенства, полным мудрости и безупречным по красоте, но ты поступился своей мудростью в угоду своему же великолепию. Ты имел все, а теперь у тебя нет ничего. Мне предписано сбросить тебя с горных вершин Господних.

Прежде чем Враг успел среагировать, Повелитель Ангелов шагнул к нему, схватил брата своего, Утреннюю Звезду, за руки и мощным броском послал его вниз, в озеро вечных мучений, ожидавшее отступника.

Повелитель Ангелов зарыдал и, когда испустившая истошный вопль фигура выпала из поля его зрения, прошептал:

— Любимый брат мой, я буду молиться за тебя. Молиться до скончания веков.

Аббатство святого Эйдана

Чесбери

21 ноября 999 года

Уже далеко не впервые Элвин недоуменно задавался вопросом, почему какой-то давний аббат решил, что День бедняка приходится на конец ноября? Несомненно, было бы гораздо

мудрее предлагать гостеприимство аббатства в благодатные летние месяцы. Элвин подозревал, что местная беднота также предпочла бы это. Ну, по крайней мере нынче ноябрьское небо ясное. На новый снегопад, во всяком случае, непохоже.

Подобно любой святой обители, аббатство святого Эйдана с готовностью оказывало помощь нуждающимся во все времена года. Но именно в ноябре, ежегодно, согласно традиции, вся братия, включая самого аббата Беда, проводила целый день, не занимаясь ничем иным, кроме как удовлетворением нужд бедняков Чесбери. Даже трапезы в этот день отменялись, и монахи перекусывали на скорую руку, почти не отвлекаясь от богоугодного дела. Только восемь ежедневных молений проводились, как всегда.

Элвин мысленно вздохнул, шагая по скрипящему под ногами снегу; сейчас, он помогал брату Этельрику подготовить большой ушат воды для стирки одежды бедняков — если та не представляла собой совсем уж невообразимых лохмотьев. День бедняка всегда был долгим и утомительным, но, невзирая на это, Элвин и остальные монахи ждали его с нетерпением. Это была прекрасная возможность услужить Господу, заботясь о сирых и убогих, и вся братия стремилась проявить себя наилучшим образом.

Беднота роилась на монастырском дворе с самой заутрени до повечерия. Элвин, сочувственно глядя на страждущих, подумал, что нынче их гораздо больше, чем в предыдущие годы. Но аббатство с готовностью принимало их всех. Простая, но сытная снедь была разложена на грубых деревянных скамьях — угощение надлежало постоянно пополнять в течение дня. Пришедшим предлагались хлеб, сыр, домашняя птица, баранина, супы, яйца, молоко, морковь, пастернак сухофрукты и различные орехи.

Гости аббатства набрасывались на все это изобилие, словно изголодавшаяся саранча на тучные посевы. Элвин не мог представить себе, как можно быть настолько голодным, хотя время от времени и для него самого часы между трапезами в монастыре тянулись чересчур долго.

Браг Эдвиг ходил среди бедняков, осматривая людей и расспрашивая, не нуждается ли кто из них в помощи лекаря. Как правило, почти половине из пришедших таковая требовалась, и брат Эдвиг лечил их имеющимися в его распоряжении снадобьями — то сваренной в вине таволгой для ребенка с лихорадкой, то припаркой для плохо заживающей раны. Ни одного человека с огнем святого Антония Эдвиг среди толпы не обнаружил. Пораженные этой ужасной болезнью попросту не смогли прийти в монастырь.

Элвин шел в ногу с братом Эдвигом, замыкая шествие первой группы, около двадцати пяти человек мужчин, женщин и детей. Прежде всего их следовало помыть. Все они, молчаливые, устало брели по снегу. Элвин обратил внимание, как плохо они одеты. У многих детей не было даже обуви — только грязные тряпки, обмотанные вокруг ступней.

Он начал понимать, почему День бедняка издавна проводится в ноябре. В это время года страждущие нуждаются в помощи больше всего.

Одна маленькая девочка с черными гладкими волосами и смуглым личиком заметила, что Элвин смотрит на ее ноги. Она смело встретила его взгляд, и глаза ее вызывающе сузились. Лет семь, не больше, решил Элвин, но уже есть своя гордость.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Эльфгифу, — ответила девчушка.

— Какое красивое имя, — улыбнулся Элвин, ощущая неловкость; ему не часто приходилось общаться с детьми. — А ты знаешь, что королеву и одну из принцесс тоже зовут Эльфгифу?

— Бьюсь об заклад, вам не надо кормить их, — дерзко выдала Эльфгифу.

— Эльфа! — Отец девочки, мужчина лет тридцати, но выглядящий гораздо старше, дал девочке подзатыльник, не сильно, а так, в качестве замечания, так что дочка даже не заплакала. — Нельзя так говорить! — Он взглянул на Элвина. — Простите ее, пожалуйста. Она всего лишь дитя, а год был трудный, весь урожай…

Элвин знал, что случилось с нынешним урожаем. Все помнили день в конце августа, когда на поля опустились тучи саранчи. Элвин и раньше слышал фразу «небо стало черным от саранчи», но до этого дня всегда считал ее поэтическим преувеличением. Теперь он знал, что такое бывает на самом деле.

Элвин мысленно вознес Богу быструю молитву за девочку и ее семью, попутно возблагодарив Его за то, что аббатство — пока что — минует чаша сия.

Наконец они подошли к монастырской бане — небольшому каменному строению со скамьями и пятью большими деревянными лоханями. На скамьях лежали, готовые для пользования, полотенца, куски мыла, ножницы и бритвы. Помещение обогревалось двумя жаровнями, а принесенная туда почти кипящая вода наполнила его теплом и влагой.

Сами монахи мылись ежедневно. По субботам им позволялось принимать полную ванну, и Элвин всегда находил эту процедуру освежающей и успокаивающей. Он знал, что большинство знати — олдермены, члены Витана, высшие

сановники и, естественно, королевская семья — регулярно пользуется баней. Но бедняки не имели доступа к подобной роскоши.

Маленькая Эльфгифу явно не была знакома с понятием полного погружения в горячую воду. Широко раскрыв глаза смотрела она на деревянные лохани, от которых к стропилам клубами поднимался пар.

— Не бойся, малышка, — пророкотал Эдвиг. Его низкий голос и внушительное телосложение не соответствовали присущим ему доброте и мягкости. Эльфгифу боязливо подалась назад и спряталась за отцом. — Это всего лишь божья вода и аббатское мыло. Ну же, иди сюда, будь хорошей девочкой.

В аббатстве всегда возникали проблемы, когда приходилось иметь дело с представителями слабого пола. Большую часть своего времени монахи могли не опасаться соприкосновения с мирскими соблазнами. Баня для гостей в День бедняка заключала в себе определенный символизм — братьям как бы напоминали о Марии Магдалине, совершающей омовение ног Спасителя. Очевидно, однако, что монах, омывающий обнаженное женское тело — щеки Элвина вспыхнули при одной только мысли об этом — подвергся бы страшному искушению. Так что в аббатстве по давно устоявшейся традиции детей и мужчин купали монахи, тогда как женщины мылись сами.

Эльфгифу совсем спряталась за своим отцом, будто ягненок от медведя. Когда брат Эдвиг протянул к ней свою здоровущую, мясистую руку, девчонка испуганно втянула голову в плечи и зажмурилась. Эдвиг покраснел и просительно обратился к Элвину:

— Брат Элвин… может, ты поможешь мне?

— Ну же, Эльфа, поди сюда, — сказал Элвин спокойным голосом.

Молодой монах знал, что его приятная внешность, с мягкими темными кудрями и нежным лицом, никому не внушает угрозы, и уж наверняка не напугает эту девчушку, которая только что так дерзко ему отвечала.

— Горячая вода очень приятна после холодного снега, а твоя одежда будет так хорошо пахнуть, когда…

— Что с твоей рукой? — перебила его Эльфгифу, показывая пальцем. — Она болтается.

Стыд охватил Элвина. Краешком глаза он увидел, что Эдвиг сочувственно наблюдал за ним, прежде чем отвести взгляд, смутившись, как и он сам.

— Я таким родился, — тихо произнес он, стараясь не проявлять горького чувства обиды за свою ущербность.

Эльфгифу опять спряталась за отцом, но тотчас высунула из-за него голову, с детской непосредственностью таращась на увечную руку юноши.

— У него рука, как у Альдульфа, — уверенно заявила она.

— Нет, Эльфа, не так. Брат Элвин в порядке, — возразил ей отец. — Понимаете, — начал объяснять он, — у моего брата отнялась рука, прежде чем его хватил удар. Он умер, когда Эльфа была с ним в комнате наедине. Ваша рука… простите меня, брат Элвин, но она напоминает ей…

— Она как у Альдульфа, — упрямо повторила девочка. — Папа, уведи меня отсюда!

— Эльфа…

Элвин шагнул вперед и успокоительно протянул к ней здоровую руку. Эльфгифу закричала:

— Не трогай меня! Не трогай меня своей мертвой рукой!

Не прикасайся ко мне, ты, уродливое чудовище. Зачем я только родила тебя!

Элвин словно услышал голос из своего детства, так ясно и отчетливо, будто его мать снова в сердцах кричит на него. Элвин остолбенел, не в силах произнести ни слова.

Паника Эльфгифу с быстротой огня распространилась среди других детей; некоторые из них захныкали, самые маленькие громко заплакали, и даже взрослые начали встревожено переминаться с ноги на ногу. Элвин закрыл глаза. Он едва мог дышать. Открыв глаза, юноша взглянул на Эдвига и с большим трудом проговорил:

— Пойду поищу аббата Беда, может, нужно еще что-нибудь…

— Конечно, конечно, брат Элвин. Спасибо тебе за помощь.

Элвину пришлось заставить себя выйти из бани спокойно. Ему хотелось бежать, спрятаться вместе со своим уродством в дортуаре либо до вечера просидеть в скриптории и старательно выписывать буквы, дабы доказать, что от него есть хоть какая-то польза. Но вместо этого он схватил свой деревянный крест и взмолился об успокоении.

Молитва осталась без ответа.

Остаток дня Элвин провел как в дурном сне, помогая братьям подносить пищу, стирать одежду. Ни Эльфгифу, ни ее родителей он больше не видел, гадая, не внушил ли он им настолько сильное отвращение, что они предпочли поскорее вернуться в Чесбери, только бы не встретиться с ним снова.

Молитвы сегодня казались Элвину пустыми — только форма и никакого содержания. Они не достигали его сердца. Он чувствовал себя таким же мертвым, как и его рука, так напугавшая маленькую Эльфгифу; оставалась только боль,

возникавшая в желудке всякий раз, когда Элвин вспоминал об инциденте.

Наконец длившийся целую вечность День бедняка приблизился к своему завершению. Элвин вместе со всеми братьями сходил на повечерие; он ни с кем не разговаривал, когда братия направилась в дортуар.

Братья, всего тридцать два человека, спали в большом дортуаре. Каждый имел простую соломенную постель и одеяла. Элвин рухнул на свою и задул стоящую в уголке свечу.

Господи Иисусе, как же он устал. Элвин ощущал не приятную, честную усталость, приходящую после успешного завершения трудного дня, но томление духа.

Я — калека, — мрачно думал юноша. — Изгой. Братья по доброте своей закрывают глаза на мою ущербность, но истина пришла с языка невинного ребенка, маленькой дочки простого бедняка, которая высказала то, чего другие не говорят.

Элвин бодрствовал еще долго после того, как остальные братья перестали ворочаться и тихо переговариваться друг с другом. Он слышал, как брат Келред тихо прошел между рядами коек, осторожно выясняя, не вовлечен ли кто-нибудь из братьев в грех рукоблудия. Элвин перевернулся на другой бок, молитвой призывая забвение сном.

Оно пришло-таки спустя некоторое время. Элвину показалось, что он только что уснул, когда кто-то разбудил его, коснувшись лица.

— Элвин, — послышался тихий шепот, — вставай.

Ночью в дортуаре всегда горели несколько свечей, но в их тусклом свете Элвин не смог различить, кто сидит подле него на койке.

— Что такое? — пробормотал он, потирая пальцами глаза, прежде чем принять сидячее положение.

— Для тебя есть работа, — сказал человек.

Элвин заморгал глазами. Он не узнал ни лица, ни голоса говорившего.

— Ты кто?

— Меня зовут Михаил.

Михаил был одет так же, как и сам Элвин — в простую рясу с капюшоном. На голове — тонзура. Определенно монах, но явно не из аббатства святого Эйдана.

— В чем дело? Ты к кому пришел? Почему…

Странный монах поднял палец к своим губам. На языке знаков, который Элвин, как и все бенедиктинцы, хорошо знал, это означало следуй за мной.

Сбитый с толку, Элвин, однако, подчинился, сам не зная

почему. Все остальные в дортуаре крепко спали — все, за исключением прилежного брата Келреда, который сидел на своей койке, читая Писание. Когда Элвин встал, Келред поднял голову и огляделся вокруг. Он посмотрел прямо на Элвина и Михаила, потом снова вернулся чтению.

Элвин нахмурился.

— Он должен был остановить нас, спросить…

Михаил повторил свой жест, на сей раз более настойчиво. Следуй за мной.

Окончательно проснувшись, Элвин пошел вслед за монахом, который повел его из дортуара. Проходя мимо братьев, лежащих на своих койках, и глядя на их спокойные лица, он вдруг почувствовал, что сердце его забилось учащенно. Что-то происходило. Элвин не мог понять, что именно — плохое или хорошее, но по спине его пробежал холодок.

Михаил открыл дверь, подняв тяжеленный засов с такой легкостью, словно тот ничего не весил, и шагнул наружу. Ночь была ясная и холодная. Почти полная луна заставляла снег светиться, а звезды искрились ледяными брильянтами на черном бархате неба. Михаил остановился и обратил свое лицо к ночным небесам.

— Кто ты такой? — прошептал Элвин сдавленным голосом.

Михаил опустил голову и внимательно посмотрел на юношу. Легкая улыбка тронула его полные губы.

— Ты меня наверняка знаешь. Я — Михаил, Элвин.

Монах уже назвал себя раньше, но Элвин вдруг побледнел. Понимание снизошло на него, а вместе с ним и быстрое, неистовое отрицание.

— Нет, — протестующе выдохнул он, отступая на шаг назад и поднимая руку, будто намереваясь оттолкнуть монаха. — Нет…

Продолжая улыбаться, Михаил указал рукой назад, на только что пройденные им и Элвином несколько метров, отделявших их от дортуара.

На снегу осталась только одна цепочка следов.

— Ты… ты ведь монах, правда? Тебя прислали из другого аббатства…

Голос Элвина глухо звучал в его собственных ушах.

— Ты понял, Элвин.

Хотя голос оставался добрым, утверждение было уверенным, не терпящим возражений. Элвин медленно кивнул. Он понял, но осознание ужаснуло его. Он бросился в ноги Михаилу, протягивая дрожащую руку, чтобы коснуться кромки коричневой сутаны.

Ласковая ладонь тут же легла на его плечо.

— Встань, Элвин из аббатства святого Эйдана! Встань и

посмотри мне в лицо, ибо я не Бог твой, чтобы ты преклонял колена предо мной.

Элвин торопливо поднялся на ноги. Восторг и благоговейный страх переполняли его, когда он, затаив дыхание, ждал следующих слов архангела Михаила.

— Ты избран среди всех верных Господа нашего для наиважнейшего деяния нынешнего века… а возможно, и всех веков. Семь месяцев назад епископ Вульфстан говорил с тобой. Он рассказал о своих опасениях насчет скорого пришествия Сатаны и его Антихриста. — Лицо Михаила помрачнело. — Добрый епископ был прав. Сатана появился на Земле, равно как инструмент его, Антихрист.

Элвин инстинктивно перекрестился.

— Спаси нас Бог, — прошептал он. — Значит… Судный День грядет!

— Нет, — возразил Михаил. — Благословенное время еще не настало. Сатана играет в опасную игру… которую он может выиграть, если его вовремя не остановить. Он начал приводить в действие пророчества Апокалипсиса, провозглашенные святым Иоанном, задолго до назначенного им часа. Он знает, что я не могу еще раз бросить его в бездну, пока не пришло истинное время Страшного Суда; ни Господь, ни Христос не станут вступать с ним в схватку до наступления такого времени. Сатана вознамерился отвратить человечество от искупления грехов… он надеется править миром вечно.

— Но… разве такое возможно?

— Люцифер, — обеспокоено продолжал Михаил, — некогда был ярчайшим из ангелов. Как и все архангелы, он обладал свободой воли. И сейчас он борется не только с Богом и человечеством, он сражается против самой судьбы. Когда-то я бы сказал, что такое невозможно. Однако Люцифер силен и умен. Он может найти способ обмануть нас всех. Если ему удастся осуществить пророчества к концу этого года, в первый день января года следующего он одержит победу. Весь мир ляжет к его ногам. Он использует страх и фанатизм тех смертных, которые верят, что конец света наступит с завершением нынешнего года. Их счет времени неверен, но сила их ужаса — именно те самые уголья, от которых загорается мстительный огонь Люцифера.

Михаил снова улыбнулся и возложил легкую руку на худое плечо Элвина.

— Господь и Его ангелы не могут сражаться в этой битве. Только люди. Элвин, я поручаю тебе от имени Господа Бога нашего: ты должен сразиться с Сатаной и его Антихристом. Ты должен предотвратить их победу. Если хотя бы одно из

пророчеств не свершится, тогда Сатана проиграл. Он будет повергнут в прах и не будет иметь возможности использовать людской ужас в качестве угольев. Судный День настанет в его истинный и надлежащий час, не раньше. Человечество же получит второй шанс.

— Но… почему именно я, Михаил? Я всего лишь смиренный монах…

— Чья вера необычайно сильна.

— Моя рука… — Элвин вспомнил голоса из своего детства, неприкрытый ужас на худеньком, чумазом личике девочки. — Я неполноценный человек! Есть другие, здоровые телом и…

— Не тело, но дух одержит победу над Извечным Врагом. А духом ты посильнее Самсона, хотя сам сомневаешься в этом. Господь знает. — Голос архангела был добрым и мягким, но выражение его лица не сулило пощады.

— Я не смогу, — в отчаянии вскричал Элвин, — сделать это один!

— Поэтому ты получишь от нас помощь, — отвечал Михаил. — Господь ниспослал тебе дары, которые облегчат твою задачу. Смотри! — И вдруг на правой ладони Михаила появилось золотое кольцо. В левой его руке тут же возник пастушеский посох. — Вот кольцо царя Соломона. Соломон умел слушать животных и понимал их язык. Как написано в Книге Иова: «Спроси у скота, и научит тебя, у птицы небесной, и возвестит тебе». Даже от нижайшей твари исходит мудрость. А это — посох Аарона, с помощью которого Моисей сотворил так много чудес Божьих. Я вручаю их тебе.

Элвин отпрянул назад.

— Я не могу! Я всего лишь одинокий человек…

— Ты будешь не одинок. С севера придет другой, мудрый и отважный. Второй Свидетель также получит дары. Вместе — если ваши сердца и ваш разум не подведут вас — вы одержите победу. Антихрист будет повержен, а Сатана, хозяин его, вернется в бездну. Ну же, Элвин, прими дары. Берись за дело.

Элвин не мог пошевелиться. Михаил внимательно посмотрел на него, потом вздохнул.

— Ты не можешь отказаться от поручения Божьего. Со временем ты сам это поймешь. Последний тебе совет от меня — не дай угаснуть светочу веры! — Он поднял руку. — Да снизойдет на тебя благословение Господне. Я буду молиться за тебя.

И Элвин остался на монастырском дворе один.

Порыв холодного ветра налетел на него, и юноша задрожал. В присутствии Михаила он даже не замечал морозных укусов приближающейся зимы. Элвин взглянул на лежащие на земле

посох и кольцо. Последнее мерцало в лунном свете.

Нагнувшись, Элвин потрогал их. Твердые, как и положено материальным предметам. Новый порыв ветра проник сквозь его толстую шерстяную рясу. Стало быть, это не сон. Во всяком случае, не такой, какие снились ему когда-либо прежде.

«А может, это и не Михаил приходил ко мне, — испуганно подумал молодой монах. — Что, если сам Сатана пытался искусить меня, дабы я счел себя значимой личностью?» Подобные уловки упоминаются в Священном Писании. Всем известно, что Враг способен принимать облик ангела…

Элвин покачал головой. Зачем Сатане уговаривать его, Элвина, препятствовать ему? А Михаил повторил в своем рассказе то, чего боялся Вульфстан, и в сердце у Элвина созрела уверенность, которую он не мог объяснить ничем, кроме как знанием. Юноша закрыл глаза, вспоминая охвативший его восторг и сотрясающее душу чувство благоговения.

Он не мог отрицать истинность только что произошедшего, как бы ни пытался. Но он мог отказаться.

Подобрав со снега посох и кольцо, которое он крепко зажал в кулаке, Элвин побежал быстро, насколько позволял глубокий снег. Мимо часовни, мимо монастырских мастерских, к амбару. Задыхаясь, он остановился прямо перед деревянным строением. Сунув посох под левую руку, правой он изо всех сил швырнул кольцо. Пусть лежит там, погребенное в снегу, где его никто никогда не найдет.

Элвин с трудом открыл тяжелые двери амбара. Изнутри на него пахнуло теплыми, земными запахами животных и сена. Обыденная простота знакомых ароматов несколько успокоила его взбудораженные нервы. Распахнув двери как можно шире, Элвин впустил в амбар лунный свет и вошел сам.

Что-то мягкое слегка коснулось его лодыжки. Он испуганно вздрогнул и тут же рассмеялся над своим страхом. Это была всего лишь Ровена. С приходом осени маленькая белая кошка перемещала свои охотничьи угодья из сада в более теплый амбар. Ловя здесь достаточное для себя количество мышей, она не претендовала на зимовку в собственно монастыре.

Похожая в лунном свете на маленькое белое привидение, она, подняв головенку, посмотрела на Элвина и мяукнула.

— Привет, Ровена, — сказал тот. — Боюсь, сейчас не время играть с тобой.

Осторожно перешагнув через кошку, Элвин направился в противоположный конец амбара. Проходя мимо ослов и коров, он услышал, как они тихо сопят, ощутил исходящее от них тепло. Здесь было довольно темно, но Элвину хватало и этого скудного

света, чтобы сделать то, что он задумал.

Михаил ошибся, сказал себе юноша. Он никогда не слышал, чтобы архангел ошибался, но на сей раз дело обстоит именно так. Михаил допустил большую ошибку. Элвин не тот, на кого можно взвалить такую колоссальную ношу. Этим должен заняться какой-то другой монах, сильнее, отважнее и гораздо умнее его. Возможно, сам Вульфстан. Скоро Михаил осознает свою ошибку и вернется за священными реликвиями.

Ну, вот и все. Элвин засунул посох глубоко в большую кучу сена и вернулся к прямоугольнику лунного света, падавшего через открытую дверь, оглядел себя и начал стряхивать со своей рясы пыль и травинки сена.

Гадая, как бы ему прошмыгнуть обратно в дортуар незамеченным, Элвин опустил голову… и у него перехватило дыхание. Прямо перед ним лежали — как если бы он сам аккуратно положил их на плотно утоптанную землю — золотое кольцо и пастушеский посох. К реликвиям подбежала Ровена, понюхала их и, протянув изящную переднюю лапку, начала играть с кольцом.

И тут Элвин отчетливо осознал, что, хотя он всем сердцем желал бы отказаться от полученного Михаилом, ему ни за что не избежать этой божественно предопределенной обязанности.

Желудок его болезненно сжался.

— Этого не может быть, — прошептал он, нагибаясь помимо своей воли, чтобы дотронуться до посоха и кольца. — Не может.

Подняв кольцо, Элвин стал рассматривать его — простой золотой кружочек, украшенный пятиконечной звездой. Осторожно манипулируя пальцами, Элвин с трудом, но сумел надеть кольцо на здоровую руку и зачарованно воззрился на него.

— Ну, что же, — сказала Ровена тихим, сипловатым женским голосом. — Давно пора.

ГЛАВА 6

Некогда он был человеком, но потом стал чудовищем.

В былые времена мужчины считали его добрым товарищем, а женщины улыбались, когда его взгляд падал на них. Теперь же как мужчины, так и женщины в ужасе бежали от гигантского Червя, обитающего на холмах.

Червь горько размышлял о своей судьбе. Старуха, когда-то вожделевшая его, была не пожилой матроной, испытывающей здоровое влечение к юной мужской плоти, но древней, иссохшей каргой, которая использовала свое знание трав во вред людям, а не для исцеления их. Он слышал, как она злорадствовала по этому поводу. Когда она однажды ночью пришла к нему, дабы разделить с ним ложе, он в ужасе подпрыгнул на своей постели. Разве можно винить его за то, что сделал бы любой мужчина в подобной ситуации?

— Проклинаю тебя, — проскрежетала она, лежа на твердой земле, куда сбросило ее его внезапное движение. — Отныне и впредь, как только эта новая прибывающая луна пойдет на ущерб, ты станешь страстно — и тщетно! — желать ласки от любой руки, да, даже от моей. И никогда не будешь ты свободным, до тех пор пока наипрекраснейшая не возложит рук своих на самого уродливого.

Отчасти она оказалась права. К тому моменту, когда убывающая луна на некоторое время отвернула от мира бледный лик свой, он перестал быть человеком. Он превратился в чудовище, и не было ни здесь, ни во всем белом свете никого, кто коснулся бы его любящими руками.

Но он не настолько впал в отчаяние, чтобы желать, за неимением лучшего, хотя бы сухого прикосновения старой карги.

Долгими были дни и ночи, когда Червь страдал в одиночестве. Однажды ночью, когда луна взошла высоко, а звезды танцевали в черном, черном небе, ему показалось, что он слышит музыку.

Невозможно… Он лежал в дебрях, далеко от любого человеческого обиталища. И все же музыка определенно звучала где-то, чарующая и томительно сладкая. Червь тихо заплакал, до глубины души тронутый прелестной песней. И вскоре смог увидеть тех, от кого исходила эта неземная музыка.

Около двух дюжин их было, весело пляшущих на поляне среди холмов. Флейты и рожки, лиры и арфы, барабаны и колокольчики возвещали о прибытии существ, которые не могли быть никем иным, кроме как подданными королевы эльфов. Не

хрупкими и крошечными были они, эти жители волшебной страны, но сильными, отважными и прекрасными, подобно солнцу сияющему, на которое, однако, больно смотреть — так оно ослепляет своим ярким светом. Легенды говорили, насколько беззлобен и добр народ этот к смертным.

Червь не смог совладать с собою. Не спуская змеиных глаз своих с пляшущих фигур, он волнообразным движением устремил огромное, уродливое тело свое в их направлении.

Музыка умолкла, когда они увидели его. Безмолвно глядели они на тварь пресмыкающуюся, и на лучезарных лицах их отразились неприязнь и отвращение. Горестно дрогнуло сердце в груди Червя.

— Вижу тебя, — послышался голос, тихий, как летний ветерок, колышущий листву деревьев. — Знаю тебя. Приди ко мне.

Это сама королева позвала его, и он пошел к ней, лелея искорку надежды, зародившуюся глубоко внутри него. И была королева воплощением луны и звезд, во всяком случае, такой виделась она Червю, вся серебристо-белая и мерцающая. И волосы ее отливали золотом, а глаза были глубоки, как сновидения.

— Не добровольный ты пособник злу, — продолжала она. — Приди же ко мне, бедное создание.

И он медленно приблизился к ней и возложил чудовищную голову свою на ее колени. И закрыл он глаза свои, ощутив на лбу своем прикосновение легкое, словно паутинка. Нежно ласкала она чешуйчатую его голову, и содрогнулся он внутренне, почувствовав любовь в прикосновении ее.

— Люблю доброту твою. Люблю терпение твое. Люблю отвагу твою. — Легкий поцелуй запечатлелся на лице его. — Исцелись же.

Солнце пробудило его ото сна; солнце, лучи которого упали на бледную человеческую плоть. Был он проклят коварной и злобной, а исцелила его наипрекраснейшая, увидевшая человека внутри чудовища.

Деревня Гленнсид

21 ноября 999 года

— Слишком рано! — вопила Майред, извиваясь на шерстяных одеялах. Испарина блестела у нее на лбу, а руки сжались в кулаки, будто она намеревалась физически подчинить себе судьбу. — Мать Бригида, слишком рано…

Кеннаг промолчала, зная, что, конечно, слишком рано этому ребенку появляться на свет. Она вообще не ожидала, что он будет жить, во всяком случае, он не прожил бы и нескольких мгновений, покинув материнское лоно. Еще не сформировавшийся, он был бы чудовищем, а не человеческим дитем.

— Кеннаг, — обратила мать свое напряженное лицо к дочери. — Кеннаг, ты много знаешь. Многое умеешь. Останови. Останови роды.

— Не могу я, мама, — ответила Кеннаг, стараясь говорить спокойным голосом и сохраняя на лице маску озабоченности.

Но под ней, маской этой, она торжествовала. Это дитя никогда не должно было быть зачато. Будет справедливо, если оно не выживет. И все же Кеннаг сострадала боли, которую испытывала сейчас ее мать.

Майред откинулась на постели и безмолвно заплакала. Слезы добавили болезненного блеска залитому потом лицу. Свет от очага и свечей поймал этот отблеск и придал ему оранжевый оттенок.

Мораг, худая и бледная, с черными густыми волосами, обвязанными, как у Кеннаг, лентой, ничего не сказала, снимая с огня дымящийся котелок. Вылив его содержимое в чашу и добавив туда холодной воды из кувшина, она передала дымящуюся, благоухающую жидкость Кеннаг. Та еще раньше намешала в кипящую воду целебных трав. Кеннаг не хотела, чтобы потом кто-нибудь говорил, что смерть ребенка — на ее совести, что она ничего не предприняла как повитуха.

А снаружи бушевала снежная буря. Кеннаг поежилась, когда особенно яростный порыв ветра с воем пронесся мимо маленькой хижины.

— Поддерживай огонь, — приказала она Мораг. Молодая женщина кивнула и принялась собирать разбросанный по полу хворост.

Майред низко, утробно застонала от боли. Кеннаг быстро помыла руки. Торопливо пробормотав молитву, обращенную к Бригиде, Великой Матери, она сосредоточила все свое внимание на матери собственной. Прежде всего она осторожно приподняла ноги Майред так, чтобы пятки приблизились к ягодицам. Майред жалобно захныкала.

— Мораг, — позвала Кеннаг свою помощницу, — посвети мне.

Когда Мораг поднесла горящую свечу, Кеннаг завернула наверх рубаху Майред и как можно осторожнее ощупала пальцами раздувшийся живот матери. Майред вздрогнула от

прикосновений дочери.

— Пошевелился, — сказала Кеннаг, обращаясь к Мораг. — Он на подходе.

Мораг кивнула, потом спросила шепотом:

— Он ведь не выживет, правда?

Кеннаг задумалась, что ответить. У самой Мораг было восемь детей, пять мальчиков и три девочки. Она родила бы и девятого, если бы не травы Кеннаг. Девятый ребенок плюс раненый муж, который не мог работать в поле как прежде, означал бы катастрофу для Мораг и ее семьи. Детей Мораг любила, но, трезво рассудив, что девятерых ей не потянуть, спокойно восприняла потерю последнего ребенка. Так что Кеннаг могла сказать ей правду.

— Нет, — тихо прошептала она. — Ему нет еще и семи месяцев… нет, он не выживет.

Только у Народа Эльфов детей вынашивают семь месяцев, подумала про себя Кеннаг, а я сомневаюсь, что ублюдок, изнасиловавший мою мать, был одним из них.

Мораг опустила глаза. Майред нарушила тишину громким, долгим криком боли. Мораг отошла на секунду и вернулась с палочкой для прикусывания.

— Вот, Майред, — ласково сказала она. — Возьми ее в рот. Она облегчит боль.

Майред взглянула на молодую женщину покрасневшими, измученными глазами. Она-то сама уже рожавшая, для чего нужна эта палка, чтобы крики роженицы не отвлекали повитуху? Но тем не менее покорно открыла рот.

— Мораг, быстро сюда, — приказала Кеннаг, — мне нужен свет!

Мораг тотчас же подошла к ней. Пламя свечи показало Кеннаг то, что ей требовалось увидеть, и дальнейшее обследование пальцами подтвердило это. У Майред отошли воды, намочив одеяла под ней, и проход расширился.

Майред напряглась.

— Тужься, — сказала Кеннаг. — Тужься сильнее, мама!

Со стоном, приглушенным палкой, Майред натужилась.

— Еще.

И снова Майред напряглась.

— Вижу головку, — сообщила Кеннаг. — Тужься еще, мама.

Постепенно, сантиметр за сантиметром, перепачканное кровью существо, которому предстояло стать ребенком Майред, выскользнуло на свет Божий. Мораг поймала его в чистое одеяло и метнулась к очагу, чтобы обмыть новорожденного в теплой ароматизированной воде.

— Кеннаг…

— Что, Мораг?

Кеннаг, стараясь, чтобы родовая кровь не капала с рук на пол, подошла к Мораг. Голос молодой женщины прозвучал напряженно, но с каким-то странно ровным оттенком, и когда Кеннаг приблизилась к ней, Мораг подняла ребенка.

Хилым он был, слишком худым, слишком хрупким. Но не чудовищем. Определенно человеческий ребенок, с нормальным количеством пальцев на руках и ногах и с большими, разбухшими головой и животом. Прямо под тянущейся от живота пуповиной виднелся крошечный мужской орган. Какое-то мгновение новорожденный безмолвно корчился, слепой, словно червяк. Потом, когда Мораг вытерла маленький ротик, тот раскрылся, и громкий, здоровый вопль заполнил небольшую комнату.

— Он жив, — сказала Мораг. — Он нормальный, Кеннаг! Это чудо!

— Мое дитя! — счастливо зарыдала Майред. — Мой ребенок!

Кеннаг молчала, ошарашено уставившись на младенца.

Ты родился на два с лишним месяца раньше положенного! — безмолвно закричала она на него. Ты не должен быть живым! Ты не должен быть полноценным! Сколько людей погибло от рук твоего отца и ему подобных… сколько страдало безвинно… какое право на жизнь ты имеешь?

Мораг, неверно приняв ошеломленное молчание Кеннаг за восторг, посмотрела на подругу глазами, сияющими от невыплаканных слез.

— Среди всей этой боли, — произнесла она охрипшим голосом, — нам дарована маленькая радость!

И эта туда же! — мысленно возмутилась Кеннаг. Бледная, изнуренная, выдохшаяся Мораг… Неужели ей невдомек, что представляет собой этот ребенок? Неужели она не понимает, о каком ужасном событии будет он всегда напоминать?

— Мое дитя, — опять выдохнула Майред, протягивая к ним ослабевшие руки. — С ним все в порядке? Кто… кто это, мальчик или девочка?

— Это мальчик, Майред, — ответила Мораг, Кеннаг снова промолчала. — Хороший мальчик, нормальный. Кеннаг…

Мораг подала ей ребенка.

Кеннаг приняла своего маленького брата, отмыла его от окровавленного последа и перерезала пуповину специально освященным для этой процедуры ножом. С каждой минутой ребенок проявлял все больше признаков жизни, уже начиная поворачивать головенку по сторонам. Губы его зашевелились. Малышу хотелось сосать материнскую грудь. Хотелось глотнуть

молока жизни, расти, стать мужчиной, как его отец. Кеннаг снова посмотрела на миниатюрный пенис, голубые глаза, редкие, соломенного цвета, волосенки на голове.

Как его отец.

Как легко можно было бы убить его, здесь и сейчас. Свернуть маленькую шейку. Задушить пеленками. Мораг и Майред и не заметили бы, даже не догадались бы. Он никогда бы не вырос, не стал бы мужчиной; никогда не навалился бы на сопротивляющуюся женщину, и…

— Возьми его, — сказала Кеннаг, подавая младенца матери. — Он голоден.

Ей вдруг захотелось ударить мать за благостное выражение, появившееся на ее морщинистом лице.

— Иди же ко мне, малыш, — засюсюкала Майред, принимая ребенка и поднося его головенку к набухшему соску своей груди. — Вот так, вот так, хороший мальчик, — проворковала она, когда он начал сосать. — Дитятко мое. Маленький мой, чудесный мальчик. Ах, Кеннаг, он так похож на тебя маленькую…

Кеннаг сглотнула горький комок в горле. Сравнивать ее с… этим…

Непреклонно стиснув губы в тонкую линию, она закончила свои обязанности повитухи, протерев тело Майред теплой, влажной тканью. Вместе с Мораг они переодели роженицу в чистую рубаху и расчесали ей волосы.

— Теперь отдохни, — посоветовала Кеннаг матери. — Силы тебе еще понадобятся.

— Уже уходишь? — нахмурилась Майред. — На улице такая…

— Буран закончился. А живу я не так уж далеко отсюда.

— Я думала, ты побудешь со мной.

— Мораг останется с тобой, — вздохнула Кеннаг, указав на помощницу, и та согласно кивнула. Мораг наверняка только обрадовалась возможности провести хотя бы одну ночь без детей и мужа. — Ну, я пошла.

Кеннаг быстро поцеловала мать в лоб, однако не смогла заставить себя выразить — даже фальшиво — сколько-нибудь доброе отношение к младенцу, уже уснувшему на руках матери.

Прежде чем Майред успела еще раз попросить ее остаться, Кеннаг закуталась в свой плотный, отороченный мехом шерстяной плащ и вышла за дверь.

Снаружи ветер налетел на нее так, будто вознамерился разрезать надвое. Хотя снежный буран утих, путь домой предстоял долгий. Кеннаг похвалила себя за то, что еще утром надела высокие башмаки и теплый плащ. Взглянув на ясное

ночное небо, где осталось лишь несколько серых тучек, она вздохнула, поплотнее запахнула плащ, чтобы прикрыть лицо, и двинулась в путь.

Снег почти достигал ее колен. После любых других родов Кеннаг осталась бы у хозяев, благодарная за гостеприимство. Но сейчас она предпочла тащиться по глубокому снегу и мерзнуть, только бы не проводить лишнюю минуту с ребенком ее матери. Кеннаг по-прежнему не могла заставить себя думать о младенце, как о своем брате.

Снег скрипел под ногами Кеннаг и искрился, когда она медленно проходила мимо деревенских хижин к холмам, протянувшимся между этой частью Гленнсида и следующей. Кеннаг остановилась, чтобы перевести дыхание…

И тут откуда-то донеслась ясная, мелодичная нота, которая сразу же замерла.

Кеннаг замерла сама, затаив дыхание и напряженно вслушиваясь в тишину ночи. Может, птица какая-нибудь? Такой ясный и чистый звук…

И опять — теперь уже трель, зазвучав, угасла. Потом вдруг за ней последовала другая музыка, которую ну никак уже нельзя было принять за звуки, издаваемые птицами. Кеннаг узнала звуки волынки и арфы. Во время праздников деревенские музыканты частенько играли всю ночь напролет, но сегодня?..

Страх начал заползать в душу. Может, очередной набег скандинавов? Но нет, зимой они обычно не предпринимают рейдов, и музыка их — боевые кличи и глухие удары топоров по беззащитной человеческой плоти, а не эта прозрачная, чарующая мелодия.

Кеннаг поморгала глазами, потерла их пальцами. Ей вдруг показалось, что становится светлее… Не может такого быть. Луна уже прошла свою высшую точку, и…

Нет, определенно посветлело. Не от лунного сияния, от какого-то теплого зарева, окрасившего снег в оранжевые и розовые тона.

Что бы… или кто бы… ни издавало эту музыку и испускало этот свет, находилось оно вон за тем холмом.

Бежать. И немедленно.

Кеннаг наконец-то поняла, кто это. Каждое предупреждение, слышанное ею в детстве от отца и матери, каждая песня, которую пели на празднике Ламмас, каждая сказка, рассказываемая тихими вечерами, когда женщины пряли, содержали рекомендации, как вести себя в ситуации, подобной этой. Добрый Народ — их никогда не называли настоящими именами — существа коварные. Да, они справедливы и прекрасны, но, будучи

созданиями призрачными и пустыми, живут в своем иллюзорном царстве за счет жизней смертных. Даже подданные Праведного Королевского Двора, добрейшие и ярчайшие представители Доброго Народа, могут быть очень опасны. Встреча же с другими — которых лучше и не называть вовсе — несет в себе опасность смертельную.

Кеннаг медленно подняла ногу, потом также осторожно опустила ее. Будто во сне двигалась она к холму, испускавшему звуки флейт и арф. Она обогнула холм…

Склон холма был распахнут, словно кто-то раскрыл потайную дверь, имевшуюся там всегда. Свет из него лился наружу, а внутри Кеннаг пока что разглядела только танцующие фигуры. Музыка стала теперь громче и как бы отгоняла холод ночи. У Кеннаг появилось такое ощущение, будто кто-то тянет ее к холму, и она покорно пошла к нему. К Холму Эльфов.

Гленнсид[8]. Долина эльфов. А я-то всегда думала, что это всего лишь красивое название…

Еще можно уйти, подумала Кеннаг. Можно развернуться и со всех ног припустить к своей холодной, но безопасной лачуге и проснуться утром… для чего?

Ради чего мне просыпаться в этой деревне? Бран, милый возлюбленный с полными нежной силы руками и родственной, понимающей душой — стал рабом либо погиб. Мать, воркующая над зачатым от насильника ребенком, фактически предала меня…

Кеннаг не могла сосчитать томительных часов, когда она, лежа одна в своей постели, страдала от невыплаканных слез, неспособная обрести даже это, столь малое, утешение.

Раньше или позже в Гленнсид придет другой христианский священник и запретит Кеннаг практиковать «дьявольское ремесло», возможно, подвергнет ее наказанию. Даже дар целительницы могут у нее отнять,

Так зачем оставаться в деревне?

Почему бы и не войти в Холм Эльфов, не пригубить волшебных вин, не отведать заколдованной снеди не потанцевать и забыться? Даже иллюзия счастья будет лучше этой серой жизни, когда просто существуешь, проводя в одиночестве бесконечные унылые дни и бессонные ночи.

Кеннаг шагнула внутрь холма.

Прямо в весну.

Ноздри дразнили бурные ароматы растений в цвету. Кеннаг заморгала, позволяя глазам привыкнуть к свету, и, оглядевшись вокруг, осознала, что ничто здесь не напоминает ей о мире, который она знает… и все же он оказался немедленно

узнаваемым.

Травяной ковер богатого голубовато-зеленого цвета под ее ногами был густым и мягким. Деревья вздымались к небосводу. Небосвод? Внутри холма? Серебристые деревья с золотыми листьями и прядями всевозможных оттенков и форм. Благоухающие цветы ничем не напоминали скромный чертополох, розы или вереск ее родины. Все цвета радуги пестрели вокруг Кеннаг; нет, были здесь и такие, которых прежде она и представить себе не могла. Завлекшая ее сюда музыка продолжала звучать, и сквозь чарующую мелодию угадывался веселый смех журчащего потока, невидимого, но слышимого.

Где же, однако, здешние обитатели?

— Есть здесь кто-нибудь? — позвала Кеннаг, и собственный голос прозвучал в ее ушах тонко и напряженно.

Сердце бешено билось в груди, а в коленях ощущалась слабость. Она боялась, не желая, правда, признаться в том самой себе.

— Я слышу вашу музыку, Добрый Народ! — вновь позвала она, громче на сей раз.

Музыка не умолкала.

Прямо над своим ухом она услышала тихий голос:

— Добро пожаловать, Кеннаг ник Битаг из деревни Гленнсид. Мы ожидали тебя.

Кеннаг хватанула ртом воздух и неуклюже шагнула назад, неловкая в своем толстом плаще и тяжелых башмаках. Подле нее, возвышаясь над ней почти на целый фут — а сама она была женщиной довольно высокой, — стоял такой красивый мужчина, каких ей прежде никогда видеть не доводилось. Нет, красивый — не то слово. Он был… прекрасен.

Черны как ночь были волосы его. Брови цвета воронова крыла дугами изгибались над глазами, цвет которых постоянно, как у океана, менялся. Полные чувственные губы улыбались, а рука, протянутая к ней, выглядела такой же сильной, как и у Брана, хотя и без мозолей кузнеца. Кольца, унизывающие пальцы, сверкали на… солнце? Откуда здесь солнце?

Облизнув пересохшие губы, Кеннаг протянула руку и дрожащими пальцами коснулась длани Короля Эльфов — о том, что это король, она догадалась по золотому обручу на его темных волосах.

— Добро пожаловать, — снова сказал он, — в Тир на Н'Олдатанна.

— Страна Всех Цветов, — заворожено повторила Кеннаг, на мгновение отрывая взгляд от глаз короля и вновь благоговея перед буйством цветов, оттенков и тонов этого тайного мира. —

Никогда не знала, как… — Она не смогла закончить фразу.

— Это место безопасно для тебя, — уверил Кеннаг король, беря ее под руку.

Изумленная Кеннаг смутно отметила про себя, что его одеяние столь же великолепно, как и сам этот… это существо. Одежды сверкают серебром и золотом… нет, они голубые и пурпурные, подобно сумеркам… нет, погодите, они…

Король тихо засмеялся.

— Не пытайся определить их цвет, — лукаво посоветовал он. — Вещи здесь прекрасны, но это единственный несомненный факт, который они предлагают тебе. Они поражают твой взгляд способом, какой выбирают сами, так что и не надейся различить их своими глазами жительницы Страны Теней, поскольку это лишь заставит их меняться все быстрее и неуловимее для тебя.

Не переставая дивиться здешним чудесам, Кеннаг опять провела кончиком языка по сухим губам, ища ответных слов. Наконец она нашла их.

— Так вы меня ждали?

В осознании этого было нечто зловещее, но оно словно встряхнуло Кеннаг, вырывая ее из почти сонного изумления и ввергая в состояние внезапной тревоги и настороженности.

Красота короля как бы затуманилась, облик его неуловимо изменился, и перед Кеннаг предстал человек с другим лицом, столь же прекрасным, как и прежде, с карими глазами и золотистыми волосами. Голос его, правда, остался таким же — спокойным и плавным.

— Да, ждали. Мы знали, что ты придешь к нам. Мы глубоко опечалены той болью, которую тебе пришлось испытать, но, не страдай ты так сильно, мы никогда не узнали бы, какое большое сердце у тебя.

К испугу Кеннаг добавилось еще и смущение, и она совсем растерялась. Осторожно, чтобы не обидеть короля грубым жестом, она высвободила свою руку.

— Что вы имеете в виду?

— Посмотри туда, — сказал король вместо ответа. — Вот идет моя супруга, а вместе с ней — твой друг.

Кеннаг посмотрела, куда указал король. Из-за гребня холма вышла женщина, не уступающая по красоте своему мужу. Золотые волосы и серебряные одежды, яркие глаза, лучащиеся теплом и добротой, губы алые и настолько манящие, что Кеннаг ощутила такое же сильное влечение к королеве Страны Всех Цветов, как и к ее королю.

Рядом с Королевой Эльфов шла женщина неопределенного возраста. Она то выглядела очень молодой, почти ребенком, то

вдруг лицо ее как бы переполнялось древней мудростью. Черные волосы струились по стройной фигуре, ниспадая до самых лодыжек. Ноги были босыми. Тогда как король и королева предпочитали, видимо, одеяния, напоминающие одежду людей, платье этого существа — полупрозрачное, будто сотканное из паутины — почти не скрывало прелестей гибкого тела. Когда обе женщины приблизились, Кеннаг увидела, что черные волосы девушки — да нет, вся она — с головы до ног мокрая.

Найдя в себе силы хоть как-то соблюсти правила приличия, Кеннаг кивнула, приветствуя подошедших. Она открыла было рот, но прежде чем успела сказать что-нибудь, девочка-женщина бросилась к Кеннаг и заключила в объятия. Да, она на самом деле была насквозь промокшей, но влажность ее каким-то образом ощущалась приятной, утешительной, а не липкой и холодной. Инстинктивно, не отдавая себе отчета в своих действиях, Кеннаг подняла руки и тоже обняла девушку.

Наконец они разомкнули свои объятия.

— Я Эйрет, — представилась незнакомка чуть хрипловатым, сочным голосом, похожим на звук ручья, катящегося по камням. — Я — дух колодца Гленнсид.

— Ч-что?

— Я дух водного источника вашей деревни, — спокойно повторила Эйрет. — Ты просила меня дать тебе убежище, когда пряталась в моих глубинах, я дала его, и, пока ты находилась там, я изучила тебя. Я узнала, что ты отважна и умна и что ты не из тех, кто легко сдается. Я чувствовала твои страдания, твой стыд, и я сострадала тебе. А когда мы узнали, что нам самим нужен защитник, борец, я поняла, кого нам следует призвать.

— А я… ничего не понимаю.

Кеннаг вдруг бессильно опустилась на траву; ноги отказывались поддерживать свою хозяйку. Ее новые знакомые из Страны Эльфов тотчас же сели рядом с ней.

— Выпей это, — предложила королева, передавая Кеннаг украшенный драгоценными каменьями кубок.

Кеннаг знала, что, если отведаешь волшебной пищи, назад, в свой мир, можешь не вернуться никогда.

А что, может, это и к лучшему, мысленно махнула на все рукой Кеннаг и жадно прильнула к кубку. В нем было медовое вино, божественную сладость которого нельзя было описать словами, и к тому моменту, когда Кеннаг осушила кубок, она почувствовала себя гораздо лучше. Буйные цвета перестали мельтешить у нее перед глазами, а лица обитателей Холма больше не менялись. Кеннаг ощутила себя более спокойной, но в то же время и более бдительной. С улыбкой благодарности она

вернула кубок королеве. Почувствовав в своей руке маленькую прохладную руку Эйрет, Кеннаг не стала возражать.

— Я, пожалуй, начну с самого начала, — сказал король.

— Неплохая идея, — кивнула Кеннаг; вино придало ей смелости.

— Мы живем в Тир на Н'Олдатанна, Стране Всех Цветов. Вы живете в Тир на Ска'танна — так мы называем Страну Теней. Когда в вашем мире зима, у нас лето, а когда у нас наступает осень, вы радуетесь приходу весны. Не может быть тени без сущности, а сущность должна иметь тень. Наши миры не могут существовать отдельно друг от друга.

Недавно нам стало известно, что над Страной Теней нависла страшная угроза. Зло ходит там, и оно вознамерилось извратить и разрушить ваш мир. Мы ощутили бы на себе последствия этой катастрофы, поэтому не можем допустить, чтобы она произошла. Нам нужен борец из Страны Теней, который сразился бы с этим злом и предотвратил уничтожение Тир на Ска'танна. Тогда и в нашем мире жизнь продолжится. Понимаешь?

Кеннаг неуверенно кивнула; ей вдруг захотелось снова испить того прекрасного вина.

— Ты обладаешь отвагой и умом, чтобы быть нашим бойцом. У тебя есть силы для преодоления собственной боли, для исцеления своих же ран, хотя ты и не отдаешь себе отчета, какой мощью обладаешь. Ты должна сразиться со злом, которое угрожает вашему миру, Кеннаг ник Битаг, и злом, которое затаилось в твоем сердце… и, поступив так, ты спасешь не только свой мир, но и наш тоже.

К концу рассказа короля Кеннаг буквально пылала от стыда, унижения и горькой обиды. Эти существа знали о ней все — о том, что ее изнасиловали, что она вытравила себе плод, и о ненависти, которую она питала к своему… к ребенку своей матери. И все же они считали ее достойной.

— Я? Вы хотите, чтобы я сделала это. Во имя Матери Бригиды, почему?

— Потому, — перебила ее Эйрет, — что мы знаем, какое у тебя сердце. Не бойся. Ты не одна будешь выполнять это задание.

— Да, есть и другой, — добавила королева. — Ты найдешь своего товарища на юге, в местности, называемой Уэссекс.

— Никогда не слышала об Уэссексе. Должно быть, это очень далеко отсюда.

— Мы дадим тебе для этого путешествия хорошего коня, — ответил король. — Получишь ты от нас и другие дары. Так ты согласна? Будешь ли сражаться, дабы спасти два, мира и все души, обитающие в них?

Кеннаг колебалась. Она не смела взглянуть на нечеловечески прекрасные лица, окружающие ее. Заглянула внутрь, в свое сердце, и нашла там лишь пустоту и боль. С этим она не могла и не хотела жить дальше. Лучше принять предложение. Может быть, активная деятельность при выполнении этого поручения хотя бы заполнит ту ужасную пустоту, даже если она не добьется чего-либо более существенного.

— Я согласна, — тихо произнесла Кеннаг.

— Мы знали, что ты не обманешь наших ожиданий, — тепло проговорил король. — И мы поможем тебе. — Он дотронулся своими длинными пальцами до ее виска. — Вручаю тебе дар ясновидения.

Кеннаг судорожно глотнула воздух, но не двинулась с места. Обоюдоострый меч, вот что такое этот дар, подумалось ей.

— Ты обретешь способность видеть будущее, и будешь знать то, что большинству смертных неведомо. Таков дар короля.

— Закрой глаза, Кеннаг, — приказала Эйрет. Кеннаг повиновалась и тут же ощутила, как нежные пальцы касаются ее прикрытых век, губ, ушей. — Эта мазь позволит тебе видеть, слышать и говорить с кем бы то ни было из мира смертных. Прислушивайся к их советам, когда те будут даваться тебе добровольно. Таков дар от Эйрет.

— А дар от меня, — сказала королева, улыбнувшись открывшей глаза Кеннаг, — вот этот конь.

Она уже поднялась на ноги и стояла рядом с лошадью, самой прекрасной из тех, которых Кеннаг когда-либо приходилось видеть. То была кобылица, сливочно-белая, словно луна, с гривой и хвостом золотыми, как солнце. Статная и горячая, она вскинула голову и тихо заржала, пристально глядя на Кеннаг темными глазами, в которых светился разум, бесконечно превосходящий по силе ум любой лошади из мира смертных.

— Ее зовут…

Кобылица вдруг ударила копытом о траву и проржала, как показалось Кеннаг, несколько возмущенно.

— Дашь ей то имя, какое тебе захочется, — сказала королева. — Она доставит тебя туда, куда тебе нужно.

— Время бежит быстро, даже здесь, — заметил король с ноткой грусти в голосе. — Сорок ваших дней осталось до того момента, когда будет уже слишком поздно.

— Но… — Кеннаг поднялась на ноги. Кобылица скакнула к ней и потерлась мягкой мордой о шею женщины. Кеннаг рассеянно погладила роскошно гладкую шкуру животного. — Куда мне идти? Кто тот другой, о котором вы говорили? Кто мой враг?

Но мир Доброго Народа вокруг нее уже начинал расплываться, исчезать. Лошадь быстро и целеустремленно двинулась к воротам, и Кеннаг пришлось торопливо последовать за ней. Впереди зиял выход из холма; снег снаружи беловато мерцал на фоне черноты теней и неба. Кеннаг оглянулась через плечо, еще раз выкрикнув свои вопросы. Однако фигуры короля, королевы и Эйрет уже стали едва видимыми, и Кеннаг только успела заметить, как они подняли руки в прощальном жесте.

Лошадь выскочила наружу через ворота, и Кеннаг выбежала за ней. Споткнувшись, она упала ничком в снег. Кеннаг сразу же поднялась на ноги, отплевываясь, и отряхнула снег со своего плаща. После мира иного снаружи ей показалось очень холодно.

И тут она вдруг поняла, что не знает этого места. Конечно, в Тир на Н'Олдатанна, должно быть, много дверей, и Добрый Народ выпустил Кеннаг из какой-то другой, дабы ускорить ее путешествие. Снега здесь было гораздо меньше, и близился рассвет.

Хорошо бы узнать, где же я все-таки нахожусь! — подумалось Кеннаг.

Она повернулась к лошади, будто та могла помочь ей в этом. Кобылица из Страны Эльфов, не утратившая и здесь своей красоты, так поразившей Кеннаг в царстве Доброго Народа, пристально смотрела на что-то. Страх зашевелился внутри у Кеннаг, и она резко развернулась.

Довольно долго она не могла разглядеть, что это такое. Белое как снег, оно поначалу было неподвижным. Но зрение Кеннаг стало уже другим, не таким, как у остальных смертных, и постепенно она начинала различать очертания неведомого существа. Глаза ее расширились, дыхание перехватило. Ладно божественные создания из Страны Эльфов — они ведь даже взору приятны, но это!..

— Пожалуйста, не бойся меня, — сказал призрак.

ГЛАВА 7

Холодно было в Нифльхейме и темно; и хлад этот, и тьма были здесь вечными. Но не было тут тишины.

Крики ужаса и вопли агонии нескончаемым эхом метались по подземному царству. Рыдания и жалобы выступали более тихим контрапунктом, сопровождающим какофонию страданий. А фоном всему этому служил звук непрестанного скрежетания и чавканья — то Дракон грыз и жевал корни Мирового Древа в своем бесплодном стремлении завалить его.

Царица Преисподней в одиночестве ужинала за своим столом, называемым Голодом теми, кто страшился оказаться угощением на такого рода трапезе. Она соскребла последние кусочки костного мозга и мозга головного с тарелки, называемой Голодание. Хихикая, Царица пренебрегла хорошими манерами, которым научил ее отец, Обманщик, и начисто вылизала тарелку розовым своим языком. Подземный сумрак, так страшивший многих, был для нее вполне приемлемым освещением, и она с улыбкой воззрилась на свое лицо, отразившееся в бронзовом зеркале Голодания.

Красивая девушка — Царица Преисподней! Молочно-бледен лик ее, изумрудны глаза, огненно-рыжи у нее кудри. Она снова улыбнулась. Сама Богиня-Кошка с ее прославленной красой, и та не ровня Царице…

По крайней мере от пояса и выше.

Улыбка угасла на полных алых губах Царицы. Она коснулась своего лица тонкими длинными пальцами — наследием отца — и провела ими по безупречной линии своей лебединой шеи. Затем потрогала груди свои, полные и твердые, словно молодые спелые яблоки; соразмерные, не раздувшиеся и жирные, как у коровы, но и не маленькие, не жалкие. Вот и упругий животик, касаться которого — одно удовольствие.

А ниже и начиналось уродство. Руки, теплые и живые, дотронулись до холодной, мертвой плоти. Скривившись от отвращения к нижней части своего собственного тела, Царица брезгливо вытерла о скатерть испачканные разлагавшейся плотью пальцы. Жуткий запах пугал даже ее самоё.

Именно потому Отец Всемогущий и поручил ей властвовать над бесславно скончавшимися — Царица сама была полутрупом. Сюда не приходили герои Валгаллы, здесь принимали только тех, кто умирал от постыдно преклонного возраста либо от болезней, зачастую вызываемых набегами на мир людей самой Царицы.

Даже отец ее, огненный бог, теперь редко наведывался к ней.

Она чуяла исходящий от него запах страха, когда он спускался в подвластные ей ледяные глубины; взгляд его непрестанно меняющихся глаз метался вокруг, а ослепительная улыбка тускнела в темноте.

Царица ощутила в себе прилив знакомой ярости и возжаждала вновь обрушиться на Мидгард, где люди, теплые и живые, как половина ее тела, обитали в лучах солнечного света. Она убивала бы их, сокращая их численность взмахами кочерги катастроф или уничтожая еще большее количество с помощью смертоносной метлы болезней. Только в ненависти могла забыть она смерть, прилепившуюся к ней, смерть, на которую она не имела возможности повлиять…

И вдруг в подземном царстве наступила темнота. Мертвецы прекратили свои стенания. Громадный черный пес, спавший у ног Царицы, мгновенно пробудился; красные глаза его сверкнули, а подгрудок поднялся в тихом сердитом ворчании. Глупый Дракон перестал жевать корень Мирового Древа. Внезапная тишина означала только одно — кто-то новый пришел в царство мертвых. Царица приподнялась на своих ногах, которые по всем правилам не должны были поддерживать ее, и задалась вопросом, кто же идет к ней — еле волочащая ноги дряхлая старуха или, скажем, мужчина с перерезанным горлом, которого…

У Царицы перехватило дыхание. Тот, кто шел к ней, принес с собой свет. Свет и нежный аромат цветов, от которого у Царицы на глаза навернулись теплые слезы. Могучий черный пес у ее ног тихонько заскулил.

Этого не могло быть… и все же это произошло. Прекраснейший из богов Асгарда пришел в ее владения. Он умер, бесславно к тому же, иначе ему нашлось бы место в Валгалле. Но что же случилось? Все любили Прекраснейшего. Он никогда не мог умереть. Все создания из всех миров поклялись никогда не причинять ему вреда…

— Все, кроме маленькой омелы, — послышался рядом с Царицей голос, дрожавший на грани смеха. — Они забыли попросить омелу дать свое обещание не причинять ему вреда.

И если случайно нашелся тот, кто сделал из омелы дротик, и кто уговорил Слепца метнуть этот дротик в ничего не подозревающего Прекраснейшего…

Да, это был отец Царицы, и впервые он казался счастливым, пребывая в ее владениях. Чего нельзя было сказать о Прекраснейшем. Его сияние уже начинало угасать, а печальное выражение лица с утонченными чертами привнесло странное чувство в сердце молодой Царицы.

— Он никому не доставлял неприятностей, — сказала она

Отцу, подступая ближе к любимейшему, невиннейшему, нежнейшему из богов Эзира. — Он жил только для того, чтобы нравиться другим, восхищать их, чтобы… — Царица сглотнула комок в горле. — Чтобы радовать глаз и сердце. Даже мне это известно, Отец. Даже ты это знаешь. И все же… Ты убил его.

Широкая улыбка Обманщика обратилась в гримасу.

— Да, — подтвердил он напряженным голосом. — Я убил его.

— Но почему? — вскричала Царица.

Жалость захлестнула ее. Жалость при виде этого невиннейшего из невинных, очутившегося здесь, во тьме и холоде.

Голос Обманщика понизился до рычания. Черные глаза злобно запылали, и даже она, Царица Преисподней, дрогнула перед неприкрытой ненавистью этих глаз.

— Я убил его потому, что он был прекрасен. Потому, что он радовал глаз и сердце. Потому, что он был обожаем и невинен. Потому, что он был всем тем, чем ты и я… что они…

Ярость душила Обманщика, и гнев его наконец передался и дочери. Царице стало понятно, почему он пошел на это. Ведь оба мы, он и я, изгои, ненавидимые и презираемые Эзиром. Как и братья мои — Волк и могучий Змей — отвергнуты лишь потому, что они не столь благородны и приятны.

— Смелее, Прекраснейший, — медленно произнесла Царица низким, грудным голосом. — Добро пожаловать в Ад.

И с тех пор Прекраснейший, предательски убитый, был обречен томиться в царстве бесславно умерших… вплоть до наступления конца света.

Аббатство святого Эйдана, Чесбери, 21 ноября 999 года

Элвин испугался так сильно, что, резко отпрянув назад, споткнулся и упал. Дыхание у него перехватило, и он очумело таращился на кошку, не в силах произнести ни слова.

Ровена поднялась, мягко ступая лапками, подошла к Элвину и уселась у его головы. Слегка ударив себя пару раз по бокам длинным белым хвостом, она аккуратно обвила его вокруг лап.

— Ну, чего разлегся? — спросила она. — Давай-ка, вставай. Ты что же, не слушал Повелителя?

— П-повелителя?

— Повелителя Ангелов. — Ровена кивнула в сторону правой руки Элвина. — Это кольцо Соломона. Соломон умел слушать животных и понимал их язык. Даже от нижайшей из тварей

исходит мудрость. — Кошка посмотрела на Элвина; кончик ее хвоста чуть дернулся, как бы в нетерпении. — Хотя, — она дугой выгнула спину, поднимаясь, — я не уверена, что мне нравится называться «нижайшей из тварей».

— Возможно, — подал наконец голос Элвин, сам дивясь своему спокойствию и подбору слов, срывающихся с губ. — Михаил не имел в виду непосредственно тебя.

Ровена окинула его, как Элвину показалось, довольным взглядом.

— Умнеешь с каждой минутой!

Элвин старательно уставился на нее, потом, тихонько простонав, спрятал лицо в ладонь своей здоровой руки.

— Если я способен понимать тебя, — устало проговорил он, — стало быть, кольцо настоящее. А если оно настоящее, тогда все, что я видел, тоже происходило в действительности. Включая и задание, которое мне поручил Михаил.

Ровена мягко подошла к Элвину и нежно похлопала лапкой по его бедру.

— Все правильно. Итак, что же ты намерен делать?

Элвин поднял голову и взглянул в странные, разного цвета глаза кошки.

— Думаю, отправлюсь спать. Может, завтра утром, когда встану, я пойму, что все это мне только приснилось.

Ровена продолжала неотрывно смотреть на него, затем неожиданно потерлась головой о его колено.

— Нет, это не сон, друг мой. Иногда мне жалко вас, людей. Вы живете в мире, который так узок. Вы не можете видеть фей в лунном свете и грустных маленьких призраков, не слышите, как поет река. Все это для тебя, наверное, такое ужасное потрясение…

— Мягко сказано, — буркнул Элвин.

Он вернулся на свою кровать, но уснуть так и не смог, размышляя об огромной ответственности, навалившейся на него. Элвин уже вскоре осознал, что ему не избежать ее, но, прежде чем отправиться на исполнение миссии, которую поручил ему архангел Михаил, нужно было получить разрешение от аббата, чтобы покинуть монастырь.

Во время заутрени он двигался словно полусонный, вновь и вновь прокручивая в голове события прошлой ночи. Сердцем Элвин понимал, что не дьявол искушал его, он действительно общался с архангелом, но как убедить в том прозаичного аббата Беда? С чего начать? Какой предлог выдумать? Ведь согласно уставу ни один монах не мог отлучаться из аббатства, не получив на то позволение аббата.

Задумавшись, Элвин запнулся и на секунду прекратил пение

молитвы. Брат Эдвиг бросил на него быстрый взгляд. Элвин прочистил горло и вновь запел вместе с остальными.

Куда мне идти? Цель миссии предельно ясна — нужно во что бы то ни стало помешать Антихристу осуществить преждевременное наступление Судного Дня. Но как это сделать и с чего начать прежде всего?

Есть только один человек, который может ответить на эти вопросы: мой старый друг, епископ Вулъфстан. Он хорошо меня знает, знает, что сам бы я не смог выдумать такую историю. Кроме того, именно Вульфстан предупредил меня о надвигающейся тьме, прежде чем я получил указания от архангела и услышал, как животные говорят на человеческом языке…

Приняв решение, Элвин продолжал петь окрепшим голосом. Да, нужно идти к Вульфстану, дабы испросить у епископа совета.

Когда заутреня окончилась, аббат взмахом руки повелел братии подойти к нему. Монахи встали перед ним, удивленные неожиданным нарушением установленного порядка. Беда выглядел уставшим и выждал несколько мгновений, прежде чем заговорить.

— Перед заутреней у меня был посетитель — курьер из Калне, который принес ужасные вести. Прежний наш аббат, епископ Вульфстан, серьезно ранен и, вероятно, сейчас при смерти. Он просит вас, чтобы вы помолились за него и его бессмертную душу.

Элвин замер, пораженный. Вульфстан. Неужели враг нанес удар, дабы помешать исполнению возложенной на Элвина миссии? Попытался убить единственного человека, которому он абсолютно доверял?

До потрясенного молодого монаха не сразу дошло, что Беда уже обращается непосредственно к нему.

— Элвин, Вульфстан просил, чтобы ты навестил его. Безусловно, я даю тебе разрешение немедля отправиться к нему. — Водянистые карие глаза аббата наполнились сочувствием. — Я знаю, как ты любил… любишь… Вульфстана. Я буду молиться о его выздоровлении и о твоем быстром и безопасном путешествии к нему.

— Аббат… что произошло? — Спросил Элвин дрожащим голосом.

Беда удрученно покачал головой:

— Случилось нечто страшное. Во время заседания Витана провалился пол. Многие погибли или серьезно ранены, и лишь нескольким удалось остаться невредимыми. Среди этих счастливчиков наш король и его главный советник Анджело,

хвала Господу.

Король и его главный советник Анджело.

Элвин тотчас же вспомнил свой разговор с Вульфстаном тогда, в апреле.

Этельред окружил себя фаворитами, худший из которых — этот римский прохвост Анджело. Странный тип. Чрезвычайно привлекателен для окружающих, но что-то в нем мне очень не нравится.

Элвин задрожал. Ему было стыдно из-за того, что он не столько боится потерять епископа Вульфстана, сколько страшится тех сил, которые стоят за случившимся и, по всей вероятности, отберут жизнь у этого доброго человека.

— Иди быстро. Погода, боюсь, не очень хорошая. Но торопись. Оставайся там столько, сколько понадобится епископу. А потом, мой мальчик, — Беда стиснул пальцы, — возвращайся к нам на крыльях ангелов.

На крыльях ангелов. Учитывая то, свидетелем чего он стал в утренние часы, Элвин невольно спросил себя, какие же сны видел аббат, чтобы употребить эту фразу.

Он вышел еще до утренней службы. Братья собрали то немногое, что могло понадобиться, включая запас пищи на несколько дней. И с молитвами вывели его на главную дорогу.

Едва монастырь скрылся из виду за пеленой бесшумно падающего снега, как из кустов послышалось какое-то шуршание. Элвин подумал, что это кролик или лиса. Но ошибался. Ровена, сама похожая на снежок, легко вспрыгнула на седло. Старый осел, носивший кличку Валаам, удивленно мотнул головой. Ровена выжидающе посмотрела на Элвина, он пошарил в кармане. Нащупал кольцо Соломона и надел его на палец.

— …когда-нибудь напугаешь до смерти, если будешь так выскакивать! — пожаловался осел.

— И ты тоже! — воскликнул Элвин.

Валаам, удивленный не меньше монаха, повернул голову и уставился на седока.

— Ты слышишь меня, юноша?

Элвин вздохнул. Похоже, Соломон пользовался советами всех животных, а не только кошек.

— Да, Валаам, я тебя слышу.

— Чудесно, чудесно, — сказал осел, покачивая головой. — Как бы я хотел сейчас оказаться в теплом стойле. В моем зимой слишком холодно. И хорошей еды! Да, я видел, чем кормят лошадей тех, кто посещает аббатство. Им дают овес, их укрывают одеялами. И все только потому, что они такие высокопоставленные особы, тогда как…

— Валаам, — предупредительно зашипела Ровена, — молчи. Мне надо поговорить с братом Элвином.

Осел пробормотал что-то под нос, явно жалуясь на свою долю. Но голос сбавил.

— Ровена, что ты здесь делаешь?

— Мне кажется, тебе нужен надежный попутчик. А не только болтливый осел, — сказала Ровена, устраиваясь поудобнее на седле. — Кроме того, Вульфстан всегда относился ко мне по-доброму. Многие братья предпочитают пнуть кошку, чем процитировать что-то приятное из Библии.

— Это опасно, — заметил Элвин, странно обрадованный ее появлением.

Ровена взглянула на него своими голубовато-зелеными глазами.

— Я кошка. Если почую опасность — уйду.

Она закрыла глаза и преспокойно уснула. Элвин заботливо прикрыл ее краем накидки.

Шел снег. Тихий и белый, как Ровена. Элвин старался не поддаваться опасениям. С тех пор как еще ребенком его привели в аббатство, он ни разу не уходил от него дальше, чем на милю. Ему не хватало сейчас и тюфяка, и знакомого, усыпляющего холодка библиотеки. Дорога предстояла долгая. От Чесбери до Калне более сотни миль. В лучшем случае он доберется туда через несколько дней. В худшем…

Вульфстан, подумал Элвин, вытирая рукавом слезы, я иду. Пожалуйста, не умирай.

Королевский замок Этельреда

29 ноября 999 года

В сообщении Вульфстана говорилось, что он находится в поместье короля Этельреда, в Калне, где лежат и другие пострадавшие во время странного случая. Икпильдская дорога была вполне проходима, и Элвин убедился, что стража короля, расставленная на этом пути, сразу меняет отношение к путнику с подозрительного на дружеское, когда видит письмо со знаком епископа.

В одном месте часовые предложили проводить монаха до самого Калне. Они даже хотели дать ему лошадь вместо осла. Элвин согласился пересесть на коня, но отказался оставить Валаама, зная то, чего не знали ни аббат, ни солдаты — путешествие только начинается. Освобожденный от всадника,

осел кое-как поспевал за более быстрыми животными.

О трагическом событии знали уже все — среди людей действия, принужденных к временному безделью, слухи распространяются быстро. К тому времени, когда юный монах, Валаам и Ровена прибыли, сопровождаемые двумя танами, к королевской резиденции, Элвин уже услышал самые разные интерпретации случившегося. От проявления Божьего гнева до попытки какой-нибудь ведьмы убить целое собрание добрых людей.

Последний отрезок пути люди проехали молча. Копыта приглушенно постукивали по заснеженной земле. А говорить было уже не о чем. Элвин устал от быстрой езды и от беспокойных ночей. Монах уже почти засыпал, когда негромкий треск и упавший сверху пласт мокрого снега вывели его из полузабытья.

Ровена зашипела, царапнула Элвина когтями и встряхнулась. Монах вздрогнул от боли и холода и поспешно замотал головой, сбрасывая снег, пока тот не растаял. Подняв голову, он увидел на ветке виновника происшествия: на него внимательно глядела большая рыжевато-коричневая белка. Остроконечные мягкие ушки мелко подрагивали, а пушистый хвост подергивался вверх-вниз. Зверек тут же начал браниться.

— Вы и не представляете, как долго я вас жду! Сначала в Чесбери. Но там сказали, что вы уже ушли. Ваши белки такие грубияны! Никакого воспитания! Но вы здесь и…

— Ты, злобная древесная крыса! — зашипела Ровена. Она промокла, и чудесный белый снег прилип к спине. Кошка замерзла и дрожала. Но это никак не уменьшало жар ее слов. — Я съем тебя на обед. Ты…

— Успокойся, Ровена!

Элвин попытался погладить свою спутницу правой рукой. Но животное было уже не унять. Ровена прыгнула на ветку, снова царапнув Элвина когтями задних лап и обрушив на попутчика еще один ком снега.

Сопровождавшие Элвина уже смеялись вовсю. Указывая на монаха, они обменивались какими-то шуточками и явно веселились от души. Элвин покраснел, но старался не обращать на них внимания. Ударив лошадь в бока, он проехал вперед, спеша избежать еще одного снегопада. Белка протестующе запищала, утверждая, что она «не обычная белка». Но Ровена ответила на это таким набором оскорбительных выражений, которые могли бы устрашить не только юного монаха. В следующее мгновение оба зверька исчезли из виду.

— Какой вы счастливчик, брат Элвин, — качая головой,

заметил тан Элфрик. — Вас защищает такой отважный солдат!

Его товарищ Улрид громко расхохотался, и Элвин слабо улыбнулся.

— Хвала Господу, — ответил он, и таны, удивленные его словами, снова рассмеялись. Но теперь уже вместе с ним.

Они подождали Элвина и поехали дальше, сопровождаемые Валаамом. Юноше не очень хотелось продолжать путешествие без Ровены, но, доверяя ее звериным инстинктам, он надеялся, что кошка его отыщет.

А тем временем совсем неподалеку умирал Вульфстан. Элвин перекрестился и прошептал молитву, полагаясь на то, что еще не опоздал.

Час спустя монах вошел в главный зал королевской резиденции, стряхнул с плеч снег и прищурился, вглядываясь в полумрак.

— Я думал, что раненых будет больше, — сказал он, обращаясь к Элфрику. На полу лежало всего лишь несколько человек.

— Да, — ответил тан. На его бороде и усах висели сосульки. Но в глазах горел огонь. — Так и было. На ногах остался только один, архиепископ Альфеге из Кентербери. Шестеро умерли, и скоро к ним присоединятся и другие. Ваш друг епископ лежит вон там.

Чувствуя, как сдавило грудь, Элвин подбежал к Вульфстану. Ноги служили ему хорошо.

— Вульфстан?

Как и другие пострадавшие члены Витана, епископ Лондонский лежал на соломенном тюфяке, расстеленном на земляном полу. Стоявшие в центре комнаты жаровни никак не могли согреть просторное помещение. Ставни окон, открытые, чтобы удалять дым, впускали холодный воздух. Вульфстана почти не было видно под горкой одеял и шкур. Он лежал на земле неподвижно, с закрытыми глазами. Юноша опустился на землю и осторожно взял епископа за руку. Рука была холодной.

— Епископ Вульфстан?

Его глаза наполнились слезами. Милосердный Боже, неужели уже поздно? Глаза открылись. Епископ нахмурился, стараясь сконцентрировать внимание.

— Элвин?

Монах усмехнулся. Прижал холодную слабую руку к груди и поцеловал ее.

— Да, ваша милость. Это я. Приехал сразу, как только получил ваше послание.

Улрид и Элфрик тоже подошли к епископу. Посмотрев на них

покрасневшими голубыми глазами, Вульфстан нахмурился.

— Вы привели ко мне мальчика, за что я вам благодарен. А теперь займитесь своими обязанностями.

Таны поклонились и поспешно отошли. Вульфстан потянул юношу за руку, и когда Элвин наклонился, прошептал ему на ухо:

— Мы одни?

Монах оглянулся. В другом конце комнаты какие-то женщины ухаживали за ранеными, но они были далеко.

— Здесь три женщины, епископ, но они не слышат нас и заняты с больными. Я… — Он замолчал, не зная, что сказать. — У меня есть для вас новость. Удивительная и страшная.

— А мне нужно сказать тебе кое-что, мой мальчик. Но вижу, тебе не терпится рассказать. Говори первый.

Элвин вздохнул, собрался с мыслями и простыми словами, без изысков и прикрас, передал другу все, что случилось с ним в последнюю ночь в аббатстве. Он не скрыл ничего — ни своего страха, ни нежелания брать на себя тяжкое бремя, ни резких слов Ровены. Сначала епископ только поднимал бровь, но затем стал кивать.

Когда Элвин замолчал, Вульфстан сжал его руку.

— Я верю тебе. Я искал тебя, чтобы предупредить о чем-то похожем. Приятно сознавать, что архангел и я придерживаемся одного мнения о…

Он закашлялся. Приступ был сильным, слабое тело епископа сотрясалось от спазмов, из горла вылетали хрипы и стоны. Несколько шкур сползло на землю, и взгляду Элвина открылась перевязанная грудь друга. Позади послышались шаги — одна из женщин подбежала и склонилась над Вульфстаном.

Епископ отмахнулся от нее, и юноша удивился тому, что раненый еще способен шевелить рукой. Женщина покачала головой и, бросив взгляд на монаха, неохотно отошла. Вульфстан наконец справился с приступом и откинулся на тюфяк, закрыв глаза. Кровь и слюна застыли у него на подбородке.

— Я позову, если вы ему понадобитесь, — сказал Элвин вслед женщине.

Некоторое время он просто молча сидел рядом со своим наставником, держа его за руку. С какой радостью он отдал бы другу часть собственной жизни!

Почувствовав слабое пожатие, Элвин посмотрел на епископа.

— Ты в опасности, — прошептал тот. — Я здесь не задержусь и не смогу направлять тебя. — Голубые глаза улыбнулись. — Вижу, ты пришел к такому же выводу.

— Вульфстан… — в отчаянии пробормотал юноша.

— Ничего, слушай. Анджело… Не знаю точно, но он как-то в

этом замешан. Он тебе не друг. Тебе нужно уйти, прежде чем ему станет известно о твоем присутствии. Поэтому я и попросил тебя приехать. Не мог предупредить письмом. Слишком много глаз…

Веки опустились. Испугавшись, Элвин осторожно потряс друга.

— Вульфстан? Пожалуйста, не умирай. Скажи, куда мне идти? Как исполнить поручение?

Что-то белое — точнее он не мог определить из-за слез — появилось в окне, замерло на мгновение и впрыгнуло в зал. Оглядевшись, Ровена — конечно, это была она — бросилась к монаху.

— У меня новости! Эта глупая белка говорила правду. Она совсем не обычный зверек. У тебя есть союзник, которому требуется твоя помощь!

Вспомнились слова Михаила. Ты не будешь одинок. С Севера придет человек, мудрый и отважный. Это Второй Свидетель, также наделенный даром. Вместе, если ваши сердца и умы не подведут вас, вы победите.

— Но это же белка! — воскликнул он. Ровена зашипела, прижав уши.

— Нет! Хвосты и усики! Белка всего лишь гонец. Другой ждет и требует, чтобы его впустили.

— Второй Свидетель! — выдохнул Элвин. — Он здесь. Он действительно здесь!

Впервые с того времени, как юноша покинул монастырь, в нем всколыхнулась надежда. Вульфстан потерял сознание, но все еще дышал. Поцеловав епископское кольцо, Элвин поднялся на ноги. Его переполняли радость и страх. Кто этот другой? Воин? Возможно, кто-то из стражи короля? Или какой-нибудь святой?

Он повернулся и побежал к двери. Ровена последовала за ним. Тяжелый засов долго не поддавался. Женщина, подходившая к епископу, видя затруднения юноши, помогла ему. Наконец дверь распахнулась. Сердце в груди застучало. Элвин поднял голову.

И застыл на месте.

Два тана, сопровождавшие юношу, вернулись к исполнению обязанностей стражников и горячо спорили с тем, кому суждено было стать союзником Элвина.

Точнее, с ней.

Она больше подошла бы на роль сподвижника Сатаны, чем защитника Бога. Длинные ресницы, рыжие волосы, напоминающие пламя костра, падали на плечи густой, буйной волной. Странное разноцветное платье и брошь, скалывавшая накидку, ясно выдавали ее происхождение — дикие районы

Далриады.

С Севера придет человек…

Элвин сразу понял, что никакая она не добрая христианка. Почему он пришел к такому выводу? Возможно, дело было во взгляде женщины, самоуверенном и вызывающем, возможно, в том, что она даже не прикрыла волосы. Христианство уже давно проникло на Север. Но до сих пор во многих местах находились такие, кто презрительно отказывался от надежды на вечную жизнь. Отчаяние захлестнуло Элвина, когда он понял, что стоящая перед ним женщина — женщина! — о чем только думал Михаил? — одна из этих неприрученных язычников.

— У меня с собой целебные травы. Я знаю, как лечить раненых. Неужели вы дадите им умереть только потому, что у вас, невежи, нет приказа?

— Да, — бросил Улрид. — И тебя убьем за то, что нарушаешь покой в замке его величества! Что ты думаешь, Элфрик? — Он вытащил меч.

— Нет, — ответил Элфрик. — Не пори горячку. Может быть, сначала немного развлечемся?

Щеки женщины зарделись.

— Какие вы, англичане, самоуверенные! Да я скорее лягу со свиньей, чем с вами — свиньи чище и пахнут лучше!

К этому времени Элвин уже оправился от изумления. Что бы он ни думал об этой женщине, ошибки быть не могло. Перед ним спутник, товарищ по долгому и необычному путешествию. Он сделал шаг вперед и обрел голос.

— Добрые таны, умоляю вас, пропустите эту женщину. Она действительно пришла лечить. — Он встретился с горящим взглядом зеленых глаз, и во рту у него пересохло. — Я буду смотреть за ней. Я буду… свидетелем.

Ее лицо исказилось от ужаса. Полные красные губы презрительно сложились в узкую полоску.

— Это ты, — тихо сказала женщина. — Ты монах. Задница Мидхира! Почему я не осталась дома?

Глядя на это воплощение женского бесстыдства, уязвленный ее неприязнью и разрываясь между отвращением и влечением, Элвин думал о том же самом.

ЧАСТЬ II
ЗНАМЕНИЕ

Когда же сидел Он на горе Елеонской, то приступили к Нему ученики наедине и спросили: скажи нам, когда это будет? И какой признак Твоего пришествия и кончины века?

Иисус сказал им в ответ: «… услышите о войнах И военных слухах. Смотрите не ужасайтесь, ибо Надлежит всему тому быть, но это еще не конец; Ибо восстанет народ на народ и Царство на Царство; И будут глады, моры и землетрясения По местам; Все же это — начало болезней»…

Матфей, 24:3

ГЛАВА 8

Уста их мягче масла, а в сердце их вражда;
слова их нежнее елея, но они суть обнаженные мечи.

Псалтирь, 54:22

Лес возле королевского замка

28 ноября 999 года

Анджело любил белых лошадей не меньше, чем снег. Немудреная яркость и недостаток цвета успокаивали, так как подобно ему самому происходили из мира мягких, темных оттенков и приглушенности, хотя, если сказать по правде, и конь, и снег, по которому он сейчас гнал коня, имели множество разнообразных тонов. Тем не менее общее впечатление чего-то чистого и пустого довлело над другими. Это было нечто, на чем он мог оставить свою отметину.

Конь с трудом пробивался через сугробы. От раздувающихся ноздрей поднимались облачка пара. След был виден ясно — еще одна причина, почему ему так нравился снег. Судя по расстоянию между копытами, мальчишка несся практически галопом.

Дурак! Так гнать лошадь по глубокому снегу было безумием. Этельред мог свалиться и сломать себе шею. Или, что вернее, конь мог споткнуться, а потом утащить безрассудного простака куда угодно. И одно и другое стало бы катастрофой для планов Анджело. Этельред — жалкий, нетерпеливый, покорный Этельред — являлся необходимым условием окончательной победы Анджело.

Он заметил короля в нескольких сотнях ярдов от себя. Серая точка на белом снегу. Этельред гнал коня во весь опор. Анджело покачал головой. На его глазах лошадь перемахнула через упавшее дерево, зацепившись животом за белый холмик над темно-коричневым стволом. До Анджело долетел восторженный мальчишеский вопль. Теперь король скакал к лесу.

Советник задумчиво кивнул. В руке его появился мех с горячим вином. Нахмурившись, он потискал его пальцами, словно пойманного зверька. Вот так-то лучше. Они изрядно

удалились от королевского замка, и если вино будет слишком горячим, то даже тупоголовый Этельред сможет заподозрить неладное.

— Вперед, мой дорогой, — сказал он своему белому жеребцу. — Еще немного на холоде, а потом мы вернемся в более теплое место.

Конь выгнул шею и посмотрел на хозяина умными глазами. На долю мгновения карие глаза блеснули красным. Потом конь тряхнул гривой и послушно устремился к лесу.

— Ты можешь хотя бы ненадолго оставлять меня одного, а, наседка? — улыбаясь, сказал ему Этельред.

Анджело тоже улыбнулся в ответ.

— Нет, ваше величество, ведь я вас так люблю. Ваша жизнь для меня ценнее моей собственной. — Он придал лицу выражение угрюмости и набожности. — Помните о трагической смерти вашего брата, последовавшей из-за отсутствия надежного спутника.

Ему было приятно наблюдать, как улыбка ушла с губ Этельреда. Нет ничего лучше страшной истории, чтобы держать ребенка в руках, и Анджело позаботился о том, чтобы воспоминания короля о той ночи были по-настоящему ужасными. Хотя и не очень точными, ведь сам он представал в этой истории в образе героя, пытавшегося отыскать злодея, а мать короля, Эльфтрит, в образе невольной и невинной свидетельницы произошедшего.

Этельред перекрестился. Анджело отвернулся.

— Да сохранит меня Господь и Святой Эдуард от такого предательства, — пробормотал король.

Его советник состроил гримасу. Возможно, он сделал все слишком хорошо. Горюя по убитому Эдуарду, Этельред распорядился причислить его к лику святых. Аббатство Шафтсбери, где лежал святой Эдуард Мученик, стало местом поклонения. Как обычно, заговорили о происходящих там время от времени чудесах.

Обе лошади шли рядом, и Анджело, наклонившись, положил руку на локоть короля.

— Вот потому я и здесь, — с трогающей искренностью сказал он, и улыбка тут же осветила лицо Этельреда.

Иногда Анджело казалось, что все получается чересчур легко.

— Я подумал, что вы продрогли и захватил с собой горячего вина. Оно согреет вас, пока мы доберемся до замка.

Этельред с удовольствием откликнулся на предложение, взял мех, вытащил пробку и сделал несколько хороших глотков.

— Спасибо за вино и за компанию, — сказал он, утирая губы

тыльной стороной ладони. — Только прошу тебя, давай обойдемся без разговоров. Иногда мне кажется, что я только и делаю, что говорю, говорю, говорю!

Этельред надулся, как ребенок, у которого отобрали любимую игрушку.

— Еще кто-то напал?

Анджело кивнул:

— Да, боюсь, что так. Две недели назад почти сто челнов подошли к Ипсвичу. Во главе их какой-то молодой выскочка по имени Торкелл. Как мне доносят, пожар еще продолжается. Враг двинулся на юг. Та же участь постигла Колчестер, а всего несколько дней назад произошла крупная битва у Малдона. Наши люди разбиты. Среди павших — олдермен Биртнот.

— Нет. — Этельред покачал головой. — Этого не может быть. Мы заплатили. Мы даже согласились на удвоенную дань. Они должны были оставить наши берега и…

— Говорят, Биртнот сказал им, что вместо дани они получат копья, — продолжал Анджело. — Гордые и звонкие слова, но, как оказалось, пустые. Так поступать советовал епископ Вульфстан, если не ошибаюсь? — Он вздохнул. — Бедняга Вульфстан. Лежит у порога смерти, а теперь за ним отправился и Биртнот, разделявший его порочные идеалы.

Покачав удрученно головой, он перекрестился. Этельред последовал его примеру.

— Где они сейчас? — спросил король. — Боже, пусть бы вернулись домой и дали нам время хотя бы зализать раны!

— Боюсь, ваше величество, это не так. Сейчас они стоят лагерем под Шусбери, и если ничего не случится, то вскоре можно ждать их нападения на Лондон.

Этельред пожевал губу. Анджело не вмешивался в его размышления.

— Можем ли мы напасть на них? Знаю, у нас есть договоренность о мире, но ей-богу, Анджело, я начинаю думать, что Витан прав. Биртнот — благородный и смелый дурак, погибший в сражении, которое не мог выиграть, но если мы…

Анджело покачал головой:

— У нас просто нет времени, чтобы собрать флот или армию для внезапного нападения. Но я полагаю, что мы должны и можем защитить Лондон. Предлагаю созвать Витан. Все еще здесь, не считая отошедших в лучший мир. Приведем в действие наш оборонительный план.

— Сколько людей у этого… этого Торкелла? Ты сказал, но я уже забыл.

— Почти сто, ваше величество.

— Я о нем не слышал. А ты?

Конечно, Анджело слышал о Торкелле. Он знал все, что делал Локи, с кем успел поговорить.

— Торкелл — всего лишь юноша, ваше величество, но, как утверждают, он правая рука еще более грозного воина, Дракона Одинссона. — Анджело презрительно фыркнул. — Его сторонники называют Дракона воплощением некоего бога. Говорят, он еще не появлялся на наших берегах. Возможно, его и нет в действительности.

— Но… может быть, он и есть.

— Олаф, Торкелл, Свейн, Дракон Одинссон. Все они язычники, и они не должны завладеть этой землей. Так ли уж важно, кто именно идет против нас? Любой, кто поднимает руку на вас, становится врагом, какую бы устрашающую кличку он ни носил.

Этельред довольно долго молчал. Продрогший, съежившийся, дрожащий, он походил скорее не на короля, а на побитого, несчастного мальчишку.

— Это кончится когда-нибудь, Анджело? — спросил он.

— Да, конечно, в этом нет никаких сомнений. Король — существо божественное, его власть от Бога.

— У викингов тоже есть короли, — пробормотал Этельред.

— Викинги — язычники. Вы посланник Божий. Знаю, вам может показаться, что их набеги длятся уже вечность, но вспомните псалом 26-й: «Господь крепость жизни моей; кого мне страшиться?» Так кого же бояться праведному королю? Кучки грязных язычников и их беспомощных богов?

Он помолчал, морща лоб и словно бы не решаясь выразить свои мысли.

— Ваше величество… вы когда-нибудь думали, вам не приходило в голову, что из вас вышел бы превосходный император?

— Упаси Господь, Анджело. Не сошел ли ты с ума? У меня своих дел хватает. Надо защищать Англию, а тут уж не до Европы!

— На все воля Господа, — упрямо сказал Анджело. Или моя. — Я же говорил, что в Европе тоже неспокойно. Император Отгон ведет войну с сарацинами. Ему удалось победить их в сражении, но с большим трудом. Страна в страхе великом. Ему ведь только девятнадцать, и он слаб здоровьем. У него нет наследника, так что Европе может понадобиться сильный христианский правитель. А в качестве союзников-страны Европы могли бы дать нам немало копий. Год подходит к концу, король Этельред. Ходят слухи, что времени очень и очень мало, что с

новым тысячелетием придет новый мир и наступит конец старого. Кто же будет тогда последним императором, который передаст корону и скипетр Христу, как это было предсказано? Отгон? Не думаю.

Этельред снова замолчал, явно ошеломленный словами Анджело, что вполне устраивало последнего. Пусть марионетка изводит себя сомнениями. Пусть обсудит подброшенную советником идею со своей матерью. Хитрой и всегда готовой помочь Эльфтрит. Уж она даст сыну хороший совет. Этельреду понравится, он станет считать идею своей, явившейся ему во сне и в видении. А потом и еще один кусочек мозаики займет свое место.

Планы Анджело были огромны. Они охватывали весь мир.

Сдержать распиравшее его чувство триумфа оказалось нелегко, но все же он справился. Однако настроение изменилось, когда Анджело увидел направляющегося в его сторону всадника.

— В чем дело, Элфрик? — спросил он, когда тот подъехал ближе. — Нашим раненым стало хуже? Или случилось…

Элфрику понадобилось еще несколько мгновений, чтобы перевести дух.

— Надо поторопиться, сир, — прохрипел он. — Эта… язычница… молодой монах из монастыря святого Эйдана… Элвин… Вульфстан вызвал его, а он провел ту женщину.

Этельред нахмурился, явно ничего не понимая.

— Язычница? У меня в доме язычница? Да она же отравит моего епископа!

— Она сказала, что пришла исцелить его, — продолжал Элфрик, все еще хватая ртом воздух. — Когда брат Элвин впустил ее, я… я не знал что делать и отправился за вами, сир.

— Ты поступил правильно, — одобрил Анджело.

Вот и замечательно. Несмотря на всю серьезность повреждений, Вульфстан упрямо отказывался умирать, и королевский советник уже начал подозревать, что епископ держится только на силе воли. Если эта язычница отравит его, что ж, прекрасно. И даже если у нее что-то получится, скандал навсегда ляжет несмываемым пятном на его репутацию.

— Не представляю, чтобы добрый епископ Вульфстан допустил к себе язычницу. А уж никакой помощи от нее ни в коем случае не примет. Это было бы вызовом Господу. Впрочем, если боли очень сильны, то даже языческое врачевание…

Анджело не договорил, заметив, как к выражению ужаса на лице Этельреда примешивается сочувствие к страдающему, вынужденному принять помощь дикарки. А вот в карих глазах Элфрика вспыхнул праведный гнев.

— Вперед! — воскликнул Анджело. — Мы еще можем успеть предотвратить самое худшее!

* * *

Море было серым, и небо было серым, и земля была серой. Локи уже начал уставать от бесконечного путешествия. Но не знающая слабости команда призраков выполнила наконец его приказ. Нагльфар прибыл в пункт назначения,

Локи медленно поднялся. Двигаться в новом теле было легко и приятно. Ветер трепал его густые черные волосы, падающие с неба льдинки покалывали кожу, но он не замечал этого. К востоку от Мидгарда в стране великанов находился Ярнвид, Железный Лес.

Было тихо, если не считать плеска волн и негромкого плача ветра. А потом пришел звук.

Почти как песня, с разрывающей душу чистотой и жутковатым подвыванием. Звук нарастал, набирал силу, и на глазах Локи выступили слезы. Затем завывание стало стихать.

— Мальчик мой, — прошептал Локи. Набрав воздуха, он приставил ладони ко рту и закричал: — Фенрир!

Эхо крика раскатилось над водой. Он замер, напряженно вслушиваясь, ловя ответ. И ответ пришел. Радостный вой, от которого у Локи сильнее забилось сердце.

Хотелось плясать, прыгать, орать, но он ограничился молчаливой усмешкой. Нагльфар подплыл ближе к берегу. Локи спрыгнул в холодную воду и, сделав несколько шагов, выбрался на сушу.

Он стоял на песке, замерзший и мокрый. Еще несколько волков подали голос, но ни один из них не был его сыном. Прежде чем Локи успел моргнуть, на покрытый жухлой травой холм выскочили два громадных хищника. Оба смотрели на Локи. Глаза их светились красным, из оскаленной пасти доносился рык, густая черная шерсть на спинах поднялась.

Локи усмехнулся и поднял руку.

— Успокойся, Сколл. Не волнуйся, Хати. Я не смертный, рискнувший нарушить ваши владения, а Локи-Обманщик. Найдите свою мать, чтобы я мог попросить ее отыскать и освободить моего сына.

— Они уже нашли меня, Обманщик, если это и впрямь ты, — прозвучал рядом приглушенный голос.

Удивленный Локи обернулся — королева Ведьм висела в воздухе в двух шагах от него. Ее платье было серым, как все

остальное в этом угрюмом месте. Но лицо… лицо оставалось все тем же очаровательным, с полными красными губами. Локи смело шагнул к ней, обнял, притянул к себе и поцеловал.

Она ответила на объятие, а когда их губы разъединились, усмехнулась.

— Ни один смертный не может поцеловать меня и не измениться. Добро пожаловать, Локи. Рагнарёк уже начался? Мои малютки проголодались, но рог Хеймдаля еще не прозвучал здесь.

Все еще держа королеву за тонкую талию, Локи повернулся и взглянул на волков.

— Уже скоро. Клянусь. Я пришел за своим сыном, чтобы вместе с ним привести в действие план, который приблизит конец света. Где он?

По-прежнему не желая ступать своими изящными ножками по серой земле, королева Ведьм повела Локи через холмы и луга.

— Кто из твоих детей сожрет солнце? — полюбопытствовал Обманщик. — Сколл?

— Нет. Сколла привлекает солнце. А вот Хати больше нравится бледная луна.

— Жаль, что этот час еще не наступил.

Песня его сына становилась все громче. Локи поднялся на бугорок, и его человеческое сердце подскочило от радости.

Фенрир не был созданием света. Подобно Железному Лесу, в котором его так долго держали на положении пленника, его мех отливал в основном серым. Но этот серый цвет был теплым, живым, мягким, серебристо-лунным, с мазками черного, коричневого и белого. После долгих лет — а может быть, десятилетий, веков или как там еще считают время — Фенрир показался Локи самым великолепным и живым существом на земле. Прыгая и повизгивая от радости, зверь лизал Локи лицо, как будто исстрадался по его вкусу.

— Разорви ее! — рычал Фенрир, натягивая ленту Глейпнир.

Локи присмотрелся. Лента была тонкая, словно сделанная из паутины, и непрочная на вид. Но даже мускулистый волк не смог порвать ее, несмотря на все старания.

— Будь они прокляты, — прохрипел Локи. — Будь они прокляты за свою трусость. Сын, я не могу порвать ленту. Рагнарёк еще не наступил, иначе я бы сам освободился от своих пут и был в собственном теле, а не в этом, позаимствованном. Но есть и другие способы, не требующие силы.

Сдерживая дыхание, Фенрир замер, пока Локи ощупывал ленту на его шее. За долгие столетия она затянулась еще сильнее, но Локи все же взялся за узел. Магия здесь не нужна. Пророчество

определило, что Глейпнир будет разорван только с наступлением Рагнарёка. В нем ничего не говорилось об умелых, терпеливых пальцах, способных просто развязать узел. Локи уже знал, что любое пророчество можно обойти.

Наконец Локи рассмеялся и, стащив яркую ленту, подбросил ее вверх. Она заплясала, подхваченная ветром. Фенрир взвыл от радости и запрыгал, почувствовав долгожданную свободу. Отец с гордостью наблюдал за сыном. Фенрир был прекрасен.

Внезапно волк остановился.

— И это все, что требовалось, чтобы освободить меня?

— Королеве запрещалось прикасаться к тебе.

— Она так и сказала. Но это мог бы сделать кто-то другой. Однако никто не пришел помочь мне. А ведь я не причинил вреда никому из Эзира.

Улыбка исчезла с лица Локи.

— Зато я с ними не церемонился, — торжественно сказал он. — Тебя привязали не из-за того, что ты сделал, а из страха перед тем, что ты сделаешь.

Глаза Фенрира стали наливаться красным. Он сердито зарычал.

— Тор поплатился за это рукой.

— У тебя будет возможность отомстить, — пообещал отец. — Но сначала нам нужно выполнить кое-какие обязательства. Я нашел союзника. Он помог мне освободиться и позволил освободить тебя. Мы разбудим твоего брата, спящего в глубоком озере и мечтающего, как и мы, о дне мщения. Мы призовем твою сестру. Все вместе, вчетвером, мы поможем Анджело уничтожить его мир, а потом сможем уничтожить наш.

Что-то похожее на печаль коснулось Локи при этих словах. Конец мира означает и его собственный конец, и гибель детей. Но такова судьба. Что толку сидеть и ждать, любуясь сыном.

Нет, так не пойдет. Лучше действовать, приближая час собственного уничтожения, чем терпеть и ничего не делать. Лучше, подобно падающей звезде, погибнуть в сиянии огня, чем лежать в холоде и оплакивать то, чего не может быть.

— Ты тоже часть плана Анджело, — сказал он Фенриру. Волк, всегда падкий на лесть, довольно высунул язык.

— Подойди ко мне, и я помечу тебя, как мне было указано.

— Зачем мне метка? Меня ведь и так все знают — грозный Волк Фенрир.

— Теперь тебя будут знать не только как Фенрира, но и под другим именем. И ты будешь внушать вдвое больший ужас.

Обещание пришлось по вкусу Фенриру, и он покорно опустился перед отцом. Локи положил руку на лоб волка.

Опаляющий жар хлынул из человеческих пальцев, но зверь стоически вынес боль, не издав ни звука. Локи ощутил запах горелой плоти и паленого меха и услышал слабое потрескивание.

Ему тоже было больно, но он лишь крепче сжал зубы. Что значит легкий ожог по сравнению с вековыми муками, которые выпали на его долю в глубине земли.

Вот и все. Локи поднял руки и потрепал сына, рассматривая то, что получилось. Ничего особенного, всего лишь несколько черточек и линий. Римские цифры, так называл их Анджело. Кто такие римляне? Анджело также сказал, что люди, живущие в этом месте, называемом Англией, сразу узнают символ, и он вольет страх в их сердца.

А страх — это то, к чему Локи относился с большим одобрением.

ГЛАВА 9

Не надейся на князей…

Псалтирь, 145:3

Замок короля Этельреда

Калне

28 ноября 999 года

Женщина-язычница первой пришла в себя.

— Спасибо за веру в мои способности, брат…

— Элвин. Из аббатства Святого Эйдана в Чесбери. Ваши, хм, целительные таланты весьма кстати, госпожа…

— Кеннаг ник Битаг. Из деревни Глиннсад. — Она помолчала, нахмурив рыжие брови. — Способности у меня есть, брат Элвин, но проходить через людей я не умею.

— О! — Он покраснел и тут же отступил в сторону. Бросив недовольный взгляд на Улреда — Элфрик спешно удалился, — Кеннаг вошла в дом.

— Где он?

Элвин кивнул в сторону Вульфстана. Кеннаг решительно направилась к больному, монах последовал за ней. Опустившись на колени перед лежащим без сознания епископом, она начала осматривать его.

Элвин уже открыл рот, собираясь выразить протест против того, как целительница бесцеремонно ощупывает Вульфстана, но его остановил суровый взгляд. Несчастный и беспомощный, он сел неподалеку, наблюдая за тем, как Кеннаг понюхала сначала дыхание епископа, потом приложила ухо к его груди и наконец, подняв веки, заглянула в невидящие голубые глаза Вульфстана. Похоже, она знала, что делает. Ровена тихонько сидела рядом, внимательно посматривая на гостью своими необычными глазами.

Женщина, вторая половина пары, которая должна остановить Сатану. Язычница. Элвина охватило сомнение. Может быть, все это только сон или, что еще хуже, уловка врага с целью убить епископа руками его, Элвина. А может быть…

— Маловерный… — пробормотала, полузакрыв глаза, Ровена.

Он изумленно посмотрел на кошку. — У тебя все написано на лице, брат. Ты сомневаешься в женщине и сомневаешься в себе. Верь, брат.

Залившись краской смущения, Элвин прикусил губу. Получить упрек за недостаток веры от кошки? Все это стало походить на плохую комедию, и он не удивился бы, если бы Господь явил свой гнев, поразив всех троих — его самого, язычницу и кошку — на месте.

Между тем Кеннаг решительно сняла повязку с ослабленного и худого тела Вульфстана. Громко вскрикнув, Элвин подался вперед и схватил ее за руки.

— Что ты делаешь?

— Пытаюсь помочь твоему другу. Позволь…

— У него сломаны ребра, и повязка…

— Я вижу сама, глупец! Позволь мне делать то, что я умею, да поразит тебя огонь Бригады!

Женщина ловко вывернула руки, и в пальцах Элвина остался только воздух.

Охваченный отчаянием, он вернулся на место. Кеннаг сняла верхнюю одежду, и перед глазами монаха предстала соблазнительная фигура, обтянутая длинным цветным платьем. Женщина развязала мешочек и достала из него кувшин.

Хлынувший из сосуда аромат напомнил Элвину о меде, цветах, лете. Он забыл о роскошном, притягательном теле, о водопаде рыжих волос, о ранах Вульфстана и даже о том, почему сам находится здесь. Элвин вдыхал запах лета и думал о тех восхитительно теплых, мягких днях и ночах, когда ритм жизни в аббатстве без всяких усилий сливался с ритмом благословенного Богом мира.

— Вытри лицо, брат Элвин, — тихо сказала Ровена, выводя его из блаженных мечтаний.

По его щекам текли слезы. Монах отер их ладонью. Он посмотрел на Кеннаг. Ее лицо смягчилось, утратив коварное выражение, в улыбке не было и намека на презрение. Взяв немного мази, она медленно и осторожно начала втирать ее в тело Вульфстана. Элвин не сводил с женщины глаз. Желание протестовать прошло, изгнанное пьянящим запахом, будившим чувства. Нежными движениями она касалась поврежденного тела епископа в тех местах, где кожу прорвали сломанные кости. Ее пальцы словно порхали над изувеченной плотью.

— А теперь, — негромко сказала Кеннаг, — можно заново наложить повязки.

Она закупорила кувшин, и аромат ослаб, но не исчез полностью.

Взгляд Элвина переместился с тела Вульфстана на его собственную бесполезную левую руку.

— Мазь излечивает то, что сломано, — донесся до него участливый голос Кеннаг, — но не может вернуть жизнь тому, что мертво.

Стыд переполнил Элвина. Стыд за увечную руку, за тщетное желание видеть ее здоровой, за то, что женщина так легко угадала его сокровенные, непристойные мысли.

Элвин опустился на колени рядом с епископом, а Кеннаг поднялась и негромко заговорила о чем-то с одной из женщин. Потом целительница снова подошла к монаху и остановилась у него за спиной. Он не поднял головы, пристально вглядываясь в изможденное лицо Вульфстана. Что это, воображение или надежда на помощь таинственной мази — на щеках епископа появился слабый румянец.

К изумлению юного монаха, раненый открыл глаза и даже попытался улыбнуться.

— Я чувствую запах лета, — прошептал он. — Должно быть, я умер. Но не могут же по дому Господа гулять такие сквозняки. Что за чудо ты совершил, Элвин? Боль намного меньше.

— Никакого чуда, — опускаясь рядом с ним, сказала Кеннаг, и голос ее прозвучал удивительно мягко. — Всего лишь травы и овечий жир. Позвольте мне перевязать вас и дать снотворного отвара.

Но Вульфстан вовсе не был престарелым идиотом, ум которого ушел вместе с волосами и зубами. Пристально поглядев на женщину, он покачал головой.

— Я знаком с травами и овечьим жиром, и никакая мазь не способна оказать столь сильное действие. Если, по-твоему, это не чудо, то что тогда?

— Епископ, Кеннаг — второй Свидетель, — негромко, чтобы его не услышали, сказал Элвин. — Она не христианской веры, но…

— «По плодам узнаешь их», — процитировал старик. — А плоды твоего вмешательства явно чисты. Я удивлен, признаюсь, но кто я такой, чтобы сомневаться в мудрости Господа? Если Он тебя призвал, а это именно так, я полагаю, то тогда Господь действует через тебя, хоть ты этого и не знаешь.

Он поднял руку, остановив готовые сорваться с ее губ протесты.

— Послушайте меня. Дни становятся короче, и ваша задача все неотложнее. Брат Элвин пришел ко мне за советом, а тебя, сестра Кеннаг, привело Провидение. Единственный совет, который я могу вам дать — ищите мудрость других. У вас еще

есть время обойти священные места острова, поговорить со знающими людьми и, возможно, получить от них помощь. И еще… Заботьтесь друг о друге, как Господь заботится о нас всех.

Свидетели обменялись беспокойными взглядами. Элвину подумалось, что заботиться о Кеннаг — это почти то же, что заботиться о косуле в лесу. Похоже, ей совет епископа тоже не очень понравился. Но оба промолчали, не желая спорить с больным.

— Выпейте вот это, — предложила Кеннаг, вытаскивая из мешочка еще одну бутылочку. На этот раз монах поморщился от запаха. — Оно поможет вам скорее подняться на ноги.

— Что это? — воскликнул Элвин. Кеннаг улыбнулась:

— Корень валерианы, смешанный с крепким напитком. Запах неприятный, но вам станет легче. И сон будет крепкий.

— Верю, дочь моя, хотя запах отвратительный. Как из Ада.

Элвин неуклюже помог старику приподняться, чтобы тот не подавился. Епископ сделал несколько глотков, скорчил недовольную гримасу и снова лег.

Дыхание стало постепенно замедляться. Наконец Элвин повернулся к целительнице.

— Благодарю. Ты спасла жизнь моему другу.

— Не за что. Благодарить надо не меня. Снадобье мое, но мазь мне дали те, кого называют Добрым Народом.

Элвин не сразу понял, что она имеет ввиду.

— Эльфы?

— Тс-с! Они не любят, когда их так называют!

— Мне все равно, что они любят и чего не любят. Главное, что ты лечила служителя Бога какой-то дрянью!

— Элвин, как ты думаешь, кто послал меня сюда? — В ее голосе послышалась злость. — Когда мне сказали, что я встречу другого, я подумала, что это будет король, воин. Кто-то, кто станет сражаться, чтобы спасти и наш мир и мир Доброго Народа. И вот меня приводят к увечному монашку…

Она резко замолчала. Элвин ничего не сказал, но почувствовал, как отхлынула от лица кровь. Но, хотя сердце громко стучало в груди, он не отвернулся.

— Извини, — сказала Кеннаг. — У меня такой характер… я не подумала… Христиане были не очень добры ко мне и моему народу, и я не люблю их и не доверяю им.

Увечный монашек. Да, так оно и есть. Просто ее слова так резанули по сердцу. Во рту пересохло, и Элвин молчал, не зная, что сказать.

Молчание затягивалось, но тут стукнула дверь, и Элвин и Кеннаг подняли головы. У порога стояли двое. Один худощавый,

одетый в красивые, хотя и перепачканные одежды. Борода и волосы у него были покрашены, но у корней они являли свой истинный светлый цвет.

Рядом с ним стоял красивейший из всех мужчин, которых Элвин когда-либо видел. Он двигался с грацией кошки. Золотистые, вьющиеся кольцами волосы обрамляли чеканное лицо. Полные губы твердо сжаты, глаза блестят. Таким, наверное, был первый человек на земле, Адам, живший в далеком Эдеме.

— Вот они! — воскликнул синебородый. — Арестуйте их!

Элфрик и Улред шагнули вперед. Лишь тогда до Элвина дошло, что аресту подлежат они, он и Кеннаг. Он поднялся, растерянный.

— Что происходит? Кто вы?

— Лучше спросить, — сказал второй, подходя ближе, — кто ты такой? Это твой король, Этельред. Повинуйся, херл!

Удивленный, Элвин тем не менее уже собирался опуститься на колени перед своим повелителем, но такой возможности ему не дали. Грубые руки тана швырнули его на пол. Кеннаг попыталась сопротивляться, но ее ждала та же участь.

— Это не мой король! — бросила она, обжигая мужчин свирепым взглядом. — Я пришла помочь, и вы не имеете права так обращаться с нами!

— У меня есть все права, — промурлыкал тот, который стоял рядом с королем. — Я советник короля, член Витана и друг этого человека. Ты убила его, дикая кошка?

Ровена презрительно мяукнула.

— Опоила его ядом вместо лекарства, а? — Второй мужчина подошел к Кеннаг и, взяв ее за подбородок, повернул к себе лицом. — Красота не спасет тебя, блудница.

— Оставьте ее в покое!

Все глаза обратились к Элвину. Он и сам удивился тому, что подал голос.

— Она здесь по моей просьбе.

Красавец медленно повернулся к монаху, и Элвин вдруг понял, кто перед ним. Советник короля, член Витана… конечно, это печально известный Анджело, о котором его предупреждали.

— Поосторожнее, — вкрадчиво заметил Анджело. — Ведьма обворожила даже монаха! Что здесь за дьявольщина? Надо призвать отца Кенульфа для расследования всего этого дела. Элфрик, Улред, уведите их. Заприте до утра, а потом его величество и отец Кенульф решат, что с ними делать.

Элвин бросил взгляд на Вульфстана, но епископ крепко спал и не мог подтвердить рассказ монаха. Что-то метнулось к окну. Белый комочек… Ровена! Животное выпрыгнуло наружу и тут же

затерялось в снегу. Элвину стало не по себе. Кошка бросила его в самый трудный час. Что ж, она поступила, как посчитала лучше для себя.

— Ваше величество, — начал он, надеясь привлечь внимание короля.

Удар оказался совершенно неожиданным. Боль обожгла челюсть, перед глазами запрыгали искорки. Кто-то рассмеялся, и монаха потащили прочь. С разбитой губы стекала кровь. Таны протащили их по снегу к небольшому, холодному на вид каменному строению. Элвин покачал головой: Анджело собирается бросить Свидетелей, предсказанных Откровением, в личную часовню короля Этельреда. Вот уж ирония судьбы!

— Монах-колдун и язычница-блудница, вот это да! — пробормотал Элфрик. — Что ж, вам будет хорошо вдвоем.

Их втолкнули в промерзшее помещение, и двери захлопнулись. Снаружи задвинули засов, и Элвин ничего не успел ответить тану, посмевшему оскорбить братство.

— Как ты?

Голос Кеннаг прозвучал совсем иначе, чем в теплом зале. Элвин поднял голову — женщина уже встала и принялась ощупывать дверь и стены в поисках выхода. Поймав на себе ее взгляд, он кивнул.

— Бесполезно, — сказал Элвин, поднимаясь. — Нам отсюда не выбраться. Окна слишком малы, а дверь заперта снаружи.

Кеннаг заворчала и пнула дверь ногой.

— Будьте вы прокляты! Выпустите нас отсюда! Сами не понимаете, что делаете!

С другой стороны в ответ раздался тяжелый стук.

— Заткнись, ведьма, а то я войду и сам закрою тебе рот. Этельред не любит, когда женщинам грубят, но ты же дикарка, так что и он возражать не станет.

Веснушчатое лицо Кеннаг, пылавшее злостью, стало вдруг бледным. Убрав руки от двери, она отошла на несколько шагов.

— Сучий сын, если конец придет, надеюсь, ты сдохнешь раньше, — пробормотала он.

— Примите извинения за моих соотечественников, — сказал Элвин, чтобы не молчать. — У нас не все такие грубые.

— Правда? Боюсь, мне придется назвать тебя лжецом, брат Элвин. Единственный, кто отнесся ко мне лучше, чем к последнему из своих псов, это Вульфстан, но и ему повезет, если он дотянет до утра.

— Но… твоя мазь…

— Мазь сделала то, что могла. Но ни одна мазь не защитит от удара кинжалом по горлу. Этот друг короля никакой не друг ни

нам, ни епископу, если я только не ошибаюсь.

Она шагнула к двери с таким видом, словно собиралась пнуть ее еще раз, но передумала и нервно заходила по помещению. Верхняя одежда Кеннаг осталась в зале, а в часовне было гораздо холоднее.

Немного подумав, Элвин стянул рясу и подал ей.

— Возьми. Ничего особенного, но все-таки чуть согреет.

Она удивленно посмотрела на него своими зелеными глазами, и ее губы тронула улыбка.

— Спасибо. Когда придет ночь, нам лучше лечь вместе. В этих ваших церквах не очень-то тепло.

Элвин снова покраснел, наверное, уже в сотый раз с тех пор как увидел Кеннаг. Теперь и он заходил по часовне, отыскивая выход из положения. Мысль о прижимающемся к нему теле этой женщины всерьез обеспокоила его.

Кеннаг молча наблюдала за монахом и невольно усмехнулась, когда он в отчаянии всплеснул руками.

— А как насчет чуда, брат? Помолись, чтобы твой бог открыл эту дверь и усыпил стражу.

Элвин подумал о кольце у себя на пальце и всем том, что осталось в зале. Ничто бы не помогло. Он покачал головой.

— Этот ваш Этельред… Он способен слушать доводы рассудка? Может быть, мы могли бы поговорить с ним, объяснить, почему мы здесь…

Элвин вздохнул:

— Нет, Этельред слушает не доводы рассудка, а своих советников, главным образом, Анджело. И мы здесь именно из-за Анджело.

Кеннаг, прищурившись, посмотрела на него.

— Ты что-то знаешь. Может быть, поделимся знаниями? Ты со мной, я — с тобой. Бежать не удастся, по крайней мере до ночи.

Вынужденный признать справедливость ее слов, Элвин кивнул и начал рассказ. Поведал о посещении Вульфстаном монастыря, таком кратком, что теперь этот визит казался отодвинутым в далекие времена. О предупреждении против Анджело, о доверчивости короля и об Антихристе на земле. Он даже позволил себе отвлечься и рассказать, кто такой Антихрист и почему его появление — такое страшное событие. Кеннаг напряженно слушала. Элвин ждал от нее язвительных замечаний, но их не последовало. Проникшись симпатией к этой женщине, он рассказал ей о Михаиле и дарах, один из которых остался в зале, а также о Ровене и Валааме.

Когда он замолчал, Кеннаг закивала.

— Мы в Далриаде знаем людей разной веры. Я не следую

твоей религии, но верю тому, что ты рассказал. Особенно если соединить это с тем, что видела сама. Надеюсь, и ты поверишь мне, когда я расскажу о кое-каких событиях.

Теперь наступил черед Элвина слушать. Его задача была потруднее. Он всю жизнь прожил в аббатстве. Бог присутствовал в каждой его мысли, в каждом его деянии.

Как он мог поверить в какой-то неизвестный Добрый Народ, наделивший Кеннаг целительными силами? Это были Пропащие, те, кого низвергли с Небес вместе с Дьяволом. Они против Бога.

И все же… Неужели их беспокоит то же, что и христиан? Они разрешили Кеннаг использовать их целебную мазь для лечения епископа. Они привели ее…

— Подожди, — остановил Кеннаг Элвин. — Как ты нашла меня? Это же большой остров.

— Я как раз собиралась к этому перейти. Белка — ее имя Рататоск — нашла меня. Это не просто животное. Рататоск сказала, что знает, где находится другой, и потом, когда убедила кошку не есть ее на завтрак, привела нас четверых сюда.

— Четверых?

— Меня, мою лошадь, Недди. — Она отвернулась.

— У тебя есть спутник? Почему ты не сказала? Где он? Разве он не может?..

— Недди, — тихонько позвала Кеннаг, не обращая внимания на Элвина и глядя в темный угол в дальнем конце часовни. — Недди, нельзя же все время прятаться. Пожалуйста, выходи.

Элвин ощутил неприятный холодок, не имевший никакого отношения к температуре в часовне. Во рту у него пересохло, а взгляд невольно устремился в тот же угол. Она призналась, что имеет какие-то дела с эльфами и феями. Кто же еще пришел вместе с ней?

Некоторое время угол оставался пустым. Затем, к величайшему ужасу Элвина, в нем появилась некая бледная форма. Монах перекрестился и зашептал слова молитвы, не сводя при этом глаз с материализовавшейся фигуры.

Бледная, голубовато-серо-белая, она сидела у стены, подтянув колени к груди и опустив голову.

— Недди, все в порядке.

Кеннаг говорила негромко и ласково, как с испуганным ребенком, и когда призрачная фигура подняла голову, Элвин понял, что отчасти так оно и есть.

Это был мальчик лет пятнадцати с довольно приятным, но невыразимо грустным лицом. Судя по одежде, такой же бледной и слегка прозрачной, он принадлежал к благородному сословию.

— Кеннаг может видеть меня всегда, — негромко сказал

он. — Мне трудно делаться видимым для других, но Кеннаг говорит, что надо практиковаться.

— Элвин, — неестественно спокойным голосом объявила женщина. — Это Недди. Он не знает, кто он такой, кем был и почему ему не позволено уйти совсем. Он присоединился ко мне несколько дней назад. Очень приятный спутник.

— Призрак, — прошептал Элвин. — Милосердный Боже.

* * *

До ночи оставалось еще далеко, и Элвин мог как следует все обдумать и постараться привыкнуть к тому, что его спутниками в создавшейся опасной ситуации стали ведьма-язычница, ее приятель призрак и белка. Интересно, будет ли у него возможность получше узнать своих новых знакомых? В любой момент дверь могла открыться, впустив в часовню Анджело с кинжалом. Этот римский советник был слишком хорош собой, а Элвин не доверял чересчур красивым людям.

Ожидание также дало ему время помолиться. Кеннаг с уважением отнеслась к его желаниям и не стала вмешиваться. Элвин преклонил колени у алтаря. Судя по запустению в часовне, Этельред не проявлял большого рвения в соблюдении религиозных отправлений. Возможно, служба будет утром, хотя Элвин почему-то сомневался в этом. В часовне не ощущалось святости. Склонив голову, монах повторил все дневные молитвы, а исчерпав их запас, просто помолился от сердца.

Звук какого-то упавшего предмета и вскрик отвлекли его от общения с Богом. Кеннаг, ругаясь, поднималась с пола. В руке она держала… Элвин невольно ахнул — это был посох.

— Откуда это взялось? Мы осмотрели все углы!

Элвин медленно закрыл глаза.

Благодарю Тебя, Отец Небесный.

Предмет, которым раздраженно потрясала Кеннаг, был посохом Аарона, оставшимся в зале, когда их схватили по приказу Анджело. И вот этот бесценный дар снова вернулся к нему как знак богоугодности их миссии. Элвин взял посох, почтительно поцеловал его и снова начал молиться.

Время от времени, когда сквозь серые тучи ненадолго проглядывало солнце, они слышали чьи-то голоса. Слов было не разобрать, но голоса только подтверждали тот факт, что их по-прежнему стерегут.

Тени удлинились, падая на пустой алтарь и деревянные скамьи. Наконец Кеннаг, неясная в наступившем полумраке,

осторожно дотронулась до его плеча.

— Элвин, думаю, можно попытаться рискнуть.

Снаружи послышалось какое-то царапание, и они оба замерли.

— Элвин, впусти меня!

— Ровена! — Он не смог скрыть радости и торопливо подошел к окну.

Ставни открылись легко, и белая кошка тут же впрыгнула в часовню. Заметив Недди, она зашипела и выгнула спину. Элвин поежился, вспомнив, что Ровена нередко вела себя подобным образом и в аббатстве, шипя на что-то, чего он не видел. Может быть, дело было вовсе не в насекомых или мышах.

— Успокойся, Ровена. Это Недди. Он друг Кеннаг.

— Привет, киска.

Лицо Недди явно оживало, и он стал как будто плотнее. Протянув призрачную руку, он хотел погладить Ровену. Но та отскочила. Недди нахмурился, огорченный, и снова стал более прозрачным.

— Она привыкнет к тебе, — успокоил юношу Элвин. — Ровена, я рад тебя видеть. А то уж я подумал…

— Знаю, о чем ты подумал. Я и хотела, чтобы ты так думал. Тогда они не станут обращать внимания на нас двоих и мы сможем передвигаться, не вызывая подозрений.

Едва Ровена сообщила это, как в окне появилась серо-коричневая белка. Увидев Элвина, животное застыло, подергивая хвостом.

— Все в порядке. Отлично.

— Вам надо выбраться отсюда.

— Как любезно, что ты это заметила, — съязвил Элвин, — но мы заперты.

— Вы не понимаете. Я слышала разговор Анджело со священником. Что-то насчет того, чтобы исполнить Божью волю и убить еретиков. Священник просто жаден, а король доверчив, но этот Анджело… — Она не договорила. — Ваши жизни, а может быть, и жизнь Вульфстана не будут стоить и моего волоска, если вы останетесь здесь до утра. А теперь слушайте. У нас есть план.

* * *

У Недди не было никаких связных воспоминаний, только отдельные картины: лошадь, маленький мальчик, снег. Он не помнил своего настоящего имени, только детское прозвище, не помнил лиц своих родителей, не помнил своего дома. Он даже не

знал, как умер.

Кеннаг сказала, что смерть была, должно быть, трагической, потому что в ином случае его дух покоился бы с миром, а не бродил неприкаянно, пытаясь вспомнить, кто же он. Наверное, она права. Ему нравилась Кеннаг. Придя в себя от изумления при первой встрече, она постоянно оставалась доброй к нему и даже улыбалась ему время от времени. Большинство людей просто приходили в ужас, когда он пытался подойти, так что по большей части Недди приходилось странствовать в одиночку. Только Кеннаг относилась к нему как к живому. Кеннаг вернула ему желание заглянуть в мир, пугавший его точно так же, как и он сам пугал его обитателей. Вместе с ней Недди не чувствовал себя одиноко.

Теперь у него появилась возможность помочь Кеннаг и монаху, тоже старавшемуся быть добрым. Может быть, тогда и кошка перестанет на него шипеть.

Когда Кеннаг сказала, что все готово, Недди стал невидимым и прошел через закрытую дверь. Некоторое время он молча наблюдал за стражником, охранявшим пленников.

Крупный, коренастый, неприятный и чем-то знакомый. В этом Недди доверять себе мог. Подождав, пока отсутствующий, скучающий взгляд стражника обратится в его направлении, он сделался видимым.

— Привет. — Призрак улыбнулся.

Глаза стражника расширились, он пошатнулся и схватился за грудь.

— Господь милосердный! Ты мертв! Ты умер!

Улыбка растаяла на губах Недди. Он был прав. Этот человек знал его. Забыв о поставленной перед ним задаче, Недди бросился вперед и попытался схватить мужчину за плечо, но его призрачные руки прошли через одежду и плоть.

— Пожалуйста, — умоляюще произнес несчастный дух. — Кто я? Как я умер?

Но эффект его появления был слишком сильным. Стражник бежал, громко всхлипывая, а Недди лишь проводил его грустным взглядом. Он нашел того, кто знал его при жизни. Но только спугнул, так и не получив ответа на интересовавшие его вопросы.

Чтобы отвлечься, он побежал к сараю, досмотреть, как идут дела у Рататоск и Ровены. Дверь была открыта. Недди улыбнулся. Он вошел в сарай, без труда ориентируясь в темноте. Рататоск перегрызала веревки, которыми был привязан старый осел. Лошадь эльфов уже освободилась и нетерпеливо постукивала копытом о землю. Ровена вздрогнула, но, узнав Недди, успокоилась.

— Сработало? — спросила она. Недди перестал улыбаться.

— Да, — тихо сказал он. — Стражник испугался.

— Хорошо. Рататоск уже почти…

— Готово! — пискнула белка. — Пошли!

Зверьки запрыгнули на спину лошади, и та галопом устремилась наружу мимо остановившегося Недди. За ней следовал Валаам. Недди потянулся за ними.

Он и хотел бы помочь, но не мог ни приподнять тяжелый засов, ни даже дотронуться до него. Этим предстояло заняться животным.

Дорогу указывала Рататоск, занявшая место в седле на спине осла.

— Они там! — пискнула белка, и Валаам взревел и дернул головой. Рататоск полетела в снег.

Совместными усилиями лошадь и осел приподняли засов, подгоняемые криками Ровены:

— Скорее, скорее! Сюда может кто-нибудь прийти!

Элвин и Кеннаг выскочили из часовни.

— Молодец, Валаам, — сказал монах. — А теперь, приятель, нам надо убираться отсюда поскорее.

— Учитывая обстоятельства, — протянул осел, — полагаю, что нам действительно следует поспешить.

Все направились к главным воротам в стене, окружавшей виллу. Задержался только Недди. Возможно, если попытаться подслушать разговор испуганного стражника с кем-нибудь, то ему удастся узнать ответ. Но Элвин и Кеннаг еще в опасности. Им может понадобиться его помощь у ворот. При мысли о том, что с Кеннаг может что-то случиться, Недди стало больно.

Бледный призрак медленно повернулся и последовал за своими друзьями. Вскоре его маленькая, печальная фигурка растворилась в лунном свете и снегу.

ГЛАВА 10

И сказал Господь Сатане:
откуда ты пришел?
И отвечал Сатана Господу и сказал:
Я ходил по земле и обошел ее.

Иов. 1:7

Замок короля Этельреда

29 ноября 999 года

— Знаю, это может показаться безумным, но я видел его! Клянусь!

Голос Элфрика дрожал от страха.

Крики испуганного тана переполошили всех домочадцев. Первым Элфрика нашел Анджело, который пришел в неописуемую ярость. Небольшого усилия было достаточно, чтобы остановить это трусливое сердце или спалить его мозг, как жир на сковородке. Но Элфрик мог еще пригодиться, хотя его тупость, проявлявшаяся столь очевидно, обошлась дорогой ценой.

— Знаю, тебе показалось, что ты его видел, но разве ты не видишь, что происходит здесь? — Он говорил спокойно и ровно. — Эта ведьма сыграла с тобой злую шутку. Изобразила какой-то фокус и попугала тебя, а ты увидел того, кто… — Анджело остановился и похлопал тана по плечу. — Ладно, сейчас мы это уладим.

Вокруг уже собралась небольшая толпа. Издалека донесся недовольный голос Этельреда:

— Что тут у вас происходит? Какого дьявола?..

— Вот уж точно тут не обошлось без дьявола, сир, — громко ответил Анджело. — Эта ведьма и ее любовник-монах сыграли шутку с беднягой Элфриком. Явили ему демона и…

— Полная чушь! — Сильный и чистый голос, налитый праведным гневом, прорезал витиеватые речи Анджело, как нож масло. — По всей видимости, ваше величество, стража просто уснула и теперь стыдится в этом признаться.

По толпе собравшихся пронесся шепоток. Голос принадлежал епископу Вульфстану. Бледный и все еще слабый, он медленно

вошел в помещение и остановился, опершись на посох.

Злоба вскипела в Анджело. Он мог поднять палец и превратить Вульфстана в пригоршню праха, чтобы навсегда покончить с этим, одним из самых непримиримых своих врагов. Но… пока еще было рано. Поэтому королевский советник лишь рассмеялся:

— Подумать только — это говорит человек, всего несколько часов назад пребывавший на пороге смерти! Ваше величество! Епископ, твердящий о невиновности его юного друга — это же живое доказательство неестественных сил язычницы!

Этельред хотя и успел одеться, но сделал это в явной спешке. Правый чулок развязался и медленно сползал по ноге. Некоторое время король молча переводил взгляд с епископа на советника обратно.

Никто не смел нарушить тишину. Собравшиеся, словно набрав в рот воды, ждали. Наконец король принял какое-то решение.

— Епископ Вульфстан, как я ни рад вновь видеть вас здоровым, но, признаюсь, на мой взгляд, это результат дьявольских ухищрений. Но, — он посмотрел на Анджело, — наверное, все было сделано без вашего согласия. И все же в моем Витане не может быть места человеку, отмеченному дьяволом. Немедленно возвращайтесь в Лондон. Я не желаю вас больше слушать.

И без того худое лицо Вульфстана осунулось еще больше.

— Ваше величество, прошу вас…

— Епископ, не вынуждайте меня применять силу.

Теперь, когда король принял решение — или, вернее, ему навязали это решение, — его уверенность была непоколебимой. Он расправил плечи и принял величественный вид, несколько подпорченный сползшим чулком.

Вульфстан крепче сжал посох и, будто пронзенный болью, закрыл глаза. Затем, подняв голову, твердо посмотрел в глаза Анджело. Их взгляды встретились. Невидимое противостояние длилось несколько мгновений, после чего старик выпрямился, насколько это позволяли раны, и с достоинством зашагал прочь.

Собравшиеся, негромко переговариваясь, стали расходиться по спальням, чтобы отдохнуть еще несколько часов. Анджело едва заметно улыбнулся. Теперь, когда Вульфстан попал в немилость к королю, он может только лаять, но уже не кусать. Нужно взяться за другие неотложные дела.

Он дружески обнял Элфрика за плечи.

— Добрый Элфрик, а на чьей вы стороне?

Тан удивленно посмотрел на, него.

— Надеюсь, сир, на стороне короля.

Анджело усмехнулся и крепче сжал плечо Элфрика.

— Достойный ответ, но не совсем тот, который я хотел бы услышать. Итак, на чьей вы стороне?

Теперь тан понял.

— Ну конечно, на вашей, сир.

— Мудрый ответ. Скажите, Элфрик, вы не хотели бы подняться повыше? Стать, к примеру, олдерменом?

Даже в полумраке было видно, как вспыхнули от жадности глаза его собеседника.

— Что мне нужно сделать?

Всего несколько слов, и дело было решено. Следующая фаза плана Анджело должна была начаться уже утром. Через десять минут королевский советник вернулся в свою комнату, согретую жаровней до температуры, которую другие сочли бы невыносимой.

Мысли набегали одна на другую. Он схватил их. Прямо здесь. Обоих. Все соответствовало пророчеству, изложенному в Откровении. Но вместо того чтобы изрыгать огонь, они изрыгнули в адрес друг друга резкие слова укоризны, занявшись выяснением того, чья вера лучше. И все же они здесь. Предсказание исполнилось. Знамения предстали, склоняясь в сторону Анджело.

Разумеется, он узнал их сразу. В отличие от остальных, он видел необычный цвет их кожи и одежды, золотистый свет вокруг их голов и тел. Два Свидетеля, в этом сомневаться не приходилось.

И вот они скрылись, бежали. Гнев затопил Анджело, как затопляет берег волна прилива. Но он отступил. Злость здесь не поможет. Это — потом.

Времени у него хватит.

А сейчас необходимо отыскать их. Избавившись от неуклюжей одежды, Анджело подошел к жаровне и пристально посмотрел на дрожащие огоньки, излучавшие тепло. Наклонившись, он пошевелил уголья пальцем.

Пламя взметнулось вверх, задрожало, и из него проступила черная тень.

— Слушаю, мой господин. Что прикажете?

— Я должен поговорить с королевой, — сказал Анджело. Пламя дрогнуло, стало на мгновение простым языком огня и тут же приобрело другую форму. Появившееся лицо, хотя и было черно-красно-оранжевым, поражало красотой.

— Ну и ну, — прозвучал негромкий голос. — Так мы теперь союзники, да?

— Госпожа Хель.

Анджело приложил руку к груди и поклонился. Ее взгляд скользнул по его обнаженному телу, но он и не попытался прикрыться. С какой стати? Ей, по-видимому, пришлось по вкусу увиденное, потому что она улыбнулась и посмотрела ему в глаза.

— Да, союзники, — подтвердил Анджело. — Ваш отец уже на моей стороне. Сейчас он занят тем, что освобождает ваших братьев. Хотите помочь?

Она задумалась, слегка наклонив голову, потом кивнула.

— Я дам вам превосходного жеребца для путешествия в этом мире, а вы окажете мне услугу.

Лицо в пламени загадочно улыбнулось.

— Говори, я согласна.

Северное море

У устья Темзы

29 ноября 999 года

Молния расколола небо с сухим треском, словно орех, и сразу же загрохотал гром. Хлынувший дождь скорее напоминал водопад. Квадратные паруса промокли в одно мгновение, но все же наполнились ветром. Вверху снова сверкнула молния, и в ее свете, ненадолго прорезавшем тьму, Торкелл успел разглядеть вышитый на парусе узор.

Несмотря на непогоду, сердце юноши подпрыгнуло от радости. Он сделал все так, как приказал ему Дракон Одинссон:

Собери товарищей под этим стягом. Пусть это будет золотая корона над согнутым луком, и пусть все знают — таков символ правой руки Дракона Одинссона.

Увидев собственными глазами, на что способен Дракон, Торкелл не посмел бы ослушаться. Его даже не удивила та быстрота, с которой они собрались, та легкость, с которой завоевывались богатые монастыри и объятые страхом города. Скоро к ним присоединится сам Дракон. А пока всем командовал Торкелл.

Холодные струи били по лицу. Но он не обращал внимания. Через два дня обе части флота соединятся и атакуют Лондон, после чего павший город будет преподнесен Дракону.

— Торкелл!

Крик донесся с одной из ближайших ладей. Торкелл

нахмурился.

— В чем дело, Рагнар?

— Тут какой-то англичанин хочет поговорить с тобой.

Люди Торкелла рассмеялись.

— О чем говорить? — Проревел кто-то. — Кровавый Орел — вот ответ.

Торкеллу и самому нравился этот жестокий обычай кровавого жертвоприношения Одину, при котором жертве, еще живой, вырезали легкие и разворачивали ребра наподобие крыльев орла.

— Нет, — сказал Рагнар. — Он принес новости и будет нашим союзником. И подарок — прекрасного белого коня!

Сердце у Торкелла сжалось так, что он даже не смог вздохнуть. Белый конь — еще один из символов, предсказанных Драконом. Набрав в легкие воздуху, он закричал изо всех сил, перекрывая шум дождя и ветра:

— Пусть идет сюда!

Рагнар махнул рукой, давая понять, что услышал приказ. Ладья отошла, но уже через несколько мгновений вернулась. Рядом с Рагнаром стоял какой-то плотный мужчина, похоже, продрогший, промокший и перепуганный. Обе ладьи довольно бесцеремонно врезались друг в друга, и англичанин перебрался на борт к Торкеллу.

— Я, Элфрик, приветствую тебя, правую руку Дракона, — запинаясь от холода, пробормотал англичанин. — У меня новости. Этельред знает о ваших успехах. Через два дня здесь будут несколько сотен воинов. Думает застать тебя врасплох, дойти до Лондона раньше, пока ты ждешь подкрепления из Корнуолла. Мне поручено сообщить, что если ты выйдешь сейчас, сегодня вечером, то город будет твой.

— Почему я должен верить тебе? — спросил Торкелл. — Откуда мне знать, что это не западня?

— Мне сказали, что тебя убедит конь.

И Торкелл сразу поверил. О коне он не упоминал никому. Оказывается, правильно сделал.

— Кто прислал тебя?

— Э-э… друг, — пробормотал Элфрик. Наморщив низкий лоб, он явно пытался что-то вспомнить. — «Друг твой и Дракона и общей добычи. Скачи на белом коне под короной и луком и знай, что служишь судьбе». Это он мне так сказал.

— Что ж, этого достаточно, — Торкелл кивнул. — Возвращайся на свой корабль, Элфрик. Я благодарю тебя, и Дракон никогда не забывает тех, кто служит ему. Рагнар, дай ему вина и пищи и скажи всем, что мы атакуем завтра.

Исполнив поручение, англичанин немного успокоился и

расслабился. Возможно, помогло и упоминание о вине.

* * *

На протяжении нескольких последующих часов дождь все усиливался, превратившись в град. Торкелл и его люди терпеливо ждали наступления ночи. Она пришла, но покрова тьмы не принесла. Постоянные вспышки молнии освещали все, как днем. Жителям Лондона не составило никакого труда обнаружить приближающуюся флотилию. Гроза, похоже, стала союзником завоевателей, как и сражавшийся на их стороне бог Тор, сея панику и устраивая пожары в городе. Воины Торкелла вели себя подобно легендарным берсеркам, которых интересовала не столько добыча, сколько убийства, и в конце концов потоки воды, бежавшие к Темзе, окрасились в красный цвет.

К тому времени, когда небо на следующее утро немного прояснилось, Лондон стал жертвой викингов. Более трети города было охвачено пожарами, и солнце за черной дымкой казалось бледным пятном. Дым видели даже в Кингстоне, где остановилась вся посланная Этельредом армия.

* * *

Фенрир так и просидел все время на носу Нагльфара. Локи знал, где найти своего старшего отпрыска, но его младший сын был брошен в глубокие воды океанов Мидгарда. Локи ничего не оставалось, как довериться тонкому чутью Фенрира, вынюхивавшего брата.

Волк не подвел его. Из Ярнвида они поплыли к югу от острова, ставшего добычей людей Локи. В северной части им удастся обнаружить Ёрмунганда, уверял Фенрир.

Они приближались, и жилистое тело волка дрожало от возбуждения. Локи подошел к носу, подставляясь чистому, холодному ветру, ласкающему лицо и играющему длинными черными волосами. Его рука любовно поглаживала мягкий мех, обходя выжженные на лбу сына знаки.

— Приближаемся к суше, — сказал Локи. Впереди, буро-зеленая на фоне низких серых облаков, постоянных спутников этого острова, их ждала земля. — Ёрмунганд в море.

Фенрир покачал головой, не сводя желтых глаз с береговой линии.

— Нет. Он в западне, отец. Так же как был в западне и я. Я

чувствую его запах.

Удивленный этим известием, Локи с новым интересом посмотрел на землю. Впереди была река, но, конечно, слишком мелкая для громадного Ёрмунганда.

Он попытался вспомнить, сколько же все-таки времени прошло. Века? Тысячелетия? Возможно. Когда-то эта река была глубже и шире. Неужели Ермунганд по какой-то причине уснул долгим сном бессмертных, а пробудившись, обнаружил, что сам заточил себя в плен? Лик земли меняется, и Локи, бог огня и землетрясений, хорошо это знал.

— Да, — подтвердил Фенрир. — Он там. Ждет.

Локи повернулся к своей команде и приказал войти в устье реки. При всей своей величине ладья была построена и с учетом таких маневров. Не все богатые дома христианского бога и города располагались на побережье, что было бы на руку викингам. Иногда, для того чтобы найти желаемое, приходилось углубляться в сушу.

Корабль мертвых медленно двинулся по реке. Там и тут Локи замечал следы обитания человека, а значит, кто-то уже стал свидетелем прихода белого корабля. Ну и что? Его задача — сеять страх, ужас и панику. Именно для достижения этой цели Анджело и освободил его. Пусть видят и корабль из ногтей мертвецов, и команду из призраков, и ужасного Фенрира, и Дракона Одинссона на носу.

Вскоре река расширилась почти до мили, войдя в озеро. Да, здесь мог укрыться даже Ёрмунганд.

Шагнув вперед, Локи сложил ладони рупором и громко воззвал:

— Ёрмунганд! Это я, Локи. И здесь твой брат, Фенрир. Покажись, сын мой!

Некоторое время гладкая, как зеркало, поверхность озера — местные, кажется, называли его Лох-Несс — оставалась неподвижной. Почти все было здесь таким же серым, как в Ярнвиде, хотя кое-где и виднелись зеленые, синие или багровые пятна. Локи ждал. Он уже собирался крикнуть еще раз, когда тихая гладь дрогнула и по ней пробежала едва заметная рябь.

Затем вода будто вскипела. Нагльфар подбросило, словно он был детским корабликом, а Локи и Фенрира сбило с ног. Только призраки остались на своих местах, продолжая вести судно вперед. Волна за волной били в борт, но Локи уже поднялся.

Над водой появилась чудовищная голова. Гордость за сына наполнила сердце Локи. Серебристо-зеленый и синий, с золотистыми глазами и белыми, как луна, зубами, Ёрмунганд издал вопль радости, при звуке которого у людей пошла из ушей

кровь.

Змей вырос с тех пор, как Локи видел его в последний раз. Тогда он достигал лишь нескольких сотен футов в длину и был не толще тела самого отца. Теперь его размеры увеличились по меньшей мере в десятеро. Он заполнял собой почти все озеро. Каким бы он стал, если бы его домом был океан?

Пожалуй, мог бы свалить и Тора в битве Рагнарёка, подумал Локи.

Крик змея все еще стоял над водой, а Ёрмунганд уже опустил голову к брату и отцу.

— Ты не похож на моего родителя, — прорычал он таким низким голосом, что у Локи задрожали кости.

— Но ты же узнал меня, брат, — сказал Фенрир. — Это и впрямь наш отец, только в чужом теле. Мы пришли освободить тебя.

— Рагнарёк! — радостно взревел змей. Теперь даже Нагльфар едва не остановился.

— Еще нет, сын мой. Но уже скоро.

— Отец, я слишком велик для этого озера. Я здесь, как в ловушке. Мне нужен океан. Как мне попасть туда?

Глаза Фенрира блеснули.

— Связанный Глейпниром, я не мог расти. Но теперь я освобожу тебя, бедный Ёрмунганд.

Волк спрыгнул в воду и начал увеличиваться в размерах. Слезы гордости подступили к глазам бога. Какие же удивительные существа его дети!

Фенрир продолжал расти, пока не достиг величины брата. Потом он стал еще больше, так что воды озера доставали ему только до живота. Весело лая, он погнал воду к реке, загребая лапами дно. Земля дрожала.

Переполненный чувствами, Локи тоже прыгнул в озеро. С нежностью оленя к олененку Ёрмунганд подвел под него свою гигантскую голову и поднял чуть ли не к небу. Локи вцепился в один из трех рогов на его голове, каждый из которых был в рост человека. Под ногами блестела и переливалась радужными бликами чешуя. С головокружительной высоты Локи показалось, что дома людей, камни и деревья — это всего лишь простые игрушки.

Фенрир продолжал рыть землю, отбрасывая ее в стороны могучими лапами. Целые деревни исчезли под внезапно выросшей горой. Наконец путь был открыт. Локи вернулся на корабль и последовал за Фенриром к океану. Ёрмунганд скользнул за ними навстречу свободе.

ГЛАВА 11

Старцам вашим будут сниться сны, и юноши ваши будут видеть видения.

Иоиль, 2:28

Дорога на Фосс

30 ноября 999 года

Кеннаг то и дело засыпала, просыпаясь при каждом толчке и укоряя себя за слабость, но тут же снова проваливалась в дрему. Им так и не удалось по-настоящему отдохнуть, а лошадь шла столь ровно, что не уснуть было невозможно.

Путешествие началось с отчаянного бегства из замка Этельреда в Калне. Побег удался во многом благодаря Недди. Кеннаг испытывала стыд от того, что ей пришлось попросить бедного юношу о такой помощи. Тот факт, что она использовала его, чтобы испугать стражу, только усиливал в нем чувство отверженного, изгнанника. Но другого выхода не было, а Недди несколько раз повторил, что с радостью воспринял возможность помочь, сделать что-то полезное кому-то.

Кеннаг подозревала, что паренек просто-напросто влюбился в нее. Сама же она относилась к нему по-матерински, хотя и понимала, что будь он жив, разница в возрасте составляла бы лет пять. Подумав об этом, Кеннаг неожиданно для себя усмехнулась. Они не знали, ни когда родился Недди, ни когда он умер. Возможно, он старше на сотни лет.

— Что смешного? — спросил Элвин, с трудом подавляя зевоту.

Кеннаг покачала головой:

— Ничего особенного.

Все снова замолчали. Кеннаг попыталась устроиться поудобнее, жалея, что им не хватило времени оседлать животных. Ей было не по себе от общего напряженного молчания. После того как они, почувствовав себя в относительной безопасности, выбрали следующий пункт назначения, оказалось, что сказать друг другу в общем-то нечего.

Элвин предложил место, называемое Гластонбери, сказав, что

оно привлекает множество паломников и что там же находится одно из самых почитаемых аббатств.

Поначалу Кеннаг не проявила особого энтузиазма, но потом в обсуждение вступил Недди.

— Гластонбери, — повторил он вслед за Элвином, морща лоб. — Что-то знакомое. Когда-то это было священное место… до нас там жили кельты, а до них друиды. Я… помню… думаю, я там бывал.

Кеннаг хватило и этого. Кроме того, до других священных мест было еще дальше. Выбрав цель, они тронулись в путь, почти не разговаривая, и Кеннаг была виновата в этом не меньше, чем монах.

Она знала, что так быть не должно. Они оказались вместе не ради удовольствия, а чтобы спасти всех живущих в этом мире, спасти сам этот мир. И вот так чураться друг друга… Им нужно стать близкими людьми. Они должны быть ближе друг другу, чем ребенок родителям или любовники после вспышки страсти. Только тогда можно рассчитывать на успех. При этой мысли Кеннаг снова усмехнулась. Пожалуй, ее сравнения не для юного монаха.

Пытаясь проложить хоть какой-то мостик через разделявшую их пропасть, она стала задавать вопросы.

— Вы двое, ты и этот Вульфстан, похоже, знаете кое-что о Конце Света. Откуда вам это известно? В наших преданиях ничего такого нет.

— Это предмет многочисленных теологических дискуссий, — ответил Элвин. — Епископ Вульфстан упоминал о Конце Света в своих проповедях. В Библии есть целая книга, посвященная данному событию. Это Книга Откровения, потому что автор ее получил свои сведения через откровения, явленные ему в видениях.

— А! — Тема была близка Кеннаг. — Второе Зрение.

Элвин нахмурился.

— Наверное, ты можешь называть это и так. Мы же предпочитаем думать об этом, как о руке Господа. Но до прихода Судного Дня должно случиться несколько знамений. И это будет самый радостный день.

— Подожди-ка, — перебила его Кеннаг. — Радостный? Тогда почему ты должен помешать этому?

— Потому что подлинный час еще не наступил, — объяснил Элвин. — Сатана — враг Бога, падший ангел — даст знамения до наступления истинного времени. Насколько я понял из рассказов Вульфстана и Михаила, если он преуспеет в своих планах, то сможет править миром вечно. И тогда не будет ни Судного Дня,

ни достойного воздаяния праведным — только вечный Ад, в котором хозяин Сатана. Вот почему мы должны остановить его.

Рататоск исчезла, отправившись куда-то по своим беличьим делам. А Ровена тихонько ускользнула в поисках съестного. Недди тоже пропал — ушел туда, где пребывают призраки, когда их не видно. Элвин и Кеннаг остались одни. Копыта лошади и осла мерно месили грязную дорогу. Это обстоятельство тоже сыграло свою роль в выборе Гластонбери. К месту паломничества вели дороги, а зимы в этом районе, называемом Сомерсет, что означает «земля лета», никогда не отличались суровостью.

Ей вспомнились и другие названия: Саморсайт, «место летних звезд». По коже пробежали мурашки. Да, теперь они и впрямь на верном пути.

— Но как, Элвин? — Повернувшись, Кеннаг наткнулась на его грустный взгляд. Монах тут же отвернулся. — Как мы остановим падшего ангела?

— У меня есть только одно предположение: надо помешать знамениям. Михаил сказал, что у Сатаны не очень много времени. По нашему календарю, скоро завершится тысячелетие со дня рождения Христа.

Кеннаг не привыкла считать время по-христиански и тут же провела собственный подсчет.

— Но это неверно. Тысяча лет от рождения Христа закончится с истечением 1000 года.

Лицо Элвина расплылось в улыбке.

— Ты сообразительная. Это абсолютно правильно. Но большинство людей этого не понимают. На них сильно влияют цифры — 999. Тысячи людей стремятся в Рим, чтобы быть в Святом Городе вместе с Папой до прихода 31 декабря. Другие идут в Иерусалим. Люди напуганы. Они страшатся Конца Света, и Сатана использует их страх. Он для него вроде пищи. Сатана насыщается страхом. Это придает ему силы, чтобы явить знамения. Михаил считает, что если нам удастся остановить знамения до конца года, то самый главный источник сил Сатаны — человеческий страх перед Концом Света — иссякнет.

— Что ж, в этом может быть какой-то смысл. Похоже, этот ваш Сатана очень склонен подчиняться порядку. Ну и ладно. Расскажи мне о знамениях.

Элвин распрямился. Ему явно доставляло удовольствие делиться с ней информацией, которая могла бы помочь в выполнении назначенной им миссии.

— Должны быть вскрыты семь печатей, должны прозвучать семь труб, и на землю должно излиться содержимое семи чаш.

— Вам по вкусу число семь.

— Это число совершенства.

Кеннаг улыбнулась:

— Удачно. Нас тоже семь. Ты, я, Валаам, моя кобыла, Ровена, Рататоск и Недди.

— Верно. Будем надеяться… — Элвин замолчал, задумавшись о чем-то своем.

— Итак, семь знамений? — напомнила ему Кеннаг. Монах кивнул:

— Когда вскроется Первая Печать, появится Белый конь.

У Кеннаг вдруг закружилась голова. Она закрыла глаза и вцепилась в лошадиную гриву. Элвин продолжал:

— У всадника будет лук, и еще ему дадут венец, а выглядеть он будет как воин-завоеватель. Первая…

Перед глазами Кеннаг полыхнула яркая вспышка, и она, потеряв равновесие, упала на землю, услышав удивленный крик Элвина, донесшийся словно издалека.

* * *

Он был молод и еще не брил бороду. Но его глаза уже видели мрак и ужас, и он восседал на белом коне, который вовсе не был конем, как правитель, оглядывающий свои владения. Град падал на него, но он не обращал внимания. Его люди обезумели и превратились в стаю голодных волков, рыщущих среди овец, и дым поднимался к небу, как живая тень. Гудел, поглощая все, огонь. Над сценой кровавой резни реял стяг, золотая корона и согнутый лук…

…Церковь была полна мертвыми и умирающими. Мужчины стонали и плакали как дети; женщины стоически молчали, более знакомые с болью. Тела их почернели, а из пор сочились гной и кровь…

…Волк спрыгнул в холодные серые воды с носа странного белого корабля. Запрокинув голову, он завыл, хотя Кеннаг и не слышала воя. А потом начал расти. Громадный зверь расплескал воду и взялся рыть землю. Она летела во все стороны…

* * *

В глазах прояснилось, и Кеннаг увидела бледное, испуганное лицо Элвина, склонившееся над ней. Он неуклюже похлопывал ее по щеке.

— Кеннаг?

— Элвин?

Он облегченно вздохнул.

— Я думал, что случилось самое страшное. Теперь все хорошо?

Она кивнула и моргнула от боли, пронзившей виски.

— Все в порядке.

Кеннаг обратила внимание, что лежит посреди дороги, укрытая какой-то одеждой. Элвин сидел рядом, а возле него толпились Валаам, ее лошадь, Ровена, Рататоск и Недди.

Женщина попыталась сесть, Элвин поддержал ее своей единственной здоровой рукой.

— Что произошло?

Кеннаг поежилась. Теперь, выйдя из транса, она уже ощущала холод и ее тело реагировало на него.

— Ты говорил о человеке с луком и венцом на белом коне, — стуча зубами, ответила она. — А там говорится что-нибудь о сражении, которое заканчивается огнем и градом? О гниющей плоти и гное? Об огромном волке, роющем землю?

Карие глаза Элвина расширились.

— Первая Труба возвещает «град и огонь, смешанные с кровью», — прошептал он. — А Первая Чаша вызывает «гнойные раны на людях».

Собравшись с силами, Кеннаг подняла руку и вцепилась в грубую ткань его рясы.

— Тогда… тогда я видела их. Думаю, эти знамения уже открылись.

* * *

Привал решили устроить прямо здесь. Кеннаг все еще чувствовала себя истощенной после увиденного, а потому Элвин не стал слушать ее протесты и приготовил поесть. У них не было возможности пополнить запасы продуктов из-за поспешного бегства, но кое-что все же нашлось. Кеннаг тоже предложила свое.

Ужин состоял из сушеного мяса, засохшего хлеба, кусочка сыра и чая, настоянного на сушеных травах, которые захватила Кеннаг. Элвин не хотел брать мяса, поскольку монахам оно разрешалось только в случае болезни. Но Кеннаг убедила его в необходимости отказаться от ограничений, указав на то, что Бог простит человека, поддерживающего силы ради исполнения богоугодной миссии.

Сама она, поев, почувствовала себя намного лучше. Они не касались темы ее видений, но оба понимали, что об этом нужно

поговорить. Вся разношерстная компания собралась вокруг костра, за исключением Недди, не нуждавшегося в тепле.

Спокойным, негромким голосом Кеннаг поведала своим спутникам о ниспосланном ей видении. Рассказывая, она смотрела в дрожащее пламя, пытавшееся отогнать холод и тьму наступающей зимней ночи. Элвин не прерывал ее, пока она не закончила.

— Большая часть того, что ты видела, похожа на исполнение первых пророчеств. Юноша на белом коне под стягом с изображением лука и короны… Сражение, град, огонь и кровь… Все сходится. Церковь, как ты ее описала, очень схожа с моим аббатством. Но кое-чего я не понимаю. В Откровении не упоминается ни о каком волке. Есть зверь, но…

— Я могу объяснить, — вмешалась Рататоск. Все повернулись и удивленно уставились на белку. Зверек сидел на плече Кеннаг с невозмутимо важным видом. — Знаете, я не совсем обычное существо. Мой дом — Иггдрасиль, Мировое Древо. Моя работа состоит в том, чтобы бегать с его верхушки вниз и обратно, передавая обидные слова Орла, сидящего на верхней ветке, Дракону, таящемуся в глубине Нифльхейма.

Из темноты донесся смешок.

— Значит, ты разносишь всякие оскорбления и брань? — усмехнулся Недди. — Смешно!

Рататоск с достоинством выпрямилась.

— Я отношусь к делу серьезно.

— Никогда не слышал о Мировом Древе, — заметил Элвин.

— А я слышала, — сказала Кеннаг. — Это из веры, которой придерживаются викинги. Там даже есть персонаж, похожий на вашего Христа. Только Христос висит на кресте, а Один — на Древе.

Сравнение, похоже, глубоко оскорбило монаха, но Кеннаг не стала тратить силы на то, чтобы, так сказать, пригладить его взъерошенные перышки.

— Продолжай, Рататоск. Что там насчет волка?

Белка дернула пушистым хвостом.

— Я много чего знаю. Волк, которого видела Кеннаг, это не кто иной, как Фенрир, старший сын Локи-Обманщика. Только он способен так увеличиваться и с такой легкостью сдвигать горы. И его и его отца давно заточили в неволю, выйти из которой они смогут только с наступлением Рагнарёка, нашего конца света.

— Сдвигать горы, — задумчиво повторил Элвин. — Вторая Труба… «и большая гора низвергнется в море».

— А другие знамения? — спросила Кеннаг, и сама удивилась тому, как ровно прозвучал ее голос.

— Ты хочешь, чтобы я их перечислил? А с тобой ничего больше не случится?

— Я же должна знать!

Он заглянул в ее глаза и кивнул.

— Вторая Печать явит Рыжего Коня. Его всадник «возьмет мир с земли» и сделает так, что люди начнут убивать друг друга. После Второй Трубы, как я уже сказал, «большая гора низвергнется в море». Вторая Чаша обратит море в кровь.

Кеннаг закрыла глаза. Когда Элвин упомянул гору, она снова увидела волка Фенрира, роющего землю. На его лбу была видна какая-то странная отметина. Кеннаг решила, что спросит об этом монаха, когда он закончит перечень. Пока никаких новых видений не возникало.

— Продолжай.

— Третья Печать освободит Вороного Коня. Его всадник — Голод. Третья Труба возвещает падение с неба большой и яркой звезды под названием Полынь. Треть всей воды станет горькой, и люди, выпившее ее, отравятся. Третья Чаша превратит в кровь треть всех рек и источников.

— Какие любители обращать воду в кровь, — заметила Кеннаг.

— Со снятием Четвертой Печати в мир явится Конь Бледный, — продолжал монах, не обращая внимания на нее. — Его всадник — смерть. Четвертая Труба — это сигнал к тому, что треть солнца, луны и звезд потемнеет, а орел, который появится над землей, принесет известие о близком несчастье. Четвертая Чаша опалит землю солнечным огнем. Еще что-нибудь?

— Нет. — Успокоила его Кеннаг. — Ничего. По-моему, ничего такого еще не произошло. Дальше.

— Со снятием Пятой Печати под алтарем Бога возопят мученики за веру. К ним присоединится последний мученик. Со звуком Пятой Трубы на землю упадет звезда, открывающая бездну. Из бездны выйдет страшная саранча под командой Сатаны и Антихриста. А от Пятой Чаши мир погрузится во мрак.

Ровена тихонько зашипела, прижав уши к голове. Кеннаг погладила кошку по спине. Рассказ Элвина вселил ужас не только в бедное животное. Да, христианский Бог определенно любит всякие жуткие вещи.

— Со вскрытием Шестой Печати земля содрогнется, солнце почернеет. Луна станет красной, и звезды упадут на землю. Шестая Труба прозвучит. И появятся четыре ангела, которые умертвят треть человечества.

— А я думала, что ангелы добрые, — пробормотала Кеннаг и поежилась от страха.

— Так и есть. Но у них есть свои обязанности, и они не могут уклониться от них. Шестая Чаша высушит большие реки. Три злобных духа совершат то, что покажется чудесами, соблазняя людей на сторону Сатаны и Антихриста.

Семь. Ну, вот мы и добрались до семерки, — подумала Кеннаг, цепляясь за эту мысль, как утопающий цепляется за соломинку.

— После снятия Седьмой Печати наступит безмолвие на Небесах.

Кеннаг даже вздрогнула. Как-то неясно. А ведь другие знамения были вполне точны.

— Что это значит?

— Никто не знает. Наверное, мы поймем, когда до них дойдет очередь, — с ноткой юмора сказал Элвин.

Кеннаг сердито толкнула его в бок.

— Никогда так не говори! И заканчивай побыстрее.

— А дальше огонь, потоп, землетрясение… Всевозможные несчастья. И потом последний суд.

Кеннаг наклонила голову, вспомнив короля и королеву эльфов. Они даровали ей Второе Зрение, чтобы узнать, какие из знамений уже исполнились. В ее глазах блеснули слезы, но Кеннаг смахнула их рукой.

— У нас есть оружие, Элвин. Спасибо за это моим богам и твоему тоже.

Элвин перекрестился.

— Думаю, благодарить Бога следует за все. Хотя я думал, что это Второе Зрение позволит увидеть будущее, понять, как предотвратить эти знамения.

Кеннаг горько рассмеялась.

— Что есть, то есть. Я не могу ничего с этим поделать. Принимаю то, что предлагается. — И плачу за это, добавила она про себя. — Еще несколько вопросов. На лбу этого волка — Фенрира, да? — я заметила какую-то странную отметину. Что бы она могла значить?

Кеннаг взяла прутик и начертила на земле увиденные линии и крючки, стараясь передать их с наибольшей точностью. DCLXVI. Положение было нелегкое, и ее не удивила бы резкая реакция монаха, но когда Элвин прочитал знаки, его лицо смертельно побледнело, глаза расширились, и она испугалась, что он лишится сознания.

— Нет, — прошептал Элвин, крестясь. — Нет, нет… Боже милостивый, пронеси эту чашу!

— Элвин? — Страх перепрыгнул на нее, как лесной пожар. — В чем дело? Скажи! Что это означает?

Ей пришлось схватить юношу за плечи и встряхнуть, чтобы он вспомнил о ней.

— Когда Вульфстан говорил об Антихристе… я надеялся… о Боже, не знаю, на что я надеялся…

— Элвин!

— Зверь, — пробормотал он. — Знаки на лбу Фенрира — это римские цифры. Они составляют число 666, число Зверя, как предсказано в Откровении. Зверь — союзник Антихриста, и это означает…

— Локи, должно быть, и есть твой Антихрист, орудие Сатаны, — прошептала Кеннаг. — Да, похоже, на праздник явились все гости.

— Должна извиниться, — заметила Рататоск, — от имени всего Эзира. Локи всегда доставлял всем неприятности. И теперь вот объединился с падшим ангелом. Подумать только! Возможно, надеется приблизить Рагнарёк.

— Не думаю, что этот Сатана имеет что-то против беспомощных, ни в чем не повинных животных, например, ослов, — с надеждой в голосе сказал Валаам.

— Он любит кошек, — сказал Недди. — Почему тебя это все так удивило, Элвин? Ты же знал, что Сатана и Антихрист уже здесь. Почему ты так расстроился?

— Тяжело, когда страхи обращаются в реальность, — объяснила Кеннаг. — Можно знать, что враг где-то есть, но…

Элвин вдруг поднялся и затряс головой.

— Нет. Дело не в этом. — Он поднял правую руку, вытирая с лица слезы. — О Михаил! Тебе надо было выбрать кого-то другого. Кеннаг, тебе следовало отказаться. Нам обоим нужно было…

— Элвин, не говори так! — Хотя слабость еще не совсем прошла, женщина поднялась и подошла к монаху, в отчаянии прислонившемуся к древнему дубу. — Нам оказана честь!

— Не хотел тебе говорить… хотел… — Он перевел дух и ударил кулаком по стволу. — О нас тоже есть упоминание в Библии. О тебе и обо мне. — Элвин не смотрел на Кеннаг. Отвернувшись от огня, монах словно желал скрыть лицо в тени. — Бог выбирает двух Свидетелей и дает им силу выстоять и произнести пророчества. Они «облачены во вретище», огонь будет исходить от уст их и пожирать их врагов.

Кеннаг уже открыла рот, чтобы отпустить какую-нибудь шутку. Но тут Элвин повернулся к ней, и выражение его лица убило в ней всякое желание шутить. Сил хватило лишь на то, чтобы задать вопрос.

— Что случится с этими Свидетелями?

Он снова отвернулся и сказал в темноту:
— Зверь из бездны убьет их.

ГЛАВА 12

Мед источают уста чужой жены, и мягче елея речь ее; но последствия от нее горьки, как полынь, остры, как меч обоюдоострый.

Притчи, 5:3 — 4

Резиденция королевы Эльфтрит

Кингстон

30 ноября 999 года

Королева Эльфтрит вполуха слушала болтовню своего сына. Служанка расчесывала ей волосы, и мягкие, повторяющиеся движения щетки действовали расслабляюще и успокаивающе, а Этельред вовсе не был оратором, способным привлечь к себе внимание. Эльфтрит смотрела на свое отражение в полированном медном зеркале и не находила в нем ничего приятного.

Когда-то она была потрясающе красивой. Морщинистые, покрытые пятнами руки дотронулись до впавших щек. Боже, неужели волосы настолько поседели? Нет, это просто плохое освещение. Эльфтрит нахмурилась. Только Богу известно, почему Этельред так упорно не желает, чтобы в королевской резиденции горели свечи. Королева потрогала копну волос, некогда густых и гладких, как шелк, а теперь ставших сухими, грубыми и заметно поредевшими.

Эльфтрит мало чего боялась. Не боялась выйти замуж за Эдгара, когда его жена еще не успела остыть. Не боялась расчетливо умертвить плод этого законного брака. Но ее страшил беспощадный ход времени и то, что ждало в конце пути.

— Так что вы думаете, мама?

— Хм?

Она равнодушно посмотрела на сына, прислонившегося к косяку двери. Голова опущена, плечи подняты. Слава Богу, что эта дурацкая синяя краска, которой он окрасил бороду и волосы, начала сходить. Причуда… Ее сын — раб причуд.

Он закатил глаза и выругался.

— Ты не слышала?

— Нет, — резко бросила она и махнула рукой. — Повтори еще раз и не будь таким скучным.

Голубые глаза блеснули. Ей показалось — всего на мгновение, — что перед ней Эдгар, но видение тут же прошло, оставив неприятную реальность.

— Я сказал, что у нас все очень плохо. Я сделал все, что требовали от меня вы и Анджело. Я даже предлагал отделаться от данов тройной суммой, но ничего не получилось. Они все под влиянием этого Дракона Одинссона, и даже жажда добычи уступает охватившему их религиозному пылу. Анджело упоминал о чем-то…

Он покраснел и отвернулся. Эльфтрит мгновенно насторожилась, прищурилась и выпрямилась в кресле. Застигнутая врасплох служанка зацепила кожу гребнем.

— Ух! Глупая девка! Хватит! Убирайся!

Охваченная ужасом служанка не посмела даже открыть рот. Наклонив голову и прижав ладонь к губам, она поспешно собрала туалетные принадлежности и улизнула из комнаты с быстротой напуганного кролика. Этельред посторонился, пропуская ее, и снова облокотился на косяк.

— Так что сказал твой мудрый друг? — спросила Эльфтрит, стараясь придать голосу материнскую нежность. — Расскажи.

— Ну… боюсь, это немного… чересчур…

Злость едва не подняла стареющую королеву с места. Чертов мальчишка! Его нерешительность, постоянные колебания… Он что, испытывает ее терпение?! Эльфтрит вспомнилось, как когда-то, когда под рукой не оказалось розги, она схватила свечку и съездила ему по физиономии. Иногда ломались даже самые толстые. Да, предмет не самый подходящий. Но своей цели она достигла. Вот и сейчас королеве хотелось взять розгу, хотя мальчишка уже превратился в мужчину.

— Ну…

— Выкладывай!

Он вздрогнул, как от удара, и заговорил, быстро, поспешно, словно боясь, что язык снова его подведет.

— Анджело говорит, что Отгон не достоин быть императором Европы. Он говорит, что я…

— Ты? Император?

Ей не удалось скрыть изумление, но удалось хотя бы сдержать порыв смеха. Ну и ну! Придумать же такое!

Пузырьки горького веселья, поднимавшиеся откуда-то из живота, внезапно полопались. А так ли уж абсурдно это предположение? Она знала, кто такой Анджело, что он пытается

сделать, и с готовностью помогала… при условии, что и сама — через сына — обретет такое положение, какого не достигала еще ни одна женщина. Вдовствующая императрица… Конечно, это совсем не то, что ее нынешнее положение. Да, императрицей будет Эльфгиду, это мягкое и тихое создание, ставшее королевой, женой Этельреда. Но роль императрицы — роль, а не титул — достанется Эльфтрит.

Не будучи знатоком религии, она все же знала рассказ о Последнем императоре. О том, кто будет править миром в самом конце и передаст земное царство Царю Царей, а сам упокоится с миром.

Вот только…

Даже лисица, попавшая в ловушку и выбравшаяся из плена благодаря счастливой случайности, не испытывала такой радости, как Эльфтрит. Да, да. Если Последний Император никогда не умрет…

Она поднялась, медленно, преодолевая боль, и проковыляла к своему единственному ребенку. Он с недоверием взглянул на нее и едва не отстранился, когда мать коснулась сухими губами его бородатого лица. Эльфтрит целовала его губы, щеки, лоб. Судя по выражению голубых глаз, он ошибочно принял ее восторг за гордость. Восторг пленника, увидевшего способ бежать из темницы, — за материнскую гордость.

— Мальчик мой, — едва сдерживая слезы от облегчения, сказала она. — Из тебя получится прекрасный император. Богу это угодно.

Идиотская улыбка расплылась по его симпатичному лицу.

— Да. Богу это будет угодно, — раздался голос, заставивший вздрогнуть обоих, — но сначала мне нужно уладить одно неприятное дело.

Конечно, это был Анджело. Как всегда, он появился совершенно без предупреждения, как кот.

— Что такое, Анджело? Что случилось?

Усталость, прозвучавшая в вопросе сына, едва не пробудила в королеве жалость к нему. Едва.

— Рядом с вами есть предатель, ваше величество, — торжественно сказал Анджело. — Как я и опасался. Даны, опустошившие Лондон, получили предупреждение о нашем приближении. — Он повернулся, выглянул за дверь и махнул рукой. — Введите его.

В следующее мгновение в комнату вступил окровавленный, хромающий человек. Лишь приглядевшись повнимательнее, Эльфтрит узнала в этом связанном, истерзанном мужчине Элфрика, только недавно ставшего олдерменом.

— Элфрик! — с ужасом воскликнул король. Глаза его покраснели, и королева, бросив взгляд на сына, поняла, что он вот-вот расплачется. — Элфрик, зачем? Разве я плохо обращался с тобой? Разве ты мало получил почестей?

Невнятный звук, вырвавшийся из его горла, вряд ли можно было считать ответом. Эльфтрит вздрогнула, осознав, что бедняге вырвали язык. Подойдя к предателю, Анджело встряхнул его. Элфрик молчал. Слезы, переполнявшие глаза, стекали по щекам и терялись во взъерошенной бороде.

— Он так злословил в адрес вашего величества, что я счел необходимым лишить его языка, — извиняющимся тоном объяснил советник. — Но прежде мы заставили его говорить. Вокруг вас много предателей, ваше величество. В том числе и среди тех, кому вы доверяете. У меня есть список имен, и вы сможете ознакомиться с ним на досуге. Есть и члены Витана, — добавил он.

— Нет! — Этельред замотал головой. — Это нужно прекратить. Я должен привести овец в стадо. Знамения не предвещают ничего хорошего. Но мы помолимся Господу, и он увидит, что мы правы!

Внезапно король повернулся к матери.

— Вы знаете, как сильно я люблю вас. Я знаю, что вы не участвовали в убийстве моего брата. Короля. Но ходят слухи… кое-кто считает, что викинги посланы нам как знак гнева Господа. Разве появление завоевателей не предвещает приход Антихриста? Я хочу попросить вас кое о чем.

— О чем?

Эльфтрит напряглась. В обычных условиях она легко заткнула бы рот своему сыну. Но сейчас положение было шаткое. Пусть считает, что всем распоряжается он сам.

— Совершите паломничество. Отправляйтесь в аббатство Шафтсбери, посетите усыпальницу короля Эдуарда Мученика. Люди увидят вас и перестанут шептаться. Они признают, что на вас нет никакой вины.

Сердце у нее заколотилось. Королева облизала пересохшие губы и посмотрела на Анджело.

Советник короля склонил свою золотистую голову.

— Что бы вы ни сделали для укрепления веры народа в вас и вашего сына, это, несомненно, станет богоугодным деянием.

И он тоже? Ей не хотелось ехать. Королева не чувствовала ни малейшей вины за совершенное преступление, так что об угрызениях совести не могло быть и речи, но она всегда боялась, что правда о ее участии в убийстве когда-нибудь всплывет. Что касается воспоминаний Этельреда, то об этом… позаботились. А

те, кто стал свидетелями, давно отошли в мир иной.

Мертвые есть мертвые. Эдуард не был тихоней и святым, хотя его и канонизировали, Если Бог до сих пор никак не наказал ее, значит, ему просто нет дела до убийства какого-то мальчишки.

И все же…

Эльфтрит вздохнула и взяла себя в руки:

— Конечно, я отправлюсь в Шафтсбери.

Этельред улыбнулся, хотя улыбка и не коснулась глаз.

— Хорошо. Спасибо вам, мама. — Расправив плечи, он повернулся к предателю. — Элфрик, ты уже не скажешь, почему изменил своему королю. Но причины не имеют значения. Важно, что ты совершил предательство и за это умрешь.

Ему не пришлось уточнять, какой именно смертью. Все знали, наказание за измену ужасно: повесить, выпотрошить и четвертовать. Элфрик закрыл глаза.

— Но сначала, — сказал Анджело, — нужно послать сообщение всем остальным, кто, возможно, склоняется последовать его примеру.

— Что ты хочешь этим сказать? — удивился Этельред. — Разве его смерть уже не достаточное предупреждение?

— Угроза такого наказания не остановила Элфрика, — указал Анджело, — и его казнь не остановит наиболее рьяных последователей изменника. — Он снова выглянул в коридор и махнул рукой.

Тот, кого ввел один из танов, еще не был допрошен. Юноша, возможно, лет шестнадцати. На гладкой коже только начали пробиваться черные усики и бородка. Тем не менее его тоже связали. Язык оставался при нем, но кляп надежно защищал короля от грязных оскорблений и поношений. При виде юноши Элфрик вдруг задергался, стараясь освободиться, и замычал. Эльфтрит отвернулась.

— Этот юноша имел несчастье родиться старшим сыном Элфрика. Грехи отцов падают и на детей. Сын должен понести наказание за преступление родителя.

Юноша устремил на короля взгляд, полный ужаса. Тряпка во рту не давала ему возможности говорить. Но в словах мольбы не было необходимости. Анджело надоело мычание Элфрика. Ухватив веревку, которая стягивала за спиной руки изменника, он рванул ее сначала вниз, а потом вверх.

— Молчи, — прошипел советник, и Элфрик умолк.

— Анджело… что ты имеешь в виду? Я не могу убить мальчика только потому, что его отец совершил предательство!

— Не надо убивать. Надо только наказать.

В словах Анджело не чувствовалось ни злобы, ни жажды

мести. Похоже, этого человека ничто по-настоящему не волновало и он пребывал в полном согласии с собой. Эльфтрит перевела взгляд с Анджело на юношу.

— Что ты хочешь этим сказать? — крикнул Этельред.

— Он стал свидетелем того, как его отец предал короля. Пусть ему больше никогда не придется видеть ничего столь же ужасного.

В комнате повисла тягостная тишина — все наконец осознали значение тщательно подобранных советником слов. И тут же отец и сын рванулись друг к другу. Но были остановлены. Этельред моргнул, как сова в яркий полдень.

— Я… не могу.

— Вы должны. — В чистом голосе Анджело никто не услышал ни нотки жалости. — Преступление совершено против вас. Вы обязаны восстановить справедливость.

Он подал королю кинжал с украшенной драгоценными камнями рукояткой. Этельред даже не заметил, откуда взялось оружие.

Король долго смотрел на прекрасный клинок, лежащий на ладони его советника. Казалось, он никак не может принять окончательное решение. Потом с сомнением, более свойственным старикам, протянул руку. Эльфтрит поняла, что они победили.

Король был на их стороне.

Остров Иона

2 декабря 999 года

Звон колоколов маленькой церкви доносился до Локи, даже несмотря на шум волн. Он улыбнулся. Еще немного, и они умолкнут навсегда.

Благодаря силе и скорости Ёрмунганда все путешествие на юг к реке Темзе заняло, как ему показалось, лишь несколько секунд. Там Локи встретился с юным Торкеллом, не сдержавшим слез радости от встречи с Драконом Одинссоном.

Флот Торкелла уже получил подкрепление из совсем другого мира и времени и теперь представлял собой грозную силу под стягом дракона. Воды этого мира, пожалуй, нечасто видели такой флот. Власть, которую имел Локи над океаном — часть «темных даров» Антихриста, чью роль он играл, — позволяла ему вызывать шумный ветер и убыстрять ход волн. Путь в тысячу миль, занявший бы при удачном стечении обстоятельств от десяти до двенадцати дней, был преодолен за три.

Они подошли к островку, называющемуся Иона. И, разумеется, простые монахи ничего не смогли противопоставить громадной армии.

В какой-то момент Локи даже пожалел несчастных смертных. Стоя на носу Нагльфара, он видел, как они отчаянно суетятся, пытаясь спасти свое богатство, книги. Как падают на колени и обращаются с мольбой к Богу. И, хотя их часы уже были сочтены, они до последнего не теряли надежду на вмешательство Небес.

Локи пожал плечами, прогоняя жалость, прыгнул в воду и устремился к берегу.

Навстречу ему бежал какой-то молодой монах лет двадцати. Локи удивился. Обычно монахи не оказывали сопротивления. Может быть, парень еще не успел проникнуться миролюбивым духом служителей Бога? Его единственным оружием была дубинка, обращаться с которой он тоже не умел. Легко уклонившись от удара, Локи вдруг заметил, что монах плачет. Это было трогательное зрелище, и бог выразил свое сочувствие тем, что разрубил юношу одним ударом топора, не доставив ему мучений.

К этому времени его воины уже достигли берега. Они разбегались в стороны, дико завывая и улюлюкая, почти не уступая присоединившемуся к побоищу Фенриру. Волк радовался не меньше, чем охотничья собака, увидевшая перед собой кишащий кроликами лес. Увеличившись до размеров церкви, в которой скопилось несколько десятков монахов, он подвывал от удовольствия, хватая то одного, то другого облаченного в рясу беднягу.

Локи почуял запах огня, смешанный с чистым соленым ароматом океана и едкой вонью свежепролитой крови. Рев животного заставил его на мгновение опустить топор и оглянуться. Несколько воинов тащили упитанную корову, явно намереваясь устроить вечером пир.

— Не трогать скот! — крикнул Локи. — Оставьте животных!

Его охватила досада. Сколько же можно повторять инструкции, данные Анджело: «Убейте всех монахов, возьмите любую добычу. Сожгите церковь и все строения, но не трогайте скот».

Ни Локи, ни его воины не видели в этом никакого смысла, но таков Анджело, у него свое на уме, а дело Локи — подчиняться.

Воины остановились и уставились на Локи полными ужаса глазами. Бог смягчился. Конечно, все проголодались, а смерть одной коровы никому не повредит. Вздохнув, он махнул рукой.

— Только одну!

Через несколько минут все было кончено. Остров заполнили

лишь крики празднующих победу викингов и жалобное мычание животных. Локи опустил перепачканный кровью топор и огляделся.

Повсюду лежали тела. Кто-то еще бился в предсмертных судорогах, но вскоре и они затихли. Ему было трудно дышать — человеческая выносливость все же имела свои пределы.

Фенрир, уменьшившийся до размеров обычного волка, подбежал к отцу, облизал его лицо и снова умчался.

Локи посмотрел на себя — кровь, повсюду кровь. Он поморщился, потому что всегда гордился чистоплотностью. Бросив оружие на пропитавшуюся кровью землю, бог направился к океану. Он сделал лишь несколько шагов, когда заметил, что и сама вода стала непривычно красной.

Океан забурлил. Локи нахмурился — он не отдавал такого приказа, а Ермунганда поблизости нет. В чем же дело? Откуда этот вихрь?

Столб воды закружился и начал расти. На глазах удивленного Локи он стал приобретать форму. Появились четыре ноги. Длинное туловище с изогнутой шеей, хвост, уши, копыта. Рыжий конь издал ржание, прозвучавшее громче прибоя, и ринулся к берегу. Гарцуя, взметая песок ударами копыт, жеребец приблизился к Локи и склонился перед ним, едва не касаясь мордой земли.

— Великому вождю нужен достойный конь, — сказал он. — Садись на меня, Локи-Антихрист, и мы возьмем мир с этой земли и заставим людей убивать друг друга.

Локи откинул голову и расхохотался.

ГЛАВА 13

Господи! Кто может пребывать в жилище Твоем? Кто может обитать на святой горе Твоей?

Псалтирь, 14:1

Дорога на Фосс

2 декабря 999 года

Кеннаг спала мертвым сном и видела странные сны.

* * *

Разрушения и кровь пришли с моря, обрушившись на простых людей, служивших своему Богу. Сотни кораблей окружили берега священного острова, и тысячи воинов хлынули на землю, подобно туче прожорливой, опустошающей поля саранчи. Они убивали всех без разбора, и там, где проходила эта дикая орда, оставались безжизненные тела убиенных монахов. Их даже не успевали похоронить как положено, и они разлагались, не оставляя после себя ни камня, ни креста, обозначавших место, где прошла их жизнь.

Кровь была повсюду, от нее покраснело море, и из этой красной бездны вышел конь вроде того белого коня, на котором восседал молодой мужчина. И конь этот был вовсе не конь, а вместилище ненависти и огня, и нес он боль…

Бран, ее возлюбленный, был мертв. Длинные черные волосы шевелились под ветром, но родное лицо оставалось бледным, а глаза пустыми и невидящими. Он лежал на том же самом острове, окруженный телами убитых монахов, но она почему-то знала, что он умер только что, что монахи пали раньше, что…

* * *

— Бран!

Кеннаг выкрикнула его имя, и крик разбудил и ее саму, и

всех остальных. Рассвет уже успел разогнать тьму, посеребрив землю, людей, снег и придав теплоту и мягкость огромному каменному кресту, под которым они спали.

— Кеннаг?

Элвин еще не совсем отошел ото сна и теперь, мигая, смотрел на нее. Они уснули спина к спине, положив между собой посох — так пожелал Элвин, а не она. Но ночью, ища тепла, они нашли его в объятиях. Кеннаг уже сидела, хватая ртом холодный воздух и все еще вцепившись в руку Элвина мертвой хваткой.

Мертвец. Бран. Нет, нет. Пожалуйста, матушка Бригида…

— Кеннаг? — уже настойчивее повторил Элвин. — Ты… ты что-то видела?

Она кивнула. В горле стало сухо-сухо, будто крик опалил его огнем.

— Воды, — прохрипела Кеннаг, и Элвин, пошарив рукой вокруг себя, подал ей наполовину наполненный мех.

Она сделала несколько жадных глотков. Вода уже отдавала затхлостью, но была по крайней мере прохладной.

— Викинги поубивали всех монахов на острове, — слегка дрожащим голосом сказала Кеннаг. — Огромный флот, больше любого, о каком мне приходилось слышать, напал на…

Название острова, если она и знала его, совершенно вылетело из головы. Кеннаг попыталась напрячь память, но ничего не получилось.

— Нет. — Она покачала головой. — Не помню. Какой-то небольшой остров. Похожий на мою родину, Далриаду. Они всех перебили, но не тронули скот.

— Что? — Элвин нахмурился. — Странно. Я что-то ничего не понимаю.

Она печально улыбнулась. При том малом, что было известно, они пытались придать значение каждому случаю, найти глубинный смысл. Еще бы. Улыбка сползла с ее лица, когда в памяти всплыл весь сон.

— После того как монахов убили, море будто стало красным от крови.

— Вторая чаша, — приглушенно произнес Элвин.

— А потом из моря крови появился конь.

— Рыжий Конь — Вторая Печать! А ты видела, кто сидел на нем?

Кеннаг покачала головой.

— Нет, после этого я увидела другое… — Она не смогла продолжить.

— Что? Что ты увидела? Расскажи!

Его пальцы, до того спокойно лежавшие на ее плече, словно

превратились вдруг в когти. Почувствовав, как застучало сердце, Кеннаг отдернула руку и поднялась. Задеревеневшие от холода мышцы повиновались плохо, но она ощутила потребность в движении.

— Нет.

— Но это может быть важно. Если тебе кажется, что ничего необычного не…

— Я же сказала «нет»! — Ее хриплый голос прозвучал непривычно резко в застывшем утреннем воздухе. — То, что я видела, не имеет никакого отношения к нашей задаче. Никакого.

— Откуда тебе знать, что…

— К черту, Элвин! Оставь меня в покое!

Она сложила на груди дрожащие руки и уставилась на дорогу, по которой они пришли, всем сердцем желая вернуться к уютной, знакомой обстановке.

За спиной послышались звуки. Осел и кошка забормотали о чем-то своем. Элвин молча собирал поклажу.

Горечь не прошла, затаившись где-то в груди холодной льдинкой, но Кеннаг уже жалела о том, что так резко оборвала расспросы Элвина. Он же не виноват, что ей явилось столь жуткое видение. И по-своему, Элвин был прав. Ее дар должен послужить им обоим, всему миру. И в других обстоятельствах она бы, конечно, поделилась с ним увиденным. Каким бы горьким, непонятным или бессмысленным оно ни было.

Но это…

Разве можно рассказать мальчику о Бране? Как говорить с Элвином о жизни или смерти Брана? Что знает монах о любви и страсти? Нет, она не жалела о том, что оставила страшное видение при себе, но стыдилась того, что так грубо обошлась со своим спутником.

Сделав глубокий вдох, Кеннаг обернулась.

— Элвин, мне…

Как трогательно и жалко он выглядел, пытаясь взвалить тюк на спину Валаама. С одной здоровой рукой многого не сделаешь. Тюк выскользнул из неуклюжих пальцев, и Кеннаг, не думая, метнулась, чтобы не дать ему упасть в грязь.

Они посмотрели друг на друга, стоя по обе стороны от осла. В карих глазах Элвина горела злость, лицо покраснело.

— Думаешь, я очень хочу быть здесь? Думаешь, я не желал бы вернуться в монастырь святого Эйдана и заниматься тем, что мне близко и знакомо? Есть два раза в день горячую, сытную пищу, размышлять о своем, быть с Богом или братьями, которые знают меня и принимают таким, какой я есть, с одной рукой и всем прочим?

Неприкрытая обида, омрачавшая его лицо, заставила Кеннаг покраснеть.

— Элвин, извини…

Но он явно не желал ее слушать.

— Я здесь, потому что должен быть здесь. Мне так же хочется быть с тобой, как тебе со мной. Прискорбно, что тебе достался в спутники калека-монах, но я стараюсь изо всех сил. Ты тщеславная и надменная, как все женщины, и мне не понятно, как кто-то выбрал такую, как ты, для этого задания…

Поток слов внезапно смолк, и Элвин сглотнул. В воздухе повисла тишина. Помолчав, он продолжил:

— Еще меньше я понимаю, почему выбрали меня. Но так случилось, и нам ничего другого не остается, как работать сообща. У тебя есть эта способность, дар, который недоступен мне, но я стараюсь понять. Ты решаешь, что можно рассказать, а чего нельзя, но ведь любая мелочь важна, любой обрывок знаний способен указать на грань между жизнью, как мы ее знаем, и вечным Адом, который, в чем я не сомневаюсь, не придется по вкусу даже тебе.

Юноша снова злился, и Кеннаг не винила его в этом. Ее собственная злость уже выплеснулась, и она слушала молча, не прерывая монаха.

— Я ничего не знаю о тебе, но думаю, нам не на что надеяться. Мне не понятно, как эта странно составленная группа может добиться успеха, но скорее на меня падет вечное проклятие, чем я откажусь от исполнения долга. Я буду рассказывать тебе все, даже если покажусь глупцом, даже если мои сведения покажутся ненужными. Потому что я не хочу оглядываться потом назад и думать, что не сделал всего, что мог.

Кеннаг молчала, но Элвин, по-видимому, сказал все, что хотел. В напряженной тишине они навьючили лошадь и осла и приготовились следовать дальше. Было уже совсем светло, и дорога впереди лежала, как на ладони.

— Извини, — сказала наконец Кеннаг.

— Мне все равно.

Она пожала плечами, скрывая обиду.

— Как хочешь.

Долгое время они ехали молча. Животные тоже прикусили языки. Дорога начала то подниматься, то спускаться. В одном месте им пришлось перевалить через высокий кряж, и у Кеннаг перехватило дыхание.

Прямо перед ними, над равнинным пейзажем, гордо возвышался громадный зеленый холм, Тор, как называли эти одинокие утесы местные жители. Кеннаг почувствовала, как

мурашки пробежали у нее по спине. Такое же чувство возникло у нее в ту ночь — неужели это было всего лишь одиннадцать дней назад? — когда она впервые увидела свет внутри пологого холма эльфов.

Священное место. Она ощутила это, и названия, прежде ей неведомые, всплыли из каких-то глубин памяти: Авалон, Инис, Витран. Стеклянный Остров.

— Гластонбери-Тор, — почтительным тоном произнес Элвин. — Через несколько часов будем в аббатстве.

Кеннаг встряхнулась, стараясь избавиться от жутковатого ощущения нереальности происходящего, опутавшего ее подобно мягкой шелковой паутине.

— Хорошо, — нарочито бодро заметила она. — Так хочется поесть горячего.

* * *

В доме для гостей гуляли сквозняки, и Кеннаг продрогла до костей. Монахи с явной неохотой предоставили ей корыто с ледяной водой, в котором она кое-как прополоскала одежду. Ничего другого у нее не было, и, выкрутив застывшие тряпки, Кеннаг натянула их и теперь никак не могла согреться. Соскребая грязь с рук и лица, она бормотала под нос проклятия в адрес монахов вообще и гластонберийских братьев в частности.

В аббатство они попали незадолго до заката. Пожилой мужчина, чья работа состояла в том, чтобы переводить паломников через болота, окружавшие холмы Гластонбери, отмахнулся от предложенной платы, завидев монаха, но встал на пути, когда Кеннаг захотела пройти. Она уже успела заметить различия в их статусе в Англии, но здесь они проявлялись еще сильнее. Загнав поглубже злость, Кеннаг приняла скромный вид и чинно уселась на скамью, предоставив проводнику орудовать шестом. Плоскодонка медленно ползла по заросшей тростником речушке, везя их к городу и аббатству.

Несмотря на зимнюю пору, над болотом стелился теплый туман, и Кеннаг, снова и снова обращавшей взор в сторону Тора, казалось, что холм, возвышающийся над серой пеленой, принадлежит какому-то другому миру.

Так и есть, прошептал голос в ее голове.

Вглядываясь в свежую, манящую зелень Тора, напоминавшего своей округлостью материнскую грудь, она старалась различить что-то, но подкрадывающаяся тьма скрывала детали. Кеннаг лишь разобрала, что к большому холму словно прилепились два

поменьше. Проводник сказал, что его называют Холм Ключа.

В само аббатство ее не допустили. Вышедший навстречу монах посмотрел на Кеннаг и кивнул на домик для гостей. Элвин, будь он проклят, не произнес ни слова возражения. Он явно воспрял духом, добравшись до первой цели. А почему бы и нет? Это его мир, а ее Гленнсид остался далеко позади.

В домишке по крайней мере нашлись одеяла. Накинув одно на плечи, Кеннаг открыла ветхую деревянную дверь, явно знававшую лучшие дни, и вышла наружу.

Луна посеребрила Тор, и Кеннаг затаила дыхание, впитывая в себя призрачную красоту этого необыкновенного места. Давным-давно на склоне холма были вырублены семь террас, и ей захотелось пройти по ним, почувствовать под ногами землю этого священного уголка.

Оно, это аббатство, с его деревянными и каменными строениями, не было ее священным местом. Ее лежало в полумиле к востоку. И раз уж она здесь, то обязательно поднимется на вершину.

В стороне послышались шаги.

— Госпожа? — произнес раскатистый мужской голос.

Кеннаг едва не фыркнула — откуда такая уважительность после оказанного приема? — но все же постаралась сохранить достоинство. Удивление ее только усилилось, когда она увидела послушника, назначенного ей в услужение.

Это был высокий, внушительный мужчина, далеко не мальчик. Если судить по осанке, он никак не напоминал нижайшего из служителей Бога и скорее казался воином, готовым к битве. Своим ростом и мощным сложением незнакомец производил сильное впечатление, ослабить которое не могло даже грубое шерстяное одеяние неопределенного бурого цвета.

— Надеюсь, я вас не потревожил. Принес поесть.

Голос был резкий и глубокий, под стать всему остальному. Пожалуй, если бы Кеннаг увидела его у себя в деревне, то приняла бы за обитателя Лохланнаха.

— Я проголодалась. Благодарю тебя, брат…

— Не брат. Пока еще только послушник. Мое имя Кабал.

— А тебе не надо быть на повечерии?

— Нет.

Подойдя ближе, Кеннаг увидела, что тонзуры у него действительно нет. Кабал подал ей корзину с едой и слегка поклонился, не выказывая ни малейшего смущения, которое, похоже, испытывали в ее присутствии другие монахи.

— Ты не так юн, как большинство послушников, — рискнула заметить она.

Наградой за риск стал громкий, добродушный смех.

— Нет, госпожа, я уже не молод. Вся моя жизнь прошла вне стен аббатства. Но люди меняются, и моя дорога привела меня сюда, в Гластонбери.

— Наверное, многое здесь непривычно для новичка.

— Очень многое, госпожа, — серьезно ответил Кабал. — Я знал сталь, кровь и боль. Теперь я знаю звон колоколов, голоса, возносящие молитву, удовольствие от самой простой работы, сделанной от души. Я пришел из мира плоти и обитаю теперь в мире духа.

Что-то в его тоне заставило Кеннаг поежиться. Нет, не прозвучавшее в голосе Кабала очевидное почтение, не лирика выбранных им слов. Он не принадлежал к эльфам, в этом она не сомневалась. Такой же человек, как и она. И все же в Кабале ощущалось что-то особенное, и, еще не поняв, что делает, Кеннаг протянула руку и коснулась его небритой щеки.

Она ожидала, что он отшатнется словно от укуса злобной пчелы, но Кабал лишь поднял свою тяжелую лапу и осторожно убрал ее руку.

— Аббат Сигегар говорит, что вы можете посетить, если захотите, утреннюю службу. А после заутрени он желает поговорить с вами и братом Элвином о вашем поручении.

Ее поручении. Она считала его своим. А вот это место, каким бы добрым и неожиданно просветленным ни казался послушник, было чужим.

— Передайте аббату, что я буду на службе, как он того и желает, — сказала Кеннаг.

Послушник еще раз поклонился, повернувшись к Тору, и исчез в темноте, словно надел на себя плащ, сделавший его невидимым. Некоторое время до нее еще доносились тяжелые шаги, потом и они стихли.

Пища в корзине оказалась не горячей, как Кеннаг надеялась, но теперь это уже почему-то не огорчило ее. Как будто голод отступил под чарующим видом Тора. Кеннаг закуталась в одеяло, села на холодную, мокрую траву и даже не притронулась к хлебу и сушеным фруктам.

* * *

В аббатстве Гластонбери было около семидесяти монахов, и их голоса, объединенные песнопением, заполняли обширное пространство каменной церкви. Скромные уверения аббата Сигегара, настаивавшего на том, что Гластонбери далеко не

богатое аббатство, не рассеяли сомнений Элвина. Это был самый древний дом Бога на острове. Его история уходила корнями в далекое, туманное прошлое, минуя доброго короля Ина, пожертвовавшего в восьмом веке двенадцать наделов, на которых стояла церковь, вплоть до скрытых во тьме времен апостолов, Иосифа Аримафейского и даже самого Иисуса.

В это время года паломников было мало, но уже в ближайшие недели население городка могло увеличиться втрое. К Рождеству в сем благословенном месте соберется около десяти тысяч душ. Открыв рот, чтобы вознести хвалу Господу вместе с братьями, которых он только что встретил, Элвин вспомнил холодное лицо Анджело и содрогнулся. Служители церкви считали последним днем года 25 декабря, день рождения Христа, но простой народ по-прежнему цеплялся за римскую традицию заканчивать год 31 декабря. У Элвина были все основания считать, что и 25-го и 31-го церковь заполнят запуганные люди, ищущие в преддверии Конца Света убежища в святом месте.

Его голос слегка дрогнул, но Элвин продолжал петь, сосредотачивая все свои силы на самом благом звуке из всех по эту сторону Небес: звуке, издаваемом человеком, восхваляющим Бога в святом доме. Горящие свечи и масло разогнали тени и прохладу, но тепло, гревшее Элвина, не имело никакого отношения к рукотворным источникам.

Едва увидев аббатство, его крепкую сторожку, аккуратные деревянные постройки и квадратную просторную церковь, он будто прирос к нему душой. Какое ему дело до ведьм и призраков, говорящих котов и ослов, запутанных комбинаций политиков и королей? Его удел — монастырская келья, мягкий шорох обутых в сандалии ног, ступающих по каменным коридорам, соединенные в песне голоса мужчин, славящие Бога, неспешная работа с пергаментом, пером и чернилами. Вот бы остаться здесь. Но это невозможно. «Здесь», Гластонбери, сама Англия сохранятся только в том случае, если он — и ведьма — исполнят свой долг.

Он с удовольствием позволил увести Кеннаг в другое место и последовал за братьями на повечерие. Она здесь чужая в отличие от него. И аббат Сигегар был так весел и добр, что приготовленные Элвином слова так и остались непроизнесенными. Поговорить можно и утром, когда он отдохнет в тепле и покое, подальше от соблазнительного тела Кеннаг ник Битаг.

Интересно, верны ли легенды, согласно которым Спаситель побывал здесь до своего распятия и воскрешения? Элвин надеялся, что верны. Мысль о том, что он стоит там, где,

возможно, некогда стоял Христос, грела его.

* * *

Недди одиноко стоял у церкви, прислушиваясь к невыразимо чистым голосам братьев, восхваляющим Бога. Он знал, что может войти туда. Знал и то, что ему не будут рады. Его присутствие уже само по себе повергнет в ужас этих милых монахов. И еще Недди надоело присутствовать, оставаясь невидимым. Подслушивать неинтересно всегда, а сейчас, когда он мог проявить себя без особого напряжения, особенно.

Но куда бы он ни пошел, чтобы быть с людьми, чувство одиночества все равно не оставило бы его. Недди уже заметил, как мощно подействовало это место почти на всех его спутников. Кеннаг почти полностью игнорировала его, когда взгляд ее зеленых глаз устремился в сторону столь же зеленого Тора. Элвин думал только о том, как присоединиться к братьям. Рататоск, Валаам и Ровена не проявили к Гластонбери особого интереса, но что взять со зверей. Их притягивает другое, их натуры тянутся к более обыденному.

Некоторое время Недди посидел с Кеннаг, глазевшей на не столь уж далекий холм после ухода Кабала. Он попытался вовлечь ее в разговор, но она, оставаясь неизменно вежливой, отвечала односложно и даже не заметила, когда Недди, выразительно вздохнув, поднялся, чтобы уйти.

От домика для гостей он поплелся к церкви, где и слушал теперь пение монахов. Валаам счастливо дремал в деревянном сарае, Ровена свернулась у него под боком. Рататоск была дневной тварью, если только необходимость не требовала другого, и Недди понятия не имел, куда она исчезала с наступлением темноты.

Недди стало очень-очень жалко себя.

Жалость к себе и злость испугали его, поднявшись совершенно неожиданно. Он поморгал, заталкивая чувства подальше, грудь поднялась и опустилась вместе со вздохом, который не был вздохом. После встречи с Кеннаг Недди чувствовал себя более… живым. Его несуществующий рот дрогнул при этой мысли. Но проклятие, так ведь и есть. Он думал — думал! — чувствовал и говорил чаще, чем за…

За очень долгое время.

Каким он был, когда был живым? Почему это место — как и королевская резиденция в Калне — казалось таким знакомым? Он заранее знал, где именно находятся Тор, аббатство, спальня

братьев, домик для гостей. Упиваясь жалостью к себе, Недди бездумно бродил от Кеннаг к церкви.

Недди угрюмо сжал губы. Если никто не хочет быть с ним, то он тоже не хочет быть ни с кем. Живые могут таращиться на Тор, петь псалмы, спать в сарае. И ладно. Он мертвец. И он посетит мертвых.

Недди повернулся и торопливо зашагал к кладбищу. Если кто-то и увидит его там, то что ж в этом такого? Где же еще быть привидению? Может быть, там ему удастся найти такого же призрачного товарища, раз уж живые создания из плоти и крови всячески его избегают.

Однако приблизившись к кладбищу, Недди замедлил шаг. Будь у него сердце, оно бы заколотилось сильнее. Тут и там гордо высились каменные кресты, похожие на те, которые встречались им во время путешествия. Выбрав наугад один, Недди подошел ближе и прочитал имя. Ему не нравилось это место. Он не был готов к нему. Если бы Кеннаг…

Ладно. Что же здесь написано?

Дунстан. Бывший аббат Гластонбери, а потом архиепископ Кентерберийский. Ему вспомнилась легенда: благословенный Дунстан, искушаемый самим дьяволом, хватает врага рода человеческого за нос кузнечными тисками.

Представив себе эту картину, Недди чуть не рассмеялся. В этом месте мертвых звук смеха был бы легким и приятным. Он уже видел этого человека, добродушного, как любимый дядюшка, и неуступчивого, как камень этого креста. Ведь это Дунстан ввел в Гластонбери бенедиктинские порядки. До проведенных им реформ монахи здесь распутничали и не почитали Господа. Они…

Дунстан. Он знал Дунстана.

— Как я узнал вас, ваша светлость? — прошептал он вслух. — Был ли я сыном какого-нибудь знатного вельможи? Служил ли вам в Кентербери? — Он взглянул на дату смерти архиепископа — 988 год. — Сейчас 999. Я… я не знал, что вы умерли, а ведь это было одиннадцать лет назад. Значит, я мертв по крайней мере столько же.

Недди вздрогнул. Одиннадцать лет в мире мертвых. Но болезненная острота этого вопроса отступила перед еще более острой необходимостью узнать себя. Как он ни старался, память не выбрасывала из своих глубин никаких подсказок.

Ярость снова поднялась в нем. Недди вскочил на молчаливый камень, отмечающий место последнего приюта архиепископа.

— Кто я? Отвечай! Будь ты проклят, кто я?

Он рычал и царапал крест, рыл землю, катался, кричал и

брыкался, пока не обессилел, пока ярость не исчерпала себя. Конечно, ничего из этого не получилось. Бесплотные пальцы не могли и паутину разорвать. Его грудь вздымалась от дыхания, но ведь он не дышал.

Недди поднялся на ноги. Могила Дунстана осталась нетронутой. Если вечный сон архиепископа так же неспокоен, как сон Недди, здесь это ни в чем не проявилось.

Он переходил от камня к камню, отыскивая знакомые имена. Некоторые отзывались в памяти слабым звоном, но ни одно не спровоцировало такой реакции, как могила Дунстана. Голоса братьев смолкли, и монахи потянулись к спальне, чтобы немного отдохнуть перед заутреней. Недди смотрел на них, зная, что Элвин нашел себе товарищей. Ему ничего не оставалось, как созерцать кладбище.

В стороне от других могил, отделенная от них небольшой каменной стеной, находилась еще одна, отмеченная огромным крестом. Даже большим, чем тот, который стоял на месте упокоения Дунстана. Любопытство взяло верх, и Недди подошел к нему. Должно быть, при жизни человек был важной фигурой…

Его глаза расширились. Холод пронзил его. Изумление было так велико, что Недди начал терять очертание и растворяться. Только воля удерживала его на кладбище Гластонберийского аббатства, а воспоминания, хлынувшие могучим потоком, уносили его в безжалостный водоворот.

Мука, скопившаяся в груди, поднялась и сдавила горло, а затем прорвалась всхлипом. Чувство потери охватило Недди и отдалось жуткой болью. Теперь он знал, кем был и какой страшной смертью умер.

— Отец, — прошептал призрак короля Эдуарда Мученика, склоняя голову к могиле его величества Эдгара Миролюбивого. — Отец, отец…

ГЛАВА 14

В страну мрака, каков есть мрак
тени смертной…

Иов, 10:21

Аббатство Гластонбери

3 декабря 999 года

Кеннаг моргнула и еще плотнее закуталась в одеяла. Матрас был жесткий, но она хорошо выспалась. Вот если бы еще не сны… После получения чудесного дара они стали куда реалистичнее, чем прежде. Теперь она не только видела и слышала, все остальные чувства тоже заработали, а картины ночных видений поражали яркостью и детальностью.

Кеннаг улыбнулась, вспоминая последний сон. Она стояла в своем маленьком домике, прислушиваясь к доносящимся со двора ударам молота и поглаживая большой живот. Бран знал, что надо сделать с металлом, чтобы превратить его в красивую и полезную вещь. Все вокруг было залито светом, струящимся из неизвестного источника, а на столе стояла пища, настолько вкусная и сытная, что все прочее казалось по сравнению с ней пресным и неприятным. Хорошие сны, успокаивающие сны, сны о…

Тор.

Холм встал перед ее внутренним взором, и всю сонливость сняло как рукой. Ощутив прилив энергии, Кеннаг отбросила одеяла и начала одеваться, поеживаясь от предутреннего холодка.

Насколько ей помнилось, заутреня начиналась с восходом солнца и не была одной из самых долгих служб. Тор не далее чем в полумиле. Если расшевелить кобылу, то можно добраться до вершины и успеть вернуться, чтобы встретиться с аббатом Сигегаром.

А если она и не успеет, что ж, подождут.

Сердце затрепетало. Губы расплылись в глуповато-радостной улыбке. Такого волнения Кеннаг не испытывала, наверное, с того дня, когда впервые переспала с Ниаллом. После многих месяцев горечи и злости предвкушение встречи с Тором наполняло душу восторгом.

Волосы спутались и походили на неприбранное птичье гнездо. Она торопливо причесалась и перехватила их ленточкой. Потом можно будет заняться ими всерьез, а сейчас она сгорала от нетерпения.

Кеннаг вышла из домика, плотно притворила за собой дверь. Тихо и холодно. Братья еще спали после последней службы, закончившейся за полночь. Как только они это выдерживают, подумала Кеннаг.

Что-то опустилось ей на плечо.

Она вздрогнула, ахнула и тут же нахмурилась, увидев Рататоск.

— Доброе утро, — приветствовала ее белка и, распустив хвост, принюхалась, втягивая чистый, холодный воздух. — Хороший будет денек.

— Ты чуть меня не убила, — сказала Кеннаг. — Не надо так прыгать на людей.

— Извини. Запомню на будущее. — Зверек помолчал. — Не хочешь узнать, где я была?

— Не очень, — честно ответила Кеннаг.

Рататоск своей болтовней задерживала ее. Подняв юбки, чтобы не испачкаться в грязи, она торопливо прошла мимо пекарни, кузницы и амбаров. Рататоск сидела на плече, крепко уцепившись когтями за платье.

— А зря. Никто лучше меня не может добывать нужные вам с Элвином сведения.

Кеннаг отворила дверь конюшни. Лошади повернулись и посмотрели на нее. Валаам и свернувшаяся рядом с ним Ровена еще спали.

— У меня есть Второе Зрение, — бросила она, раздраженная тем, что белка отвлекает ее от главной цели.

Рататоск перепрыгнула с ее плеча на балку.

— Мои белки — более надежный источник. Ты просто видишь какие-то образы и не всегда понимаешь их значение. Я же могу узнать имена, планы…

— У меня есть план для тебя, — мяукнула Ровена, открывая глаза и бросая сердитый взгляд на беспокойного грызуна. — Если не закроешь ротик, попадешь в мой.

— Ох! — пискнула Рататоск, возмущенно покачивая хвостом.

— Вы оба — неблагодарные животные. Лучше я расскажу обо всем Элвину. Уж он-то по достоинству оценит мое старание.

Бормоча что-то себе под нос, белка спрыгнула на присыпанную сеном землю и метнулась за дверь. Ровена, повернув голову, посмотрела на Кеннаг, с удивлением обнаружившую, что имеющиеся в аббатстве седла слишком

велики для ее кобылки.

— Ты сегодня рано. Могла бы воспользоваться случаем и выспаться в тепле и покое. — Ровена зевнула, выгнув спину и выпустив когти правой передней лапы. — Я так и сделала. Спасибо, Валаам.

— Пожалуйста. — Осел тоже зевнул.

— Надо кое-куда съездить, — сказала Кеннаг.

— Куда?

— Хочу посмотреть Тор.

Ровена дернула головой.

— Эх вы, люди. Вечно вам что-то надо. Было бы куда лучше, если бы вы научились время от времени греться на солнышке и никуда не спешить.

Кеннаг усмехнулась.

— В этом ты, наверное, права. Ну, пошли, — сказала она кобыле, с готовностью последовавшей за ней из теплого помещения.

Кеннаг закрыла дверь и закрепила ее палкой. Потом быстро вскочила в седло и, наклонившись к уху лошадки, сказала:

— К Тору. Ты ведь это чувствуешь, да?

Животное выгнуло белую шею и посмотрело на Кеннаг, качнув головой вверх-вниз.

— Вот и хорошо. Вперед.

Тропинки были грязными, но вполне проходимыми, и Кеннаг не могла пожаловаться на скорость, с которой ее несла лошадь. Теперь Кеннаг решила, что, рассматривая холм из аббатства, неверно определила его высоту. По ее прикидкам, он возвышался никак не меньше чем на пятьдесят футов, причем довольно отвесно.

Террасы, замеченные издали, оказалось не так-то просто обнаружить на месте. В предутренней полутьме они терялись среди высоких темных деревьев.

Кеннаг нахмурилась. По обе стороны от нее стояли громадные дубы. Женщина оглянулась, и по ее спине пробежал холодок. Сама того не заметив, она проехала по тропинке, обсаженной дубами, которая и привела ее к подножию Тора.

Дубы… и яблони. Уснувшие деревья. Кобыла под ней ударила копытом и фыркнула, явно желая продолжить путь. Что ж, пусть выбирает дорогу сама.

То, чего не замечала женщина, легко обнаружила лошадь. Они поднимались все выше, держась петляющей тропы, все глубже проникая в загадку Гластонбери-Тора. Кеннаг стало немного не по себе от необычной тишины. Ни хруста сухих веток, ни дуновения ветерка, ни птичьего крика. Зато ощущение

приближения к чему-то важному становилось все сильнее. Глупо, конечно.

Но вот до нее донесся негромкий, мягкий звук. Не определив, что это такое, Кеннаг остановила лошадь и напряженно прислушалась.

Пение. Тихое и такое чарующее, какого ей никогда не приходилось слышать.

Гластонбери-Тор — холм эльфов!

Как же она не поняла этого раньше? Все признаки налицо. Ее губы растянулись в улыбке, и Кеннаг подумала о том, как давно она не улыбалась по-настоящему. Кобылка, почувствовав ее настроение, рванулась вперед.

Все выше и выше. Лошадь шла резво, не сбиваясь, не выдавая признаков усталости. Воздух стал как-то тяжелее и давил почти физически. Казалось, он был пропитан магией, заряжен волшебством. Сердце Кеннаг уже колотилось вовсю. У нее было такое чувство, что и она сама переходит в какое-то новое состояние, одновременно летаргическое и более активное. Все ее чувства обострились, каждый нерв дрожал.

Лошадка, собрав силы, одолела последний подъем, и они оказались на вершине Гластонбери-Тора. Кеннаг спешилась и разулась, сгорая от нетерпения ощутить под босыми ногами траву. Земля была влажная, теплая, радушная, хотя воздух еще не согрелся. В неярком свете вырисовывались развалины мазанок. Здесь и там лежали камни, образуя причудливые узоры. Подойдя к одному, громадному, почти треугольной формы, обломку футов шести обхватом, она положила руку на его шершавую поверхность.

И тут же отдернула. Камень был горячий!

За спиной раздалось негромкое ржание. Кеннаг отступила. К радостному нетерпению, которое привело ее сюда, добавился теперь страх.

Камень заворочался и вдруг взлетел футов на двадцать, завис в воздухе и рухнул на землю в нескольких футах от Кеннаг.

Из ямы ударил фонтан света. Кеннаг вскрикнула от боли и заслонила рукой глаза. Зрелище было и пугающее, и прекрасное. Пение, доносящееся ниоткуда, стало громче. Звук нарастал, оглушал. Кеннаг прищурилась и прикрыла уши, потом, застонав, упала на колени, чувствуя под собой теплую, влажную землю.

Внезапно все прекратилось. Погас свет, умолкли призрачные голоса. Слыша только биение собственного сердца, Кеннаг осторожно открыла глаза.

Тот, кто стоял перед ней, явно не был человеком. Высокий. Светловолосый, как Король Эльфов, встретившийся ей несколько

дней назад, он стоял, гордо подбоченясь, и ветер, которого не чувствовала Кеннаг, теребил его белую накидку. Вся одежда на нем тоже была белой. Взлохмаченные ветром волосы и яркие глаза отливали серебром, а на полных, соблазнительных губах застыла улыбка.

— Кеннаг ник Битаг. — Голос звучал чисто, как колокольчик. — Мы ждали тебя.

Он протянул руку, чтобы помочь ей подняться. Поколебавшись, она все же приняла помощь, обнаружив, к своему удивлению, что рука у него тоже мягкая и теплая, как у человека. Не глядя ему в глаза, Кеннаг сказала:

— Вы оказываете мне высокую честь, сир.

— Нет, это ты оказала нам честь. Я Гвин ап Нудд, король Праведного Двора, приветствую тебя в своих владениях. Идем — присоединись к нам. Обсудим твое дело, отпразднуем твой приход, послушаем музыку и отведаем деликатесов, которых еще не пробовал никто из смертных.

Кеннаг шла рядом с ним, не чувствуя под собой ног. Сонливость, признаки которой появились раньше, захватило ее всю. Король был очень красив, и она могла пойти за ним куда угодно. Но где-то в затылке все еще билась тревожная мысль. Они подошли к входу во владения Гвина ап Нудда, когда издалека донеслось лошадиное ржание.

Кеннаг вздрогнула и помотала головой, чтобы прогнать наваждение. Обернувшись, она увидела лошадь, которую дал ей…

…настоящий Король Эльфов…

Кобыла билась, пытаясь вырваться из лап трех чудовищных существ, ничего страшнее которых Кеннаг еще не видела, даже во снах. Уродливые, какие-то бурые, с острыми когтями и зубами. Возможно, когда-то они имели человеческое обличие, но сейчас больше походили на демонов Ада, о которых говорил Элвин. И все же, благодаря помощи стоны, покровительницы лошадей, ее кобыла побеждала врагов.

Она попыталась вырвать руку из пальцев Гвина, но они словно превратились в тиски.

— Тебе не будет так больно, если пойдешь добровольно, — предупредил он. — Я не хочу причинять тебе вред.

Похоже, по крайней мере в этом Гвин был искренен. Но Кеннаг не прекратила борьбы. Как же так случилось? Настоящий король дал ей мазь, которая должна была помочь разглядеть врагов вопреки всем их ухищрениям. Почему же она увидела в Гвине доброго обитателя Праведного Двора, когда он явно принадлежал к «темным» эльфам?

— Потому что я не из них, — объяснил он, словно Кеннаг

высказала мысли вслух. — Я был членом Праведного Двора, пока не бросил вызов королю и не был изгнан. Меня с удовольствием приняли при другом дворе.

Его пальцы сжимали ее руку, как железный обруч, а ведь его народ так ненавидит железо. Интересное сравнение. Но Кеннаг было не до сравнений. Наклонившись, она укусила его возле локтя. Гвин зарычал, его лицо потемнело от гнева. Он тряхнул ее, как собака могла бы тряхнуть крысу, и ударил кулаком в лицо. Кеннаг вскрикнула, а рот наполнился кровью.

— Глупая женщина! — Его голос громом ударил ей в уши. — Думаешь, твоя жалкая жизнь имеет для меня какую-то ценность?

Эти слова противоречили действиям, и Кеннаг, хотя и испуганная, перешла в наступление.

— Должно быть, имеет, иначе ты убил бы меня, а не заманивал сюда. У меня есть что-то, что нужно тебе! — И пока это у меня есть, я останусь в живых, мысленно добавила она. Добрая Мать Бригида. Она никогда не сознавала, насколько в ней сильно желание жить. Ей вспомнилось опасное предсказание Элвина относительно судьбы двух свидетелей.

Зверь из бездны убьет их, сказал он. Кеннаг не хотелось этому верить, но сейчас с неуместным юмором она подумала, что Гвин ап Нудд, ложный Король Эльфов, может опровергнуть пророчество, убив ее.

— Ошибаешься, смертная, — пошипел Гвин. — Ты то, что нужно кое-кому другому.

Произнеся эти страшные слова, он обхватил Кеннаг за талию, подбежал к яме и прыгнул туда вместе с пленницей.

* * *

Аскетичное жилье аббата, лишенное роскоши, оказалось тем не менее довольно приятным местом, и Элвин почувствовал себя польщенным, когда его пригласили пройти. Обычно аббат удостаивал аудиенции только тех братьев, которые заслуживали поощрения.

Впервые за все время после появления Михаила Элвин спал спокойно и поэтому утром чувствовал себя отдохнувшим. Так приятно снова быть в привычной обстановке. Хотя он и не знал здешних монахов, по-настоящему чужими они не были — каждый знал, что ему делать, какие псалмы петь семь раз в день, какую работу исполнять.

Он не хотел уходить.

— Зимой по утрам я пью чай, — заметил Сигегар, когда один

из послушников принес поднос с чайником и тремя чашками, поставил его на стол и молча удалился. — Не желаешь ли составить мне компанию? Разумеется, твоя спутница тоже приглашена.

При упоминании о Кеннаг у Элвина дрогнуло сердце. Солнце уж давно встало. Где она? Монахи успели позавтракать и занимались привычными повседневными делами. Она знала, что их пригласили и как важна эта встреча, и все же не явилась.

— Если позволите, я сочту за честь разделить с вами чашку чая. Что касается моей спутницы, — он добавил жесткости голосу, — то я не знаю, почему ее нет.

Сигегар разлил по двум чашкам пахучий травяной чай. Элвин с трудом отвел взгляд от третьей, пустой чашки.

— Мне сообщили, что ее не могут найти. Лошади тоже нет.

Аббат подал ему чашку и сел на стул. Гость посмотрел на него. Некоторое время Сигегар молчал, задумчиво изучая лицо юноши. Невысокий, плотного сложения, с темными пронзительными глазами, взгляд которых проникал в душу, и с комично торчащим клоком седых волос на выбритой голове, Сигегар больше походил на пожилого, немало потрудившегося на своем веку крестьянина, чем на почтенного аббата старейшего в Англии монастыря.

— Может быть, — медленно сказал он, — нам следует начать без нее.

У Элвина пересохло во рту, и он сделал глоток чаю. Напиток был горячий и сладкий. Он думал о Кеннаг, о ее вспыльчивости, нервных вспышках, о ее отвратительной лошади, с которой она нянчилась, как с даром небес. Для успеха их предприятия так важен разговор с аббатом, но все же Кеннаг сочла за лучшее уехать, оставив своего спутника. В лучшем случае — пренебрегла встречей и отправилась рассматривать Гластонбери! В худшем — просто бросила его.

Он отпил еще один глоток и посмотрел в глаза Сигегару.

— Может быть, так будет лучше.

— Твои слова, сказанные прошлым вечером, загадочны, — сказал Сигегар, и его темные глаза потеплели от непрозвучавшего смеха. — Возможно, с началом нового Божьего дня ты сможешь изъясняться немного проще.

Элвин выиграл еще несколько мгновений, прильнув к горячей чашке. Теперь, когда разговор начался, ему уже не так хотелось посвящать аббата во всё подробности случившегося. Одно дело облегчить душу перед Вульфстаном, наставником и другом. Совсем другое — убедительно поведать незнакомцу о невероятных событиях, участвовать в которых довелось ему

самому.

— Хорошо, — сказал Элвин, — я постараюсь говорить проще… насколько это возможно.

Он глубоко вздохнул, расправил плечи и коротко рассказал аббату обо всем.

Надо отдать должное, Сигегар не перебивал. Иногда к его щекам приливала кровь, иногда вспыхивали глаза. Единственным признаком того, что повествование Элвина встревожило его, было напряжение коротких толстых пальцев, стиснувших чашку.

Закончив, Элвин заметил, что дрожит. Чай успел остыть. Он осторожно поставил чашку на деревянный поднос.

Сигегар молчал. Элвин закрыл глаза. Он не верит мне. Милостивый Боже, что же делать?

— Ты, конечно, понимаешь, брат Элвин, — промолвил наконец аббат, — насколько дико все это звучит.

— Да, — твердо ответил монах.

— Ты пришел ко мне в аббатство, чужак, без послания от твоего аббата или от епископа Вульфстана. Ты утверждаешь, что осел и кошка умеют говорить, а твоя палка — это посох Аарона. Ты рассказываешь о приближении конца света, о том, что Сатана и Антихрист уже здесь и претворяют свои замыслы с помощью викингов.

Элвин, уныло вздохнув, открыл рот.

— Я еще не закончил. — Сигегар поднялся и заходил по комнате, заложив руки за спину. — Ты пришел не один. Ты привел с собой женщину, язычницу с севера, учтивости которой не хватило даже на то, чтобы явиться на встречу, столь важную для вас обоих. Почему ты думаешь, брат Элвин из аббатства святого Эйдана, что Михаил выбрал тебя?

Злость уже поднималась в нем, и Элвин поник. Он знал, что чувствует аббат. Никому не нравится, когда его принимают за глупца, а чтобы поверить в этот рассказ, требовалась небывалая вера.

— Я и сам спрашиваю себя об этом, — Пошептал он, едва разлепляя губы. — Но клянусь, ваша милость, я не лгу. Все произошло именно так, как я рассказал.

— Есть три возможности, — сказал Сигегар. — Первая — ты лжешь. — Его взгляд немного смягчился. — Мне представляется, брат, что ты добрый человек. Зачем тебе врать? Ради самого вранья? Вторая — ты безумец, кажущийся здравомыслящим человеком. Откровенно говоря, это самое подходящее объяснение. И третья — ты говоришь правду. Что невозможно.

Страх и досада, овладевшие Элвином, вдруг сменились симпатией. Он знал, что и сам отнесся бы к услышанному из

чужих уст с не меньшим скепсисом, если бы не был очевидцем событий. Невозможно полагать, что кто-то, не знающий его достаточно близко, поверит в такую историю. Поняв сомнения Сигегара, он печально улыбнулся.

— Если вы так считаете — и я не могу вас ни в чем винить — то ясно, что утро потрачено напрасно и цель не достигнута. Прошу вас…

За дверью раздался отчаянный визг, а звук царапающих дерево когтей подтвердил, что там Ровена. До Элвина донеслись приглушенные фразы: «уехала в… Рататоск говорит… лошадь вернулась…»

По его спине пробежал холодок. Забыв о приличиях, он вскочил со стула и открыл дверь. Выгнув спину, Ровена посмотрела на него сумасшедшими глазами.

— Она ускакала в Тор, — выдохнула кошка. — Рататоск слышала ужасные звуки. По ее словам, кобыла примчалась в аббатство без Кеннаг.

ГЛАВА 15

Подвигом добрым я подвизался,
течение совершил, веру сохранил.

Второе послание к Тимофею,
4:7

Аббатство Гластонбери

3 декабря 999 года

Еще переваривая тревожную весть, Элвин с запозданием вспомнил об аббате. Повернувшись к Сигегару, он сказал:

— Ровена говорит, что Кеннаг ускакала к Тору. Ее лошадь только что вернулась.

Широкое крестьянское лицо Сигегара отразило войну противоречивых чувств. Еще минуту назад Элвин потерял надежду убедить аббата в том, что он не лжет. Сейчас это уже не имело значения. Что-то случилось с Кеннаг, и Элвин с удивлением обнаружил, что грудь сдавило, словно на нее упал тяжелый камень.

Он побежал к конюшне, чтобы оседлать Валаама. Мирно посапывающий осел фыркнул и тут же стал задавать вопросы.

— Нет времени, — бросил ему Элвин.

Его душила ярость — обычно он без труда управлялся с седлом и одной рукой, но на это уходило время, которого сейчас не было. Человек с двумя здоровыми руками уже оседлал бы Валаама и мчался на помощь Кеннаг. Как юноша ненавидел свое изуродованное тело, подводившее его раз за разом!

И теперь тяжелое седло сползло на землю. Злость, стыд и отчаяние слились в беззвучном вздохе. Элвин вскарабкался на спину Валаама и, наклонившись к уху осла, крикнул:

— Только смотри, чтобы я не свалился.

— Не беспокойся, братик, — негромко ответил Валаам. — Все будет цело.

Он-то, может, и будет цел. А вот что с Кеннаг? Элвин слышал только стук копыт ее лошади и тревожное ржание. Валаам устремился к распахнутой двери. Кобыла гарцевала во дворе, мотая своей большой, уродливой головой, и комья земли летели из-под ее серых копыт. Из всех существ, встреченных ими до сих

пор, лишь голос этой безымянной лошади не поддавался переводу с помощью кольца Соломона. Однажды, когда Элвин отпустил какое-то замечание по поводу непривлекательной внешности этой твари, Кеннаг громко рассмеялась. Сейчас, когда они посмотрели друг на друга и Элвин увидел в ее взгляде почти человеческие проницательность и понимание, он впервые задумался о том, что же это за животное.

На шее лошади, вцепившись в гриву, сидела Рататоск. Едва завидев Элвина и Валаама, белка закричала:

— Скорее! Мы можем опоздать!

Опоздать? Слова грызуна поразили Элвина, будто ударившие в грудь ножи.

Боже, что же случилось? Пожалуйста, защити свою непутевую дочь. Знаю, она не верит в Тебя, но если с ней что-то случится…

Впрочем, мысль так и осталась незаконченной, потому что удержаться на спине мчащегося во весь опор осла оказалось не так-то просто. Перед глазами мелькнуло что-то белое — это оказалась Ровена. Отсутствие седла стало для нее неприятным сюрпризом, и в первый момент кошка едва не свалилась, но, отчаянно изогнувшись, удержалась, вцепившись когтями в шею Валаама, храпнувшего от боли.

Обхватив ногами бока осла, Элвин попытался ухватиться за короткую гриву, но из этого ничего не вышло, и тогда он, вознеся мысленно короткую молитву, отдался на волю Всевышнего, надеясь, что если упадет, то расшибется не очень сильно.

Лошадь скакала впереди, указывая путь, ее короткие ноги пожирали расстояние, с удивительным изяществом и легкостью минуя возникающие препятствия. А затем — день поистине выдался богатым на сюрпризы! — он увидел еще одно чудо.

Откуда-то сбоку — Элвин заметил это боковым зрением — внезапно возник послушник Кабал. На глазах изумленного монаха он, делая невероятно длинные шаги, нагнал несущуюся галопом лошадь и вскочил ей на спину с такой легкостью, словно животное стояло на месте. Кобылка даже не попыталась стряхнуть незнакомого наездника. При этом она ни на миг не снизила скорость бега.

Элвин зажмурился и еще сильнее сжал бока осла.

Он чувствовал, что осел бежит уже не так быстро, дыхание его стало затрудненным. Открыв глаза, Элвин увидел, что они поднимаются по склону Тора. Валааму было не до разговоров: он пыхтел, его серые бока вздымались и опадали. Монах хотел слезть на землю, но знал, что осел, даже с такой ношей на спине, все равно доберётся до вершины первым.

Наконец они добрались до места. Солнце стояло уже высоко,

и вид с вершины Тора был бы достойным созерцания и восхищения, если бы глаза Элвина искали красоты. Но он видел только зияющую дыру в земле и громадный камень рядом с ней, словно отброшенный рукой ребенка-великана.

— Кеннаг, — прошептал Элвин. Он попытался спешиться и упал, а поднявшись на ноги, медленно приблизился к разверзшейся бездне. За спиной слышалось дыхание его спутников — Рататоск, Ровены и Кабала. Юноша заглянул в страшную темную пропасть и задрожал, не увидев дна.

Не понимая, что делает, Элвин отступил от края, подняв здоровую руку, словно защищаясь ею от страха, шедшего из бездны. У него пересохло во рту, внутри все сжалось в комок, по телу прокатились судороги.

Пропасть дышала ужасом.

И Кеннаг была там, внизу, в глубине. Наедине с этим страхом.

Ноги у него подкосились, и он рухнул на землю, крича и содрогаясь. Земля оказалась неестественно теплой, а его ухо, прижатое к траве, уловило… нечто. Элвин расплакался по-настоящему, скрючился и попытался прикрыть голову рукой.

Нет, нет, нет, нет…

Что-то коснулось лица юноши. Он открыл глаза. Ровена терлась об него, мягко, бережно, нежно, и Элвин вздохнул. В словах необходимости не было, одного успокаивающего присутствия кошки оказалось достаточно, чтобы у него прояснилось в голове.

Страх никуда не ушел, но Элвин заставил себя преодолеть его парализующую силу. Он не смог подняться, не смог заставить свое тело выпрямиться и идти, как подобает человеку, созданному Богом, но все же, обливаясь слезами, пополз как животное. Опираясь на здоровую руку, он приблизился к краю ямы, и в лицо ему ударил горячий, вонючий воздух.

— Кеннаг!

Единственным ответом, который он услышал — даже не услышал, а почувствовал — было монотонное причитание. Страх снова навалился и…

— Элвин?

Он вздрогнул. Голос прозвучал слабо и неуверенно и донесся до него едва уловимым колебанием воздуха, словно встревоженного взмахом крылышек бабочки. Кеннаг! Но куда подевался ее сильный, решительный голос? Этот — дрожащий, настороженный — принадлежал человеку, испуганному не меньше, чем он сам.

И все же это была Кеннаг. Живая.

Ободренный, Элвин ответил чуть громче, чем прежде.

— Я здесь. Я…

Что? Что во имя Отца, Сына и Святого Духа он может сделать?

— Ты вытянешь ее оттуда, — прозвучал у него над ухом глубокий мужской голос.

Элвин вздрогнул и обернулся. Кабал стоял рядом, вглядываясь в бездну.

— Чтобы держать ворота открытыми, им требуется вся их соединенная сила. Надолго ее не хватит. Видишь ли, они ждут тебя. Но тебе спускаться нельзя. Предоставь это нам.

Элвин, открыв рот, уставился на него.

— Кто вы?

Кабал усмехнулся:

— Солдат, исполняющий свой долг.

Он поднял голову и свистнул, подзывая лошадь. Животное подбежало к нему и тряхнуло головой.

— Ты знаешь, что надо делать. Я буду здесь, — сказал ей Кабал.

Кобылка согласно кивнула и в следующий момент — к изумлению и ужасу Элвина — прыгнула, не колеблясь, в яму. Элвин неотрывно наблюдал за лошадью, ожидая, что сейчас она осознает опасность, заржет в ужасе и рухнет в бездну, где ее ждет неминуемая смерть. Но лошадь вытянула ноги, словно это был обычный прыжок…

…или полет…

…и ее поглотила тьма.

— Они не могут драться с ней, — заметил, поднимаясь, Кабал.

— С Кеннаг? — ошеломленно спросил Элвин.

— Нет, с кобылой.

— Что?

Кабал проигнорировал его вскрик.

— Когда она вернется с Кеннаг, вы все должны как можно быстрее убираться отсюда. Рядом с Тором есть небольшой холм. От него течет ручей…

— Да, я знаю, где это. Монахи берут там воду, — сказал Элвин. — Его называют Кровавый Ключ.

— Это он и есть. Найдите колодец и прыгайте в него. Все, включая животных. Они не смогут преследовать вас — железо, которое и окрашивает воду в красный цвет, вредно для эльфов. Там вас будут ждать и помогут. — Тень улыбки скользнула по его губам, и взгляд на мгновение ушел куда-то далеко. — Будет ждать кто-то, кого я хорошо знал. Когда-то. Делайте, как она

прикажет. Ей можно верить.

Элвин не выдержал:

— Вы один из них? Из эльфов?

Кабал рассмеялся, и звук его смеха, добродушного и веселого, успокоил монаха.

— Нет. Я всего лишь человек, такой же, как ты, брат Элвин. Не больше, но и — хвала Господу — не меньше. Я…

Его слова утонули в грозном реве, вырвавшемся из бездны. Тор содрогнулся, словно рассерженный.

— Это она, — сказал Кабал.

Элвин взглянул на него. Необычный послушник говорил спокойно, но его тело напряглось, напружинилось, как у приготовившегося к прыжку хищника. Следуя его примеру, Элвин поднялся, все еще трясясь, как листок на ветру, но все же теперь больше похожий на человека.

Лошадь эльфов выпрыгнула из пропасти так, словно ее подбросила неведомая сила. Поджатые к животу ноги выпрямились, и животное опустилось на все четыре точки. Кеннаг, перепачканная землей и чем-то похожим на сажу, сидела на спине кобылы, обхватив ее за в шею.

Чувство облегчения и огромной радости охватило Элвина, но упиваться им ему не дали. За безымянной лошадкой Кеннаг следовал кто-то еще.

Это был конь-демон, такой черный, что свет, похоже, не отражался от него, и такой тощий, что напоминал живой скелет. Гривой и хвостом ему служили языки пламени, а ужасная вонь распространялась далеко впереди. Он вылетел из ямы, издавая дикие крики, его красные зрачки неистово вращались, а из ноздрей били клубы черного дыма. Элвин сразу узнал его — воплощение Третьей Печати, Черный Конь, чей всадник — Голод.

Не прошло и мгновения, как к нему присоединились его спутники. Пес размером с маленького пони выбрался из ямы, захлебываясь от яростного лая. Он тоже был черный, с горящими огнем глазами. Белые, как луна, зубы оскалились, когда чудовище прыгнуло на Кеннаг. За вожаком последовала небольшая стая таких же злобных собак, воющих почти человеческими голосами, но только они были белые с красными ушами и явно подчинялись черному псу.

Но еще страшнее, чем конь и свора собак, была та, что сидела верхом на жеребце. С первого взгляда женщина поражала своей ослепительной красотой. В какой-то миг Элвин почему-то подумал, что это Кеннаг, но ее лицо с зелеными глазами, обрамленное развевающимися огненно-рыжими волосами, выражало такую ненависть, такую злобу, на которые Кеннаг,

обычная женщина, была просто неспособна. И тут же взгляд потрясенного Элвина натолкнулся еще на одно доказательство ее нечеловеческой сути: от пояса и ниже эта прекрасная женщина представляла собой отвратительный разлагающийся труп.

Между тем псы окружили Кеннаг и ее лошадь. Последняя, похоже, внушала им страх, но они отчаянно рвались к всаднице. В их глазах горела ярость и жажда крови, капли слюны, падая, сжигали траву. Бледная как смерть, с расширившимися от ужаса глазами и застывшим в безмолвном крике ртом, Кеннаг из последних сил держалась на спине своей спасительницы.

Черный пес взлетел в воздух.

Ничего не соображая, Элвин бросился вперед. Страх за Кеннаг оказался сильнее парализовавшего его ужаса. Выкрикивая какие-то слова, он ударил чудовище по спине.

Зверь взвыл от боли, а Элвин отшатнулся. Рука онемела, как будто он бил не палкой, а голой рукой, и не по живой плоти, а по камню.

Возможно, так оно и было.

— Тащи его вниз, Гарм! — крикнула ужасная всадница. — Тащи в Нижний Мир, где я преподнесу его нашему другу. Кум Аннун! — Она повернулась к белым тварям: — Хватайте женщину!

Пес, названный Гармом, поднял голову и посмотрел на Элвина. Пасть приоткрылась, обнажая жуткие клыки, и он прыгнул.

Элвин не успел поднять посох Аарона и понял, что сейчас умрет. Громадный пес врезался в него и свалил на землю. От него жутко несло мертвечиной, и Элвина едва не вырвало. Монах закрыл глаза и приготовился к последней муке, но когти зверя не коснулись его плоти.

Пронзительный крик, так хорошо знакомый ему, прорезал воздух. Пес взвизгнул, и в следующее мгновение Элвин почувствовал, что на него уже ничто не давит.

Открыв глаза и хватая ртом воздух, он увидел Ровену, похожую на жуткой голове Гарма на неуместную белую шапочку. Кошка царапала псу глаза, хватала зубами его торчащие уши. Повернувшись, Элвин с изумлением обнаружил, что Валаам — старый, мирный, любящий поговорить Валаам — успешно воюет с белыми псами, используя свои могучие задние ноги, и все же одна из явившихся из Нижнего Мира собак подобралась сбоку и уже намеревалась вскочить ему на спину.

Вновь поднятый неведомой силой, Элвин бросился на помощь и принялся колотить врага посохом. Рука с трудом повиновалась ему, но он не отступал, выкрикивая глупые слова:

— Прекрати! Убирайся!

— Я знаю тебя, Хель! — прозвучал тоненький, но твердый голосок Рататоск. — Неужели ты так слаба, что не можешь схватить двух простых смертных, не прибегая к помощи Гвина ап Нудда и его подземной своры?

— И я знаю тебя, Грызун, — ответила женщина, которую Рататоск назвала Хель. — Ты всего лишь ничтожный зверек, способный задирать, но не более того, и не достоин моего внимания. Ты не нужна мне. Не будешь мешать, тебя никто не тронет.

Элвин почувствовал, как кто-то схватил его сзади и поднял в воздух. Он попытался сопротивляться, но державшие его руки не уступали по силе железным обручам. Не успев осознать, что происходит, монашек оказалась на спине Валаама и, обернувшись, увидел перед собой лицо Кабала.

— Помни, что я сказал, — крикнул Кабал громовым голосом, от которого можно было оглохнуть. — Поезжай!

Понукать Валаама не пришлось. Издав громкий крик, старый осел с такой скоростью помчался вниз по склону Тора, что у Элвина перехватило дух. Ему ничего не оставалось, как только держаться. Он знал, что если упадет, то жуткие псы растерзают его в клочья.

Услышав за спиной стук копыт, юный монах оглянулся — Кеннаг мчалась вслед за ним на своей диковинной и восхитительной лошадке. Лицо ее оставалось бледным и испуганным. На спине язычницы, вцепившись в грязную одежду, восседала Ровена.

Элвин уже не дышал, он просто хватал воздух, сосредоточившись только на том, чтобы удержаться. Он понятия не имел, где они, куда несутся, сколько прошло времени. Перед глазами мелькало зеленое — трава, бурое — земля, серое — ветки. Полностью положившись на Валаама и лошадь эльфов, надеясь, что они вынесут куда надо, Элвин все же мысленно попросил Бога о небольшой помощи.

Он почувствовал, что Валаам бежит уже не так резво. Короткая шерсть на его загривке взмокла. У бедняги не было больше сил, но — слава Господу! — необходимость в спешке отпала. Вскоре осел перешел на шаг, а потом и вовсе остановился. Элвин сполз на землю и едва не упал, потому что ноги отказывались держать его.

* * *

По словам монахов, Кровавым Ключом пользовались уже много столетий. Он никогда не иссякал, не пересыхал даже в самые засушливые годы, а его богатая минералами вода, красная, как кровь Христа, пролитая за людские прегрешения, имела якобы целительные свойства.

Едва придя в себя после бешеной скачки — Элвину казалось, что она вымотала его не меньше, чем Валаама, — он услышал тихое журчание воды, тонким ручейком стекающей в маленькое озерцо.

Рядом остановилась лошадь. Кеннаг все еще сидела, обнимая кобылу за шею.

— Источник, — просипел Элвин. — Кабал сказал, что нам нужно войти в воду. — Он помолчал и неожиданно для себя добавил: — Я рад, что ты вернулась.

Кеннаг мигнула и, наверное, впервые внимательно посмотрела на него. Он подошел и протянул руку, чтобы помочь ей спуститься. Женщина сидела как окаменевшая. Потом она качнула головой, медленно, неуклюже сползла на землю и привалилась к Элвину. Он посмотрел в ее лицо и заметил, что черные пятна, показавшиеся ему сажей, были на самом деле ожогами.

— Кеннаг… — Ему вдруг стало плохо.

— У вас мало времени, — прозвучал рядом мягкий и определенно женский голос.

Монах повернулся на звук и обнаружил миловидную женщину с длинными темными волосами. Ее серебристо-голубое платье переливалось в лучах солнца. В синих глазах, смотревших на Элвина, ощущалась сила, равная, возможно, силе женщины на Черном Коне. Тем не менее Элвин не почувствовал страха.

— Госпожа, — сказал он. — Вы друг Кабала?

Женщина недоуменно вскинула брови.

— Кабала? — Внезапно она рассмеялась: — Да, я знала его когда-то, хотя и под другим именем. Поторопитесь. Входите в воду, и пусть она вынесет вас в безопасное место.

Незнакомка махнула рукой, и деревянная крышка колодца поднялась сама собой. Элвину вспомнились слова Кабала: Они не смогут преследовать вас — железо, которое и окрашивает воду в красный цвет, вредно для эльфов. И все же, несмотря на опасность приближающейся погони, он не смог удержаться от вопроса:

— Вы фея?

Хозяйка Кровавого Ключа улыбнулась:

— Можно и так сказать.

— Но… разве железо не вредит вам?

Улыбка стала шире. Под алыми губами блеснули белые зубы. В глазах запрыгали веселые огоньки.

— Это мой колодец, — объяснила она, как будто перед ней стоял ребенок.

Элвин шагнул вперед и только тут понял кое-что. Кабал сказал, что прыгать в колодец надо всем. Но как же лошадь? Она же не пройдет.

— Но лошадь и осел? Они же слишком большие. — Мысль о том, что верный Валаам останется на растерзание своре свирепых псов, была невыносима. — Нет…

— Я позабочусь о них. Об обоих. Поспешите. Оказавшись в воде, отдайтесь течению. Оно вынесет.

Течение? Элвин думал, что они просто отсидятся в колодце, защищенные его… волшебными свойствами. Каждый раз, признавая существование такой штуки, как магия и пользуясь ею, юноша с трудом удерживался от того, чтобы перекреститься. Что-то мягкое и пушистое потерлось о его ноги.

— Элвин… — Ровена дрожала. — Вода… Я утону! Мне нельзя туда!

Он поднял кошку, и зверек прижался к его груди, тихонько мяукая.

До их ушей донесся пока еще далекий лай собак. Кеннаг заморгала, как будто только что очнулась после глубокого сна. Потом медленно повернула голову в направлении приближающихся псов, и кровь наконец прилила к ее лицу.

— Предпочитаешь остаться? — крикнула Кеннаг, и Элвину послышалась знакомая нотка нетерпения.

Она протянула руку, и все увидели черного пса, за которым неслись белые. Очевидно, Кабал задержал их врагов, но не убил. Элвин колебался. Из-за деревьев уже показался Черный Конь с кошмарной всадницей. Первый знак, засвидетельствованный им самим. Черный конь Апокалипсиса. Элвин не мог оторваться от него, как птица, загипнотизированная взглядом змеи.

— Ты спас меня, — сказала Кеннаг, подходя к нему, — теперь я спасу тебя!

Он не успел даже набрать воздуху — она толкнула его к колодцу и прыгнула вслед за ним.

Ровена мяукнула и в ужасе вцепилась в юношу, а он прижал ее к себе здоровой рукой.

Элвин чувствовал, как что-то тянет его вниз. Остатки воздуха вырвались изо рта и устремились пузырьками к поверхности воды к быстро удаляющемуся свету.

Потом все пропало.

* * *

В этой последней битве у него не было меча, только длинный сук, подобранный с земли, когда он бежал к Тору. Но человек, назвавший себя именем своей собаки, Кабал, сражался с псами Гвина ап Нудда с такой же отвагой и решительностью, как и с армиями врагов пятью веками раньше.

Однако сейчас он думал не о былых победах, а о том, — чтобы остановить Хель и не дать ей схватить двух Свидетелей. Конечно, хозяйка Кровавого Ключа защитит Кеннаг и Элвина. Но и ее силы не безграничны. Чтобы воспользоваться ее защитой, они должны оказаться в священных водах, но если он не задержит всадницу на Черном Коне, Свидетели не доберутся до спасительного колодца.

Отбросив сук, он подпрыгнул, издал боевой клич древних бриттов и, схватив Хель, стащил ее с Черного Коня. Извиваясь под ним, Хель изрыгала грязные проклятия, ее чудный ротик выплевывал отвратительную слюну, куски гнилого мяса отваливались от костей, когда она била его ногами. Он ждал, что острые клыки ее черного пса и белых собак Гвина вот-вот вопьются в его человеческую плоть. Но звери только как-то странно завывали. Рискнув бросить взгляд через плечо, он увидел, что они накрыты каким-то движущимся серым одеялом.

Белки. Говорящий грызун вызвал своих сородичей, и проворные зверьки успешно закрывали глаза и носы своих противников.

Человек, назвавший себя Кабалом, видел в своей жизни много доброго и злого, но то, с какой готовностью шли на смерть лесные существа, тронуло его. Они знали. Знали так же хорошо, как и Кабал, насколько важна безопасность Свидетелей.

Конечно, долго это длиться не могло. Через несколько секунд псы стряхнули с себя и перебили почти всех грызунов, и черная тварь — Хель называла его Гармом — бросилась на Кабала и, вцепившись в него, стащила с жуткой красавицы.

Поднявшись, Хель плюнула на поверженного врага и поспешила к Черному Коню. В следующее мгновение они уже умчались, всадница из бездны и ее свора.

Кабал чувствовал, как холод охватывает его тело. Он был залит собственной кровью и лежал на траве, не имея сил сдвинуться с места. Только взгляд его еще скользил по земле, усеянной маленькими серо-бурыми тельцами. И глаза его наполнялись слезами. Странно, но даже тела людей, павших в этой последней битве, не вызвали бы в нем таких чувств. Зверьки погибли ради чего-то, а не по глупой ошибке…

Он вздохнул полной грудью и ощутил во рту вкус крови. Губы дрогнули в улыбке.

— Пора, брат мой. — Голос, напоминавший дыхание ветерка, коснулся его ушей.

— Это ты? — прохрипел он. — Пришел за мной…

— Однажды, пять столетий назад, я уже погрузил тебя в сон, — шепнул ветер.

Теплый, он ласкал лицо лежащего воина. Ветер принес сладкий запах цветущих яблонь. Человеку, назвавшемуся Кабалом, стало тепло. Он любил эту землю. Однажды он уже умер за нее и потом крепко уснул, твердо зная, что восстанет, чтобы защитить свою страну в час величайшей опасности. Он исполнил то, что должен был исполнить — защитил двух слабых смертных, ставших последней надеждой мира. Теперь он мог умереть. Уже навсегда.

Остальное зависело от них.

Ветер набрал силу, подхватив его последний вздох. Тело Артура, короля бриттов, обратилось в прах, развеянный веселым летним ветерком.

ГЛАВА 16

И Дух прошел надо мною; дыбом встали волосы на мне.

Иов; 4:15

Аббатство Шафтсбери

9 декабря 999 года

Ее неумный сын предложил, чтобы королева передвигалась в специальной повозке, но Эльфтрит отказалась. Не настолько уж она стара. Вполне может сидеть верхом, как любая молодка при дворе Этельреда.

На третий день она уже горько сожалела о своем опрометчивом решении. Королевская задница, сбитая почти до крови, жутко болела, а кости — не такие уж молодые, как хотелось бы — разболтались в дороге. К счастью, на дороге, ведущей от Лондона на юго-восток, было несколько городков, где королевская свита имела возможность остановиться и восстановить силы, проведя ночь на настоящих кроватях.

Гилфер, Уилтон, Илчестер, все они давали приют вдовствующей королеве в этом нелегком паломничестве. Исполняя свой долг, Эльфтрит думала о том, как хорошо, что бедный мученик Эдуард лежит наконец там, где и положено, а не томится в Уореме.

Девочка, прислуживающая ей в Гилфорде, просияла, услышав слова королевы.

— Да, да, так оно и есть! Вы знаете, что у гробницы Эдуарда исцелился какой-то хромой? А по ночам на том месте, где он лежит, танцуют яркие огоньки? Как будто феи водят хоровод! А его тело… Оказывается, оно даже не испортилось!

Королеве пришлось приложить усилия, чтобы сохранить улыбку.

— Какие милые истории, — заметила она. — И как нельзя более кстати.

Ее верховая лошадка, отличавшаяся когда-то особенно мягким ходом, могла бы теперь даже превратиться в осла — для Эльфтрит это уже не имело значения, потому что ее путешествие подходило к концу. Впереди виднелся Шафтсбери, приятный

городок, аббатство которого расположилось на самом высоком из окружавших его холмов. Подаренное королем Альфредом дочери Этельгиве в 880 году, аббатство Шафтсбери считалось довольно богатым.

Несомненно, размышляла Эльфтрит, останки короля-мученика только поспособствуют росту популярности аббатства. Якобы неподдающееся тлену тело Эдуарда пролежало здесь всего несколько недель, а местное население, похоже, ни о чем другом не думает и не говорит.

Эльфтрит выслала вперед тана с известием об их прибытии, и аббатство приготовилось встретить столь важного посетителя.

Когда цепочка верховых лошадей и вьючных животных растянулась по крутой дороге к вершине холма, обитатели Шафтсбери отложили свои дела и теперь молча смотрели на королеву.

Кровь прилила к щекам Эльфтрит. Не обращая внимания на неудобство и боль, она села прямо и расправила плечи. Королева не смотрела по сторонам. Разумеется, мысли горожан не были для нее большим секретом. Слухи распространяются быстро. Только ведь это не просто слухи. Она действительно задумала и организовала убийство Эдуарда, но эти крестьяне ничего не знали наверняка. Они бросали на нее злобные взгляды, но их ненависть основывалась не на знании, а на подозрении. Королева была рада, что приехала, но не потому, что этого пожелал ее сын, а потому, что своим появлением здесь рассчитывала рассеять хотя бы часть слухов.

Встречать высокую гостью вышли чуть ли не все монахини. Королева сухо улыбнулась молчаливому ряду одетых в черное женщин, которые стояли за открытыми воротами, и протянула руку своему верному тану, помогшему ей спуститься.

Величаво выступив вперед, Эльфтрит подала руки аббатисе, чье имя так некстати вылетело из памяти.

— Ваша милость, — восторженно произнесла она, — как я рада, что наконец попала сюда.

Ясные голубые глаза твердо встретили взгляд гостьи.

— Добро пожаловать, королева Эльфтрит. Здесь рады всем, кто почитает благословенного Эдуарда.

Улыбка удержалась на ее лице, хотя Эльфтрит с удовольствием ударила бы аббатису. В словах хозяйки монастыря крылись шипы, и жалили они глубоко. Что ж, решила королева, в таком случае планы изменятся. Она задержится здесь, где все дышит враждебностью, ровно столько, сколько необходимо, и ни минутой больше.

— Сестра Вульфгифу проводит вас в дом для гостей, —

сказала аббатиса. — Мы только закончили его и обеспечили всем необходимым, но уверена, что вам он покажется бедным по сравнению с удобствами вашего дома.

Будь она проклята, эта женщина! Эльфтрит подняла украшенную кольцами и перстнями руку и покачала головой.

— Ну что вы, аббатиса. Мы не собирались так обременять вас. Нас слишком много, а запасы аббатства невелики.

Аббатиса явно была застигнута врасплох.

— Ваш тан сказал, что вы остановитесь по меньшей мере на семь дней.

— Его неверно известили. Разумеется, я оплакиваю моего бедного пасынка Эдуарда и буду оплакивать до конца моих дней, — она театрально вздохнула, — но мне нужно поскорее вернуться домой, чтобы советом и заботой помочь живому сыну. Королю. Мне будет позволено увидеть Эдуарда сейчас?

— Н-но, — запинаясь, произнесла маленькая сестра Вульфгифу, чье лицо уже пошло красными пятнами, — вы ведь, конечно, пожелаете отдохнуть и подкрепиться после тяжелого путешествия?

Вид у нее был такой, словно она собиралась расплакаться. Эльфтрит, не понаслышке знакомая с хитросплетениями монашеской жизни, подумала, что бедняжку, пожалуй, накажут, если гостья откажется от приглашения. Это было бы хорошо. Королева по-матерински погладила монахиню по плечу.

— Нет, дорогая. Я хочу поскорее почтить память моего пасынка.

Аббатиса подняла бровь. Она явно не верила ни одному слову королевы. Поджав губы, женщина кивнула, слегка наклонив голову.

— Тогда следуйте за мной, ваше величество. Получая щедрые пожертвования от паломников, мы надеемся построить достойную усыпальницу, а пока благословенный Эдуард покоится в часовне. Идемте.

Эльфтрит почувствовала, как сильно заколотилось сердце. Конечно, это лишь следствие усталости, ничего больше. Подняв голову, она последовала за аббатисой. Проходя мимо кладбища, королева заметила занесенные снегом кучки камней и горки земли, несомненно, свидетельствовавшие о приготовлении к сооружению упомянутой усыпальницы. При виде этих трогательных жалких знаков людского почтения Эльфтрит облегченно вздохнула. Эдуард не был святым при жизни, и вся эта суета показалась ей глупой и наивной, а вовсе не грозной и опасной.

Они миновали жилье аббатисы и вышли к северной границе

владений, где и стояла церковь. Мозаичные окна по обе стороны от большой деревянной двери изображали ангелов, Христа и апостолов. Аббатиса открыла дверь и отступила, позволяя королеве войти первой. Оказавшись внутри, Эльфтрит повернулась, преграждая своей спутнице вход в неф.

— Уверена, что вы понимаете мое желание побыть одной, — сказала она. — В конце концов, он был моим бедным пасынком… — Ее голос дрогнул, в глазах блеснули притворные слезы.

Лицо аббатисы выразило сомнение, но она лишь пожала плечами:

— Как прикажете, ваше величество. Я пришлю сестру Вульфгифу, она подождет вас и проводит назад.

Эльфтрит сдержанно улыбнулась и закрыла дверь перед лицом аббатисы. Вздохнув, она покачала головой и осмотрелась. Окон было много, а потому внутри вполне хватало света даже в этот пасмурный день. К вечеру сестры зажгут свечи на алтаре и масло в лампадах. Милая церковь, решила Эльфтрит, если, конечно, кому-то это интересно.

Спеша покончить со своим делом и побыстрее удалиться, королева быстро прошла по нефу, слегка морщась от боли. Она не остановилась ни у алтаря, ни у хоров, где сидели во время молитвы сестры, но замерла возле молельни, о которой упомянула аббатиса.

Вот оно. Небольшой альков, в нем что-то наподобие стола, а на столе деревянный гроб, покрытый красивым, с вышивкой, покрывалом. В полоске света, струящегося из одного-единственного окна, кружатся золотистые пылинки.

И никакого намека на запах тлена.

Глядя на гроб, Эльфтрит не чувствовала ничего, кроме раздражения.

— Ты досаждал мне при жизни, — громко сказала она, и пустое помещение отозвалось слабым эхом, — досаждаешь и после смерти.

— Вы даже не представляете, как я вам досаждаю, дорогая мачеха, — прозвучал у нее за спиной странный гулкий голос.

Эльфтрит ощутила, как ей сдавило грудь. Она ахнула, подалась назад и едва не упала, потеряв равновесие. И почти сразу же на смену страху пришли злость и смущение. Голос принадлежал молодому человеку. Наверное, кто-то из послушников решил разыграть ее.

— Безмозглый идиот, — прохрипела она, ничуть не заботясь о том, чтобы проявлять сдержанность в святом месте. — Выходи из укрытия, и я накажу тебя должным образом. Узнаешь, как пугать королеву.

— Розги не помогут, госпожа, потому что вы не сможете прикоснуться ко мне, — сказал тот же голос. — Хотел бы я дотронуться до вас. Жаль, что нельзя взять нож, воткнуть его в ваше черное сердце и поворачивать, пока вы не умрете. Как умер я от руки вашего слуги.

У нее перехватило дыхание. Трюк. Это какой-то хитрый трюк. Какая-то девчонка или мальчишка… ее пытаются напугать и бьют наугад. Все присутствовавшие при убийстве давно исчезли. Остались только она сама, Анджело и Этельред. И все же…

— Такие обвинения отдают изменой, — пробормотала королева. Боль в груди стала невыносимой и, несмотря на сопротивление, заставила ее опуститься на холодный каменный пол. — Я любила Эдуарда.

— Вы любили своего сына. — Голос стал громче. — И я не виню вас за эту любовь. Я тоже любил того умного мальчика, каким он был тогда, и я знаю, что он не причастен к моей смерти. Его руки чисты, а вот ваши… Посмотрите! Видите кровь?

Эльфтрит невольно посмотрела на свои ладони. Разумеется, они были чисты. И тогда она поняла, что выдала себя. Тот, кто вел с ней эту страшную игру, взял верх.

— Кровь исчезла, а я нет.

Она подняла голову и вскрикнула.

Прямо перед ней стоял призрак убитого Эдуарда. Он выглядел точь-в-точь, как в ту далекую мартовскую ночь, если не считать, что все краски жизни поблекли. Та же одежда. Волосы подстрижены так же. Лицо искажено гневом. Странно, но именно это выражение гнева придало ей смелости.

— Ты не был святым при жизни, мой мальчик, — бросила королева. — Твои вспышки злости. Твое упрямство…

— Вы правы, — холодно согласился призрак и наклонился. — Я не был святым тогда и не являюсь им сейчас. Теперь я, дорогая мачеха, ваша личная пытка. Ваша мука. Ваше наказание. Вы убили меня. Вы сделали меня призраком. И я не покину вас ни днем, ни ночью. Ваша могила недалеко отсюда. Отвести вас туда?

Он шагнул вперед и немыслимым образом прошел через нее. Жуткий холод пробрал Эльфтрит до костей, и ее сердце едва не остановилось. Холод послесмертья…

Когда тепло снова расплылось по телу, королева рухнула на пол и расплакалась.

До ее ушей донесся смех Эдуарда.

— Плачьте, мачеха, плачьте. Плачьте сколько хотите, это вам не поможет. Показать вам еще раз, что такое смерть?

— Нет! — пронзительно вскрикнула Эльфтрит. — Нет, Эдуард! Пощади меня! Умоляю…

— Пощадить? — воскликнул Эдуард. — А как же нож? Обман? Убийство?

Ей удалось подняться. Преследуемая призраком, издевающимся над ее мольбами, она устремилась по проходу с криком: «Пощади! Пощади!»

Распахнув дверь, королева выскочила из церкви, глотая свежий воздух, споткнулась о порог и упала на землю.

— Ваше величество! — Сестра Вульфгифу подбежала к распростертой королеве и опустилась рядом с ней на колени. — Что с вами, ваше величество? Вы заболели?

Эльфтрит подняла голову. Призрак исчез, но ее лицо еще горело, а по щекам текли слезы.

— Спаси меня! — прохрипела несчастная женщина, хватая монахиню за рукав, как утопающий хватается за соломинку. — Спаси меня!

— Ваше величество… — Сестра Вульфгифу оглянулась, явно потрясенная поведением королевы.

— Молись за меня, дитя. — Одного вида ясного лица молодой монахини оказалось достаточно, чтобы немного успокоиться. — Молись за мою бессмертную душу. Ты хорошая, добрая, Господь услышит тебя.

Дыхание все еще не восстановилось, но боль в груди уже начала слабеть. Монахиня помогла королеве подняться и заботливо обняла за плечи.

— Вы увидели останки благословенного Эдуарда, вот и не выдержали, — рассудительно сказала Вульфгифу. — Такое случается со многими. Пойдемте, я приготовлю вам поесть и напою чаем.

Пока они шли к домику для гостей, королева пыталась понять слова призрака.

Ваша могила недалеко отсюда. Отвести вас туда?

Она застонала и замотала головой; монахиня, утешая, погладила ее по плечу.

Эльфтрит стало вдруг не по себе от недобрых мыслей по отношению к этому ребенку. А ведь монахиня была добра к ней, хотя и явно встревожена случившимся. И если уж на то пошло, подумав, решила королева, то и остальные сестры тоже были добры к ней. Даже аббатиса. Они, несомненно, будут молиться за нее, особенно если им хорошо заплатить. И может быть, святые услышат их голоса. Вмешаются и отвратят от нее страшное наказание.

Да она и сама могла бы стать монахиней. У нее два монастыря, в Эмсбери и Уэрвелле, отданные ей после смерти Эдгара. Она могла бы стать аббатисой. Это не так уж и трудно,

нужно лишь выучить правила, молитвы и покаяться. Если начать прямо сейчас творить богоугодные дела, то, возможно, у могилы ее не будет поджидать Анджело.

Она глубоко вздохнула, успокаивая себя. Надежда забрезжила на горизонте. У нее есть возможность избежать ужасной участи, предсказанной призраком Эдуарда. Нужно только не опускать рук. Эльфтрит всегда добивалась своей цели. Вечное блаженство не так уж недоступно.

— Скажи мне, дитя, как тебе живется в Шафтсбери?

Неподалеку от острова Танет

9 декабря 999 года

Восточная Англия. Эссекс. Миддлсекс. Оксфордшир. Кэмбриджшир. Хартфордшир. Бэкингемшир. Бедфордшир. Хантингдоншир. Нортхэмптоншир. Сассекс. Растинг. Сюррей. Беркшир. Хэмпшир. Уилшир. И вот теперь Кент и его жемчужина, Кентербери.

Локи потянулся, ежась от стылого ночного воздуха. Несколько дней назад прошел снег. Кристаллическая субстанция все еще покрывала землю, но сегодня вечером снега не было.

Он обратил лицо, приятное человеческое лицо, к лунному небу, затем скользнул взглядом по холодным, ярким звездам, мерцающим в необъятном черном море.

Люди были пьяны. В этом не было ничего особенного, они напивались почти каждый вечер. По утрам, протрезвев, брались за мечи и весла, и Локи не собирался лишать их тех удовольствий, которые они сами для себя избрали. До него донеслись звуки смеха и нестройного пения. Мило.

Под ногами заворочался Нагльфар.

Его команда призраков молчала. Все шло по плану.

Где-то вдалеке играл Ёрмунганд. После освобождения из плена он рос день ото дня, становясь все больше и больше. А Фенрир…

Локи опустил руку, и тут же в его теплую ладонь ткнулся холодный нос. Сыновний поцелуй. Локи погладил его по голове, потрепал мягкие серые уши.

— Все идет хорошо, отец, — сказал Фенрир. — Иона пал без сопротивления. Теперь даже Кентербери принадлежит нам.

Локи кивнул, снова переводя взгляд на луну. Ему вдруг стало грустно при мысли о том, что тощий волк Хати проглатывает ее за раз. С каждой победой, с каждым павшим городом и селом

приближался час Рагнарёка. Локи не чувствовал того удовольствия, которое приятно грело его на протяжении долгих-долгих лет, когда он лежал, страдая, в глубине земли. Тогда только мысль о мщении давала ему силы.

Теперь, найдя здесь, в Мидгарде, красивое, сильное человеческое тело, общаясь с людьми, наслаждаясь вкусом жареного мяса и сладкого вина, глядя на луну, он думал о том, что было бы неплохо, пусть ненадолго, отложить приход Рагнарёка. Хотя бы для того, чтобы увидеть еще несколько вот таких ясных зимних ночей, попить еще вина, поласкать чувствительными человеческими пальцами мех Фенрира.

Его внимание привлекло какое-то движение. Звезда скользнула по своду небес и пропала из виду. Локи напрягся. Еще немного, и падающие звезды уже не будут так далеки. Вскоре они начнут падать на землю, как сказал ему Анджело.

В шуме пьяного веселья что-то изменилось. Фенрир повернул голову, насторожился. Он тоже услышал что-то. Спустя несколько мгновений донесся негромкий плеск, это весла тревожили тихую гладь моря. Фенрир посмотрел на него и вильнул хвостом.

— Пусть выбор падет на меня, отец.

— Нет, сын. Анджело сказал мне, что случится, и я обещал исполнить его указания. Не бойся. Впереди еще много битв.

В глазах Фенрира вспыхнуло мягкое зеленое сияние. Блеснули белые клыки.

— Я жажду убивать, — тихо произнес он. — Похоже, эту жажду не утолить.

Конечно, это была лодка Торкелла. Из всех лишь он один отваживался подойти к Локи с моря. Другие старались держаться подальше от страшного Дракона Одинссона.

— У меня послание, о великий Одинссон, — сказал Торкелл.

Его лодка подошла к Нагльфару, и Локи с усмешкой отметил, как вздрогнул Торкелл, когда борт деревянного суденышка царапнули ногти мертвецов.

Он протянул клочок пергамента, и Локи, кивнув, взял послание. Плавный, легко узнаваемый почерк Анджело и всего два слова: «Убей его». Чего и следовало ожидать. Локи разжал пальцы, и послание медленно упало в воду. Он быстро шагнул в лодку Торкелла.

— Отвези меня к пленнику.

Немного погодя архиепископ Кентерберийский уже сидел в центре одного из кораблей. Альфеге, шестидесятилетний старик, с недавних пор стал костью в горле Анджело. Будучи членом Витана, он то и дело выступал против амбициозных планов королевского советника. Теперь викинги взяли архиепископа в

плен, что немало порадовало Анджело.

Локи, высокий, самоуверенный и гордый, внимательно посмотрел на пленника. Последние несколько недель старик провел в цепях, тогда как его тюремщики наслаждались всеми удовольствиями, которые мог предложить захваченный городок. Альфеге запретил своим людям платить за него выкуп, хотя, судя по всему, пользовался уважением и любовью многих и деньги для выкупа, причем в сумме, достаточной для удовлетворения даже самых жадных из подручных Торкелла, могли бы быть собраны. Для Локи и его людей архиепископ был очень ценной добычей. Что касается еще одного так называемого священника, аббата Эльмара, то он предал Альфеге и всех жителей Кентербери, спасая свою драгоценную шкуру.

— Упрямство, упрямство, — укоризненно произнес Локи. — Несколько фунтов могли бы вернуть вам свободу, ваша милость.

— Не оскверняй мое звание своими нечестивыми устами, язычник, — ответил архиепископ. — Я плюнул бы в тебя, если бы мог.

Один из стражей занес руку, собираясь ударить старика. Локи остановил его предостерегающим взглядом.

— Не сомневаюсь. Но ведь у вас пересохло во рту, не так ли? И в животе пусто? Запах жареного мяса, плеск волн, какая мука, а, ваша милость?

Альфеге опустил лысую голову и промолчал. Цепи негромко звякнули.

— А у нас был настоящий пир, — продолжал Локи. Корабли уже подтягивались, медленно окружая судно с пленником. — Вкусный у вас в Кентербери скот.

— Радуйся плодам этого мира, язычник, потому что в другом ты их уже не попробуешь, — сказал Альфеге.

Локи усмехнулся.

— Какая крепость веры. Такая уверенность в моей судьбе. Я — бог, дурак. Твой другой мир для меня просто не существует. У меня свой устав, у моих людей — свои традиции. Наберись мужества, старик. Другие просто погибали от моей руки. Ты станешь мучеником. Тебя сделают святым… если успеют. — Он повернулся к Торкеллу: — Пленник отказался платить. Полагаю, твоим людям не терпится излить злость.

Торкелл нанес первый удар. Рядом, на блюде, еще валялись остатки ужина. Он схватил кость и швырнул ее в закованного в цепи пленника. Она попала в шею, и архиепископ застонал, инстинктивно попытавшись поднять руки. Громкий хохот встретил этот безуспешный жест самозащиты, и тут же примеру Торкелла последовали другие. Кости, блюда, даже голова быка

полетели в несчастного Альфеге, тщетно пытавшегося увернуться от обрушившихся на него предметов. Локи смотрел на пьяных викингов, нашедших выход своей злобе в избиении беззащитного старика.

У них это считалось обычной забавой, сопутствовавшей обильному ужину. Локи не находил ее такой уж веселой. Ему вспомнились боги Эзира, швырявшие что попало в заколдованного Балдера. Неуязвимого Балдера.

Только предательство могло погубить его…

Локи скорчил гримасу и отвернулся, но взрыв пьяных голосов заставил его оглянуться. Торкелл, выкрикивая проклятия, прыгнул в лодку, в которой сидел пленник, занес над его головой огромный боевой топор и с силой опустил. Череп Альфеге развалился пополам, и толпа, увидев кровь, кости и мозг, взвыла от восторга.

— Отвези меня на Нагльфар, — сказал Локи и обратил свои думы к звездам и холодному свету луны.

ГЛАВА 17

Ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня.

Матфей, 25:35

Андредесвельд

Декабрь 999 года

Такой холодной воды, как в колодце незнакомки, Элвин еще не пробовал. Погрузившись в нее, он попытался задержать дыхание, и скоро его легкие уже горели. Что-то толкнуло юношу, словно необычайно сильная рука ухватила его за одежду и не желала отпускать. Один раз он рискнул открыть глаза, но ничего не увидел. Глазные яблоки едва не превратились в льдинки, и Элвин снова зажмурился.

Когда ему показалось, что легкие уже разрываются от нехватки воздуха, что ничего другого не остается, как выдохнуть и вобрать в себя ледяную воду, что-то изменилось. Его уже не тянуло, а толкало, точнее, выталкивало. Вспыхнувшая надежда придала сил. Элвин отдался этому влекущему порыву и, вырвавшись наконец на поверхность, отпустил Ровену и судорожно хватанул ртом воздух. Никогда еще этот воздух, чистый и свежий, не казался ему таким сладким.

Но вот холод никуда не исчез, сковывая движения. Элвин моргнул и, увидев совсем рядом, всего в нескольких ярдах от себя, берег, поплыл к нему. Вверху синело небо, теплые лучи солнца слепили глаза. Он оглянулся и с облегчением заметил, что все его спутники счастливо пережили это необычное путешествие. Наверное, в других, не столь плачевных обстоятельствах, Элвин рассмеялся бы при виде гордой Ровены и маленькой Рататоск, промокших насквозь и больше похожих на крыс, чем на кошку и белку. Неподалеку плыл к суше Валаам, а чуть дальше виднелась лошадь эльфов с вцепившейся в нее Кеннаг. Хозяйка Ключа сдержала слово и каким-то образом спасла кобылу и осла от преследователей, переправив их в безопасное место.

Только выбравшись на скользкий глинистый берег с

разбросанными там и сям камнями, Элвин понял: что-то не так. Усталый, ошеломленный, еще не успевший оправиться от страха, он не сразу обнаружил причину своего недоумения, а когда открыл рот, собираясь выразить это чувство словами, Кеннаг, стуча зубами, пробормотала:

— Л-лет-то!

И верно, они оказались не в продуваемой узкой долине, примыкавшей к закованному в лед озеру. Перед ними была усыпанная цветами лужайка. Элвин упал на зеленую мягкую траву, с глуповатым видом взирая на пчел и бабочек, деловито перелетавших с цветка на цветок. Деревья в полном зеленом убранстве, солнце, посылающее тепло и силу…

Животные вылезли из озера и отряхивались. Капли разлетались во все стороны. Кеннаг сползла с лошади и попыталась размять окоченевшие члены, но едва устояла, и то лишь потому, что ухватилась за шею своей лошадки. Элвин заметил, что ожоги на ее лице исчезли. Воды Кровавого Ключа оказались и вправду целебными.

— Это… это страна эльфов? — нервно спросил Элвин. — Ты говорила, что у них времена года наоборот.

Кеннаг уже почти не дрожала. Она растирала руки. Ее многоцветное, пестрое платье облепило стройную, крепкую фигуру, бесстыже подчеркивая каждый изгиб, каждую выпуклость. Несмотря на все еще сидящий в костях холод, Элвину вдруг стало жарко. Он отвернулся. Когда-то ему хотелось проклясть Кеннаг только за то, что она обладает этим телом, этим соблазнительным, влекущим к себе сокровищем. Теперь он знал, что, если мокрая одежда облегает ее тело, в этом нет ее вины.

— Не думаю, — сказала Кеннаг. — Кровавый Ключ был, вероятно, воротами куда-то еще. — Она, прищурившись, взглянула на солнце. — Солнце слишком яркое, слишком реальное.

— Госпожа права, — раздался чей-то голос.

Из гущи леса вышли трое, двое мужчин и женщина. Каждый нес что-то, завернутое в тряпицу. Узнав коричневые рясы, Элвин понял, что мужчины — монахи. Но тонзур он не заметил. На женщине тоже была ряса, а длинные светлые волосы оставались непокрытыми. Говорила она.

— Как и вы оба, мы вышли из лона женщины, — продолжала женщина. У нее было милое лицо, теплый и радушный голос. — Вы замерзли, придя из внешнего мира, и мы принесли вам теплую и сухую одежду.

— Кто вы? — спросил Элвин, когда мужчины приблизились к нему, а женщина направилась к Кеннаг.

Братья — пожилой, с почти белыми волосами, и молодой, темноволосый — обменялись улыбками.

— Мы живем здесь. Ты не замерз, брат Элвин? У нас одежда, которая удобна и знакома тебе, а Ардит позаботится о Кеннаг.

Элвин все еще дрожал, а потому, отложив дальнейшие расспросы, поспешил натянуть теплую, сухую, удивительно мягкую одежду, принесенную братьями. Они также предложили ему блюдо с фруктами. Юноша взял яблоко и только тут понял, что проголодался. Оно оказалось сладким и хрустящим.

Кеннаг тоже переоделась в монашеское одеяние, но на ней оно смотрелось совсем не так, как на юном монахе. Улыбаясь, она болтала о чем-то со светловолосой женщиной, Ардит, как со старой знакомой, вытирая при этом свои длинные рыжие волосы. Хотя незнакомцы и уходили от вопросов, Элвин не испытывал ни малейшей настороженности.

Доев яблоко, он подошел к Валааму, заботливо погладил по влажной спине и предложил сердцевину фрукта. Осел с аппетитом захрумкал.

— Ну, как ты? — спросил Элвин, переводя взгляд на Ровену, сидевшую на спине Валаама.

— Здесь теплее, — ответила кошка, вылизывая взъерошенную шерсть.

Рататоск, успевшая забраться на дерево, выглянула из-за ветки.

— Не знаю, где мы, — сообщила она. — Вокруг, куда ни глянь, только деревья.

— Вы в Большом Лесу, Андредесвельде, — сказал старший из монахов, словно в ответ на замечание Рататоск. Но не мог же он понимать, о чем говорит белка… или мог? — Пойдемте, наша церковь недалеко отсюда.

— Я не пойду, пока не узнаю, кто вы, — возразила Кеннаг, слегка покраснев от смущения и без обычного для нее упорства. — Простите, но… недавно со мной случилась неприятность из-за того, что я поверила незнакомцу.

Старший из братьев улыбнулся.

— Но ведь вас прислала хозяйка ключа? Вы попали сюда по ее священным водам. Ей вы доверяете?

Кеннаг неуверенно пожала плечами:

— Да…

Ардит обняла ее за плечи.

— Вы устали и голодны, а здесь можно отдохнуть и набраться сил. Здесь нет ничего, что навредило бы вам. Решайте сами, доверяете вы нам или нет. Если пожелаете уйти, мы не станем вас задерживать. — Ее глаза озорно блеснули. — Но только не

отпустим, не обеспечив пищей, водой и теплыми одеялами.

Кеннаг взглянула на Элвина. Им не понадобились слова. Она улыбнулась, и он кивнул.

* * *

Халиг объяснил, что место, куда их ведут, называется церковью Достоинства. Она находилась на небольшой вырубке в гуще древнего Большого Леса, давным-давно приютившего маленькую общину людей, называвших себя Племенем. Элвин не знал, что и думать. Зачем нужна церковь в лесу? Это же бессмысленно — кто в нее будет ходить? Тем не менее они послушно следовали за Халигом, Рандом и Ардит по едва заметной тропинке, вьющейся между деревьями и исчезающей в сумрачной чаще.

Наконец деревья расступились, и они оказались на поляне. В середине ее горел костер, и запахи, поднимавшиеся из висящего над огнем котла, щекотали ноздри усталым спутникам. Вокруг костра стояло несколько хижин. Мужчины и женщины, все в коричневых рясах, занимались своими делами. При виде появившихся из леса гостей они радушно заулыбались. Элвин заметил, что жители деревни энергичны, здоровы и жизнерадостны.

— Какие прекрасные люди, — тихонько шепнула Кеннаг. — В жизни таких не видела.

— На нас пало благословение, — сказал черноволосый юноша, которого звали Ранд. — Наша община не страдает от болезней или немощей. Мы рождаемся крепкими и здоровыми, живем, не зная хворей, и умираем в преклонном возрасте. Нам известно, что за пределами нашего леса происходят изменения: то, что называется снегом и зимой. Здесь меняются лишь солнце и дождь. Фрукты всегда сладки, а земля дает зерно для хлеба.

— А животные сами приходят, чтобы положить голову под нож и обеспечить вас мясом к обеду? — скептически спросила Кеннаг, и хотя Элвин не мог одобрить ее иронии, он все же едва удержался от улыбки.

Старший из мужчин, Халиг, рассмеялся.

— Нет, Кеннаг. Мы не едим мяса животных. Они знают, что в пределах Вельда им некого опасаться.

— Очень цивилизованно, — одобрительно пискнула Рататоск, прыгавшая с ветки на ветку над их головами.

— Ха. Я бы сказала — примитивно. Ничто так не укрепляет веру в справедливость мироустройства, как вкусная белка, —

сказала Ровена, все же заметно расслабившись.

К своему удивлению и удовольствию, Элвин успел обнаружить, что кошка постоянно поддразнивает грызуна, делает это добродушно и беззлобно, а белка реагирует на ее шутки с преувеличенной серьезностью. Заключенное по необходимости перемирие переросло в дружбу, трогавшую своей простотой и бескорыстностью.

— Где ваша церковь и могу ли я встретиться с вашим священником? — вежливо осведомился Элвин.

Ардит, Ранд и Халиг с улыбкой посмотрели друг на друга. Потом Ардит, пожалев гостя, ласково погладила его по плечу.

— Сюда, брат Элвин.

Она кивком пригласила его следовать за собой и направилась в лес. Через несколько мгновений они вышли на другую поляну.

— Вот она, — спокойно сказала Ардит, и Элвин невольно ахнул.

Он смутился, когда братья упомянули о церкви. Зачем нужна церковь в лесу, вдалеке от городов и деревень? Новые знакомые показались ему группой отшельников, нашедших покой посреди древнего леса и называющих место поклонения «церковью» лишь по укоренившейся привычке. Но то, что гордо стояло перед ним, действительно было настоящей церковью, одной из самых красивых, которые ему приходилось видеть. Конечно, аббатство Гластонбери производило более внушительное впечатление, а монастырь святого Эйдана занимал в его сердце особое место, на которое не мог претендовать ни один другой Божий дом, но все же…

Сооруженная из камня, эта затерянная в лесной глуши церковь казалась одновременно и немыслимо древней, стоящей здесь с незапамятных времен, и необыкновенно живой, построенной только вчера. Она имела вполне стандартную форму распятия, что делало ее до боли привычной и знакомой. В длину церковь достигала, на взгляд Элвина, примерно тридцати ярдов. Два трансепта, похожих на поперечину креста, раскинулись ярдов на двадцать пять. Это уже не какая-то лесная церквушка.

— Она… она прекрасна, — прошептал Элвин и поймал себя на том, что употребленное им слово прискорбно неадекватно выражает его чувства. — Но как… где…

— Пришло время принимать пищу, брат, — сказала Ардит. — Давай вернемся. Мы покормим вас, а потом расскажем, кто мы такие.

* * *

День выдался теплый и солнечный. Полдень уже миновал, стояла приятная, расслабляющая тишина, и лишь монотонное, ленивое жужжание насекомых нарушало ее, снова и снова заставляя Кеннаг удивленно озираться по сторонам. Насекомые в декабре? Странно.

Мяса в рагу, как и предупреждал Халиг, не оказалось, но это ничуть не огорчило Элвина и Кеннаг, жадно набросившихся на еду. Грибы были невероятно вкусными. Бобы, горошек, корнеплоды и различная зелень придавали блюду свой особый вкус. Кеннаг с благодарностью приняла предложенную добавку и с удовольствием взяла еще свежего хрустящего ржаного хлеба, густо намазанного маслом. Она уже не помнила, когда ела с таким аппетитом, и знала, что дело тут не только в чувстве голода. Казалось, все ее чувства необыкновенно обострились.

Как обычно, Ровена и Рататоск отправились по своим делам. Валаам и кобыла оказались вместе с тремя коровами и двумя козами Племени. Ни лошадей, ни ослов здесь не было.

— Все, что нам нужно, находится поблизости, — сказала Ардит. — Зачем ездить на животных?

С такой логикой спорить было невозможно. Закончив вторую чашку превосходного овощного рагу, Кеннаг подумала о том, что уже давно не видела Недди. Точнее, после Гластонбери. Интересно, сможет ли он найти их и все ли у него в порядке?

— Вы очень гостеприимны, — сказал Элвин. Кеннаг заметила, что он тоже не удовольствовался одной чашкой рагу и доедает третий кусочек хлеба. — Надеюсь, наши вопросы не покажутся вам чересчур нескромными. А мы расскажем о своей миссии и, возможно…

— Мы знаем о ней, брат Элвин, — заметил Халиг, глядя на юного монаха добрыми карими глазами. — Если бы мы не знали, вы никогда бы не вынырнули из нашего озера.

Кеннаг вдруг почувствовала легкое раздражение от того, что эти люди постоянно прикрываются загадочными фразами. Хотя Племя отнеслось к ним с добротой и радушием, ее одолевало нетерпение. Поставив чашку, она посмотрела Халигу в глаза.

— Спасибо, вы очень добры, и все было вкусно. Мы благодарны вам. Но если вам известно о нашей задаче, то вы должны понимать, что мы испытали немало страха, устали, преодолели трудности, а конца путешествию не видно. Да и надежды на успех почти нет.

— Кеннаг! — укоризненно произнес Элвин.

— Помолчи. Дай мне закончить. Мы, два человека, осел, лошадь, кошка, белка и иногда появляющийся призрак, пытаемся совершить нечто столь трудное, что не по силам даже эльфам и

ангелам. Я побывала в тюрьме, за мной гналась богиня Нижнего Мира со сворой жутких псов, мне пришлось нырять в ледяную воду. Элвину досталось не меньше. Мы говорили со многими людьми, от королей до аббатов и епископов, с эльфами, но Знамения открываются одно за другим, а мы лишь стоим и смотрим и ничего не можем предпринять. Да, хозяйка Кровавого Ключа послала нас сюда. Но зачем? Что вы можете сделать для нас?

Краем глаза она видела изумленно вытаращившегося на нее Элвина. Ровена и Рататоск, успевшие вернуться, тоже были поражены ее несдержанностью.

Кеннаг почувствовала, как потеплели от прилившей к ним крови щеки, но не отвела взгляд. Старик медленно кивнул, улыбнулся и рассмеялся.

— Благословенный Спаситель! Теперь я понимаю, почему выбрали именно вас! Элвин мягок, мудр и смел, хотя и не сознает своей смелости, но ты, Кеннаг ник Битаг, ты необходима ему. Ты должна подталкивать его, когда он колеблется. И ты права… — Улыбка на его лице погасла. — От вас действительно требуется то, что не под силу никому — ни смертному, ни бессмертному. Но вы не одиноки. Мы будем сражаться вместе с вами.

Кеннаг моргнула.

— Не сочтите за неуважение, но, на мой взгляд, вы… слишком миролюбивые люди.

— Мы — Племя. Возможно, тебе незнакомо то, что передавалось как легенда, но полагаю, брат Элвин знает об этом кое-что. — Он повернулся к монаху: — Разве ты не слышал о потерянных коленах Израилевых?

Лицо Элвина стало белым как мел.

— Слышал, — выдохнул он. — Боже… так это вы?

— Мы одно из колен, — подтвердил Халиг. — Есть и другие, такие же как мы, разбросанные по земле. Мы живем в этом лесу, в вашем мире и времени и одновременно вне их. Когда наступит последняя битва между силами Тьмы и силами Света, тогда мы все так же возжаждем уничтожения зла, как сейчас сторонимся насилия. И эта битва уже близка.

Кеннаг кивнула. Ей с детства рассказывали сказки о дремлющих героях, о великих битвах, о людях, которые больше, чем просто люди. Взглянув на Элвина, она поняла, что на него предсказание Халига подействовало куда сильнее, хотя именно его вера и поддерживала этот мир.

— Но она уже началась, — пробормотал он. — Мы с Кеннаг…

— Вы Свидетели, вестники события, — перебила его Ардит. — И вам поручено остановить его, потому что время еще

не пришло. Мы молимся за ваш успех. У нас нет никакого желания вести эту битву дважды. Вы — скорые лазутчики во вражеском стане, или носители важного послания. Мы — солдаты, и настоящее сражение еще не началось.

— Тогда помогите нам. Можете? — импульсивно спросила Кеннаг. Ровена взобралась ей на колени и свернулась калачиком. — Мы знаем, что должны предотвратить конец света, и ищем совета у тех, кто представляется мудрым. Вы, похоже, что-то знаете. Что нам делать? Как остановить Знамения?

Лицо Ардит выразило сострадание, и голос ее, когда она заговорила, прозвучал очень мягко.

— Все, что вам нужно знать, вы уже знаете. Ищите ответ сердцем и умом. Мы не можем дать вам совет, но можем предоставить место, где можно подумать, и возможность отдохнуть. — Она оглядела поляну, деревья, посмотрела на небо. — Это священное место, это лес вне времени. Он поможет вам привести в порядок мысли, успокоиться, унять смятение. Пойдемте, посмотрим церковь. Ваше путешествие начнется там.

Кеннаг и Элвин послушно поднялись и последовали за Ардит, Рандом и Халигом по тропинке через лес. Отведя низко свисавшие ветки, Кеннаг вышла на поляну и замерла, изумленно глядя на церковь.

Ранд потянул на себя тяжелую деревянную дверь. Кеннаг первой осторожно вошла внутрь, остальные шагнули за ней. Дверь закрылась. Внутри стало прохладнее и темнее, и Кеннаг прищурилась, вглядываясь в темноту. Несмотря на резкий контраст сумрака и яркого дня, она не чувствовала себя в западне, в ловушке, как тогда, когда оказалась в темной церквушке в Гленнсиде. Здесь ничего не давило, не стесняло, не угнетало. Кто бы ни были эти люди, они явно знали толк в магии, и откуда бы ни шла эта магия — от христианского Бога, от великих богов и богинь язычников или от самой земли, — она несла заботу и здоровье.

Ее взгляд остановился на алтаре, и Кеннаг напряглась. Ноздри дрогнули, дыхание участилось.

— Кеннаг?

Элвин сразу узнал знакомые признаки транса. Он не стал дотрагиваться до нее, не стал пытаться вывести из оцепенения, а только подошел ближе. Я здесь, мысленно сказал он. Ты в безопасности. Она ощутила его присутствие — тепло, поддержку, близость.

* * *

Под резным деревянным алтарем толпились десятки привидений, точнее… духов. Освобожденных от бренной оболочки дуги, получивших при жизни серьезные раны. Но страдали они не от мук, а… может, от нетерпения?

Она присмотрелась к ним внимательнее: юноша, из тела которого торчали стрелы; старик с рассеченным животом; хрупкая девушка с тонкой кровавой полосой поперек шеи…

— О Господи! — Они протягивали руки к какому-то существу, которого Кеннаг не видела. — Как долго, владыка? Сколько еще нам ждать суда твоего над обитателями земли и мщения за кровь нашу?

Внезапно их одеяния изменились. Мужчины и женщины предстали в белых хламидах, а из ниоткуда зазвучал голос, пробравший Кеннаг до костей.

— Еще немного, пока число мучеников не будет полным. Крепитесь, он идет, последний мученик этого века!

И он появился, этот последний. Он плыл к ним по воздуху. Ужасно израненное тело, перебитые кости, страшная рана на голове — череп расколот пополам, — но, несмотря на это, его лицо выражало радость. Залитые кровью одеяния священника превратились в белые одежды, какие уже были на других, и раны его затянулись. Он повернулся к Кеннаг — лицо не несло следов ран — и улыбнулся. Все они, мужчины и женщины, умершие за веру, вознеслись на небеса под звуки пения, столь мощного, что Кеннаг вцепилась в уши, раздирая их до крови — не должно смертному слышать такую песнь и…

* * *

— Кеннаг, прекрати! Ты изуродуешь себя!

Она отбивалась от них, извиваясь и крича:

— Нет, нет! Я не могу это слышать! Не могу!

Наконец глаза ее открылись, и с губ сорвался вздох облегчения.

Элвин нежно обнял Кеннаг. Погладил ее по голове.

— Бедные уши, — пробормотал он и осторожно дотронулся до одного.

Женщина скривилась от боли.

— Эта песнь… я не могла ее слышать…

— Такое пение не для твоих ушей, — неожиданно сказала Ардит.

Кеннаг удивленно посмотрела на нее.

— Ты… ты тоже слышала?

Все трое кивнули и опустились рядом с ней на холодный каменный пол.

— У Кеннаг дар Второго Зрения, — объяснил Элвин. — Что ты видела на этот раз? То есть если, конечно, хочешь рассказать.

Она устало улыбнулась, вспомнив, каким увидела его в первый раз у входа в замок короля Этельреда в Калне — бледным, испуганным, но решительным. С тех пор юноша сильно изменился. Тогда она презрительно назвала его монашком-калекой, о чем не раз впоследствии пожалела. Вряд ли кто-либо из солдат короля сумел бы выстоять в испытаниях, выпавших на долю Элвина во время этого нелегкого путешествия. Странно, почему она раньше не замечала, какое милое у него лицо.

— Я смотрела на алтарь, — начала Кеннаг, показывая окровавленным пальцем. — Просто смотрела, думая о том, какое хорошее место для церкви, и вдруг увидела духов под алтарем. Все они при жизни погибли самым жутким образом и жаловались, что устали ждать. И им ответил… голос. Он сказал, что число еще не полно. Потом к ним присоединился еще один дух, одновременно ужасный и прекрасный. Мне показалось, что он счастлив, хотя, похоже, ему разрубили голову. И тут все запели, а я, наверное, не должна была это слышать и попыталась заткнуть уши.

Лицо Элвина посерело.

— Пятая Печать, «…под жертвенником души убиенных за слово Божие…» — Он пробормотал еще что-то себе под нос. — Если бы узнать, кто он, этот последний мученик, заполнивший число! Если бы мы могли спасти его, остановить все это!

Вскочив на ноги, Элвин бросился к двери. Кеннаг тоже попыталась подняться и последовать за ним, но Ардит удержала ее, взяв за руку.

— Тебе нужно отдохнуть, дитя, а Элвину требуется побыть одному. Прежде чем уйти, вам обоим нужно что-то понять, а такое понимание приходит в уединении.

— Ты говоришь загадками, — запротестовала Кеннаг. У нее разболелась голова.

— Ответы — вот загадки, — ответила Ардит.

Что она имела в виду, Кеннаг не имела ни малейшего представления.

* * *

Элвин выскочил из церкви, не замечая окружающей его красоты, и устремился в гущу леса. Издалека доносились раскаты

грома, предвещая скорый дождь. Ему было все равно. Какая разница, будет тепло или холодно, сухо или сыро, если он так позорно оплошал. И как ему могло прийти в голову, что он способен перехитрить самого изобретательного врага Бога? Он, жалкий, глупый, ничтожный человечишка, способный только сидеть под защитой монастырских стен и выводить пером аккуратные буквы.

Выпусти меня в мир, и я потерплю неудачу, сердито подумал он. Мне нельзя доверять. Я ни на что не гожусь, как всегда и говорили.

Прорезавшая внезапно потемневшее небо яркая вспышка едва не ослепила Элвина, а вслед за молнией прогремел раскатистый гром. Небеса разверзлись, и сверху упали первые капли.

Впереди, немного левее, лес начал редеть, и Элвин различил очертания холма за серой стеной ливня. Он прибавил шагу, надеясь найти какое-нибудь убежище, и приятно удивился, заметив сухую неглубокую пещеру. Укрывшись от низвергающихся с небес потоков воды, Элвин поблагодарил Господа за своевременную помощь.

Дождь лил. Элвин уселся на землю и вытер лицо мокрой ладонью. Перед входом в пещеру мелькнула какая-то фигурка.

— Кеннаг! Тебе нужно было остаться в церкви. Ты же едва успела высохнуть после купания в озере.

Она усмехнулась и тоже вытерла лицо.

— Знаю. Но не могла допустить, чтобы ты вот так убегал.

Некоторое время оба молчали, глядя на дождь. Элвин поежился, и Кеннаг неожиданно оказалась рядом.

— Вот. — Она распахнула плащ. — Давай согреем друг друга.

Он был рад теплу, но, как и прежде, хотел бы получить его из другого источника. Тело Кеннаг представлялось ему слишком большим соблазном. Элвин попытался отвлечься.

— Мы ничего не сделаем, да? — спросила Кеннаг, глядя на него со страхом и отчаянием. — Да и как мы можем? Два человека, разве по силам им остановить существо, почти равное силой Богу? Мы даже не знаем, что делать.

У юноши было тяжело на сердце. Слова ее звучали эхом его собственных мрачных мыслей. Если и Кеннаг тоже чувствует безнадежность их усилий, то зачем тогда стараться?

— Мы не можем сдаться, — сказал Элвин, убеждая не столько ее, сколько себя.

— Почему? — Лицо Кеннаг было совсем близко. — Элвин, подумай! Мир идет к концу! Мы все умрем или будем жить в вечных муках! Давай возьмем немного счастья! Сейчас, пока еще не поздно! Немного тепла, немного удовольствия — что в этом

плохого, когда мы не знаем, что нас ждет?

Ее ладонь легла на его влажную щеку, зеленые глаза ждали ответа. Внезапно, к совершенному изумлению Элвина, она обвила его руками и притянула к себе.

ГЛАВА 18

Видел я нечестивца грозного, расширявшегося, подобно укоренившемуся многоветвистому дереву.

Псалтирь, 36:35

Замок короля Этельреда

Кингстон

18 декабря 999 года

— Эльфтрит… сделала… что?

Голос Анджело звучал, как обычно, мягко и музыкально, но внутри уже полыхала битва внезапно вспыхнувших изумления и ярости.

Улыбчивое лицо Этельреда чуть ли не сияло от удовольствия.

— Она решила уйти в монастырь, — весело повторил он. — Ну разве не чудесно! Теперь никто не сможет ни в чем ее обвинить. И ее добровольная жертва, отказ от всех мирских благ, которыми пользуются матери королей — конечно, такое решение заслуживает милости Божьей!

— Конечно, — раздраженно повторил Анджело.

О чем думает эта женщина? Что случилось с ней в Шафтсбери? Эльфтрит, отправившаяся в аббатство, была корыстна и жадна, как только может быть корыстен и жаден смертный. Вовлеченная в убийство, она все эти годы казалась вполне довольной собой. Что же произошло? Почему королева вдруг так изменилась?

Разумеется, он мог это выяснить. Достаточно лишь послать в Уэрвелл одного из слуг, но, пожалуй, в данный момент Эльфтрит не стоит и таких усилий. Когда-то от нее была польза. Сейчас уже нет. Потом, когда его цель будет достигнута, у него появится время, чтобы разобраться с этой изменницей. А пока надо воспользоваться удобным моментом.

— Бог будет на нашей стороне, — подходя к Этельреду, сказал Анджело. — Я это чувствую. Я это знаю.

Этельред доверчиво посмотрел в глаза Анджело. Шаг за

шагом движимый соблазном король все дальше уходил от того Бога, которого так любил. Еще несколько Знамений и… надо поторапливаться, потому что год уже на исходе.

— Год близится к завершению. — Теплое и нежное, как летний ветерок, дыхание Анджело коснулось лица Этельреда. — Он придет, чтобы предать суду все человечество. Мы готовы выступить против императора, готовы завоевать корону, которую вы сможете преподнести Господу нашему, когда Он придет и спросит.

— Не знаю, — неуверенно сказал Этельред и отвернулся, разрушая контакт. — Что-то здесь не так. Убиение предателей, ослепление детей… Разве Бог может хотеть этого?

Анджело покачал головой.

— «Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя», — процитировал Анджело, — «ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввергнуто в геенну. И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя». — Он вздохнул. — До сих пор, ваше величество, вы поступали правильно. Вы избавили тело — страну и королевство — от скверны.

Этельред по-прежнему не смотрел на него.

— Ох, Анджело, — произнес он вдруг голосом удивительно зрелого и уставшего от жизни человека, — когда ты говоришь мне это, все звучит правильно. И когда я делаю то, что надо, то не чувствую сомнений. Но по ночам, когда я лежу с женой и думаю о наших детях, о заповеди Христа любить друг друга, как Он любил нас… тогда и ты, и твои мудрые советы кажутся мне такими далекими.

Так можно потерять и Этельреда. Страх внутри Анджело расправил крылья. Он ничего не знал об этих мыслях короля, а должен был знать.

Упав на колени, советник ухватился за край монаршего одеяния.

— Ваше величество, если вы думаете, что мои советы плохи и негодны, тогда все ясно. — Слезы подступили к глазам, и когда они поползли по щекам, он обратил лицо к королю. — Прогоните меня, если считаете, что я предал вас, убейте!

— Нет! — Ужас исказил приятное лицо Этельреда, и он, поспешно наклонившись, заставил советника подняться на ноги. — Нет, Анджело, твои советы здравы!

— Нет, ваше величество, — твердо заявил Анджело. — Если из-за меня вам не спится, то тогда… — он сглотнул и покачал головой, — тогда я плохо влияю на вас. Очень жаль. Простите. Я думал лишь о том, чтобы направлять вас и, осмелюсь сказать,

даже любить вас, как может любить господина добрый слуга. Теперь я вижу, что мне это не удалось.

— Анджело, нет! — воскликнул Этельред, в отчаянии вскидывая руки. Невероятное волнение овладело им — он то хватал советника за плечи, то дотрагивался до его лица. — Ты единственный, кому я могу полностью доверять! Это лишь моя собственная слабость и недостаток веры, это из-за них я плохо сплю. Правда. Не говори больше об изгнании и смерти. Скорее я перережу горло себе, чем тебе.

Анджело пытливо всматривался в глаза кроля. Неуверенная улыбка тронула его полные губы, он схватил руку Этельреда и с жаром поцеловал ее.

— Мой король… Мой возлюбленный король. Я всегда буду руководить вами, полагаясь на мудрость и рассудительность.

Что ж, риск был велик, но теперь Анджело знал, что нужно делать. У одного из демонов появится новая задача: садиться ночью на грудь королю и направлять сны на завоевания, победы, внушать убеждение в глубоком смысле всего, что он делает.

Вот с обсуждением плана низвержения Отгона с императорского трона можно и повременить. Голова Этельреда забита другим; не стоит посвящать короля в этот аспект стратегического замысла. Организовать несчастный случай или убийство не так уж сложно. При дворе Отгона немало таких, кто пьет из предложенной Анджело чаши искушения. Даже Папа Римский Сильвестр III, в миру Жебер д'Орильяк, наставник юного Отгона, возжелал мирской силы. Многие считали Папу Антихристом. Они ошибались. Эту роль играл Локи. И все же Папа у Анджело в кармане. А Отгон доверяет старому другу и учителю. Некоторые вещи восхитительно просты. Ему нужно сконцентрироваться и продолжать вливать яд в мысли Этельреда.

— Я цитировал Библию и упоминал правую руку. Ваше величество, ваша правая рука, Витан, соблазняет вас. Он кишит предателями. Элфрик, Вульфстан, Эльмар… Из них я доверял только одному, покойному архиепископу Кентерберийскому. — Он опустил голову и перекрестился. — Да упокоит Господь его душу.

Этельред выжидающе смотрел на него. Анджело выпрямился и резко произнес:

— Распустите его, ваше величество.

— Что? Я не могу…

— Враг наступает на нас со всех сторон! — воскликнул советник. — От Ионы до Лондона! Невозможно полагаться на мнение людей, которым нельзя доверять.

Король застонал и отвернулся. Покачал головой и бросился в

кресло у камина. Некоторое время он молча смотрел на танцующее пламя.

— Знаешь ли ты, Анджело, что я не жду Судного Дня? Знаю, это богохульство, но, откровенно говоря, мне страшно. Не уверен, что смогу предстать перед Господом и ответить за то, что сделал.

Опустившись на колени, Анджело взял короля за руку.

— Ваше величество, — мягко проворковал он. — Вы вели праведную войну с теми, кто убивал ваших людей и проклинал нашего Бога. Все, что вы делали, вы делали ради защиты народа и Господа. В этом и состоит праведность.

Взгляд Этельреда затуманился.

— Надеюсь, ты прав, Анджело. Если все это время мы воевали на другой стороне… — Он покачал головой.

Анджело с трудом сдержал радость. Один небольшой разговор, и отличные результаты. Доверие короля к нему укрепилось, а Витан, единственный орган, доносящий до Этельреда правду, будет распущен.

Теперь ничто не могло его остановить.

Ночью, оставшись один в комнате, он призвал Хель. Ее лицо возникло в пламени жаровни, отбрасывавшем оранжевые, черные, красные и желтые блики.

— Что случилось? — резко спросил Анджело.

Он проследил за надоедливыми Свидетелями до Гластонбери, но потом они просто исчезли, то есть сделали то, что казалось ему невозможным.

Ее милое лицо колебалось в неверном свете.

— Как ты и сказал, я обнаружила их в Гластонбери. Я поговорила с твоим другом Гвин ап Нуддом, пообещавшим мне помощь. Тебе следует выбирать более умелых союзников, Анджело.

— Я так и сделаю. Ты стала моей ошибкой. Твой отец и твои близкие никогда меня не подводили. Возможно, в вашем семействе мозги есть только у мужчин.

Она нахмурилась.

— Мне удалось схватить женщину. Мужчину тоже удалось бы заманить, если бы не его приятели. Я бросилась в погоню. У Гвина отличные псы, а Гарм никогда не теряет след добычи. Может быть, Свидетели не так уж и умны сами по себе, но друзей, похоже, они выбирают лучше.

Она рассказала о ходе схватки и о том, как Свидетели спаслись, уйдя через колодец.

Анджело пришел в ярость. Зная, что смертные его не услышат, он откинул голову, открыл рот и издал злобный крик. Потом, не прекращая выть, схватил раскаленную жаровню.

— Они были у тебя в руках! Были у тебя в руках! И ты их упустила!

Хель не была его подданной, а лишь союзницей. Его гнев не причинил ей никакого вреда, в отличие от Молоха и других, находившихся непосредственно под его командованием. Она лишь смотрела на него со все возрастающим презрением. Сделав над собой усилие, Анджело успокоился.

— Как бы ни сложились обстоятельства, ты не можешь отрицать, что не справилась с поручением, — холодно сказал он. — Тебе нужно найти их. Где они?

— Не знаю, — сдержанно ответила она. — Они прыгнули в колодец и исчезли.

— Не могли же они просто утонуть, — буркнул себе под нос Анджело. — Она бы их спасла, а я бы почувствовал. Где-то… Но где?

Давным-давно, подняв то злополучное восстание против своих братьев, он получил в свое распоряжение этот мир, в котором обитало человечество, его враг. Он был князем этого мира. Ему принадлежало все. Он мог войти куда угодно, мог заглянуть в глубины океана, мог вступить в самую священную церковь. Этот мир был его царством, доступным ему до самого дальнего уголка.

Нужно было самому отправиться за ними. Теперь он это понимал. Очевидно, он недооценил смертных. Поэтому и послал за ними Хель и ее псов. Свидетели не должны были ускользнуть от погони.

Но им это удалось, и теперь они в каком-то ином месте, не на земле, с которой он знаком. Проклятие на них обоих! Кто бы мог подумать, что люди способны на такое?

— Анджело?

В голосе Хель послышалось раздражение, но он не обратил на нее внимания, думая о своем.

— Рано или поздно они выйдут из своего укрытия, и тогда я их найду. Займусь ими сам. А ты вскоре получишь другое, более привычное тебе задание.

Хель открыла рот, собираясь ответить, но он оборвал связь. Лицо исчезло, угли и пламя снова стали просто углями и пламенем. Повернувшись к окну, Анджело открыл ставни. Хлынувший снаружи холодный воздух заставил его поежиться — человеческое тело имело свои недостатки.

Он был князем, повелителем этого мира, а также окружающих его тел. Солнце, луна, звезды повиновались ему. Прежде он никогда не принуждал их к чему-либо — в этом не было необходимости, и надо признать, ему нравилось, как шла

игра в последние столетия. Но сейчас пришло время явить Знамения.

Он снова перечислил их в уме и отдал приказ.

* * *

Впервые с момента создания небесные тела замерли.

Зов прозвучал, и они подчинились.

Куски мусора, бесцельно кружившие в необъятной тьме небес, обрели новые траектории движения. Глыбы камня и льда остановились, нацелились и устремились к голубой сфере, третьей от Солнца.

Солнце тоже получило указание и, уйдя с назначенного ему места, медленно двинулось к тому же шару. Мишенью, притягивающей принадлежащие Врагу солнце, лед и камень, стало место, где обитали любимые творения Бога.

Получила приказ и сама Земля. В глубине ее расплавленного ядра началось брожение. Оболочка ядра треснула, и жидкий огонь пополз вверх по этим трещинам.

Ядовитые языки вырвались на поверхность, отравив треть чистых вод. В колодцах забурлила черная жидкость, реки стали красными. Эльфы, обитавшие у водоемов, задыхались и умирали. Погибали и люди, имевшие глупость наполнить свои котлы, ведра и мех испорченной водой.

В священном издревле месте, называемом теперь Гластонбери, аббат Сигегар призвал монахов молиться во спасение, когда земля под ними задрожала, а на небе появились жуткие видения. Он умер под упавшим ему на голову обломком крыши. И не один — никто не выжил в этом старейшем монастыре.

«Полынь» — так называлась она, громадная огненная звезда, упавшая на Гластонбери. Она врезалась в землю и глубоко вошла в нее, стирая Тор и уничтожая все живое на много миль вокруг места, благословенного до тех пор воздухом и водой, солнцем и травой. Оставленная ею яма разверзлась. Дым поднялся из отравленного чрева, ища свет солнца и заслоняя его от глаз живых. Под черным небом полудня вырвались на волю освобожденные обитатели мира Гвина.

Одни представляли собой крохотные существа, сморщенные, скрюченные и озлобленные, как разбитое сердце. Другие были чудовищами, громадными и сильными, с зубами, отточенными жаждой крови невинных. Некоторые были светлы, как утро, и черны сердцами, как ночь. Таким предстал и их царь, шумный и

веселый Гвин ап Нудд, восседавший на светлом коне, столь же мерзком внутри, как и его всадник. За ним, лая и воя, неслись красноухие псы.

Вырвалась из Нижнего Мира и женщина, наполовину красавица, наполовину сгнивший труп, скакавшая на черном жеребце, похожем на оживший скелет. Размахивая метлой, она переполнялась радостью при мысли о тех жизнях, которые будут сметены ею. Рядом с ней несся огромный черный пес. Вместе с лаем огонь вылетал из его рта. А под лапами зверя чернела и умирала трава.

Были с ними и те, чей день наконец настал. Под их ногами не горела трава, от них не страдали безвинные обитатели лесов и полей, их единственной добычей становились люди.

Неутолимый голод безумной саранчи гнал их, хотя формой они напоминали лошадей. На их головах развевались длинные локоны, достойные зависти красавиц и похожие на золотые короны. Человеческие лица с нечеловеческими гримасами. Крылья — у одних из перьев, у других из чешуи — издавали звук грома. Длинные, тонкие хвосты с колючими ядовитыми концами били во все стороны. Клыки, способные нагнать страху на льва, щелкали, готовые терзать и потрошить детей Адама.

Все они явились по приказу их князя, ангела бездны.

Явились, чтобы уничтожать.

Неподалеку от острова Танет

18 декабря 999 года

Локи увидел падающие звезды, и сердце его убыстрило бег.

— Я вижу их, отец! — воскликнул Фенрир, мечась по палубе Нагльфара.

Вдали, на самом горизонте, море стало подниматься, набухая черной, упирающейся в небо волной. Начался новый этап плана Анджело.

Волна росла, надвигаясь на флот Локи. Он слышал панические крики своих людей, тщетно пытавшихся убрать ладьи с пути грозного вала. Локи оставался спокоен. Анджело даровал ему семь чудес. Большую часть их он уже потратил на то, чтобы напугать своих сторонников, заставить их повиноваться ему. Но сейчас он поднял руки и растопырил пальцы.

Собрав волю, Локи укротил грозную стену воды. Она опала и разлилась, а достигнув кораблей, лишь слегка качнула их.

Отовсюду слышались крики радости. Страх сменился

чувством восторга. Локи улыбнулся. Эти люди верно служили ему, и он успел привязаться к ним. Вообще-то они и были его подданными — они поклонялись Локи, они шли за Драконом Одинссоном.

Он вызвал ветер, ожидавший в тисках его воли этого приказа и клубившийся невидимым облаком у него над головой. Закончив речь, он выпустит нежный зефир, и тот донесет его слова до каждого воина.

— Мы были акулами в море, — сказал Локи. — Мы бились с жалкими англичанами на воде и уничтожили их флот. Мы сражались с ними на суше и захватили их города. Мы предавали их огню и пели победные песни. Мы сделали все сами, одни. Дети мои, пришло время обрушиться еще раз на эту сушу и залить ее кровью. Теперь у нас будут союзники. Вам уже знакомы мои спутники, Зверь и Дракон Моря. Теперь, когда мы выступим против англичан, к нам присоединятся существа, вид которых может показаться вам пугающим. Их стоит бояться, но только не тем, кто идет за Драконом Одинссоном. Они владеют оружием, недоступным вашему воображению, но применяют его против наших врагов. Наш противник — Этельред Слабый и те, кто посмел назвать его своим повелителем. Вы со мной?

Фенрир радостно заскулил. Локи потрепал его по голове, ожидая ответа, который должен был, обойдя круг, принести ветер. Каждый корабль отвечал восторженным согласием. Наконец ветер принес последний крик и собственные слова Локи, утратившие силу и невнятные.

Он вызвал другой ветер, чтобы наполнить полосатые квадратные паруса, и Сила двинулась к истерзанным берегам Британии, где ее кошмарные союзники ожидали Антихриста.

ГЛАВА 19

Так ли не могли вы один час бодрствовать со Мною?

Бодрствуйте и молитесь: Дух бодр, плоть же немощна.

Матфей, 26:40 — 41

Андредесвельд

Декабрь 999 год

Элвину показалось, что он пьет мед, столь сладким был поцелуй Кеннаг. Он замер, неспособный шевельнуться. Просто сидел, ошеломленный, предоставляя ей делать с ним все, что угодно. Потом его тело очнулось. Он, уступая порыву, прижался к женщине; его невинные губы жаждали греховного сладкого нектара ее приоткрывшегося, ждущего рта. Он будто снова погружался в колодец хозяйки ключа, но теперь его принимала не холодная вода, а жар желания.

Он хотел ее с того момента, когда впервые увидел, еще не зная, чего именно хочет. Но вот его тело отлично знало. Молодое и сильное, несмотря на изуродованную руку, оно хотело сплестись с мягкой плотью прекрасной молодой женщины.

Она прошептала его имя, и звук ее слегка хриплого голоса еще больше распалил его страсть. Он дрожал, поглаживая ее длинные ноги здоровой рукой. Кеннаг стонала, глаза ее блестели. Элвин тоже застонал от сладостной муки, когда ее язык играючи пробежал по его сухим губам.

Не только тело было готово принять ее. Сердце тоже. Радость наполняла его подобно свету, а мысль о близости с ней…

Нет!

Он моргнул. Картина, промелькнувшая в его воспаленном воображением мозгу, была настолько яркой, что рука, ведомая страстью, замерла, как замороженная.

— Кеннаг…

Она не отпускала его, покрывая лицо горячими поцелуями, но огонь желания уже потух.

Что он делает? Он, человек, давший обет Богу! В монастыре святого Эйдана Элвин слышал передаваемые шепотом рассказы о

распутных монахах, оставляющих повсюду бастардов и даже бросающих похотливые взгляды на братьев. Эти истории всегда приводили его в ужас, и он находил гордое утешение в том, что никогда не поддастся порочному искушению.

Но вот время пришло, искушение явилось в образе женщины, всколыхнувшей не только желания, но и чувства, задевшей не только тело, но и душу. И в этом не было ничего отвратительного.

Кеннаг была так близка, и, несмотря на всю досаду, его плоть жаждала ее. Но Элвин состоял не только из плоти, а потому, хотя сердце и противилось, оттолкнул ее от себя.

Она смахнула с влажного лба прядь огненно-рыжих волос. Ее губы распухли и покраснели от поцелуев.

— Ты хочешь взять меня.

Элвин почувствовал, как глаза наполняются слезами. Он отстранился от нее и неожиданно заметил, что промок и замерз.

— Хочу. — У него не хватило сил солгать. — Я люблю тебя. Мне плохо без тебя. Не будь я тем, кто я есть… Но я монах, Кеннаг, Я не могу.

Она прищурилась.

— Боишься, что твой Бог накажет тебя. Элвин покачал головой:

— Нет. Я боюсь потерять веру в себя.

Кеннаг посмотрела на него как-то странно, словно не могла поверить услышанному.

— Разве ты уже не утратил веру? Разве не готов сдаться, как сделала я? Иди ко мне, моя любовь. — Она снова потянулась к нему, но он увернулся. — Ну, иди же. Ляг со мной. Давай забудем об этом безумном путешествии и насладимся друг другом.

Элвин упрямо покачал головой.

— Я не откажусь от назначенной нам судьбы и не стану унижать тебя. Как ты сможешь доверять мне, если я нарушу обет ради тебя? Как буду жить после этого? Я возненавижу тебя, нас обоих и не перенесу позора. — Он закрыл лицо руками, чувствуя под пальцами горячие слезы стыда и сожаления. — Оставь меня, Кеннаг. Извини.

Ни звука. Она не собиралась уходить. Наконец справившись со слезами, Элвин открыл глаза. На него смотрела Ровена. Он оглянулся.

— Кеннаг?

— Ее здесь не было, — тихо сказала Ровена. — Не хотелось вмешиваться, но когда я увидела, как ты выскочил из церкви, то решила, что кому-то надо приглядеть за тобой.

— Не понимаю.

— Все просто. Ардит сказала тебе, что такое может случиться.

Элвин вытер мокрое лицо и перевел дыхание. Ему не совсем было понятно, что имеет в виду Ровена, но зато он знал, что весь эпизод с Кеннаг имел место в его голове. И кошка стала свидетельницей проявленной им слабости. Но она смотрела на него с состраданием. Пусть всего лишь животное, но все равно друг.

— Ардит ни о чем таком не говорила.

Ровена наклонила голову.

— Все, что надо знать, ты уже знаешь. Ищи ответ в себе, в голове, в сердце. Помнишь?

Элвин невольно рассмеялся. Боль, сковывавшая грудь, начала слабеть.

— Ты так хорошо цитируешь. Почти дословно.

— Это дар.

Она прикрыла глаза — улыбнулась. Он протянул правую руку и погладил ее по спине. Ровена замурлыкала, потом встрепенулась и посмотрела на него.

— У тебя все получилось. Здесь. С Кеннаг. Ты не позволил желаниям и страхам взять верх над тем, что считаешь правильным.

Слезы на лице почти высохли. Элвин выглянул из пещеры. Солнечный, ясный день. Похоже, непогода пришла откуда-то из него самого, став проявлением одолевавших его сомнений. Он улыбнулся.

* * *

Кеннаг с уважением восприняла желание Элвина побыть в одиночестве. Но когда солнце уже начало клониться к западу и тени удлинились, в ней проснулось беспокойство. Конечно, она верила людям Племени, уверявшим, что в этом лесу с Элвином ничего не случится, но кто знает, куда уведет его отчаяние? Может быть, он уже ушел далеко за пределы Андредесвельда и попал в мир снега и льда, в мир, где их ищут злобные псы?

При этой мысли Кеннаг поежилась. Расспросы ничего не дали — никто, даже Рататоск, не видел Элвина после того, как он выбежал из церкви. Кеннаг отправилась в лес, доверившись ногам, надеясь, что они приведут ее куда надо. В итоге она оказалась на берегу озера, из которого они вынырнули утром.

Она опустилась на траву, поджав колени и задумчиво глядя вдаль. Под рукой оказался камень, и Кеннаг бросила его в воду, наблюдая за раскатившимися кругами. Они становились все шире

и шире, потом исчезли.

— Как и наша жизнь, — прошептала Кеннаг.

На душе у нее было тяжело. Пусть камень и всколыхнул зеркальную гладь, но это ничего не значило. Озеро все равно его поглотило. Камень, возможно, несколько столетий пролежавший на берегу, стал одним из многих на дне. И никому нет до этого никакого дела. Ничего не изменилось бы, даже если бы этот камень пролежал на своем месте еще тысячу лет.

Хотя, может быть, никакой тысячи лет и не будет, если они с Элвином потерпят неудачу.

Она нашла еще один камень и швырнула в озеро, словно надеясь, что что-то изменится. Тот же всплеск, те же разбегающиеся круги и тот же результат: камень опустился на дно, а вода успокоилась. Через некоторое время никто бы уже не сказал, что что-то вообще случилось.

Мысли вернули ее к ужасам, пережитым в плену у Гвин ап Нудда. Она старалась не думать об этом и ничего не рассказала Элвину о выпавшем на ее долю испытании. Ему хватало собственных ужасов, которые, если судить по стонам и вскрикам, не оставляли его и во сне. Бедный Элвин.

* * *

Их было много в горячей, застывшей темноте. Она слышала и чувствовала их, иногда видела блеск красных глаз или длинных белых клыков. Они не приближались к ней, повинуясь, вероятно, приказу Гвина ап Нудда. Он нуждался в ней как в приманке. Иначе ее просто разорвали бы на куски и сожрали безымянные обитатели Нижнего Мира.

Странно, но лошадь совсем не боялась их, а эти… твари не посмели подступить к ней. Ее теплый запах обрадовал Кеннаг сильнее, чем аромат роз, расцветавших в середине лета у домика матери. Она вцепилась в кобылу, едва сдерживая дрожь, стараясь не сойти с ума от доносившихся из тьмы шорохов, скрежета и подвывания. Легко представить, что бы они сделали с ней, если бы им только дали волю.

Прошло не так уж много времени до того момента, как друзья и тот загадочный послушник Кабал пришли ей на помощь, но ей казалось, что она пробыла там вечность.

Кеннаг вздохнула и закрыла глаза.

— Понимаю, — раздался негромкий голос Элвина. Она вздрогнула и оглянулась — он сидел рядом. — Понимаю.

Элвин тоже подобрал камень и бросил в воду. Они молча

следили за так и не добравшимися до берега кругами. Он рассмеялся — резко, горько.

— Посмотри. Как будто никто ничего и не бросал. Не стоило постараться.

В его карих глазах застыла печаль.

— Не стоило и стараться.

Кеннаг вдруг поняла, что он имеет в виду, и нахмурилась.

— Нет, стоит. Стоит. Если у нас не получится, всему конец.

Элвин медленно покачал головой:

— Кеннаг, конец уже наступил. Неужели ты думаешь, что псы Хель не набросятся на нас, как только мы покинем этот мир? Мы до сих пор не знаем, что надо сделать, чтобы остановить Сатану. Сопротивление бессмысленно. Мы уже проиграли.

От этих слов Элвина сердце Кеннаг разрывалось. Всего несколько дней назад он говорил, что, даже если надежды нет, долг нужно исполнить, чтобы не терзаться потом угрызениями совести.

— Однажды ты сказал, что не хочешь, оглядываясь назад, думать о том, что сделано не все, — мягко напомнила ему Кеннаг.

— Мы уже сделали все, что могли, и потерпели неудачу. Что толку от того, что мы поспешим к смерти? Здесь хорошо, тихо и спокойно. Давай останемся. — Он робко протянул руку и дотронулся до ее пальцев. — Давай останемся, — его голос упал до шепота, — и найдем утешение друг в друге.

— Элвин…

— Знаю! На мне лежит обет, но мне все равно. Для меня сейчас важна только ты. Надо мной смеялись, меня презирали, оскорбляли… но ты же не отвернешься от меня?

Кеннаг закрыла глаза. Всю свою жизнь она была целительницей. Иногда залечивала раны и изгоняла хвори, иногда исцеляла ослабевший дух. Боль в глазах Элвина отзывалась в ней сочувствием. И даже более чем сочувствием. А что, разве он не прав? Разве уже не поздно? Почему бы и не лечь с этим милым юношей и не дать ему хотя бы немного утешения, прежде чем они предстанут перед вечными мучениями? Она ничего не может сделать. Ничего. Но в ее силах изменить жизнь Элвина, дать ему счастье, которым он обделен.

Кеннаг наклонилась, нежно поцеловала его и притянула к себе. В этом жесте было больше материнского чувства, чем любовной страсти, но, когда он начал осторожно поглаживать ее грудь здоровой рукой, она закрыла глаза и отдалась желанию, проснувшемуся под его ласками.

Элвин. Милый, одинокий, униженный Элвин, проявивший

гораздо больше смелости, чем она, в принятии на себя тяжелого бремени ответственности. Элвин, никогда не знавший тепла прикосновения любящей женщины…

Потому что он монах. Потому что он дал обет, который вот-вот нарушит. Из-за нее.

Она потерлась щекой о его курчавые волосы, закрыла глаза, запоминая этот невыносимо счастливый миг, и мягко отстранилась.

— Извини, мне не следовало этого делать.

Он замер.

— Ты считаешь меня отвратительным, отталкивающим. Я знал. Каким же надо быть самонадеянным…

— Ты прекрасен. — Она подняла его сухую руку и поднесла к губам. — Но я знаю, что ты станешь презирать себя, если нарушишь обет безбрачия.

— А что терять? Мир вот-вот перестанет существовать, и мы ничего не можем сделать!

— Но попытаться-то мы должны! — воскликнула Кеннаг. — Мы пойдем, поползем! Нельзя останавливаться. Может быть, все развалится, но не потому, что мы опустили Руки! Нам осталось только одно, Элвин, — не сдаваться. Мы не можем потерпеть неудачу!

Наверное, к глазам ее подступили слезы, потому что все вдруг задрожало. Она зажмурилась на мгновение, и Элвин внезапно исчез. Значит, это лишь привиделось? Иллюзия? Кеннаг огляделась — никого. Загадочные слова Ардит обретали новое значение. Каждый из них получил возможность побыть в одиночестве, наедине со своими страхами и сомнениями. Каждый, как догадалась Кеннаг, испытал свои чувства к другому. Она прошла испытание и в глубине души знала, что Элвин тоже не поддался соблазну.

Кеннаг поднялась и пошла на поиски Элвина.

* * *

Вечером они поели с людьми Племени, чувствуя некую скованность по отношению друг к другу. Ардит, Халиг и Ранд не навязывали гостям свое внимание, и все разошлись довольно рано. Каждый получил одеяло и подушку. Было тепло, в воздухе стоял аромат леса, на небе сияли звезды.

— Прежде чем лечь спать, — сказала Кеннаг, — нам надо поговорить. Со мной сегодня случилось кое-что, думаю, и с тобой тоже.

Они стояли у догорающего огня, держа в руках одеяла и подушки. Элвин опустил голову и кивнул.

— Но сначала давай уйдем отсюда, — предложил он. — Не хочу, чтобы кто-нибудь слышал.

Они молча отошли и, поднявшись на невысокий холм, оказались на поляне. Элвин с восхищением посмотрел на усеянный бриллиантами звезд бархатный купол небес. Раньше, в монастыре, он ни разу не бодрствовал так поздно, а когда шел в спальню после заутрени, то ему было не до созданного Господом великолепия. Сейчас ему показалось, что звезды стали ярче, а небо чернее.

— Я сегодня дрогнула, — первой нарушила молчание Кеннаг.

Она расстелила одеяло и легла, положив руки за голову. Элвин сделал то же самое.

— Меня искушали… Ты пришел ко мне, просил забыть обо всем, прекратить поиски ответа и… найти утешение в твоих объятиях.

Элвин не повернулся, радуясь тому, что ночь прохладна.

— У меня было нечто похожее, — негромко ответил он. — Пожалуй, самое тяжелое испытание за все путешествие.

— Да, — донесся до него голос Кеннаг. — Ты прав.

Удивленный этим признанием, Элвин взглянул на свою спутницу. От ее слов у него стеснило грудь. Она повернулась к нему. Боже, какое прекрасное лицо!

Не зная еще, что скажет, но зная, что пришло время для откровенности, он заговорил:

— Я родился последним из семи детей. Мои первые воспоминания — это презрительные и жалостливые взгляды родителей и старших братьев и сестер. От меня было мало помощи по хозяйству, так что чаще всего я оставался дома и разводил огонь. Меня дразнили и обижали, и я искал утешения в одиночестве. У меня ничего не получалось, и за это меня били. Не скажу, что я был несчастным, но и счастья я тоже не знал.

В возрасте пяти лет меня отдали облатом в монастырь святого Эйдана. — Заметив вопросительный взгляд Кеннаг, он объяснил: — Облат — это мальчик, которому суждено стать монахом. Я был самым младшим из всех, кого туда согласились принять. Потом я прошел церемонию, которой уже и не помню в подробностях, и расстался с миром.

Элвин помолчал, думая о далеких домонастырских временах, в которых было так мало хорошего.

— Монастырь словно стал ответом на мои молитвы. Братья были добры ко мне, терпеливы, и никто не смеялся над моим недостатком. Вульфстан — человек, которого ты излечила на

вилле короля Этельреда, был тогда регентом монастыря.

Кеннаг сердито взглянула на него, и Элвин добродушно рассмеялся.

— Извини. Ты ведь не знаешь, кто это. Регент — это начальник хора, библиотекарь, архивист. Он решает, кому заниматься в скриптории, переписывать рукописи. Вульфстан научил меня писать и читать и подтолкнул к продолжению именно этой работы. Я мог не только брать, но и вносить вклад. Вульфстан поднимался все выше, став сначала келарем, а потом и аббатом, но он всегда находил время поговорить со мной, подбодрить, поддержать в работе. — Голос Элвина дрогнул. — Знаешь, в этом мире нет более доброго, более умного человека. Я никогда не забуду того, что ты спасла ему жизнь, и навсегда останусь в долгу перед тобой. Теперь-то я это понимаю.

Кеннаг улыбнулась.

— Я целительница и всего лишь следовала своему призванию. Но если ты был счастлив там… — Она не договорила и нерешительно взглянула на него.

— Продолжай.

— Твоя рука, — выпалила она.

Элвин почувствовал, как полыхнуло лицо, и снова порадовался наступившей темноте.

— Ты скрываешь ее, извиняешься за нее и, как мне кажется, даже ненавидишь себя за нее. Но разве монахи не сказали, что ты нормальный человек, вполне здоровый…

— Слова… Ничего больше. Иногда слов бывает не достаточно. Иногда мне приходится наказывать себя за неудачи. Я знаю, что я неполноценный мужчина, что не гожусь ни на что, кроме как жить в монастыре. Не то, что ты. Ты всегда была своей в этом мире.

— Но это не значит, что я была счастлива. Порой я бы с удовольствием ушла из него. Мне не хватало тишины и покоя. А несколько месяцев назад моя жизнь была разбита.

Она посмотрела на звездное небо. Лунный свет ложился на ее лицо, превращая его в прекрасную серебряную маску. Прекрасную и выразительную.

— Будучи юной, я вышла замуж за человека намного старше. У нас было немало общего, у Ниалла и у меня. Когда однажды океан забрал моего мужа, я оплакивала его всем сердцем. Но даже в горе я оставалась собой и продолжала заниматься исцелением людей. У меня была цель. Прошел год, и мое сердце открылось другому человеку. Его звали Бран. Он был сыном кузнеца и хорошо понимал огонь. Мы… — Она помолчала, вздохнула и продолжила рассказ. — Мы дали друг другу обет

любви. Знаю, Элвин, тебе неприятны наши обычаи, но не стану за них извиняться. Такими они были за много сотен лет до того, как в нашу землю пришли священники церкви Христа. Я знала, что в ту ночь зачну ребенка, и это случилось. Но Бран был ни при чем. На нашу деревню напали викинги. Они увели Брана на свой корабль. Из него получился бы сильный и умелый раб. Меня изнасиловали и тоже забрали бы, но я сбежала. Пока они опустошали и разоряли Гленнсид, я пряталась в деревенском колодце. Викинги сожгли наши дома, обесчестили наших женщин, забрали все, что хотели.

Слова Кеннаг не стали потрясением для Элвина. Ему лишь стало неприятно оттого, что эта прекрасная, сильная женщина подверглась насилию. Сколько же выпало на ее долю!

— Поняв, что у меня будет ребенок, я решила избавиться от него. Это было нетрудно, потому что я знала, какие травы помогают в таких случаях. — Лицо ее стало совсем белым, но голос даже не дрогнул. — Моя мать родила ребенка от неизвестного насильника. А я не смогла.

Она повернулась к нему, и он заметил блеск непролитых слез в ее черных глазах.

— Он родился на два месяца раньше срока и не должен был выжить. Я ненавидела его. За его здоровье. За его характер, за то, что он жив, а Бран пропал. Я ненавидела его за то, что моя мать его любила. Ненавидела как живое напоминание о той страшной ночи. Нельзя ненавидеть того, кто только начал жить. Он мой брат, и я должна любить его независимо от того, кто дал ему жизнь.

Моими друзьями стали ненависть и злость. Они утешали меня бессонными ночами. И когда меня призвали, когда я пришла к эльфам в ту самую ночь, они пристыдили меня за ненависть.

— Кеннаг…

Она прижала руку к его губам.

— Я возмутилась, потому что знала — они правы. Я отправилась в это путешествие не для того, чтобы спасти мир. Просто в Гленнсиде мне не хватало воздуха. Без Брана там все стало чужим, ненавистным. Да еще этот ребенок. Я ненавидела христиан, потому что врагов привлекли богатства их церкви. Я ненавидела тебя, называла тебя монашком-калекой. Ты казался мне таким слабым и телом и духом, что я не считала тебя достойным спутником.

Ее рука соскользнула с его губ на гладкий юношеский подбородок.

— Извини, Элвин. Я во многом ошибалась. И, похоже, теперь уже ничего не поправишь. Я не смогу попросить прощения у

матери и обнять брата. Бран… помнишь, я отказалась рассказать тебе о том видении?

Он кивнул. Ее ладонь была такой мягкой. Ему хотелось дотронуться до нее, но Элвин не мог позволить себе этого.

— Я видела тело Брана. Я надеялась, что ему удалось выжить, что он где-то в рабстве, но Второе Зрение не лжет. Он умер на том же берегу… — Она напряглась и убрала руку. — Иона. Так называется тот островок, где перебили всех монахов. Иона. Что-то знакомое.

Последние угольях желания умерли, словно костер, залитый холодной водой. Элвин резко поднялся. Ночь была теплой, но его вдруг начало трясти.

— Иона… Иона, лампада веры. Одно из самых святых мест в Британии. — Он закрыл лицо руками. — Михаил все знал. Еще тогда.

— Элвин, говори так, чтобы мне было понятно. — Кеннаг тоже поднялась. — В чем дело?

Он повернулся к ней. Таким несчастным Кеннаг его еще не видела.

— В ту ночь, когда явился Михаил, он сказал мне: «Не дай угаснуть лампаде веры!» Он попытался предупредить меня. Знал, как остановить Сатану. Господи, какой же я глупец!

Элвин покачал головой и в отчаянии опустил руки. Кеннаг показалось, что он как-то съежился.

Неудачник. Неудачник. Ему дали ключ, а у него не хватило ума понять его значение. Михаил ошибся, доверившись ему. Все это время он думал…

— Элвин! Что с тобой? — Кеннаг схватила его за плечи и потрясла. — О чем ты говоришь? Как мы могли остановить Сатану?

Ему было так стыдно, что и объяснять что-то не хотелось. Он рассказал ей о самом сокровенном, о вещах, которые хранил от всех, о том, в чем не признавался даже на исповеди. И Кеннаг тоже открылась ему, показала темные уголки сердца. Как он мог промолчать? Может быть, она разозлится? Ему показалось, что это помогло бы.

Элвин попытался вздохнуть, но боль все еще сжимала грудь.

— Иона. Этот остров называли лампадой веры. — Его голос звучал почти спокойно. — Михаил сказал мне: «Не дай угаснуть лампаде веры». Другими словами, если бы мы сразу отправились туда, а не болтались бы здесь, на Юге, то могли бы предотвратить резню. Лампада веры не погасла бы.

Некоторое время Кеннаг молчала. Потом усмехнулась — Боже, как ему нравился ее смех — и сказала:

— И как, по-твоему, язычница, монах, белка, кошка, призрак и осел остановили бы несколько сотен воинов? Как бы мы защитили от них монастырь с безоружными монахами?

Элвин вздохнул:

— Что? А… Понимаю. Но…

— Я тоже понимаю тебя. Да, если бы мы поняли, что он имеет в виду, то могли бы предупредить кого-то и… — Она пожала плечами. — Может быть, Михаил хотел сказать что-то другое.

— Не понимаю.

— Насколько я знаю — и в этом моя и твоя религии сходятся, — вера — это нечто большее, чем просто святой дом и люди, которые в нем молятся.

Юноша кивнул, начиная понимать, к чему она клонит.

— Верно. Вера — это нечто большее.

— А если так, то можно ли потушить лампаду веры, убив монахов и предав огню здание?

Он медленно кивнул:

— Нельзя. Вера выстоит. Ее невозможно уничтожить так просто. Для веры страшно другое. Забвение…

Элвин почувствовал, как руки покрылись «гусиной кожей».

— Скот, — прошептала Кеннаг.

— Что?

— Скот. В моем видении они убили монахов. Сожгли постройки, но не тронули животных. Ты же сам сказал…

— В этом есть какой-то смысл. Если бы мы знали!

— Иона моего сердца! Иона моей любви! — Голос прозвучал ниоткуда. Они оглянулись. — Голоса монахов заменит мычание животных. Но прежде чем наступит конец света, Иона станет тем, чем был. Мне сказал об этом Дунстан. Похоже, теперь я все вспомнил.

Перед ними повисло бесформенное бледное пятно, медленно принимавшее очертания фигуры Недди.

— Кеннаг, Элвин. Извините, что меня долго не было.

— Недди, я беспокоилась. С тобой все в порядке?

Он улыбнулся. Элвин заметил, что призрак изменился, стал увереннее, спокойнее, а на лице лежала печать умиротворенности.

— У тебя доброе сердце, Кеннаг, если ты волнуешься из-за призрака. Со мной все в порядке. И… зовите меня по-прежнему, Недди. Хотя теперь я знаю свое настоящее имя. Я — Эдуард. Точнее, я был Эдуардом.

— В этом есть смысл, — заметил Элвин. Странно, но он тоже обрадовался появлению мальчишки-призрака. — Недди — это уменьшительное от Эдуарда.

Призрак повернулся к нему. Улыбка тронула уголок рта и растаяла.

— Король Эдуард, прозванный Мучеником. Но кланяться не нужно, Элвин. Ты же мой друг.

Элвин открыл и закрыл рот. Невероятно. Призрак, возомнивший себя королем.

Но стражник в замке короля Этельреда узнал его. И возраст вполне подходящий.

— Меня убил слуга моей мачехи, Анджело. Он ударил меня сюда… — Недди протянул руку к тому месту, куда вонзился кинжал. Его губы задрожали. — Мне поднесли чашу. Меня предали. — Он резко рассмеялся. — Ладно, я ее припугнул! Вот где я был. Но как видите, вернулся. Подумал, что, может быть, пригожусь вам.

Элвин начал понемногу приходить в себя после шока, вызванного новостями. Недди — король Эдуард! Анджело — убийца! Ему вспомнились странные слова, произнесенные Недди при материализации.

— Вы сказали, что Дунстан…

Недди кивнул.

— Да. Он сказал, что это пророчество, произнесенное святым Колумбой на смертном ложе. Мы изучали монастыри и… — Он покачал головой. — Теперь, когда я знаю, кто я, мне, кажется, вспомнилось все, до последнего слова.

— Он сказал тебе, что это значит? — спросила Кеннаг.

— Нет. Помню, мне показалось забавным, что по священному острову будет разгуливать только мычащий скот.

Элвин заметил, что призрак и говорить стал иначе, как подобает королю.

— Можешь повторить?

Недди повторил.

— Воинам было приказано не убивать скот, так как Сатана хотел, чтобы пророчество исполнилось, — задумчиво произнесла Кеннаг. — Элвин… Иона должен молчать. Только мычащий скот… Чем был прежде… — Кеннаг вскинула голову. — Если хотя бы один монах на острове восславит Бога…

— …то пророчество исполнится, — закончил за нее Элвин, с трудом сдерживая волнение. — Конца света не будет! Недди! Вы спасли нас всех!

Призрак застенчиво улыбнулся. Не обращая внимания на Недди, Элвин обнял Кеннаг правой рукой и прижал к себе. Она смеялась, ее дыхание касалось его уха, ее щека вжималась в его щеку. Он чувствовал ее груди, ее тело… Все было так, как совсем недавно, в пещере, но в то же время по-другому. Теперь их

объединяло нечто несравненно более важное.

Другие дороги, другие судьбы. Он любил ее, и она, возможно, любила его, но они сделали свой выбор. Теперь Элвин знал свое предназначение.

Словно прочитав его мысли, она отстранилась.

— Ты готов?

— Свидетелям суждено умереть, ты же знаешь, — напомнил он.

— Я, можно сказать, уже умерла сегодня, когда потеряла надежду. И ты тоже. Хуже этого ничего уже не будет.

Улыбка тронула его губы. Боже, какая женщина! Ей все по плечу!

Лицо Кеннаг сияло в лунном свете.

— Чего мы ждем? — спросила она тем твердым, уверенным голосом, который так нравился Элвину. — Нам надо спасать мир!

ЧАСТЬ III
ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА

И он собрал их на место,
называемое по-еврейски Армагеддон.

Откровение, 16:16

ГЛАВА 20

Тогда Ирод, увидев себя осмеянным волхвами, весьма разгневался и послал убить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его.

Матфей, 2:16

Замок короля Этельреда, Кингстон, 28 декабря 999 года

Анджело вместе с другими преклонил колени и получил причастие, как всегда, немного удивленный творящимся богохульством. Господь забыл об этом мире и его созданиях, от человека и животного до вина и хлеба, предоставив Анджело вести собственную игру. Несомненно, если бы отец Кенульф знал, кто такой на самом деле Анджело, он бы подумал, что советник короля — единственный советник после роспуска Витана — должен сгореть заживо от одного лишь прикосновения «священника».

Простота и твердость веры смертных трогала чуть ли не до слез. Время от времени Анджело даже проникался к ним жалостью и симпатией. Но никакие проблески добрых чувств никогда не мешали ему использовать смертных для достижения собственных целей.

Сегодня эти цели сойдутся в одну. Он думал, что Этельред станет противиться последнему решению. Но король лишь посмотрел на него затуманенными глазами и пробормотал: «Если ты считаешь, что так лучше». Похоже, роспуск Витана отобрал у юноши все его силы.

Странно, но Анджело было жаль, что борьбы не получилось. Этельред проявлял порой завидное упорство, и поколебать его было нелегко, но Анджело умело находил убедительные аргументы, получая удовольствие от победы.

После службы Этельред и его люди, магистры, таны, представители всей страны, потянулись в обеденный зал. Король сел на тяжелый, украшенный резьбой деревянный стул. Ни малейшего проявления чувств на угрюмом лице. Все замерли, напряженно ожидая, что он скажет.

Этельред набрал в грудь воздуху и начал речь, подготовленную Анджело накануне:

— Нас постигли тяжелые времена. Многие говорят, что Судный День близок, и я боюсь, что это так. Земля уже дрожит в страхе или предчувствии прихода Христа.

Анджело улыбнулся. Король неплохо управлялся со словами.

— Солнце печет в декабре, но лик его скрыт темными клубами дыма. Слухи о чудовищах, вступивших в битву с силами добра, достигли наших ушей. Те из нас, кто знает Библию, как и полагается всем благочестивым людям, ясно видят развертывающиеся пред нами Знамения. Есть и другие знаки, первым из которых является наступление воинственных племен. Мы уже встречались с ними на суше и на море и знаем их.

Голос короля звучал монотонно, но сила слов сама по себе пробивала дорогу к слушающим. Анджело хорошо подобрал этих новых «советников». Все они жаждали войны, в их глазах пылал огонь зависти и жадности, руки чесались от желания сжать рукоятки мечей. Им не терпелось поскорее покинуть зал и устремиться навстречу врагу.

— Каждый, кто против Господа Нашего — Антихрист. Враг — это тысячи Антихристов. А их вождь — тот самый Дракон, о котором говорится в Книге Откровения. По полученным мной сообщениям, под его властью некий чудовищный змий и зверь, отмеченный числом 666. Даны жили среди нас годами, притаясь, подобно змее в траве, подобно Сатане в Эдеме.

Анджело без большой радости написал эту строчку, но на что не пойдешь ради пущего эффекта.

— Соблазном они склонили нас к пассивности, к уплате дани, когда нам следовало драться с ними, как подобает всем благочестивым людям. Больше этого не будет. Последняя битва началась, и все, кто не спасется, погибнут. Давайте же возьмемся за оружие, как Божие, так и человеческое.

Анджело вздохнул — речи короля так не хватало страсти! Он бы произнес те же слова совсем иначе. Ну да ладно. Судя по тому, как зашевелились слушатели, выступление Этельреда все же произвело должное впечатление.

— Сегодня мы торжественно отмечаем Праздник невинных, воздавая почести и чтя память безвинно убиенных Иродом детей. Что может быть лучшей памятью им, чем уничтожение виновных? А посему я повелеваю, чтобы все даны, появившиеся на этом острове, как плевелы среди злаков, подверглись справедливому истреблению.

Таны ревом выразили свое одобрение. Их страх и ненависть получили наконец выход, Этельред санкционировал бойню, точнее, провозгласил ее богоугодным делом.

Анджело улыбнулся.

Оксфорд, Англия, 28 декабря 999 года

Гунгильда была потрясающей женщиной, выделявшейся даже среди своих соотечественников, а здесь, на земле ангелов, она казалась богиней с льняными волосами. Высокая и статная, с волосами, едва тронутыми сединой, она являла собой образец женщины-воина. Легко подверженная как смеху, так и гневу при малейшей несправедливости, Гунгильда так же легко откликалась на беды несчастных и находила доброе слово для нуждающихся. Вот уже четырнадцать лет, как Оксфорд стал ее домом. Время от времени они с мужем, Свейном, скучали по родной Дании, но в общем были довольны жизнью здесь.

Однако последние две недели Гунгильду, сестру Торкелла, все чаще посещал страх. Он глубоко засел в ее животе, тяжелый, холодный клубок, походивший, как ей казалось, на скрюченных злобных карликов, обитавших в Нидавеллире. Впервые страх пришел, когда у Свейна, умевшего работать с железом, стало меньше заказов. Прежде ему приходилось даже отказывать клиентам. Теперь, когда остров все чаще осаждали викинги, которых здесь называли северными разбойниками, он с трудом продавал свои изделия, и их дети часто отправлялись спать с пустыми желудками. На них все чаще посматривали исподлобья, им вслед шептали злые слова, и страх шевелился в Гунгильде, как беспокойный ребенок-карлик.

Гунгильда уже давно не считала себя чужой. Она была англичанкой, как и ее соседи. Посещала церковь и прошла обряд крещения, как и Свейн и все их шестеро детей. Говорила на местном языке почти без акцента, и тревоги жителей Оксфорда были ее тревогами.

Глядя в окно, Гунгильда невольно сжала крестик, висевший у нее на шее. Его сделал и подарил ей в день крещения Свейн, и с тех пор крест был на ней всегда, как языческий талисман-оберег. Последние два дня они с мужем не отваживались уходить далеко от дома. Свейн злился, но, как обычно, хорошо это скрывал. Вот и сейчас он сидел за столом, чиня браслет. Рядом лежала целая груда брошей, ожерелий и перстней.

— Не водился бы Торкелл с этим Драконом Одинссоном, — глядя в окно, пробормотала Гунгильда. — Тогда, может быть, наши друзья и не злились бы на нас.

— Дело не только в нас. Перед грозой я разговаривал с Олафом, и он сказал, что никто больше не покупает у него хлеб.

Они боятся не твоего брата, а нашей крови.

— Но это же глупо! — воскликнула Гунгильда и, не удержавшись, всхлипнула. — Как будто мы сбежим, чтобы драться за этих разбойников только потому, что родились там же, где и они!

Теперь он поднял голову, и страх, поселившийся у нее в животе, снова забил ножками.

— Они боятся. И я тоже. Эти странные Знамения… Люди боятся конца света, и, возможно, они правы.

— Но… мы видели грозу и ощущали, как дрожит земля. Эти рассказы о чудовищах и Смерти верхом на коне… это же небылицы!

Никто никогда не называл точного места, где их видели. Всегда говорили «где-то рядом, совсем близко». Такие рассказы, передававшиеся шепотом, раздражали любившую точность Гунгильду. Чудовища с человеческими лицами и зубами льва не бродят по земле, уничтожая людей. Ничего такого просто не бывает. Свейн прав. Жители напуганы, а страх распаляет воображение.

Она фыркнула.

— Если бы наша Герда стала рассказывать такие сказки, я бы ее просто отшлепала! А тут взрослые люди…

В дверь постучали. Гунгильда вскрикнула от неожиданности и тут же закрыла рот ладонью. Стараясь не паниковать, она открыла дверь.

Это был Олаф. Толстый, неповоротливый, он стоял на крыльце, тяжело дыша и утирая пот с раскрасневшегося лица.

— Уходите… быстро! — прохрипел он. — Приказано убивать всех данов… мы укроемся в церкви.

Гунгильда, уже справившаяся со страхом, положила руку на плечо булочника.

— Говори медленнее, Олаф. И успокойся.

Он сглотнул, вздохнул и кивнул.

— Король Этельред издал указ. Все даны, проживающие в Англии, должны быть убиты.

Гунгильда облегченно покачала головой.

— Чепуха. Не стоит бояться слухов.

— Это не чепуха! Я сам слышал, как его зачитывали. Мы все идем в церковь искать убежища. Поспешите, а то будет поздно!

Олаф схватил ее за руку, словно собирался потащить за собой.

— Мама? — Их старшая дочь Валда подошла ближе. В тринадцать лет девочка уже пленяла красотой каждого, кто видел ее. Большие, спокойные голубые глаза обратились сначала к

старому другу семьи, потом к матери. — В чем дело?

— Ни в чем… — начала Гунгильда, поглаживая дочь по голове. — Просто Олаф…

— Он прав, — вмешался Свейн. — Послушай, послушай хорошенько.

Гунгильда прислушалась. Сначала она ничего не услышала. Потом до нее донеслись приближающиеся голоса, напоминающие далекое гудение встревоженных пчел. Ее ноздри встрепенулись, почуяв едкий запах дыма. Гунгильда перекрестилась. Перепуганные жители Оксфорда поднялись, воспламененные словами своего короля.

Они шли убивать.

Страх на мгновение парализовал ее, но она затолкала его поглубже.

— Собери детей, — бросила Гунгильда Валде. — Мы идем в церковь.

Старшая дочь поняла все без объяснений.

— Герда! Эрик! — закричала она. — Сюда! Мы идем в гости к отцу Годвину.

В церковь они прибыли в числе последних. Гунгильда еще хотела захватить кое-какие ценности, но Свейн только покачал головой.

— Украшения нам ни к чему. Если они ворвутся в дом, то лучше пусть довольствуются серебром и бронзой.

Держа одной рукой двухлетнюю Герду, а другой маленького Эрика, Гунгильда выбежала на улицу. Солнце палило почти по-летнему, но света было мало — его заслонило непонятное черное облако, неизвестно откуда появившееся на чистом небе. Свейн быстро шел впереди вместе с двумя старшими сыновьями. Боже, они стали дичью, преследуемой разъяренными охотниками.

Пожалуйста, Господи, отведи от нас гнев этих англичан. Мы же друзья. Успокой их сердца и мысли. Пусть они помнят это.

Такой бледной и испуганной настоятельницу Ательгиву Гунгильда еще не видела. Стоявший рядом с ней отец Годвин, все еще облаченный по случаю священного ритуала в пурпурные и белые одежды, возбужденно махал рукой.

— Скорее! — кричал он. — Ради Господа, поспешите!

Теперь уже и Гунгильда явственно слышала рев обезумевшей толпы, двигавшейся по направлению к церкви. Запах дыма и гари стал сильнее, до нее донесся треск огня. Сколько уже домов успели поджечь эти охваченные страхом и ненавистью люди? Скольких уже убили? Она побежала, таща за собой Эрика, чьи коротенькие ножки не успевали за ней. Валда с малышом Торфи на руках метнулась к распахнутой двери.

Едва Гунгильда вбежала в церковь, как тяжелая дверь с треском захлопнулась у нее за спиной. Женщина зацепилась за подол длинного платья и упала бы, если бы ее не подхватили руки знакомых. Она выпрямилась и огляделась.

Маленькая деревянная церковь была заполнена теми, кто искал в ней убежища. Десятки, а может быть, и сотни оксфордских данов поспешили сюда в надежде спастись от слепой ярости тех, кто вдруг увидел в них чужаков, врагов. Бледные, испуганные лица, светлые волосы, голубые глаза… Эрик расплакался, но у матери не нашлось сил успокоить его. Передав Герду Валде, Гунгильда припала к мужу и расплакалась. Страх все же сломил ее.

Снаружи донесся голос отца Годвина.

— Послушайте меня! — кричал он. Шум голосов стих — очевидно, толпа замерла, внимая священнику. — Здесь в церкви ваши друзья!

Его слова утонули в реве собравшихся, и Гунгильда вздрогнула, услышав оскорбления, полетевшие в его адрес. Теперь заговорила настоятельница Ательгива.

— Да, верно, наступают страшные времена. Суд Божий близок. Наверное, вам лучше посмотреть на свои прегрешения, чем искать их у других. Некоторые из этих семей живут здесь уже сотню лет. Пожалуйста, подумайте об этом и…

Ее голос тоже поглотил рев толпы. Настоятельница вскрикнула, словно от боли, и умолкла.

В дверь постучали. Собравшиеся внутри даны замерли. Те, кто пытался защитить их, погибли, и теперь темная сила требовала впустить ее. Они отхлынули от двери, но та каким-то чудом выдержала. Злобные крики снаружи стали сильнее.

Гунгильда вскрикнула, услышав громкий треск. Толпа сломала маленькие окна церкви, и внутрь полетели горящие факелы. Свейн бросился к одному из них и стал сбивать пламя голыми руками. Увидев его почерневшие, обожженные пальцы, Гунгильда поняла, что муж уже никогда не вернется к прежней работе с тонкими, изящными украшениями, никогда не приласкает ее так, как прежде.

Факелы продолжали лететь в окна. Люди в церкви пытались их тушить, но безуспешно. На ком-то уже горела одежда, на других вспыхнули волосы. Помещение наполнилось паническими криками. Гунгильда, посмотрела на усыпальницу. В ней лежало тело святого Фритесвиде. Гнев вытеснил безумный ужас, и она закричала:

— Защити нас! Защити нас!

Но чуда не случилось. Вопя от ярости, Гунгильда схватила

крест и рванула изо всей силы. Тонкая цепочка лопнула. Швырнув распятие, она призвала на помощь Фрея, Тора и Одина. Ей было все равно, кто спасет ее детей, пусть даже бог-обманщик Локи. Лишь бы они остались живы.

Дым щипал глаза и обжигал легкие. Рядом кашляли Эрик и Герда, а отважная Валда пыталась хоть как-то успокоить младших.

Гунгильда уже не могла дышать. Дым задушил ее, огонь подбирался все ближе, жадно цепляясь за подол платья.

Последнее, что она успела почувствовать, были крепкие объятия Свейна, плачущего от собственного бессилия.

В поле, где-то в Англии, 30 декабря 999 года

Локи чувствовал себя в своей стихии. Бездна изрыгнула тех, кто переполнял ее, и теперь отважные викинги сражались бок о бок с тварями из кошмаров. Поначалу люди держались опасливо и настороженно, но чудовища, похоже, разделяли их жажду крови, и они в конце концов смирились с жуткими союзниками.

Маленькая деревушка, название которой Локи даже не потрудился узнать, сгорела дотла, как будто ее и не было. Только кровь и сожженные дома напоминали о том, что когда-то здесь жили люди. Чудовища с человеческими лицами, ухмыляясь и смеясь, бродили по пепелищу, доедая то, что еще не обуглилось, то, что осталось от женщин, мужчин и детей.

Они шли от одной деревни к другой, как всепоглощающее море. Анджело приказал не трогать крупные города. Пока. Он хотел, чтобы сначала сделали свое дело слухи, разносившие во все стороны ужасные, панические вести. Викинги поворчали — деревушки были бедны добычей, — но подчинились.

Тварям из тьмы было безразлично, кого убивать.

Палило солнце. К его неестественному для этого времени года теплу добавлялся жар костров. Локи, хотя и был богом огня, страдал в человеческом теле так же, как и его воины. Проведя рукавом по потному, со следами сажи лбу, он огляделся. Рыжий конь пылал под ним, раздувая ноздри, чуявшие запах крови и обгоревшей плоти.

Хорошо. Здесь все закончено.

Вой наполнил воздух — это Фенрир пел от радости. Локи нащупал привязанный к седлу мех и, поднеся к губам, сделал несколько глубоких глотков теплой жидкости. Итак, что же делать завтра? Воздух уже дышал прохладой, извещая о

приближении ночи. Черные облака, заволокшие небо, не давали другой возможности различить время суток.

Их жутковатые, необычные союзники, явившиеся из мрака бездны, напав на первую деревню, сожгли не только крестьян, но и все припасы и животных. Конечно, чудовищам и Фенриру хватило и человеческого мяса, но воины Локи хотели поживиться и более ценной добычей. На этот раз они не повторили свою ошибку, захватив коней, быков и продовольствие. До ушей Локи долетало кудахтанье домашней птицы, которую ловили воины.

Островок не задержит их надолго. Еще пара дней, и все будет кончено. Наступит 1 января 1000 года. Триумф Анджело. Мир, этот мир, встретит свой конец.

И тогда за дело возьмется Локи.

Он сделал еще глоток воды. Несколько месяцев назад, лежа глубоко под землей, где единственным звуком был звук капавшего ему на лоб яда, Локи думал, что жажда мести никогда не ослабнет. Он будет убивать, убивать и убивать и никогда не утолит этот голод, подобный бездонной пропасти. Даже когда убил Хеймдаля и, приняв от него удар в живот, умер сам, он знал, что все еще впереди: и кровь, и битва.

Но вот теперь этот голод начал ослабевать.

Локи нахмурился, обеспокоенный этим открытием. Рагнарёк еще не наступил, час его триумфа и поражения. Судьба. Он знал это с момента рождения, и неизбежность грядущего утешала его в длившемся столетия заключении. Локи уже убил сотни людей, но радость от кровавой работы ослабла. Ему вдруг захотелось вернуться в тихую ночь на воде под открытым небом.

Но все, что ему осталось, это мясорубка, кровь и дым и, как кульминация, собственная смерть. Фенрир тут же подбежал, стряхивая с себя капли крови.

— Нам повезло, отец! — отдуваясь, сообщил волк. — Сюда скачет всадник!

Локи нахмурился.

— Сюда? Ему бы следовало бежать отсюда. Странно.

Он кликнул своего посыльного, легкий ветерок, и отдал приказ:

— Никому не трогать всадника, пока я не поговорю с ним! Схватить и привести его ко мне!

Взмахнув рукой, он отослал ветер, зная, что тот донесет его слова до всех, людей и чудовищ.

— Веди, — бросил Локи сыну, и волк, повернувшись, затрусил в сторону невысоких холмов.

Бог огня легонько сдавил ногами бока своего жеребца, и тот последовал за Фенриром.

И действительно, к разоренной деревне приближался одинокий всадник. Лошадь, чуя кровь, огонь и опасность, шла явно нехотя, но человек безжалостно гнал ее вперед.

— Безумец? — пробормотал себе под нос Локи. — Скорее какой-то глупец.

Склон холма показался слишком опасным для коня, поэтому Локи спешился, зная, что жеребец явится по его зову, и вместе с сыном сбежал вниз. Всадник уже ждал их, успев сползти с лошади, которая, едва почувствовав свободу, дико заржала и унеслась прочь. Торкелл и его люди приступили к допросу незнакомца, чередуя слова с ударами.

— Прекратите! — приказал Локи. — Он не сможет ничего сказать, если захлебнется собственной кровью. Кто ты?

Незнакомец попытался выпрямиться, но люди Торкелла крепко держали его за руки.

— Зачем ты приехал сюда? Ты же видел наши стяги? Отвечай.

Мужчина поднял голову и посмотрел на Локи, потом облизал воспаленные губы.

— Ты Дракон Одинссон? — хрипло спросил он. Локи расправил плечи.

— Да. Зачем ты искал меня? Хочешь умереть?

— Он убивает нас! У меня в сумке… послание…

Локи кивком приказал обыскать сумасшедшего. Из сумки извлекли смятый и запачканный кровью пергамент, молча передали Локи. Мало кто из людей Торкелла умел читать, а английского не знал никто.

Человеческое сердце дрогнуло, едва он развернул листок.

— Нет… не может быть. Анджело бы никогда не допустил…

Локи поднял руку и, не замахиваясь, ударил пленника по лицу.

— Это ложь! Подделка! Я убью тебя голыми руками…

— Нет, великий Дракон! — взмолился незнакомец, падая на колени. — Нет! Взгляни на печать!

Локи опустил взгляд и увидел, что человек прав. На указе стояла печать короля.

А почерк, несомненно, принадлежал Анджело. Даже монахи в монастыре не умели так выписывать буквы.

— Великий Дракон, что это? — спросил Торкелл, восседавший на великолепном белом коне, который вовсе и не был конем.

Локи показалось, что тварь ухмыляется. Что сказать Торкеллу? Он не верил написанному. Не мог поверить! Но указ… Неужели предательство?

Грудь сдавило, но Локи все же начал читать.

— «Я, Этельред, правящий монарх всего Альбиона, повелеваю, чтобы все мужчины, женщины и дети датской крови были уничтожены. Мы должны прополоть поле для чистых всходов».

Гнев затуманил его взор, поднявшись густой красной волной. Кровь стучала в висках, пальцы стиснули ненавистный документ. Анджело уверял его, что король не более чем пешка. Значит, идея уничтожения всех, в ком течет датская кровь, принадлежит ему. Истребить всех, от воинов на поле битвы до младенцев в колыбели.

Анджело намеренно убивает его народ. В этом нет никакого смысла. Чем может угрожать Анджело или Этельреду старик, работающий в поле, или его малютка-внучка? Нет, здесь дело в другом. Подвигнуть на такое могла только ненависть. Ненависть и страх. И еще решимость убрать любого, кто может подняться против него в конце этой битвы.

Локи слышал крики обступивших его людей. Торкелл словно сошел с ума. Мигая, стараясь сбросить охватившую его ярость, Локи покачал головой.

— Они сожгли нашу церковь! Великий Один, была ли среди них моя сестра Гунгильда?

Слезы текли по почерневшему от копоти лицу Торкелла.

Локи протянул руку и положил ее на колено Торкелла. Прикасаться к белой твари, на которой сидел Торкелл, ему не хотелось.

— Я должен попросить у тебя прощения.

Торкелл вздрогнул от неожиданности.

— Что? Великий Дракон?

Как же трудно произнести эти слова.

— Пока мы сражались с армиями англичан, я тел переговоры с Анджело, главным советником Этельреда. Думал, что он наш союзник… Похоже, Анджело все это время вел свою игру. Указ написан им, а не Этельредом. Он повернул против нас и убил наших людей.

Еще не высохшие слезы блестели на лице юноши, его губы дрожали.

— Те, с кем мы объединились, с кем только что сражались вместе… они прислужники Анджело.

— Но…

— Не спрашивай меня ни о чем! — воскликнул Локи. — Слушай и верь! Расскажи об этом всем. Когда я дам знак, мы ударим по ним.

Торкелл побледнел.

— Но… Великий Дракон… они же чудовища. Как мы можем

драться с ними?

— Ты еще не видел всего, что я умею, юноша. Верь в меня, и скоро, очень скоро, мы отомстим. — К удивлению Торкелла, Локи стащил его со спины белого коня и прошептал на ухо: — Убей этого жеребца. И побыстрее.

Ошеломленный Торкелл и его товарищи отправились к своим воинам, чтобы сообщить страшную весть, а Локи и Фенрир поднялись на вершину холма. Вызвав огонь, Дракон уставился в ярко вспыхнувшее пламя.

— Анджело! — приказал он. — Ответь мне!

Локи немного боялся, что королевский советник не отзовется. Но зная Анджело — а теперь, как ему казалось, он знал его очень хорошо, — бог огня почти не сомневался, что тот упивается радостью триумфа. Что ж, возможно, удастся кое-что узнать.

В колеблющемся свете пламени проступило лицо королевского советника. На его губах играла злорадная усмешка.

— Не говори, я сам угадаю, — проворковал он. — Ты узнал о последнем указе Этельреда, и тебе это не понравилось.

— Ты прав, — ответил Локи, стараясь не выдать своих чувств. — Может быть, объяснишь, зачем убиваешь сторонников твоего Антихриста.

— Все очень просто. Они мне больше не нужны. И ты тоже мне не нужен. Ты сделал все как надо. Отличная работа. Но через несколько часов, если считать время так, как считают его смертные, весь этот мир и все его восхитительные игрушки будут принадлежать мне.

Гнев всколыхнулся в нем, но Локи сумел сохранить спокойствие.

— Тебе требовалась моя помощь, чтобы покончить с твоим миром. Тогда у меня будет возможность покончить с моим!

Анджело откинул голову и рассмеялся. Фенрир негромко зарычал. Кем бы ни был советник короля, ему повезло, что их разделяли десятки миль.

— Ах, Локи, мастер обмана, повелитель Хаоса. Как легко тебя одурачить. Стыдно. Зачем мне желать уничтожения мира, если я могу стать абсолютным его хозяином?

— Что?

— Никакого Апокалипсиса не будет, мой друг. Никакого Рагнарёка. Только вечные муки для тех, кого называют людьми,

— Мы заключили сделку! Ты мне солгал!

Анджело мило улыбнулся:

— Бедный Локи. Я отец лжи. И теперь ты это знаешь.

Локи уже поднялся, его могучее человеческое тело напряглось от ярости.

— Я сражусь с тобой, Анджело! Под моей командой тысячи!

— Тысячи людей, — напомнил королевский советник. — А я распоряжаюсь миллионами существ, сделанных из кое-чего покрепче. Но конечно, сражайся. Это доставит мне удовольствие. Надеюсь, тебе тоже.

И он исчез.

Фенрир поднял морду и завыл, выплескивая гнев. Локи присоединился к нему, надрывая глотку. А когда силы покинули его, упал на землю и дал волю слезам. Измена. Его обставили. Одурачили. Анджело прав — это оказалось совсем нетрудно. Те, кто последовал за ним, погибли напрасно. Но пусть враг смеется — Локи еще может сражаться. Негодяй наградил его темными силами, и теперь пришло время употребить их.

Последовавшая за этим битва была ужасна.

Пламя озарило небо — огонь и молнии соединились, а внизу под ними грохотал гром. Первой жертвой стал конь Локи, упавший на землю после точного удара молнии. Как и подозревал бог обмана, тварь не погибла, пострадала только форма, которую она приняла. Чудовище еще вернется, вселившись в другое тело, но пока по крайней мере оно ничем не угрожало.

Убийство Рыжего коня оторвало монстров от жуткой трапезы. Сердито ворча, они обступили человека, одиноко стоявшего посреди чистого поля. Локи рассмеялся. Ветер растрепал его черные волосы. Напрягшись, он призвал на помощь дарованные ему Силы.

Вызванная им молния поразила нескольких чудовищ. Их громадные, искореженные тела отбросило на несколько ярдов, и они застыли — дымящиеся, обугленные трупы. Там, где лежали в земле незаметные желуди, выросли вдруг дубы. Их ветви, подчиняясь приказу Локи, хватали и душили тех, кто следовал за Гвином ап Нуддом.

Но существам из бездны, казалось, не было числа. Они появлялись, словно из ниоткуда. Локи ждал их. Под ногами, копытами и лапами тварей вспыхнул огонь.

Крики, которых не знал этот мир, наполнили воздух, и даже Локи поежился от холодка, пробежавшего по его спине.

Огонь, бывший прежде землей, обратился в воду. Поток смыл горящие тела, а те, кто еще дышал, утонули в его бурных водоворотах. Локи взмахнул рукой — и вода замерзла. Его враги, прикидывавшиеся союзниками, попали в ледяные ловушки. Некоторые еще бились, стараясь выбраться из плена.

Фенрир прыгнул, поскользнулся, но не остановился, его клыки рвали высовывающуюся изо льда плоть. Локи поднял руку, давая знак своим людям.

Торкелл повел их за собой. Он следовал приказам Дракона, не понимая их. Под ним уже не было белого жеребца — его заменил обычный чалый конь. Знал ли юноша, что скачет навстречу смерти? Локи полагал, что да.

Вопя и размахивая оружием, люди устремились вниз по склону холма. Их переполняла ярость обманутых. У попавших в ледяной плен тварей не было ни малейшего шанса, когда на них обрушились мечи и топоры.

Но все же они прибывали, словно сама земля исторгала их из себя. Один из монстров прыгнул на Торкелла. Локи не стал смотреть, как чудовище рвет на части храброго юношу, но мысленно воздал ему хвалу, как первому и самому верному последователю Дракона Одинссона. Пришло время последнего, самого черного чуда.

До сих пор Локи еще ни разу не исполнял его. И надеялся, что ему это не понадобится. Грозная мощь сверхъестественного явления беспокоила его, но сейчас победа требовала любую цену. Он закрыл глаза и попросил седьмого Темного Чуда.

В нескольких ярдах от него тела павших крестьян зашевелились и стали подниматься. Обглоданные до костей, изувеченные, некоторые без голов, они встали, подчиняясь его призыву. Хромая и спотыкаясь, эти обезображенные мертвецы двинулись на своих убийц с твердой решимостью, которой им не доставало при жизни. К крестьянам присоединились павшие недавно викинги, из смертельных ран которых еще сочилась кровь. Что-то похожее на печаль тронуло Локи, когда он увидел сражающийся труп Торкелла с обезображенным до неузнаваемости лицом.

Мертвецы вооружились, кто чем мог: одни хватали сучья, другие — камни, третьи — кости своих товарищей. Их враги поначалу смеялись. Но того, кто лишен жизни, нельзя напугать или убить, а его целеустремленность стала самым главным оружием.

Зрелище было настолько омерзительное, что Локи едва сдержал позыв к рвоте. Услышав знакомый голос, он оглядел поле битвы и наконец увидел того, кто звал его.

Она мчалась к нему на черном, как беззвездное небо, скакуне, похожем на обтянутый кожей скелет. Рядом с изрыгающим огонь конем несся Гарм.

— Хель! — воскликнул Локи.

— Отец! Я пришла тебе на помощь.

Он махнул рукой, указывая вперед, чувствуя странное, необъяснимое удовольствие, вытесняющее отчаяние. Впервые с тех пор как боги Эзира заточили их в разные темницы, члены его

семьи собрались вместе. Локи наделал много ошибок и знал это, но все равно любил своих детей.

Она подскакала к нему.

— Отец! — Хель улыбнулась, показав белые зубы. — Такого сражения я еще не видела! Расскажи мне о нем.

Он рассказал. Улыбка сползла с ее лица, сменившись грозным оскалом.

— Анджело, — прошипела она, когда Локи закончил, и обвела взглядом поле битвы, усеянное несметным числом трупов. — Если хочешь разбить Анджело, — медленно сказала Хель, — то, возможно, у меня есть то, что может тебе пригодиться.

ГЛАВА 21

Доселе дойдешь и не перейдешь, и здесь предел надменным волнам твоим.

Иов, 38:11

Андредесвельд

Декабрь 999 года

Кеннаг казалось, что на ногах у нее выросли крылья. Сердце стало таким легким, что могло летать. Они решили, что пойдут дальше, пока не погибнут, но теперь впереди забрезжил свет надежды. У них появился шанс, пусть даже самый слабый. Остров Иона далеко, очень далеко, если судить по рассказам Элвина. К счастью, в Племени они провели только один день. У них в запасе оставалось еще двадцать семь на все путешествие, при условии что удастся ускользнуть от погони.

Кеннаг грела не только собственная надежда, но и то, как преобразился Элвин. Она едва не расплакалась, когда он рассказал, как стегал себя плетью, наказывая за неполноценность, за увечную руку. Теперь Элвин опять улыбался, а в его глазах появилась целеустремленность.

Они поспешили в деревню, сопровождаемые призраком убитого короля. Ей не терпелось поскорее увидеть Валаама, Рататоску, Ровену, подаренную эльфами лошадь и рассказать всем о новой, достижимой цели.

Боковым зрением Кеннаг заметила какое-то белое пятно. Она быстро повернула голову и немного сбилась с шага, поскользнувшись на мокрой траве.

— Кеннаг?

Вопрос Элвина остался без ответа. Сердце застучало, медленно и тяжело.

Всадник и лошадь стояли всего в нескольких ярдах слева, странно мерцая в густой тени деревьев. В какой-то момент, вспомнив первую встречу с Недди, она подумала, что видит призрак некоего мертвеца. Но нет, в этой паре не было ничего призрачного, ни намека на призрачность — только непонятная бледность.

Сердце упало и остановилось.

Кеннаг почувствовала, как внутри у нее все замерло и даже кровь уже не текла по венам. Холод пронзил ее, как удар кинжала, и воздух застрял в горле.

Всадник улыбнулся. На месте, где должны были быть глаза, темнели две дыры. Его лошадь стояла совершенно смирно, не шевелясь, как будто неживая.

Ей вспомнилось описание Знамений, которые, по словам Элвина, возвещали конец христианской веры. Некоторые из них она уже видела. Три коня — белый, со знаменем; рыжий — из крови убитых монахов; и черный — с богиней Хель.

Сейчас Кеннаг смотрела на четвертого всадника Апокалипсиса. В памяти всплыли слова Элвина: «Четвертая Печать освобождает Коня Бледного. Его всадник — Смерть».

Злость захлестнула Кеннаг.

Тогда слушай, Смерть, — мысленно сказала она. — Мы с Элвином не умрем, пока чудовище из бездны не убьет нас через сорок дней! Если ты часть плана, то уважай предначертание!

В ее голове прозвучал смех.

Верно, предначертанный вам час еще не наступил. Но однажды мы встретимся снова. Вам не уйти от меня.

От тебя не уйдет ни один из смертных. Но сегодня этот день не настал.

Всадник и лошадь растворились во тьме леса. Кеннаг глубоко вздохнула, а сердце снова застучало, и боль, внезапно пронзившая грудь, била так сильно, что она пошатнулась и упала бы, если бы не подоспевший на помощь Элвин.

— Что случилось? Еще один знак?

Она кивнула.

— Да. Четыре всадника. Они уже здесь.

Кеннаг заметила, как дрогнул его взгляд. Элвин знал, кто такой четвертый всадник. Последний всадник.

Мягкий свет, льющийся со звездного неба, внезапно пропал. Внезапно ей стало невыносимо жарко и душно, а воздух наполнился едкой вонью несвежего дыма и обгоревшей плоти. Ветер принес этот запах откуда-то издалека. Темнота обступила Кеннаг со всех сторон, она тихонько всхлипнула и потянулась к Элвину. И он тоже потянулся к ней. Они вцепились друг в друга.

— Что случилось?

— Знамения. Это тоже Знамения, — сказал Элвин. — Помнишь? Звезды потемнеют, и солнце обожжет людей. Не понимаю только, как это все проникло сюда. Ведь Племя живет вне времени и мира.

— Уже нет, — раздался голос Ровены. Даже в темноте Кеннаг

видела едва различимую белизну ее меха. Появление кошки, как ни странно, подняло ей настроение. — Племя ушло. Все исчезло, как будто ничего и не было. Даже церковь стала другой.

— Господи, защити нас, — прошептал Элвин. Кеннаг почувствовала какое-то движение и поняла, что он крестится. — Значит, последняя битва началась. Помнишь? Их призвали сражаться на стороне добра.

— Все в порядке, — сказала Кеннаг, желая укрепить юношу. — Мы больше не нуждаемся в них. А вот немного света нам не помешало бы. Надо же отыскать дорогу к Ионе.

— А твое Второе Зрение? — спросил Элвин. — Разве та мазь не позволяет тебе видеть в темноте?

— Она позволяет мне видеть тех, кто не принадлежит миру смертных. Но кошкой я не стала. Нам нужны факелы или лампы. Ровена, ты…

— Да, — предвидя ее просьбу, ответила кошка. — Я могу отвести вас в церковь. Кое-что все же видно. Хотя едва. А вы видите меня?

— Едва, — эхом отозвалась Кеннаг. — Не спеши.

Они медленно последовали за почти неразличимой белой тенью, пробираясь среди деревьев. Ветка ударила Кеннаг в лицо и чуть не сбила с ног. Элвину приходилось еще труднее, ведь она-то хотя бы ходила когда-то по ночному лесу. Монаху, проведшему большую часть жизни в ограниченном пространстве, путь давался тяжелее. Ровена проявляла необычайное терпение, не уходила далеко вперед и поджидала, когда они отставали.

Им показалось, что дорога до церкви заняла целую вечность. Кеннаг чувствовала себя не в своей тарелке. Тьма не была для нее чем-то необычным. Ее не надо было бояться. Но в этом неестественном мраке таилось нечто опасное.

— Вот и пришли, — объявила Ровена, и Кеннаг облегченно вздохнула. — Видите?

— Ничего я не вижу, — раздраженно проворчала Кеннаг. — Нам надо найти факелы и вынести их оттуда. Если найду свой мешок, то смогу разжечь костер.

— Мы принесем его тебе, — прозвучал голос Рататоск, появившейся, вероятно, в сопровождении своих серо-бурых приятелей.

Кеннаг решила, что когда все закончится и если она вернется в Гленнсид, то никогда, никогда не будет больше есть мясо белок.

— Спасибо, Рататоск. — Мысль о необходимости идти через лес без огня буквально парализовала ее.

За ее спиной тяжело вздохнул невидимый Элвин.

— Надо войти в церковь, чтобы взять факелы, — удивительно

спокойным голосом сказал он.

Кеннаг не хотела уходить. Да и сможет ли? Понесут ли ее ноги?

— Давай подождем, пока я добуду огонь, тогда мы сможем зажечь какую-нибудь ветку.

— Ладно, но сначала надо найти трут и ветку.

Кеннаг нахмурилась. Он прав, будь оно проклято!

— Посмотрите на себя утром — не узнаете, — сказала Ровена. — Нахватаете синяков. Ладно, идите за мной, я покажу, где есть сушняк.

Они снова поплелись за кошкой. Кеннаг мысленно поблагодарила обитающих поблизости богов за присутствие Ровены. Трудно представить, что бы они делали без нее.

Царапин, синяков и ушибов и впрямь хватало. В одном месте Элвин так стукнулся лбом о сук, что сухие листья шелестели, падая, еще несколько секунд. Подойдя к нему, Кеннаг ощупала ушибленное место и обнаружила набухающую шишку размером с небольшое яйцо.

— Ух! — вскрикнул он, отскакивая в сторону. Она протянула руку, желая помочь, но ткнула пальцем прямо в глаз. — Ох! Кеннаг, оставь меня в покое!

Она не выдержала и рассмеялась. Смех был нормальной человеческой реакцией на опасное положение, в котором они оказались. Она слышала такой смех, слетавший с губ серьезно раненных мужчин, женщин, потерявших детей. Некоторые называли это безумием, но Кеннаг знала его целительную силу. Опустившись на траву, она смеялась так, что все ее тело дрожало и звенело.

Элвин попытался возмущенно протестовать, но потом тоже расхохотался. Хорошо! Наконец приступ веселья прошел, оставив на губах грустную улыбку, и Кеннаг смахнула со щеки слезинку.

— Ладно, — сказала она, поднимаясь. — Давай поищем сушняк.

* * *

Поход за ветками занял всего несколько минут, показавшихся им вечностью. Рататоск и ее приятели притащили мешок, и Кеннаг, порывшись в нем, извлекла трут и кремень. Умение, рожденное и отточенное долгими годами практики, не подвело, и вскоре у нее в руке уже бился огонек. Элвин посмотрел на свою спутницу, и они улыбнулись друг другу.

Мокрые ветки никак не желали разгораться, но наконец одна

занялась. Взяв ее в руку, Кеннаг подошла к церкви и остановилась у распахнутой настежь деревянной двери.

— Она другая, — сказала Кеннаг и вдруг поняла, что почему-то произнесла это шепотом.

Элвин кивнул:

— И все равно прекрасная. Священное место. Но Племя ушло и унесло с собой что-то.

Они вошли внутрь и сразу же увидели укрепленные на стене факелы.

— У меня такое чувство, — заметил Элвин, держа горящую ветку, пока Кеннаг собирала факелы, — как будто мы берем чужое. Воруем.

Она удивленно взглянула на него.

— Разве церкви существуют не для того, чтобы помогать нуждающимся?

Он смутился.

— Да, но это же дом Бога.

— Но разве мы не исполняем волю Бога?

— Надеюсь, что да.

— Тогда бери лампы и говори «спасибо».

Элвин посмотрел на Кеннаг и рассмеялся. Она усмехнулась в ответ. Свет от факелов успокоил ее, вселил уверенность, как будто отогнал нечто более пугающее и опасное, чем просто тень.

Укрепив свой дух светом, рассеявшим тьму, они нашли дорогу к Валааму и кобыле. Осел заметно нервничал и пританцовывал на месте. Кеннаг погладила животное между ушами и ощутила, как Валаам дрожит.

— На краю леса есть небольшая деревушка, — сообщила Рататоск. — Мои белки знают путь. Это около пяти миль отсюда. Если отправимся сейчас, то к рассвету дойдем.

— Рассвет, — фыркнула Ровена. — А будет ли еще этот рассвет?

— Все равно надо идти, — согласилась с Рататоск Кеннаг. — В деревне можно купить съестного и уточнить направление.

Элвин кивнул:

— Тогда вперед.

* * *

Их поход скорее напоминал прогулку по лесу. Кеннаг доверилась маленькой армии белок, ведомых Рататоск, радуясь тому, что у них есть свет, оберегающий лица от веток и ноги от корней. Время от времени путники останавливались и

подкреплялись все уменьшающимися запасами. Белки указали им источник свежей воды, так что жажда по крайней мере не мучила небольшой отряд.

Небо посветлело, но, как и предсказывала Ровена, настоящего рассвета не получилось из-за плотных клубов дыма. Кеннаг предложила погасить лампы, предположив, что они еще могут пригодиться, когда через несколько часов снова стемнеет.

Лес расступился, и перед ними открылось поле. Под ногами захлюпала грязь. Снег совершенно растаял под неестественно жаркими лучами невидимого солнца, обнажив унылые остатки несобранного крестьянами урожая.

— Кажется, я вижу впереди какие-то дома, — сказал Элвин, протягивая руку.

Кеннаг кивнула.

— Только давайте не забывать об осторожности, — сказала она, нащупывая на поясе нож.

— Что… — начал Элвин. Кеннаг не дала ему закончить.

— Оглянись. Неубранный урожай. Дым в небе, затмивший солнце. Летняя жара в декабре. Ты сам сказал, что ваш народ ждет конца света 31 декабря. Люди знают Библию, и они, конечно, распознали знаки не хуже тебя. Они испуганы. А те, кто напуган, часто действуют не раздумывая. Я хочу, чтобы мы были ко всему готовы. На всякий случай.

— Кеннаг права, — согласилась Ровена. Элвин пожал плечами, но промолчал.

Тропинка, шедшая к крытым соломой домам, стала видна более отчетливо. Они шли, настороженно посматривая по сторонам, вслушиваясь в окружающую тишину. Тихо. Ни шороха, ни звука.

— Странно, — пробормотал Элвин. — Как будто все ушли.

Взгляд Кеннаг упал на что-то яркое, лежавшее на бурой земле. Она присмотрелась и в ужасе закрыла глаза.

Тело.

— Элвин…

Он повернулся, ахнул и тут же торопливо перекрестился. Некоторое время они не двигались с места, потом подошли к телу.

Это была молодая женщина, еще не достигшая зрелости. Соломенные волосы, простое серое платье. На горле ярко-красная полоса. Лицо уже потемнело и распухло, глаза выкатились, изо рта торчал почерневший язык.

Полоска яркой ткани, привлекшая внимание Кеннаг, была орудием смерти.

— Ее задушили. Судя по состоянию тела, не так давно. Может

быть, день или два назад. Интересно…

Элвин зажал рот рукой и отошел в сторону. Кеннаг не обернулась. Пусть справится с собой сам. Монахам часто приходится иметь дело с мертвецами, готовя их для похорон, но вряд ли Элвин когда-либо видел жертву убийства в таком состоянии.

Чуть позже он подошел к ней, еще бледный, но решительный.

— Бедное дитя. — Элвин осенил девушку крестом.

— Вряд ли нас ждет радушный прием, — сказала Кеннаг.

— Ее даже не предали земле — оставили там, где упала.

— Там есть еще, — сообщила Ровена, отошедшая на несколько ярдов. — Двое взрослых мужчин и мальчик. Похоже, их закололи вилами.

— Боже. Какие же чудовища…

— Эй, вы, там! — раздался резкий, сердитый голос. Повернувшись, они увидели высокую темноволосую женщину с серпом в руке. — Какой вы крови?

— Не понимаю. — Элвин отступил на шаг.

— Какой крови? — повторила женщина. — Добрые саксы или злодеи-даны?

— Я с севера, — ответила начавшая что-то понимать Кеннаг. — Но мы не даны. Мой спутник, Элвин, монах из монастыря святого Эйдана.

Женщина перевела тревожный взгляд с Кеннаг на Элвина и наконец опустила серп.

— Вы не похожи на данов. Но… почему вы здесь? Из этого леса никто не выходит.

— Мы заблудившиеся путники, — объяснил Элвин, делая шаг вперед. — Будем благодарны, если вы дадите нам пищи и воды. Мы заплатим.

Женщина, похоже, успокоилась. Кеннаг решила, что она примерно одного с ней возраста, хотя и выглядит намного старше.

— Берите все, что найдете, — равнодушно сказал крестьянка. — Здесь почти никого не осталось. Все ушли, сбежали в Кентербери, когда услышали о приказе нашего короля.

— Каком приказе? — спросила Кеннаг. Женщина внимательно посмотрела на нее.

— Ах да… вы же заблудились в лесу. Король Этельред распорядился убить всех данов. Это случилось недавно. Позавчера. Наш священник объявил указ на Праздник невинных.

Кеннаг почувствовала, что ее сейчас вырвет.

— Приказ убить данов?

— Да, это было позавчера. Мы сделали, что могли, но

некоторые из них убежали в лес. — Женщина пнула ногой тело девушки и плюнула на мертвое лицо. — Проклятые даны. Это из-за них наступает конец света. Они заслужили кое-что похуже смерти.

Элвин, напряженно размышлявший о чем-то, поднял голову.

— Вы уверены? Уверены, что это было на Праздник невинных?

Женщина хмыкнула и повернулась к Кеннаг.

— Он всегда такой тупой?

— Не всегда, — ответила Кеннаг, поглядывая на своего спутника. — Но по-моему, он не совсем вас понимает.

— Кеннаг… — Элвин схватил ее за руку и отвел в сторону, — послушай меня. Этот ужасный приказ объявили в день Праздника невинных…

— Элвин… — шепнула Кеннаг, видя, что женщина с серпом настороженно прислушивается, — мне нет дела…

— Помолчи и послушай меня! — Он грубо тряхнул ее. — Этот праздник всегда приходится на один и тот же день. 28 декабря.

Кеннаг еще несколько секунд смотрела на него, а потом, поняв, что он имеет в виду, медленно покачала головой:

— Ты уверен? Некоторые праздники…

— Уверен. 28 декабря. Ты понимаешь?

Она кивнула. Племя, давшее им приют, жило в своем, особом мире. Со своим временем. Они провели там день и часть ночи, а в реальном мире минуло несколько суток.

Сегодня 30 декабря. И у них нет ни малейшего шанса добраться до Ионы за оставшееся до завтрашней полуночи время.

Они потерпели неудачу.

ГЛАВА 22

Мы заключили союз со смертью и
с преисподнею сделали договор.

Исайя, 28:15

Замок короля Этельреда

Кингстон

30 декабря 999 года

Давно уже Анджело не испытывал такого приятного возбуждения.

Все шло не так уж гладко, и время от времени его планы натыкались на препятствия. Но в конце, как он и знал, его ждет триумф.

Паника и страх укрепили его силы. Он чувствовал их, они заполняли все уголки острова. Чувствовал ужас крестьян, наблюдавших за тем, как рушится их мир; ужас танов, вступивших в войну не только с ненавистными им данами, но и с существами из другого мира; ужас, потрясший непоколебимых воинов Локи, осознавших, что их предали; страх тихого, больного короля Этельреда.

Великолепно. Анджело был рад тому, что враг играет по правилам. Это облегчало задачу — он обманывал и побеждал.

Анджело смотрел на огонь. В нем мелькали, сменяя друг друга, сцены насилия и боли, смерти и отчаяния.

— Посмотри на творения Твои, — прошептал он, словно обращаясь к своему старому сопернику. — Созданные по образу Твоему, но зараженные моей горечью. Дай им свободу выбора, и они выберут кровопролитие.

Что как нельзя лучше способствует осуществлению его целей. Как приятно использовать против Него тех, кого он любил больше всего.

Время летело быстро. Шансы на то, что что-то помешает его плану дойти до финальной стадии, уменьшались с каждым часом. Оставались незначительные детали, несколько завершающих штрихов, чтобы придать этому шедевру обмана и триумфа законченный вид.

Анджело повел ладонью над пламенем, и из дыма и тени проступили четыре образа. Четыре ангела, принявших его сторону, падших вместе с ним и претерпевших неслыханные муки ради вот этого момента.

Их прекрасные черты, созданные Богом, изменились почти до неузнаваемости, превратившись в чудовищную пародию на былую красоту. Полные губы распухли и сделались скользкими от слюны. Длинные волосы стали змеями, веревками и огненными гривами. Яркие глаза горели безумием и мукой. Они пошли за Анджело, когда он пообещал им славу, и связали себя соответствующими обязательствами.

Тогда они не сознавали, чем это обернется.

В какой-то момент Анджело почувствовал жалость к ним, но эта слабость быстро прошла. Все войска служили ему и его конечной цели. Просто на долю одних выпало больше тягот, вот и все.

Ждали и четыре настоящих ангела, не покинувших своего Творца. Анджело тоже видел их в пламени: изящные и прекрасные, воспевающие Господа, они не страдали в оковах, как первая четверка, и за это Анджело ненавидел их.

Скованные у реки Евфрат до Судного Дня эти ангелы, как и ангелы Анджело, имели одну задачу: убить треть человечества. Разница между ними состояла лишь в том, что ангелы Бога делали бы это с любовью в сердце.

Анджело произнес несколько слов, и нерушимые цепи, державшие в плену его ангелов, лопнули и упали. Крики освобожденных заставили его нахмуриться. Они захлопали чудовищными, жесткими крыльями, взвыли от восторга и устремились к земле.

И они были не одни. Другие, только ждавшие этого момента, тоже запрыгали, зашипели и запищали, выражая бурную радость. Войско темных ангелов, насчитывающее два миллиона жадных, прожорливых созданий, устремилось вслед за четверкой.

— Бедные, брошенные дети, — прошептал Анджело. — Насытьтесь хорошенько.

Он снова провел рукой над пламенем, вызвав еще три безобразных видения. В их уродстве было что-то общее. Большие, навыкате глаза мигали. Мягкие, влажные шеи подрагивали, влажная кожа отливала зеленью.

— Мои посланцы, — тепло приветствовал Анджело. В ответ прозвучал жуткий хор голосов. — А теперь и вы сыграете свои роли.

Тела трех похожих на жаб тварей удлинились, страшные морды приобрели очертания человеческих лиц, знакомых

миллионам людей: князя Владимира Киевского, Робера II Французского и Василия II, императора Византийской империи. Император Отгон III и Папа Римский Сильвестр II были уже в лагере Анджело, хотя Отгон, подобно Этельреду, не догадывался об этом.

Демонам предстояло заменить людей, чей облик они приняли. Теперь самые могущественные представители мира повиновались воле Анджело. Смертные, все эти мужчины, женщины и дети, которых он так ненавидел, были у него в кулаке. Оставалось только сжать пальцы в полночь 31 декабря.

— Вы — трое из самых могущественных людей на земле, — сказал Анджело своим демонам. — Ваши деяния сочтут чудесами, и народы, ищущие спасения, обратятся к вам.

Демоны радостно запищали, и ему пришлось одернуть их.

— Ведите себя как должно, или я отправлю вас туда, откуда вызвал!

Они тут же исправились и тут же предстали перед ним важными и надменными, как и полагается вождям этого мира. Анджело одобрительно кивнул. Да, такие обманут кого угодно.

— Идите и приведите ко мне народы мира. Демоны кивнули и поспешили на землю, чтобы исполнить приказ хозяина.

Дым заклубился, завихрился, свиваясь в фигуру неповоротливого Молоха. Улыбка исчезла с губ Анджело. Прижав плоские свинячьи уши к черной как ночь голове, демон захныкал и запричитал. Что-то пошло не гак.

— Хозяин! — прошипел он. — Новости!

— Говори, Молох.

— Твой союзник — тог, называемый Антихристом, — он уже не наш друг!

Напряжение немного отпустило.

— Ты принес старые новости. Я порвал с ним и показал ему наш план. Он уже ничего…

— Может, может! — горестно воскликнул Молох. — У него новые союзники! Посмотри!

Образ демона растворился в пламени, а перед Анджело предстало поле битвы. Войско Локи сумело каким-то чудом не только выстоять, но и отбросить армии демонов, темных эльфов и чудовищ, воевавших на стороне врага Божьего.

— Не может быть, — выдохнул Анджело.

Приглядевшись внимательнее, он заметил, что некоторые из викингов без голов. Теперь ему стало ясно, что случилось. Локи оказался хитрее, чем он думал. Бог обмана использовал семь Темных Чудес, которыми одарил его сам Анджело, для борьбы с прежним союзником.

Из его горла вырвался рык. Ход битвы, разворачивавшейся прямо перед ним, менялся не в его пользу. Новая волна воинов хлынула на поле боя. Похожие на людей и одетые в коричневые, наподобие монашьих, рясы, они размахивали оружием с видом тех, кто умеет им владеть. Необыкновенно красивые мужчины и женщины! Их неожиданное появление на сцене сыграло решающую роль — войско Анджело начал отступать.

— Невозможно! Это невозможно…

— Однако это происходит! — захныкал Молох. — О, мой Князь, что же нам делать?

Анджело вздохнул:

— Пусть сражаются. Нам осталось продержаться всего несколько часов. После полуночи они уже ничего не смогут сделать.

Молох открыл зубастый рог, словно собираясь сказать что-то еще, но Анджело устал от разговора. Ему нужно был подумать. Прежде чем демон успел произнести хоть слово, Анджело махнул рукой. Языки пламени исчезли, угли почти потухли.

Он сел на кровать и потер глаза, стараясь сосредоточиться. Все Знамения свершились, кроме одного. Скоро мир перейдет в его руки и небеса в ужасе замолкнут. Этельред — всего лишь жалкая безвольная игрушка, кукла. Демоны уже оповещали союзников Анджело, которым предстояло сыграть роли властителей народов, оставаясь при этом его слугами. Время бежало, с каждой секундой приближая Анджело к победе.

Но не все шло по плану. Локи оказался гораздо более искусным, опасным и умным, чем можно было ожидать. Свидетелей до сих пор не удалось найти. Они…

Он ощутил покалывание в затылок и замер, затаив дыхание. Они здесь… снова. Вышли из своего убежища, расположенного где-то вне этого мира, и появились здесь.

Анджело быстро поднялся, подошел к жаровне и вызвал магический дым.

Вот! Они стояли в испепеленном жарой поле и разговаривали с какой-то женщиной. Поблизости валялись тела несчастных данов. Анджело не слышал, о чем идет речь, но знал, где они и куда пойдут дальше.

Он улыбнулся. Глупцы! Больше им от него не уйти. На этот раз никаких псов или всадниц, пришедших из Ада. На этот раз он сам позаботится об этих беспокойных Свидетелях.

* * *

Никогда в жизни Кеннаг не чувствовала себя такой несчастной. Ни тогда, когда умер Ниалл, ни тогда, когда увели Брана, ни когда ее изнасиловали, ни когда она, вызвав выкидыш, бессильно свалилась на кровать.

— Элвин… — прошептала она, но так и не смогла найти никаких других слов. — Элвин…

В его глазах стояли слезы. Ее собственные давно пересохли. Как бы ей хотелось облегчить душу истеричными криками, плачем, чем угодно, лишь бы избавиться от ужасной, удушающей боли в груди, отзывающейся тяжелым, монотонным повтором — конец… конец… конец…

— Что случилось? — спросила женщина, и Кеннаг вздрогнула.

Она совсем забыла о ней и теперь, подняв голову, увидела худое, голодное лицо с полными отчаяния глазами. У женщины были загрубевшие красные руки, которые, вероятно, убивали, но также собирали урожай, нянчили ребенка, нежно ласкали кого-то.

Кеннаг сглотнула.

— Ничего. Но мы не знаем, куда идти. Скажите, где северо-запад?

— Кеннаг, — упрекнул ее Элвин. — У нас нет времени. Мы просто не успеем…

Она повернулась к юноше и посмотрела так, что он закрыл рот, не договорив.

Крестьянка задумчиво потерла лоб.

— Раньше мы всегда определяли по солнцу. — Она огляделась. — Вон та рощица как раз на северо-западе. Дорога приведет вас к Гилдфорду. А оттуда…

— Спасибо, — перебила ее Кеннаг и направилась к лошади.

— А из провизии ничего не возьмете? — спросила женщина.

Кеннаг, уже сидевшая верхом, медленно покачала головой:

— Нет. Не думаю, что нам что-нибудь понадобится. Давай, Элвин. У нас впереди долгий путь.

Она повернула свою лошадку в сторону рощи. Через мгновение за спиной застучали тяжелые копыта Валаама.

— Сатана остановит нас, — сказал Элвин, подъезжая ближе.

Ровена устроилась рядом с ним на седле, а Рататоск, как обычно, шмякнулась на плечо Кеннаг. Впереди, уже возле деревьев, их ждал Недди, решив не пугать крестьян своим появлением.

— Возможно, — согласилась Кеннаг. — Или мы просто не попадем туда вовремя, что более вероятно.

— Правда твоя.

— Ты же знаешь, мы все равно должны попытаться. У нас

ничего не получится, но мы должны. Мы оба поняли это в Андредесвельде.

— Ты права, конечно. — Он помолчал. — Я люблю тебя, Кеннаг. Мне досталась привилегия — умереть в твоем обществе.

У Кеннаг вновь заныло сердце.

— Я тоже люблю тебя, Элвин, — сказала она, не глядя на него.

После этого они долго ехали молча.

* * *

Утомленная духовно и телесно, Кеннаг все же упрямо стремилась вперед. Они подгоняли беднягу Валаама, который — в кои-то времена — оставался молчаливым, разделяя общее уныние. Ни единой жалобы, хотя держаться на равных с лошадью старому ослу было нелегко. Добраться до Ионы вовремя они не могли ни при каких раскладах, и единственное, что имело теперь значение, — это продолжать путешествие, понимая полную его бесплодность. Возможно, где-то кто-то оценит их упорство, думала Кеннаг, но только проку от этого уже не будет.

Они ехали, пока хватало сил, потом немного передохнули и снова тронулись в путь. Проехав Гилдфорд, выбрались на Лондонскую дорогу и, не останавливаясь даже, чтобы перекусить, устремились дальше. Кеннаг просто не могла смотреть на пищу — желудок будто завязался в узел, покрепче тех, которые завязывал, уходя в море, Ниалл. Спустилась ночь, а с ней вернулась пугающая, непроглядная тьма. Они зажгли факелы и ехали до тех пор, пока не сгорел последний.

Обессилевшие путники спешились и уснули чуть ли не там же, где ступили на землю. Проваливаясь в сон, Кеннаг почувствовала что-то мягкое и теплое. Это Ровена свернулась у ее груди, тихонько мурлыча.

Разбудил всех Недди. Кеннаг показалось, что они только что легли, но утро уже наступило. Поблагодарив призрака, она кое-как дошла до лошади и села в седло.

Элвин, по-видимому, чувствовал себя не лучше, и даже животные переговаривались тихо, почти не нарушая окружавшей их тишины.

Последний день года. Кеннаг не знала, где они находятся. Элвин сказал, что, по его подсчетам, где-то недалеко от Эйлсбери, более чем в трехстах милях от конечного пункта путешествия. Покрыть это расстояние вовремя было невозможно.

— Не имеет значения, — бросила Кеннаг и поразилась тому,

как глухо прозвучал ее голос. — Главное пытаться.

До их ушей донесся пронзительный крик орла, и Кеннаг только теперь обратила внимание на окружавшее их безмолвие. Подняв голову, она попыталась найти птицу. Крылья захлопали над ними, и слова, долетевшие сверху, прозвучали страшным предупреждением:

— Горе! Горе! Горе всем обитателям земли!

Орел повторил свое предсказание и исчез в низко нависших, ядовитых тучах.

— Веселая птичка, — заметила Рататоск и, распушив хвост, спрыгнула с плеча Кеннаг, чтобы продолжить путь по ветвям обступивших тропу деревьев.

— Никогда не пробовала орла, — глубокомысленно произнесла Ровена. — Интересно, каков он на вкус? — Она выпустила когти. — С удовольствием полакомилась бы этим.

К глубокому изумлению, слова кошки оказали странный эффект на Недди. Он вдруг вскричал, бросился на землю и принялся колотить по траве призрачными кулаками.

— Это несправедливо! Несправедливо! — Излив ярость, призрак сел и посмотрел на Кеннаг. — Ты удивительная женщина. И Элвин… в свое время я знал многих священников, но всем им далеко до тебя. И потому все так несправедливо…

— Недди, успокойся, — попросила Кеннаг. — Мы еще не отчаялись.

Ложь, сладкая ложь, но слезы на лице призрака застыли.

— П-правда?

Она чувствовала на себе тяжелый взгляд Элвина, но он не остановил ее.

— Правда.

Недди всхлипнул, не спуская глаз с Кеннаг, словно ждал от нее еще каких-то слов одобрения. Бедняга! Ему ведь всего шестнадцать, хотя в живых он был меньше, чем среди мертвых. Что ему сказать? Как утешить?

— Подумай обо всем, что осталось позади. Я выбралась из Нижнего Мира. Мы встретили потерянное колено Израилево. Я еду на лошади эльфов. Элвин разговаривал с ангелами. Что-то должно случиться. Я чувствую.

— Ты что-то видишь? — спросил Недди.

Сердце не выдерживало этого. Облизав пересохшие губы, Кеннаг перевела взгляд с Элвина на Недди и обратно. Ей не хотелось врать.

Положение спасла Рататоск. Сверху посыпались листья, и Кеннаг, задрав голову, увидела серо-коричневую фигурку зверька. Прыгая с ветки на ветку, белка спешила к ним.

— Нас нашли! — донесся до них голос Рататоск. — Бежим!

Бежать? Но куда? Кобыла напряглась, повела головой, но не двинулась с места. Взглянув на своих спутников, Кеннаг увидела, что они побледнели, но настроены решительно. Нет, бегства не будет. Пришло время сражаться… или умирать.

Теперь уже и она слышала тяжелый мерный стук копыт. И что-то еще… Это что-то тоже бежало, но не было лошадью. Слабость разлилась по ее телу, но Кеннаг заставила себя выпрямиться и положила руку на пояс. Конечно, нож — не самое лучшее оружие против вероятных врагов, но все же хотя бы на один укус его хватит.

Темная фигура отделилась от окружавшей их тени. Это был конь, огромный, норовистый, с красными горящими глазами и огненными копытами. Кеннаг задрожала и изо всех сил сжала рукоятку кинжала. Она узнала всадницу, прекрасную женщину, с такими же, как у нее, чертами лица и волосами, с гниющим телом трупа ниже пояса. Хель — так называла ее белка. Рядом мчался пес, столь же чудовищный, как всадница и конь.

Кеннаг только надеялась, что успеет нанести хотя бы один удар.

Но они были не одни — гигантских размеров волк несся следом. Ей вспомнилось видение: волк, швыряющий в море горы земли, как ребенок, бросающий кусочки грязи. Верхом на волке восседал как ни в чем ни бывало…

— Бран!

В это невозможно было поверить, но это был он! Кеннаг видела его, лежавшего замертво среди разбросанных по острову тел монахов. Она поверила видению. Но вероятно, и видение могло сказать неправду. Конечно, то, что явилось ей тогда, было лишь одной из возможных сцен, а не картиной реального события.

Бран. Живой! Радость захлестнула ее, изгнав страх и злость. Не помня себя, она соскочила на землю и бросилась в объятия любимого.

Она повторяла его имя, целовала его прекрасное лицо. Волосы были такими, какими она их помнила, густыми и черными, и она ерошила их пальцами и тоже покрывала поцелуями. Желание, вспыхнувшее в ней, влекло ее к нему, к его чистому, сильному телу.

Но Бран вел себя как-то странно. Не отвечая на поцелуи Кеннаг, он не только не обнял ее, но, бережно взяв за руки, даже отстранил, словно не узнавая. Он что-то говорил, но она никак не могла понять его, не могла даже слышать из-за гулкого биения собственного, обезумевшего от радости сердца.

— Нет, я не Бран, извини.

Кеннаг едва успела вздохнуть.

— Что?

Его милое лицо выразило сострадание.

— Должно быть, ты жена того, чей облик я взял себе. Извини. Сколько горя я причинил собственной глупостью!

Голос Брана, но слова не его. Тело Брана, но жесты чужие. Охваченная внезапным страхом, Кеннаг отступила. Оторвав взгляд от Брана, она взглянула на богиню смерти. Женщина спокойно сидела в седле, пес замер у ее ног. Никто не собирался хватать ее.

— Ты… ты не Бран?

Бран-который-не-был-Браном покачал головой.

— Нет. Полагаю, у вас обоих есть основания опасаться моей дочери. — Он указал на Хель. — Не надо. Она привела меня к вам, но не для того чтобы схватить или убить. Я — Локи. И я пришел помочь вам.

ГЛАВА 23

И пошли сыны Израилевы среди моря по суше: воды же были им стеною по правую и по левую стороны.

Исход, 14:22

Эйлсбери

31 декабря 999 года

— Это какой-то трюк, — сказал Элвин. — Наверняка.

Локи печально улыбнулся:

— Никакого трюка, друг Элвин. На этот раз нет. Это я оказался в дураках.

— Ты Локи, злой бог викингов! — воскликнул Элвин. Он злился. Реакция оказалась неожиданной для него самого, и он даже не понял, почему так взорвался. — Ты вступил с союз с Сатаной и стал его Антихристом! Посмотри на волка — он несет печать Зверя!

— Не буду отрицать, хотя я не считаю себя таким же плохим, — ответил Локи и, опустив руку, погладил выжженную на лбу животного отметину. — Но этот ваш Сатана, этот князь Лжи, он обманул и меня. А враг моего врага — мой друг.

Женщина, восседавшая на черном коне, сердито фыркнула.

— Подумать только, я помогала ему! И что? Всех нас — отца, брата и меня — беззастенчиво использовали! Рада, что вы тогда спаслись.

Кеннаг стояла, потрясенная, с белым как мел лицом и странно неподвижная. Бросив на нее обеспокоенный взгляд, Элвин снова повернулся к Локи.

— Рататоск, — обратился он к устроившейся на его плече белке, — ты знаешь его? Что ты думаешь?

Зверек нервно заерзал.

— Не знаю, что и думать. Локи нельзя доверять, но он не лишен достоинств. Насколько я знаю, он любит своих детей.

— Послушай меня! — зарычал Локи. — Сатана освободил меня и моих детей при условии, что мы поможем ему положить конец этому миру. После того как он выиграл бы свое сражение, я

начал бы свое, за наступление Рагнарёка. Я бы отомстил наконец богам, убившим одного из моих детей и заточившим в неволю других. Мое тело все еще гниет под землей, но мой дух находится в этом, позаимствованном на время теле. Сегодня я узнал, что меня обманули, что мой враг собирается не уничтожить мир, а поработить его. Он обратился против моего народа, данов, помогавших ему, и приказал убивать их как скот. Он отказал мне в единственном, ради чего я жил, в мести. Он украл у меня час победы и смерти. И все же я до сих пор нужен ему. Для исполнения пророчества необходим Антихрист. Но когда год закончится и он победит, нужда во мне отпадет. Мы, я и мои дети, будем возвращены в заточение. Навсегда.

Он шагнул к Элвину и стоял теперь рядом с перепуганным Валаамом. Его тело дышало яростью, голубые глаза блестели. Элвин смотрел на него и не мог отвести взгляд от того, кто был возлюбленным Кеннаг, а стал вместилищем злого бога.

— Только вы двое можете остановить Сатану. Вы единственные, кто угрожает ему. Он боится вас. Вот почему он послал Хель и Гарма найти вас. Вы хотите остановить его, чтобы спасти свой мир. Я хочу остановить его, чтобы спасти себя. Эгоистично, конечно, но это можно понять.

— Если это не ложь, — сказал Элвин, но голос его прозвучал слабо и неуверенно. Все, сказанное Локи, походило на правду. Все соответствовало тому, что говорилось о Сатане в Библии. А слова Локи о намерении Сатаны воцариться в мире на вечные времена отозвались в нем холодным страхом.

— Кеннаг? — тихонько позвал он. Она вздохнула, словно выходя из транса.

— Ты взял тело моего любимого, — сдержанно сказала Кеннаг, стараясь не поддаться злости и отчаянию. — Ты убил его?

Локи посмотрел на нее с сочувствием.

— Я не знаю. Сначала я был в своем теле, скованном цепями, потом оказался в этом. Спроси у Анджело, что он сделал с духом Брана.

— У Анджело? — изумленно переспросил Элвин. — У королевского советника?

— У него, — подтвердил Локи.

Боже, он ведь встречался с этим Анджело, разговаривал с ним, не зная… Элвин поспешно перекрестился. Значит, все это время Враг был здесь.

— Как ты думаешь, есть ли надежда на то, что Бран еще жив? — не отступала Кеннаг, не обращая внимания на состояние Элвина.

— Не знаю. Может быть.

Кеннаг перевела дыхание. Ее щеки слегка порозовели. Прежде чем Элвин успел что-то сказать, она снова обратилась к Локи:

— Нам необходимо попасть на остров Иона, туда, где ты и твои люди убили невинных монахов.

Локи ничуть не смутился.

— Я знаю это место. На них, — он кивнул в сторону осла и лошади, — вы туда не успеете.

Валаам, вытянув шею, посмотрел на Элвина.

— Оставь меня, — тихо сказал он. — Я только помешаю тебе.

Элвин погладил осла по шее.

— Валаам, когда я пришел мальчиком в монастырь, ты уже был немолод. Я не могу оставить тебя здесь.

Кобыла Кеннаг заржала и замотала головой. Не в первый раз Элвин удивился тому, что не понимает это животное. Она явно была наделена разумом и выражала свои мысли вполне ясно.

— Так ты позаботишься о нем? — спросил Элвин, и лошадь закивала.

— Если у вас ничего не получится, вряд ли этот Анджело пожалеет старого осла, помогавшего тебе, — указал Валаам. — А если все получится, то ты придешь за мной. — Его карие глаза немного расширились. — Придешь?

— Конечно, приду, — успокоил его Элвин, понимая, что эти слова решили все: он оставляет животное и отправляется в путь вместе с богом обмана.

Ничего другого не оставалось. Элвин сполз со спины Валаама и погладил его по мягкому носу. В глаза ему бросилось кольцо с пятиконечной звездой. Кольцо заберут, и он уже никогда не поймет речь осла. Поддавшись порыву, Элвин крепко обнял друга за шею и тут же отвернулся.

— Похоже, нам придется связать свои судьбы с тобой, — сказал он Локи. — Никогда бы этому не поверил, но, кажется, мы сражаемся на одной стороне.

— Отлично. — Локи кивнул. — Хотелось бы посмотреть на лицо этого ублюдка, когда все его замечательные планы начнут рушиться.

Он улыбнулся. Элвину стало не по себе. Хорошо, что Локи с ними, а не против них.

— Но как мы туда попадем? — спросила Кеннаг. — Ведь у твоего коня тоже нет крыльев.

— Хель не будет сопровождать нас, — сказал Локи. — У нее другая задача — помочь сдержать воинство Анджело. А вот моему Фенриру… — он любовно почесал волку холку, — крылья ни к чему. Опустись, сын мой, и позволь нам взобраться на тебя.

Зверь послушно припал к земле, согнув лапы. Локи протянул руку Кеннаг. Поколебавшись, она взглянула ему в лицо и приняла помощь.

Элвин не желал ничьей помощи, но с одной здоровой рукой оседлать Фенрира было не под силу. Ему ничего не оставалось, как опереться на плечо Локи. Пальцы почувствовали под одеждой бога теплую человеческую плоть. Не зная толком, чего ожидал, он был потрясен, обнаружив нечто совершенно нормальное.

Рататоск и Ровене было легче, так как они ни в чьей помощи не нуждались. Кошка устроилась у ног Элвина, а белка, не испытывавшая, похоже, никакого страха, уселась возле ушей волка.

— Недди, ты с нами? — спросила Кеннаг. Призрак, оставшийся на земле, улыбнулся:

— Я путешествую не так, как вы. Буду ждать на Ионе.

— Скоро увидимся, — ответил Локи, занимая место перед Кеннаг и Элвином. — Ну, сын мой, расти.

На глазах у изумленного Элвина волк, и без того неестественно огромный, и впрямь начал расти. Он становился все больше и больше, пока голова его не стала возвышаться над вершинами деревьев. Фенрир завыл, и Элвин вскрикнул и заткнул уши. То же сделала и Кеннаг, а Ровена впилась когтями в ногу Элвина.

Оглянувшись на двух своих бывших спутников, Кеннаг ахнула и потрясла Элвина за плечо.

— Посмотри!

Он обернулся. Рядом с Валаамом, поглаживая его длинные уши, стояла самая красивая из когда-либо виденных им женщин. Ее развевающееся платье незнакомого покроя было белым, а светлые волосы могли бы вызвать зависть у солнца, столь часто прятавшего от них свой лик.

Именно тогда Элвин заметил, что ее длинные, изящные ноги заканчиваются золотыми копытами.

— Элона, — пробормотала Кеннаг. — Неудивительно, что темные эльфы Гвина не осмеливались подходить к ней.

Элвин полагал, что после всего случившегося с ними за время путешествия его уже трудно чем-то удивить, но, как оказалось, ошибался. Благоговейный трепет коснулся его души. Даже он, монах, знал, кто такая Элона. Римляне приняли эту кельтскую богиню, покровительницу лошадей, в свой пантеон, и ее образ — образ прекрасной белой кобылы — до сих пор сохранился на старинных зданиях.

Видя, что на нее смотрят, Элона качнула головой, и ее золотистые волосы превратились в гриву. Тело женщины на

мгновение растворилось в дымке и тут же превратилось в тело лошади. Но теперь Элвин видел ее во всей красе.

Лошадь заржала и игриво лягнула Валаама. Старый осел ответил тем же. Они повернулись и устремились прочь, два красивых животных среди мрака, обложившего землю.

Еще глядя им вслед, Элвин почувствовал, как напряглись под ним мускулы приготовившегося к прыжку волка. В следующее мгновение зверь прыгнул, вытянув шею и превратившись в длинную и быструю тень.

Земля мелькнула под его гигантскими лапами. Оказалось, что держаться не так уж и трудно. Огромный размер обеспечивал стабильность, однако, поглядывая вниз на проносящиеся под ними деревья, Элвин невольно сжал пальцы, цепляясь за длинную густую шерсть.

Он понятия не имел, с какой скоростью они передвигаются, но Локи был прав — Фенриру не требовались крылья.

Шло время, скорость не уменьшалась. Миля за милей волк поглощал расстояние, и впервые после встречи с женщиной, сообщившей им подлинное число месяца, у Элвина появилась надежда.

Они пересекали равнины и поля, обходили стороной безграничные леса и озера. Ландшафт менялся, появлялись каменистые холмы, горы, но даже они казались не столь большими по сравнению с громадным зверем.

Пришла ночь, принеся полную, беспробудную тьму, и Элвин ощутил, как переменился запах ветра. Теперь в нем появился привкус соли, извещавший о близости океана. В который уже раз Элвин подивился тому, насколько неисповедимы пути Господни.

Двигаясь точно на северо-запад, Фенрир перескочил реки и долины, оставшиеся невидимыми. Запах океана стал сильнее. Справа и впереди выросла из темноты гора, и Элвин услышал ритмичный, успокаивающий голос океана. Что ж, по крайней мере это еще осталось неизменным.

Фенрир замедлил свой бег и, наконец, остановился. Бока его вздымались и опадали. Даже для него путешествие длиной в сотни миль стало нелегким испытанием, отнявшим много сил.

— Мы добрались до края земли, — сказал Локи. Элвин вгляделся в темноту. Рядом что-то сухо треснуло, и на ладони у Локи появился огненный шар. Локи осторожно подбросил его вверх, и шар повис в воздухе, кружась и становясь все ярче, так что вскоре все осветилось, словно от десятков факелов.

Фенрир начал уменьшаться. Ощущение было не очень приятным, но Элвин молчал. Когда зверь достиг размеров лошади, седоки спрыгнули на землю. Рататоск и Ровена

последовали за ними.

Скрестив руки на груди от пронизывающего холодного ветра, Кеннаг вглядывалась в черную воду. Остров виден не был, хотя Элвин ощущал его близость.

Низкий, протяжный крик раздался над водной гладью. Кеннаг и Элвин переглянулись, но Локи обрадовался.

— Ёрмунганд! — воскликнул он. — Ты нашел нас, умница.

— У нас нет лодки, — сказала Кеннаг. — Как мы попадем на остров?

Элвин знал ответ и, улыбнувшись, воткнул в землю посох Аарона. Кольцо Соломона уже сослужило добрую службу, теперь настала очередь воспользоваться посохом.

— Господь дал нам средство пройти к священному острову, — сказал он.

Спутники посмотрели на монаха и почтительно отступили. Элвин шагнул к воде. Ровена, последовавшая за ним, потерлась своей белой головой о его ногу.

Остановившись на самом краю земли, Элвин вдруг осознал, что не знает, как быть дальше. Нужно было произнести какие-то слова, но на ум ничего не приходило. Тогда Элвин молча опустил посох в воду.

Сначала ничего не произошло. Затем дорожка света от подвешенного в воздухе фонаря задрожала, затанцевала, и Элвин услышал всплеск. На поверхности воды явно проявилась линия раздела, уходившая от посоха вдаль и исчезавшая где-то во тьме.

— Хвала Господу, — выдохнул Элвин.

Словно невидимые могучие руки развели черные воды океана, положив четкую, ровную дорогу по усеянному камнями и мусором дну. И эта дорога вела прямо к острову, известному как Лампада Веры.

Элвин замер, пораженный свершившимся у него на глазах чудом. Ему всегда казалось, что именно такое зрелище наполняло Моисея пьянящим ощущением власти. Впрочем, у него ничего подобного и не возникало. Чудо сотворил Бог, а он, ничтожный монах, был всего лишь инструментом, как и посох.

— Элвин, идем.

Кеннаг, как всегда практичная, не дала ему времени полюбоваться чудом. Неуклюже повернувшись, он увидел, что остальные уже уселись на спину Фенрира. Элвин кивнул и присоединился к ним.

Зверь прыгнул вперед. Издалека донесся рев морского змея, еще одного из детей Локи. Но теперь Элвин уже не сомневался в намерениях недавнего врага. Он верил в своего Бога и был убежден, что посох Аарона не совершил бы никакого чуда, если

бы Господь не одобрил союза с Локи.

Дно было скользким, и несколько раз, когда лапы чудовищного волка не находили надежной опоры, седоки оказывались в трудном положении. Но все же никто не упал. Расстояние в несколько миль волк преодолел за считанные мгновения.

Внезапно Фенрир остановился, и сидевшие на нем Элвин, Кеннаг, Рататоск и Ровена с трудом удержались на его спине. Элвин встревожено вскинул голову и…

Слова застыли в горле.

Прямо перед ними, возвышаясь даже над головой волка, выросла бурлящая, кипящая стена воды. Она поднималась, грозная, сердитая, устрашающая, готовая вот-вот обрушиться на отважных путешественников.

— Не понимаю, — пробормотала Кеннаг. — Посох… почему он не помог?

Элвин покачал головой. Какое-то мгновение он просто таращился на гигантский вал, стараясь не поддаться страху. Может быть, требуется еще одно прикосновение посоха? Все молчали. Наконец Элвин сполз с Фенрира. Ноги погрузились в грязь, и когда он попытался вытащить их, она поддалась неохотно, выражая недовольство противным чавканьем. Шепча слова молитвы, Элвин сделал с десяток шагов вперед и ткнул посохом во вставший на пути барьер.

Ошибка. Что-то, таившееся внутри вала, ухватило посох и потянуло на себя.

— Помогите! — крикнул Элвин.

И тут же чьи-то сильные руки обхватили его сзади. Он вспомнил, что Бран был при жизни кузнецом. Кеннаг тоже тащила его назад.

— Это что-то неестественное! — крикнул Локи. — Оно и моим приказам не подчиняется!

Тот, кто командовал стеной воды, был намного сильнее трех простых смертных. Элвин поскользнулся, увлекаемый вперед неодолимой тягой. В нос ему било зловоние грязи и гниющих растений. Он отвернулся, испугавшись, что сейчас упадет и отвратительная жижа забьет рот и ноздри.

— Отпусти посох! — пискнула Ровена, наполовину утонувшая в грязи.

Но он не мог этого сделать. Посох был одним из двух даров Михаила. О нем нужно заботиться, его надо ценить и оберегать. Нельзя отбросить посох Аарона так, будто это всего лишь обычная палка.

Бурлящая стена приближалась. Элвин уже видел в ней каких-

то странных, гротескных существ, совсем непохожих на привычных рыб. Чудовищные уродцы кружились и танцевали, то появляясь, то исчезая, но и одного взгляда на них — хватило, чтобы монаха обуял страх.

И все же Элвин держался. Грудь ему сдавливали руки Локи. Еще немного, и его бы разорвало пополам.

Внезапно резкая, острая боль пронзила руку, и Элвин невольно разжал пальцы. Посох дернулся, обжигая ладонь, и исчез в кипящем водовороте.

Ровена! Это она укусила его, заставив выпустить драгоценный посох. Но злиться на кошку было некогда. Элвин едва успел выпрямиться, как тот, кто сдерживал грозный вал, освободил стихию.

ГЛАВА 24

Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих.

Иоанн, 15:13

Остров Иона

11 декабря 999 года

Стена падала мучительно медленно. Словно из тумана до Элвина доносились вопли Кеннаг и крики Локи. Он не мог сдвинуться с места. Не мог пошевелиться. Будто приросший ко дну, он стоял и смотрел на мрачные воды с обитавшими в них жуткими тварями. Сейчас все это обрушится и…

Что-то ударило его в бок, и Элвин упал. Тьма низверглась на него, лишив на мгновение возможности дышать. Смерть оказалась вовсе не такой, как он мог бы ее представить. Хотя легким катастрофически не хватало воздуха, ему было сухо, а под ним ощущалось нечто твердое, мягкое и прочное. Юношу никуда не тянуло, вода не стремилась внутрь его тела.

Странная поверхность под ним шевельнулась, и Элвин перекатился на правый бок. Рядом слышались мяуканье, стоны и вздохи. Но ведь все утонули?

Его окружала непроглядная тьма. Земля снова заворочалась, и Элвина отбросило в другую сторону. Он ударился обо что-то головой. Обо что-то твердое, большое и гладкое.

Легкие вдохнули наконец воздух. Монах потер ладонью раскалывающуюся от боли голову, нащупав уже начавшую расти шишку. Похоже, он все-таки не утонул. Но тогда что же случилось?

Слева от него, совсем близко, тьма расступилась, дав место свету. Локи! Это же его фокусы! Присмотревшись, Элвин увидел, что камень, о который он ударился, был не чем иным, как громадным зубом, а странная перекатывающаяся поверхность — скользким черным языком.

— Не бойся, — сказал Локи, заметив, что Элвин уже набрал воздуху, чтобы закричать. — Нас спас Ёрмунганд, мой сын!

Бог подошел к приоткрывшемуся отверстию и выглянул

наружу. Кеннаг, Ровена и Рататоск присоединились к нему.

Элвин почувствовал, что его бьет дрожь. Он находился во рту громадного морского змея! И все же это лучше, чем утонуть и быть унесенным в безбрежный океан. Вот уж верно, что пути Господни неисповедимы. Куда они приведут его в этот последний день существования мира?

Монах медленно подполз к своим спутникам, стараясь не обращать внимания на то, что под ним влажный, скользкий и холодный язык монстра. Помимо прочего, Ёрмунганд захватил ртом и немало камней и ила. Времени деликатничать не было, и змей просто разинул пасть, втянув не только пять живых существ, но и попавший мусор.

Чудовище держало их вполне уверенно. Выглянув из его рта, Элвин увидел, что они находятся довольно высоко над водой. Слева от них стоял Фенрир. Вода едва доставала ему до живота. Волк выглядел непривычно растерянным, оглядывался по сторонам и завывал.

Ниже и справа виднелись полоска земли и небольшое строение, похожее издали на детский игрушечный домик. Это был монастырь. Думать о том, чем могли быть разбросанные там и сям серые комочки, Элвину не хотелось.

Весь островок был окружен кольцом воды, бьющей на несколько ярдов вверх с поверхности океана. Дорога, проделанная посохом, еще сохранялась и вела прямо к бурливому, сердитому кругу воды. Значит, именно это и остановило их. Дважды на выручку приходил Локи. Фенрир успел вовремя доставить их на место, а Ёрмунганд спас от верной смерти. Но почему змей не доставил их на остров? Элвин уже хотел спросить об этом Локи, но тут его внимание привлекло какое-то движение на острове.

Ничто и никто не мог двигаться таким вот образом, ни паук, ни змей. Это нечто, совершавшее резкие, непонятные, почти безумные рывки, напоминавшие конвульсии, явно имело множество ног или рук… или голов…

Существа выползали из воды и двигались в глубь священного острова, оскверняя все одним своим присутствием. Воины Хель! Это были они, готовые вступить в битву с любым, кто осмелится встать на пути их хозяйки. Они все ползли и ползли, серые, яркие, темные, злые, и исходящий от них ужас почти парализовал Элвина.

— Ну и ну, — прошептала Кеннаг и грубо выругалась.

Странно, но ругательство, слетевшее с губ Кеннаг, ободрило монаха. Появление Локи в образе Брана повергло ее в шок, но сейчас она, похоже, оправилась от потрясения. От нее дохнуло

силой и уверенностью.

— Да, чудовища подземного мира — пустяки по сравнению с творениями Анджело, — пробормотал бог, и глаза его вспыхнули от ненависти. — Они захватили остров. Мы должны отбить его.

Элвин молча перекрестился. Локи повернулся к нему.

— Что ты должен делать?

— Я… я должен петь.

— Что? — Локи недоумевающе воззрился на монаха. — Хочешь сказать, что мы проделали весь этот путь только для того, чтобы ты спел песенку? Но…

— Таково пророчество, — перебила его Кеннаг. — До тех пор пока на острове будет звучать голос монаха, восхваляющего Бога, конец света не наступит.

— Большей глупости я еще…

— Посмотри! — Кеннаг указала на сотни демонов, почти заполнивших крохотный, всего три мили в поперечнике, остров. — Думаешь, Анджело находит это глупостью?

Локи кивнул:

— Пожалуй, в этом что-то есть.

— Можешь не сомневаться. — Она высунулась из пасти змея, и Элвин испугался, что Кеннаг сейчас упадет. — Если бы увидеть луну! Элвин, луна ведь тоже один из знаков?

Элвин облизал сухие губы.

— Нет. Но она должна стать красной… как кровь.

— Пусть даже багровой, как чертополох, только бы увидеть.

— Это не трудно, — хвастливо заявил Локи и, высунувшись из пасти Ёрмунганда, махнул рукой.

Из ниоткуда явился ветер. Элвин не чувствовал его за надежными стенами укрывшей их пещеры, но слышал хорошо.

Протянув длинный палец, Локи указал направление, и через несколько мгновений ветер уже очистил часть неба от затянувших его туч. В просвете блеснул диск луны. Его кровавый блеск произвел на Элвина еще более гнетущее впечатление, чем застилавший его черный дым.

— Времени почти не осталось, — сказала Кеннаг, поворачиваясь к монаху. По ее бледному лицу прыгали блики отраженного света. — Ночь давно наступила. Если мы собираемся что-то делать, то надо поспешить.

— Ты хорошо помнишь пророчество? — озабоченно спросил Локи. — Не хватало еще совершить ошибку и сыграть на руку Анджело.

— Я помню его дословно, — рассеял опасения бога Элвин и процитировал предсмертные слова святого Колумбы.

— Что ж, верно, — мрачно заметил Локи. — Мне было

приказано перебить всех монахов, но не трогать скот. Я вижу животных. Они не знают, как им повезло. Значит, голос монаха… и все?

— Мы так думаем, — сказала Кеннаг, пожимая плечами. — Пророчества никогда не бывают совершенно ясными и однозначными.

Локи рассмеялся громко и весело. Звонкий смех, прозвучавший таким контрастом на фоне сложившейся опасной ситуации, разозлил Элвина. Но в нем было что-то заразительное и свежее, и монах невольно улыбнулся.

— В этом, Кеннаг, ты права. Что ж, будем делать то, что считаем нужным. На вашем месте я бы приготовился к битве.

Он посмотрел сначала на женщину, вооруженную кинжалом, потом на Элвина, совершенно безоружного, и, наконец, на белку и кошку, которые могли рассчитывать лишь на собственные зубы и когти.

— Только ваш Бог знает, почему вас выбрали. — Локи покачал головой. — Но я помогу, чем смогу. Фенрир! Ёрмунганд! Нашим гостям нужно посетить монастырь!

Волк с удивительной быстротой и грацией изготовился к прыжку. В следующий момент он взлетел над водной преградой, не успевшей отреагировать на столь внезапный маневр. Защелкали могучие челюсти, перемалывая темных тварей и разбрасывая их в стороны. Дальнейшего Элвин не увидел, потому что Ёрмунганд тоже пришел в движение.

Голова змея ушла под воду, и монаха едва не вырвало. Остров будто набросился на них. Без всякого предупреждения Ёрмунганд остановился. Элвина и Кеннаг отбросило в сторону. Мощный хвост, покрытый сияющей чешуей, поднялся и опустился на Иону. Змей снова рванулся вперед. Рот чудовища открылся. И Элвин полетел, кувыркаясь, на землю.

Со всех сторон на них обрушилась какофония криков, писков, шипения и каких-то других звуков, которых Элвин никогда не слышал и не пожелал бы услышать вновь. Земля задрожала, и он упал. Кто вызвал это сотрясение тверди, враги или союзники, Элвин не ведал. Ему было все равно. Скрючившись от ужаса, он лежал на земле, не смея поднять голову.

Прямо перед ним материализовался белый колеблющийся силуэт Недди. Мертвый король нахмурился.

— Элвин, времени совсем мало! Уже почти полночь! Ты должен петь!

Элвин непонимающе заморгал. Петь? Он не мог и рта открыть. Горло сдавило, словно тисками. Не говоря ни слова, монах, словно немой, смотрел на Недди.

Черты лица призрака смягчились. К удивлению Элвина, Недди открыл рот и запел негромким, приятным голосом. Ничего особенного в этом пении не было, обычный гимн, который часто исполняют в церкви. Но губы Элвина зашевелились, из горла хлынули звуки. И его собственный голос поплыл в воздухе, соединяясь с голосом призрака.

Не переставая петь, он поднялся. Колючий ветер хватал слова, едва они выходили из его рта, и уносил вдаль, но это не имело значения. Элвин пел. Слышал ли кто-нибудь эти слова, это было уже не важно. На священном острове звучал голос монаха.

Элвин думал, что чудовища, пребывающие на Ионе, набросятся на него, но они предпочитали держаться на расстоянии. Посматривая на своих товарищей, он начал вечернюю молитву. Кеннаг, сжимая в руке нож, бежала к нему, ее рыжие волосы развевались на ветру. Другой рукой она прижимала к себе Рататоск и Ровену. Она кричала что-то на бегу, и хотя Элвин не слышал слов, он знал — она хочет, чтобы он не останавливался.

Немного дальше, у белого камня, возле осквернённого монастыря стоял Локи. Его черные волосы тоже терзал ветер, но бог стоял неподвижно, будто вытесанный из камня. Только губы шевелились, повторяя что-то, чего Элвин не слышал.

С неба ударила молния. Она ударила по тварям, если не убив, то хотя бы замедлив их наступление. Элвин понял, что молнии, как и ветер, и воды, подчиняются приказам Локи. Мысль эта была ему неприятна, потому что напомнила о той роли, какую до недавних пор играл этот обманщик. Антихрист, вооруженный всеми силами зла.

Земля снова задрожала, и монах пошатнулся, но продолжал петь, вспоминая ежедневные молитвы, которые повторял почти всю свою жизнь. Знакомые слова придавали сил и успокаивали.

Но эти же самые слова застряли в горле, когда зашевелились монахи.

Мертвые уже двадцать девять дней, они вставали неуклюже. Кеннаг, уже почти добежавшая до Элвина, зацепила одного из них плечом.

Элвин застонал. Несомненно, это дело рук Анджело. Бог воскрешал людей к жизни, но эта пародия на жизнь была насмешкой, оскорблением святого чуда. И тем не менее мертвые монахи пошли не навстречу Элвину, а навстречу его врагам. Объятый ужасом и отвращением, он посмотрел на Локи и увидел на его лице мрачную усмешку.

Иисус воскрешал мертвых. Антихрист мог только оживить их.

— Продолжай петь! — донесся до него слабый голос Кеннаг.

Сглотнув подступивший к горлу комок, Элвин запел. Слезы ужаса и страха катились из глаз, но он упрямо повторял слова молитвы.

Боже Милостивый, доколе же?..

— Если хочешь, все закончится прямо сейчас, — произнес чей-то голос над самым его ухом. Тихий, вкрадчивый, сладкий и звучный.

Элвин повернулся, застигнутый врасплох, и увидел стоящего рядом Анджело. Такой же красивый, каким помнил его Элвин с первой встречи, недоступный ветрам и жару, опалявшему остров.

Монах застонал и отшатнулся. Ужас подавил его волю и заставил замолчать.

— Правильно, — одобрительно молвил Анджело. — Тебе не надо ничего делать — просто не делай ничего. Это ведь так легко, не так ли?

Элвин кивнул. Горло его болело. Ему не хотелось петь. И слова куда-то ушли…

— Не слушай его, Элвин! — Подоспевшая Кеннаг схватила его за руку и дернула изо всех сил. — Разве ты не знаешь, кто это? Разве не понимаешь, что ему нужно?

Элвин тупо смотрел на нее. Кеннаг повернулась к Анджело.

— Ты не можешь просто убить нас, — прохрипела она. — Ты даже не можешь заставить нас замолчать. Таково пророчество. Мы Свидетели и не погибнем, пока Зверь из бездны не возьмет нас!

— Глупое дитя, — пробормотал Анджело и покачал головой, как нежный отец, разговаривающий с беспутной дочерью. — Я — Зверь из бездны, и я пришел за вами!

Кеннаг побледнела.

— Это ложь, Кеннаг. — Голос принадлежал Недди, висящему в воздухе в нескольких футах над землей. — Он не может убить тебя, Элвин. Не может принудить тебя замолчать. Не дай себя одурачить! Пой!

Элвин чувствовал себя так, слово его засыпало снегом. Голоса доходили до его ушей, он понимал слова, но звуки были очень слабыми. Он не ощущал ни ветра, ни тепла и едва сознавал, что Аоки и его дети из последних сил сдерживают наступающих чудовищ. Его взгляд был прикован к ангельски прекрасному созданию, а в голове билась только одна мысль: «Я не хочу петь».

— Что они предложили тебе, Элвин? — Голос Анджело звучал явственно, чисто и сильно. — Спасение мира? А что этот мир сделал для тебя? Или что он сделал с тобой? Кто ты? Заурядный монах, затурканный и увечный?

Слова Анджело словно сочились пренебрежением. Он шагнул

вперед, и Элвин ощутил сладкий аромат роз и меда.

— Я могу предложить тебе место в моем новом мире.

Его дыхание пьянило Элвина. Монах закрыл глаза. Он уже не слышал голосов Кеннаг и Недди. Только Анджело говорил с ним.

— Хочешь Кеннаг? Я могу дать ее тебе. Хочешь власти? Хочешь быть почитаемым, как Вульфстан? — Анджело щелкнул пальцами: — Готово?

Элвин сглотнул и открыл глаза.

— Я видел такие соблазны, — проговорил он. — Я одолел их. Ты не можешь предложить мне ничего такого, что заставило бы меня перейти на твою сторону.

— А? — Анджело остался на месте, но его лицо расплылось в улыбке. — Уверен? Ты настолько в этом уверен?

Он наклонился и дотронулся до руки Элвина.

— Я могу исцелить твое увечье.

Элвин застыл. Рука потеплела, ожила. Он посмотрел на нее — его безжизненная, сухая рука стала сильной и крепкой. И пальцы уже не крючились, как серые, неживые прутики. Это была рука мужчины, полная сил и здоровья, рука, способная двигаться, прикасаться, ласкать и… Он сжал пальцы. Невероятно — получился кулак. Слезы наполнили его глаза и хлынули по щекам. Он перестал быть увечным. Никогда еще он не ощущал себя таким сильным, крепким, здоровым и полноценным. Он просил Бога исцелить его руку, часами стоял на коленях, прося прощения за неведомый грех, ставший для него проклятием. Бог не услышал. Услышал Анджело.

— Пой!

Голос Кеннаг, резкий, неприятный, как карканье вороны, резанул слух. Не обращая на нее внимания, Элвин упал на колени, разглядывая свою новую прекрасную руку. Он дотронулся до нее пальцами правой руки и ощутил — ощутил! — легкое прикосновение.

Анджело ухмыльнулся и резко махнул рукой. Краем глаза Элвин видел, как Кеннаг подняло в воздух и отбросило на несколько ярдов. Он не видел, куда и как она упала. Ему было все равно. Все его внимание занимала рука. Элвин рассмеялся.

Бури бушевали вокруг монаха. Демоны и боги сражались из последних сил, но он не думал о них.

Что-то белое появилось перед ним. Ровена?.. Прежде чем Элвин успел сообразить, что она делает, кошка набросилась на его замечательную левую руку и впилась в нее когтями и зубами. Боль пронзила его. Объятый ужасом, Элвин закричал и сбросил животное на землю. Однако Ровена тут же повторила атаку и перед тем, как вонзить в его плоть когти, промяукала:

— Пой!

Проклятая, несносная кошка! Она терзала его чудесную, сказочную, совершенную руку! Она грызла и царапала ее! Рвала кожу! Не сознавая, что делает, Элвин вскочил на ноги и подбежал к ближайшему камню. Крича от гнева и ярости, он обрушил руку с кошкой на камень. Еще раз! И еще! Что-то хрустнуло, и Ровена обмякла. Элвин выпрямился, стряхнул безвольное тельце и прижал окровавленную руку к груди, бормоча какие-то слова утешения, словно разговаривал с обиженным ребенком.

Он поднял голову, и его взгляд натолкнулся на что-то маленькое, белое и красное. Элвин мигнул, отгоняя слезы, и вдруг понял, что это за комочек. Ровена! Он убил Ровену!

Она напала на него, чтобы отвлечь, напомнить о битве. А он взял и убил ее своей новой, дьявольски сильной и красивой рукой.

Неужели все свелось к этому? Неужели судьба мира может зависеть от трогательного желания какого-то монаха иметь здоровую руку?

Под белым тельцем мертвой кошки расползалось темное кровавое пятно.

Так вот для чего ему эта рука? Чтобы убить ею верного друга? Чтобы отбросить все, во что он верил, за что дрался, и отдать мир во власть Сатаны?

Нет!

Комок, застывший в горле, грозил перекрыть его голос, но Элвин справился с ним. Сначала он смог только пискнуть, однако тут же набрал воздуху и запел во всю силу. Сжав кулаки, он воздел руки к Небесам, которых не видел, но в которые верил, и возвысил свой окрепший голос.

— Молчи, монах! — сорвался на крик Анджело. — Молчи, монах! МОЛЧИ!

Элвин не желал молчать. Он пел ради Кеннаг, сильной и отважной, ради Валаама, доброго и надежного, ради Рататоск и чудесной лошади эльфов, оказавшейся богиней. Ради Недди, несчастного юноши. Но прежде всего он пел ради Ровены, друга и спутника, отдавшей жизнь за то, чтобы наступил вот этот миг. Он не мог подвести ее.

Анджело метался вокруг монаха, пританцовывая, как рассерженный хищник, и его человеческое тело принимало недоступные человеку позы. Дважды он протягивал руки, словно для того чтобы задушить Элвина, и дважды отступал, разъяренно рыча.

И, наконец, что-то будто сломалось в нем. Глаза погрузились в глазницы, рот открылся так широко, как если бы он хотел

проглотить весь мир. Голос, глубокий, звучный, невозможный для человеческого горла, вырвался изнутри и ударил в Элвина.

— ЕСЛИ Я ПАДУ, ТО И ТЫ ПАДЕШЬ ВМЕСТЕ СО МНОЙ!

Прекрасное человеческое тело, которое Анджело носил, как носит нелепый наряд уличный комедиант, треснуло и раскололось на тысячи ярких кусочков. Уродливая темная тень рванулась из этой лопнувшей оболочки. Тень издала душераздирающий вопль, и из ее мерцающих глаз ударил луч красного цвета, направленный в грудь Элвина.

— ВОЗМЕЗДИЕ!

Этот крик вышел из человеческого горла, но голос принадлежал богу. С невероятной быстротой — от чего Элвину он показался всего лишь пятном — Локи метнулся вперед и встал между монахом и смертоносной стрелой.

Кеннаг взвизгнула.

Локи изогнулся и пошатнулся, его красивое лицо исказила гримаса агонии. В следующее мгновение он упал. Элвин почувствовал едкий запах обожженной плоти и увидел громадную дыру в груди рухнувшего бога. Но петь он не перестал.

Рев ярости и отчаяния заставил Элвина взглянуть на Анджело, точнее, на то, что было им. Тварь собралась, готовясь нанести последний удар.

Элвин закрыл глаза и воззвал к Богу.

Существо покачнулось. Его жуткое лицо перекосилось от гнева, дикой злобы и боли.

— Нет, — завыло оно. — НЕТ! Я не уступлю! Я не…

Яркая, слепящая вспышка, сопровождаемая оглушительным взрывом, заставила его зажмуриться. Земля покачнулась и вздыбилась. Элвин упал. Хватая ртом воздух, он все же приподнялся и посмотрел на врага.

Демон исчез. На том месте, где он стоял, горела обугленная земля.

В уши Элвина словно набилась горячая сажа, но в них еще звучал его собственный хриплый, но необыкновенно сильный голос. Других звуков не было. Океан застыл. Водяной вал, воздвигнутый Анджело, опал, и даже волны, тысячелетиями накатывавшие на берег, остановились. Во всем мире звучал лишь надтреснутый голос Элвина — хрупкая мелодия на фоне непостижимого покоя.

Его голос дрогнул и тоже умолк. Теперь монах слышал лишь биение сердца в изнуренной груди.

Тишина, полная тишина: безмолвие, неизвестное с начала мира.

Последний знак, о котором говорилось в пророчестве

Откровения — безмолвие на небе.
Победа… или поражение?

ГЛАВА 25

И отрет Бог слезу с очей их, и смерти не будет уже: ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло.

Откровение, 21:4

Безмолвие снизошло, как нечто физическое, и все существа на земле, в воздухе и под землей замерли на мгновение. Тишина была плотной, как та, которая царила до Сотворения мира.

Затем мертвые, принужденные ходить и сражаться вместо того, чтобы, как и должно, покоиться с миром, упали на землю. Сила, оживившая их, исчезла. Они снова стали трупами, не больше и не меньше. Вороны взмахнули крыльями и продолжили полет, снижаясь кругами и опускаясь на землю, предлагавшую им роскошный пир.

Чудовищные твари, вызванные темными силами, прекратили охоту и отступили. Они растворились в тенях, в расщелинах скал и пещерах, вернулись в кошмары и тьму, чтобы выйти оттуда, когда их призовут.

Четыре всадника, восседавшие на вороном, белом, рыжем и бледном конях, оглядели открывшуюся их взору сцену. Не произнося ни слова, они развернули коней и медленно покинули поле битвы. Их роли сыграны. Никогда больше не скакать им по поверхности этого мира. Прекрасные лица людей, ангелов и эльфов озарились несмелыми улыбками. Сыны Потерянного Племени обнялись и расплакались, а тепло их объятий коснулось духов ветра и воды и тех божественных существ, которые с одинаковой страстью любили и Бога, и людей.

Год завершился. Страх ушел. Свидетели победили.

Остров Иона

1 января 1000 года

Звук осторожно и медленно, как дыхание ребенка, возвратился в мир Элвина.

Сначала это был шорох волн, набегавших на берег острова, потом далекий крик чаек, затем тихий ветерок, гладивший его лицо и игравший волосами.

Он услышал шаги по песку и, повернувшись, увидел стоявшую рядом Кеннаг. Не говоря ни слова, она взяла его руку — правую руку — и пожала ее. Слезы подступили к его глазам, и Элвин ответил таким же крепким пожатием.

Не зная, что ищут, они обратили лица к небу. Смеющийся ветер хорошо справился со своей задачей и разогнал остатки дыма и тьмы. Из-за отвратительно грязного облака выплыла луна, белая и чистая, ее мягкий свет заполнил небеса, уже украшенные помигивающими звездами. Элвин подумал, что никогда не видел ничего прекраснее.

А потом послышалось пение.

Голоса лились сверху и со всех сторон, хотя Элвин не видел поющих. Ничего более сладкозвучного он не слышал, хотя голос Кеннаг звучал похоже. Элвин не понимал слов, но это и не требовалось.

Хвала Господу… аллилуйя.

Кеннаг тихонько дернула его за руку. Он повернулся — ее милое лицо, залитое лунным светом, было прекрасно, и слезы катились по нему. Ему еще не приходилось видеть ее плачущей, но сейчас она дала волю слезам и не стеснялась их.

— Ты видишь? — прошептала Кеннаг.

Ее лицо словно светилось, а на губах играла улыбка ребенка.

— Нет, — негромко и почтительно ответил он. — У меня нет твоего дара.

Они кивнула и, утерев слезы, прикоснулась влажными пальцами к глазам Элвина.

— Раздели его со мной, мой друг.

Элвин моргнул и увидел то, что видела Кеннаг. Красота увиденного потрясла его. Небо заполнили ангелы в сияющих удивительных одеждах, с невыразимо ясными лицами. Они светились любовью, порхая и распевая на переполненном небе.

На земле тоже появились подобные им. Король и Королева Эльфов, столь же ангельски прекрасноликие, с переливающимися на свету коронами, шли навстречу Элвину. Вместе с ними была и необыкновенной красоты девушка с длинными струящимися волосами, в зеленом, влажно-блестящем платье.

— Вы справились, Дочь Магии и Сын Единого. Вы выполнили свою задачу. Знайте же, что здесь, сегодня, вы спасли множество миров, потому как есть многообразие в понимании и появлении божественного, так есть и многообразие миров. Мы рады возможности поблагодарить вас и попрощаться.

— Попрощаться? — Голос Кеннаг дрогнул, и Элвин ощутил ее боль. — Но… но мы же победили! Мы спасли ваш мир! Эйрет, как же твой колодец?

— Вы спасли наш мир от уничтожения, от чуждого вторжения, — ответила девушка голосом, похожим на журчание ручья. — Вы сохранили его целостность. Мой колодец тоже очистился от скверны. Но ничто и никто, даже Свидетели, не могут помешать уйти тому, чье время прошло.

— Нет, — запротестовал Элвин. Он не собирался говорить. Все это было из оживших легенд Кеннаг: ее боги, ее народ. Не его. Но при мысли о том, что земля лишится такой красоты, ему стало не по себе. — Многие еще не знают о вас… пожалуйста, вы можете научить нас…

— У тебя доброе сердце, христианин, — сказал король. Его улыбка лучилась добротой, хотя в глазах стояла печаль. Элвин видел, как меняется их цвет. С голубого на зеленый, с зеленого на карий. — Но ты еще не понял, что в этом нет трагедии. Такова естественная эволюция всех миров. Наше время ушло. На земле больше нет места магии холмов и ручьев. Другие верования встают, другие мысли рождаются. И это тоже проявление божественного. Вот что вы спасли, дорогие мои. Вы дали миру шанс идти дальше.

Кеннаг тихонько всхлипнула. Они еще раз улыбнулись ей, уважительно поклонились Элвину и скрылись в волнах. За ними, танцуя и смеясь, последовал весь народ эльфов. Исчезли ли они навеки или просто изменились, трансформировались в нечто более эфемерное, волшебное? Элвин надеялся на второе.

— Их нет, — сказала Кеннаг. — Слезы… я больше ничего не вижу. Слезы смыли мазь. Мой дар исчез.

— Я не видел, чтобы ты плакала раньше, — мягко сказал Элвин.

— Не могла… после той ужасной ночи, — вздыхая, ответила она. — Теперь все прошло, и магия, и боль. Все прошло.

Что-то белесое появилось перед ними.

— Недди! — воскликнул Элвин. — Ты оставался сильным, когда я ослаб. Спасибо.

Недди улыбнулся:

— Спасибо вам обоим. Тот, кто отобрал у меня жизнь, побежден. Все его планы рухнули. Теперь у меня нет причин задерживаться здесь. Настал час уйти.

— Ох, Недди, — прошептала Кеннаг. — Я буду скучать по тебе.

— И я по тебе, Кеннаг. Если бы только… — Он оборвал себя и усмехнулся. — Вы только послушайте. Говорю как мужчина, а не как дух. Мне еще многому надо научиться.

Он повернулся и отошел к камню. Там, на песке, все еще лежало что-то маленькое, белое и красное. Пристыженный и

виноватый, Элвин отвернулся. Его рука осталась такой же, как была, безжизненной и бесчувственной. Тот, кто дал ей жизнь, забрал эту жизнь с собой, исчезая навсегда. Элвин не чувствовал больше физической боли от когтей Ровены, вонзившихся в его плоть, когда животное предприняло отчаянную попытку отвлечь его от дьявольского соблазна. Но боль в сердце не проходила.

— Элвин, — негромко позвал монаха Недди, и юноша со вздохом поднял голову. — Смотри.

Чудеса не кончились, и то, которое увидел Элвин теперь, наполнило его восхищением, радостью и надеждой. Бледная, прозрачная тень отделилась от бесчувственного тельца Ровены и, урча, вспрыгнула на руки короля-мученика. Недди прижал ее к себе, потерся щекой о ее мех. Элвину вспомнилась их первая встреча. Недди был тогда дружелюбен и ласков, а Ровена в конце концов преодолела страх перед ним.

Ровена, ох, Ровена, я бы отдал все, чтобы повернуть время вспять, исправить то, что сделал…

Призрак мертвой кошки открыл глаза и с нежностью посмотрел на Элвина. Как же так? Ведь это всего лишь животное. У животных нет души… или есть?

— Мой дорогой брат Элвин. — Голос звучал у него в ушах. — Неужели так трудно поверить, что тот, кто отдал жизнь ради спасения всего мира, мог получить душу?

Элвин обернулся и увидел стоящего рядом Михаила. Как и раньше, на нем была простая ряса монаха-бенедиктинца. Все как обычно, но в глазах, спрятанных под надвинутым капюшоном, мелькнуло сияние.

— Нет, — хрипло ответил он, — нет, совсем нетрудно. Только…

— Ты прощен, друг мой, — донесся до него голос Ровены.

Элвин повернулся — Недди и Ровена уже начали таять, растворяться в воздухе.

— Прощен.

— Прощайте, ваше величество, — прошептала Кеннаг. — Да будет покоен ваш сон.

— Прощай, Ровена, — сказал Элвин, не видя уже ни юноши, ни кошки… — Спасибо тебе.

— Локи и его дети тоже ушли, — сообщил Михаил. — Они добровольно вернулись в заточение, пока не придет подлинный час Рагнарёка. Рататоск вернулась на Древо Жизни. Ей есть о чем там порассказать.

Михаил лукаво улыбнулся. Элвин изумленно смотрел на него, пока не вспомнил, что Михаил — ангел-воин. Нежные песнопения не для него. Он из более твердой породы.

— Посох! — воскликнул монах. — Я потерял его… не смог удержать…

— Не бойся, — успокоил его Михаил, и посох появился в его руке. — Создания тьмы могут завладеть священным предметом, но не в состоянии сохранить его.

Он протянул руку, и кольцо Соломона, соскользнув с пальца Элвина, оказалось у него на ладони.

Вот и все. Нет больше ни кольца, ни посоха, ни Второго Зрения, ни волшебных целительных сил. Элвин и Кеннаг стали теми, кем были, простыми смертными, единственными живыми существами, не считая домашних животных, на священном острове.

Подчиняясь внезапному порыву, Элвин повернулся к Кеннаг. Она стояла, молча глядя на него. Они шагнули навстречу друг другу и обнялись. Элвин гладил ее единственной здоровой рукой, вторая висела как плеть. Прижавшись лицом к ее теплой шее, он вдыхал ее запах. Он любил ее. Не со страстью, как любит женщину мужчина… его чувство было глубже. Они перенесли тяготы, неведомые другим смертным. Они все преодолели. Вдвоем. Вместе. Никогда и никто не сможет стать ближе друг к другу, чем они, хотя им и предстояло расстаться навсегда.

Элвин первым разжал объятия, отступил и взял женщину за руку. Ее ладонь коснулась его щеки. Последняя недолгая ласка. Она повернулась и медленно направилась к телу того, кто был ее любовником, а потом принял дух Локи. Она опустилась перед ним на колени, потом осторожно дотронулась до зияющей в его груди черной дыры. Ее пальцы ощупывали его шею, щеки, губы. Потом она закрыла голову руками и заплакала.

Локи пожертвовал своей свободой, чтобы спасти Элвина, спасти мир. Сделав это, он уничтожил Брана. Теперь духу кузнеца просто некуда было вернуться.

Он вспомнил рассказ Кеннаг о видении, в котором ее возлюбленный лежал среди мертвецов на берегу Ионы в окружении убитых монахов. Второе Зрение не обмануло.

Сладкоголосый хор ангелов начал стихать. Только Михаил, подойдя к монаху, почтительно молчал и ждал. Поймав взгляд Элвина, он заговорил.

— У тебя была нелегкая задача, Элвин. Мы все это знали. Мы не могли вмешиваться и надеялись только на то, что вам достанет смелости и мудрости остановить Врага. Вы нашли это в себе.

— Смелой была она, — сказал Элвин, не спуская глаз с Кеннаг, оплакивающей мертвого любимого. — Ровена была смелой. Я едва не подвел вас всех.

— Но не подвел, — сказал Михаил. — Ты победил. Ты снискал благодарность всего человечества, Элвин из монастыря святого Эйдана. И в знак благодарности я наделен властью дать тебе то, о чем ты молил Бога.

Элвин вдруг снова почувствовал свою левую руку. Царапины, нанесенные когтями Ровены, исчезли. Он стал здоровым и полноценным. Подняв левую руку, Элвин дотронулся до нее правой.

Он взглянул на Михаила.

— Еще одно испытание?

Михаил улыбнулся и покачал головой:

— Нет, друг Элвин. Это чудо, ответ на твои долгие молитвы. Бог милостив.

Монах медленно поднял левую руку и прижал к груди. Этой рукой он убил Ровену. Он положил на нее правую и легонько пожал. Взгляд его сам собой скользнул в сторону Кеннаг. Он видел ее рассерженной, огорченной, смеющейся, отважной. Кеннаг, чья смелость вела его через все испытания…

— Если… если можно, — сказал Элвин. — Я… у меня есть другая просьба.

ЭПИЛОГ

Уэрвельское аббатство

Гемпшир

10 марта 1000 года

Нежные голоса женщин, восхваляющих Бога, коснулись слуха аббатисы Эльфтрит. Их почти заглушало ее хриплое, прерывистое, затрудненное дыхание. Дым от десятков свечей и благовоний только усугублял положение, наполняя воздух копотью и тошнотворно-сладким запахом. Она не знала, что там, за холодными каменными стенами, день или ночь. Не знала и не хотела знать.

И все же душа Эльфтрит пребывала в покое. Монахини молились за нее. Свечи и ладан освещали маленькую келью, толстые стены отгораживали от мира, заключая ее в это каменное лоно. Здесь ей ничто не угрожало.

Вопреки ее протестам, сестра Вульфгифу сняла с Эльфтрит власяницу, которую бывшая королева носила с того дня, как вступила в аббатство, и которую не собиралась снимать до смерти. Заботливая сестра заменила власяницу мягкой рубашкой и теперь осторожно смачивала горячий лоб старухи прохладной, настоянной на травах водой.

Эльфтрит хотела поблагодарить сестру, но речь давалась ей с большим трудом. Она лежала уже десять дней, постепенно теряя силы. Сегодня ей даже не удалось выпить бульона, приготовленного Вульфгифу.

— Слышите? — ласково спросила монахиня. Каждый раз, глядя на нее, Эльфтрит удивлялась тому, как преобразилась застенчивая, робкая девушка, привезенная ею из Шафтсбери. — Сестры молятся за вас, аббатиса. Просят святых дать вам здоровье.

Святые? Святые, как Эдуард Мученик? Ужас охватил Эльфтрит. Вера божественна, духовенство же — только люди. Уэрвельское аббатство принадлежало ей, и денег хватило, чтобы купить место аббатисы, несмотря на то что постриг она приняла всего несколько недель назад. Все, что у нее оставалось, Эльфтрит вложила в аббатство, и даже сама омывала грязных,

завшивленных бедняков ухоженными и изнеженными монаршими руками. Она пробыла здесь только несколько месяцев, надеясь годами службы добиться прощения у Бога. А если этого окажется недостаточно?

— Вам холодно, аббатиса? Как же я не заметила! Позвольте, я положу еще одно одеяло и принесу свежей воды. Я сейчас вернусь.

Умирающая женщина едва повернула голову, провожая Вульфгифу взглядом. Внезапно она почувствовала, что не хочет оставаться в одиночестве. Эльфтрит закрыла глаза, вспоминая все свои поступки с того ужасного дня, когда призрак Эдуарда показал ей картины Ада. Искупила ли она свою вину?

— Знаешь, — раздался ровный, звучный голос, вселивший в нее ужас, — чтобы искупить вину, надо по-настоящему раскаяться.

Эльфтрит открыла глаза и хотела крикнуть, но не смогла. Губы не повиновались ей. Только веки.

Он сидел на только что оставленном сестрой Вульфгифу стуле и улыбался. Такой же красивый, каким она его помнила — золотистые волосы, безукоризненные черты, элегантное платье и улыбка. Улыбка херувима. И лишь злобный блеск голубых глаз выдавал его истинную суть.

Он поднялся и протянул ухоженную руку. Улыбка стала шире. Она увидела острые зубы.

— Полагаю, ваше величество, мы заключили сделку.

Деревня Гленнсид

19 марта 1000 года

Тинк-тинк. Клац-клац. Тинк. Ш-ш-ш…

Губы Кеннаг сложились в. улыбку. Молот Брана опускался и поднимался, а когда останавливался, из кузницы доносилось пение. Пение Брана напоминало воронье карканье, но Кеннаг все равно считала его самой сладкой на свете музыкой. Пение означало, что ее муж счастлив, доволен, спокоен. Так же как и она.

Медленно, словно извиняясь за непрошенное вторжение, падал тихий, мягкий снег. К ночи его покрывало укроет землю, приглушит все звуки, поможет им отгородиться от мира. Они будут любить друг друга у огня… Пусть падает снег.

Кеннаг вдруг вспомнился сон, который она видела в Гластонбери. Картина возникла перед ее внутренним взором,

живая и яркая. В том сне Кеннаг стояла там, где стояла сейчас, у этого дома, с большим животом, и до нее доносились удары молота из кузницы. Гластонбери-Тор был полон иллюзий. Но Второе Зрение, как всегда, не обмануло.

Кеннаг смахнула слезы радости и вернулась к тому, чем занималась. Она помешала отвар, принюхалась и добавила еще щепотку трав. Младшая дочь, Мораг, снова заболела, а отвар всегда ей помогал. Над кипящей водой поднимался чистый, свежий запах, и Кеннаг улыбнулась.

Дверь открылась, и вместе с холодным зимним воздухом в дом вошла мать. Снег лежал у нее на волосах и на маленьком свертке, который старуха принесла с собой.

— Ну и денек! Холодно!

— Не так уж и плохо после той небывалой жары и тьмы.

Кеннаг никому не рассказывала о том, что произошло с ней, и не собиралась этого делать. Хватит с нее и того, что было. Все прошло. Они с Браном вернулись, и ненависть в сердце растаяла, как кусок льда перед огнем.

— Где бы ты ни была, Кеннаг, ты стала еще мудрее, — заметила Майред. Усевшись на стуле поближе к печи, она раскутала ребенка и дала ему грудь. — Бран не желает рассказывать, как ему удалось бежать.

Женщина замолчала, оставив вопрос «Где вы были все это время?» при себе.

— Думаю, он и не расскажет, — ответила Кеннаг и перевела взгляд на крышу, с которой свисали пучки разнообразных растений.

Некоторые из них она никогда раньше не видела, но почему-то знала, как ими распорядиться. Ей не хотелось использовать их — это был подарок, появившийся в ту ночь, когда началось ее путешествие. В ту же ночь, по словам матери, у двери появилась прекрасная женщина с отрезом ткани, похожей на паутину, настолько тонким был узор. Завернутый в эту ткань Бетаг, братик Кеннаг, проспал три дня подряд, а когда проснулся, хвори как не бывало.

Приподнявшись на цыпочках, Кеннаг осторожно сорвала несколько листочков и размяла их пальцами. Уловив аромат, она едва не расплакалась.

В дверь постучали. Малыш вздрогнул и закричал, как и подобает ребенку. Пока Майред успокаивала его, Кеннаг подошла к двери.

Того, кто стоял у порога, она никак не ожидала увидеть. Отец Эдви! Снег падал на тонзуру и почти сразу таял. Отец Эдви появился во время отсутствия Кеннаг и заменил священника,

убитого викингами в ту страшную ночь. Кеннаг почти не разговаривала с ним. Рядом с непривычно строгим служителем стояла Цирда, держа за руку маленького Падрига. Мальчик был бледен и сильно дрожал.

— Отец Эдви? Чего вы хотите от меня? — прищурившись, спросила Кеннаг.

— Я пытался лечить мальчика несколько дней, но, похоже, ему не становится лучше. — Отец Эдви смущенно переступил с ноги на ногу. — Может, вы будете не против помочь?

— Конечно, я не против, — удивленно ответила Кеннаг. — Но церковь часто говорила, что скорее позволит ребенку умереть, чем попросит помощи у такой, как я.

Его и без того румяное лицо покраснело еще сильнее.

— Здесь я — церковь. И я знаю, что Бог любит своих детей и ему все равно, кто их исцелит.

Кеннаг улыбнулась и подумала об Элвине. Возможно, в конце концов, в христианском мире найдется место и для нее.

Аббатство святого Эйдана

Чесбери

10 марта 1000 года

Снег прекратился, и в окно библиотеки заглянуло солнце. Маленький белый котенок, Пангур Бан, довольно потянулся, почувствовав теплые лучи. Вообще-то животному здесь быть не полагалось, но Элвин проносил его тайком. Ему нравилось, когда рядом вертелся этот пушистый комочек. В ярком свете краски на недавно завершенном манускрипте оживились, стали еще приятнее. Утром ему принесли письмо, и теперь, переписав целую страницу, Элвин позволил себе прочесть его.

Он подышал на закоченевшие пальцы, взломал печать и неуклюже развернул лист.

Мой дорогой Элвин.

Известие о твоем благополучном возвращении наполняет меня радостью. Знаю, каким трудным было, должно быть, твое путешествие. Также рад сообщить, что я сам совершенно здоров.

Тот, кто так встревожил умы наши, ушел — куда, не знаю, но подозреваю. Колокола все еще звонят, отмечая возвращение солнца и луны. Люди, похоже, укрепились в вере, что и радует, и удивляет.

Наш Друг без помощи Той Персоны не знает, что и делать, а потому более чем когда-либо склонен прислушиваться к совету тех, кто мудрее и старше. Викинги, кажется, отступили, но боже, сколько же жизней потеряно в этой битве.

Молю, чтобы это послание нашло тебя здоровым и счастливым, мой друг. Хвала Господу, который избавил нас от тьмы, и всем тем, кто несет Его правду.

Подписи не было, только смешной оттиск лапы — печать волка. Даже сейчас Вульфстан не рисковал называть себя открыто.

Сложив письмо, Элвин отодвинул его в сторону и улыбнулся. Теперь, когда Анджело побежден, Этельред как никогда нуждается в советниках. Лучше Вульфстана ему никого не найти.

Он вспомнил совместное с Кеннаг путешествие и обратный путь. Валаам ждал его в условленном месте, бодрый и энергичный. Наверняка это постаралась Элона. Котенка нашли у аббатства, как будто он ждал их. Элвин убедил аббата Беда освободить старого осла от службы, и теперь Валаам отдыхал в сарае, жуя овес и сено.

Сам Беда показался ему поначалу другим, но потом Элвин понял кое-что, что глубоко тронуло его. Увечье Элвина не беспокоило аббата, его беспокоил стыд юного монаха. После возвращения Элвин уже не изнурял себя наказаниями и не думал, что когда-нибудь ему этого захочется.

Элвин взял свежее перо и обмакнул его в чернильницу. Время украсить текст.

Свет снаружи стал ярче. Озадаченный, Элвин посмотрел в окно. Искрящийся под солнцем снег чуть не ослепил его. Он прищурился, но это не помогло: свет становился все сильнее, а воздух в холодной комнате согрелся до летней температуры.

— Здравствуй, брат Элвин, — произнес хорошо знакомый голос.

Он обернулся, задев чернильницу сухой левой рукой. Яркое, ослепительное пятно закружилось перед ним, а когда Элвин открыл глаза, то даже не удивился, увидев одетого монахом Михаила.

Трепет охватил его.

— Михаил.

Его гость улыбнулся. Легкий взмах руки, и пятна от пролитых на страницу рукописи чернил как не бывало. Перо взлетело с пола и само опустилось в чернильницу. Маленький Пангур Бан вскочил, потянулся и замурлыкал, обнюхивая ноги Михаила.

— Как ты уже понял, у меня есть для тебя еще одно поручение, — признался Михаил. — Думаю, оно покажется тебе

куда приятнее. Если, конечно, ты согласишься.

Лгать Элвин не мог. Мысль о еще одном путешествии показалась ему слишком тяжелой. Но и отказаться он тоже не мог.

— Знаю, убегать бесполезно. Сделаю все, о чем попросите.

Михаил заложил руки за спину и прошелся по комнате.

— Повсюду на этом острове есть монахи, служащие Богу так же, как и ты, Элвин. Они делают тайные, удивительные дела, помогающие излечить этот истерзанный мир. И все это они совершают не где-то вдалеке, а здесь, в библиотеке.

— Не понимаю.

Михаил взял перо и свежий лист.

— Напиши следующие слова: «Снова пошел снег».

Сбитый с толку, Элвин написал то, что попросил Михаил. Едва он закончил последнее слово, как небо потемнело. Белые хлопья повалили оттуда, где еще недавно не было ни облачка.

— Теперь напиши вот это: «Олдермен Леофсиге убил Эфика, королевского магистрата, и король изгнал его». Когда закончишь, перечитай письмо Вульфстана.

Элвин облизал губы и начал писать. Рука дрожала так, что он не смог развернуть письмо. Михаил сделал это за него. Не веря своим глазам, монах увидел, что текст изменился. В одном отрывке ясно говорилось: «Его величество был предан олдерменом Леофсиге, который изменнически убил королевского магистрата Эфика. Отныне Леофсиге не смеет даже показаться на этой земле».

— То, что ты говоришь, случается. То, что я пишу, меняет мир. Меняет историю.

Михаил пожал руку Элвина. Пожатие архангела было теплым и человечным, хотя в нем ощущалось еще что-то. Пожалуй, уверенность. Она наполняла его через пальцы Михаила.

— Написанное тобой будет собрано и станет литературным трудом, который будет звучать тысячи лет. Будет то, что вы напишете. Ты напишешь отчет об этом буйном времени.

— Но зачем? — спросил Элвин. — Мы остались живы, конец света не наступил.

— Человечество не должно знать, как близко подошло оно к ложному Судному Дню. Слишком много смертей, слишком много ужаса. Если это все войдет в историю так, как есть, в несмягченной форме, то дух человечества будет сломлен. Все будет просто, когда наступит подлинный час. Никакого обмана. А пока, Элвин, пиши то, что станет правдой.

Элвину вспомнилось тело убитой девушки в деревне возле Андредесвельда.

— Бойни и кровопролития… — начал он, но Михаил перебил его:

— Есть вещи, которые не изменить. Это судьба. Человек должен делать ошибки, чтобы учиться на них, и ты не знаешь всего, что видит Отец Небесный. Это большая ответственность. Итак, ты согласен?

Котенок потерся о ногу Михаила и вернулся к — Элвину. На его маленькой мордочке Элвин видел мудрые глаза Ровены. Сердце вдруг наполнилось радостью. Он рассмеялся, сам не зная почему. Просто радость требовала выхода.

Он ничего не сказал. Элвин, простой монах монастыря святого Эйдана, всего лишь протянул свою единственную здоровую руку и поднял перо.

notes

Примечания

1

Скрипторий — помещение для переписи рукописей в средневековых монастырях. — Здесь и далее примеч. пер.

2

Корабли викингов, дракары, представляли собой усовершенствованные баркасы с изогнутым носом в виде головы дракона

З

дортуар — общая спальня

4

Далриада — Шотландия

5

Белтейн — Кельтский праздник костров, 1 мая старого стиля

6

Келпи — Злой водяной, заманивающий корабли и топящий людей (шотл. миф)

7

Михайлов день — 29 сентября

8

Глен (шотл.) — узкая горная долина